МАТЕРИАЛЫ и ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО
АРХЕОЛОГИИ СССР

5

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА

ACADÉMIE DES SCIENCES DE L'URSS
INSTITUT N. J. MARR D'HISTOIRE DE LA CULTURE MATÉRIELLE

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР

MATÉRIAUX ET RECHERCHES D'ARCHÉOLOGIE DE L'URSS

№ 5

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1941 · ЛЕНИНГРАД
ÉDITIONS DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES DE L'URSS
MOSCOU · 1941 · LENINGRAD

EB_1941_AKS_416

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР · № 5

MATÉRIAUX ET RECHERCHES D'ARCHÉOLOGIE DE L'URSS, № 5

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

К ИСТОРИИ ПЛЕМЕН ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ПЕРВОМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ Н. Э.

P. TRETJAKOV

CONTRIBUTION À L'HISTOIRE DES TRIBUS DE LA HAUTE VOLGA AU I MILLÉNAIRE

15/5

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1941 · ЛЕНИНГРАД
ÉDITIONS DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES DE L'URSS
MOSCOU · 1941 · LENINGRAD

Ответственный редактор
директор Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра
М. И. Артамонов

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	7
Глава I. Некоторые данные об истории Верхнего Поволжья до первого тысячелетия н. э.	11
Глава II. Верхнее Поволжье в начале первого тысячелетия н. э.	32
Глава III. Поселение IV—V столетий на р. Сонохте	51
Глава IV. Верхнее Поволжье в середине и второй половине первого тысячелетия н. э.	69
Глава V. Некоторые данные о населении бассейна озер Неро и Плещеево в середине и второй половине первого тысячелетия н. э.	90

Приложения

I. Городище у с. Городища	101
II. Городище у с. Городок	101
III. Селище у Владимирских хуторов на р. Мологе	107
IV. Городище Круглецы у с. Охотино	108
V. Городище в устье Грехова ручья	108
VI. Городище в устье р. Сонохты	113
VII. Селище у с. Устье	140
VIII. Селище у дер. Килино	142
Резюме	145

SOMMAIRE

	Page
Introduction	7
Chapitre I. Quelques données sur l'histoire du pays de la Haute Volga avant le 1-er millénaire de notre ère	11
Chapitre II. La région de la Haute Volga au début du 1-er millénaire de notre ère	32
Chapitre III. Un gorodistché du IV—V siècle sur la rivière Sonochta	51
Chapitre IV. La région de la Haute Volga au milieu et dans la seconde moitié du 1-er millénaire de notre ère	69
Chapitre V. Quelques données sur la population de la région des lacs Nero et Pleščeevo au milieu et dans la seconde moitié du 1-er millénaire	90

Matériaux

I. Le gorodistché près du village de Gorodišče	101
II. Le gorodistsché près du village de Gorodok	104
III. Le sélistché près de Vladimirskie Chutora sur la Mologa	107
IV. Le gorodistché Kruglecy près du village d'Ochotin	108
V. Le gorodistché à l'embouchure du ruisseau Grechov	108
VI. Le gorodistché à l'embouchure de la Sonochta	113
VII. Le sélistché près du village d'Ustje	140
VIII, Le sélistché près du village de Kilino	142
Résumé	145

ВВЕДЕНИЕ

1

Первое тысячелетие н. э. представляет собой эпоху, освещение которой чрезвычайно важно для понимания путей исторического развития на территории Восточной Европы. В эту эпоху первобытный общественный строй доживал здесь свои последние столетия, в эту эпоху складывались основы классового общества, в эту эпоху, наконец, происходили резкие сдвиги в этногоническом процессе, приведшие в дальнейшем к формированию народов, населяющих эту территорию в настоящее время. История этой эпохи является, таким образом, своего рода введением в историю последующих столетий, в историю дофеодального и феодального периодов.

В наиболее сложных и многообразных формах протекала в эти столетия историческая жизнь в южных областях, связанных с Причерноморьем. Здесь нашли яркое отражение и рабовладельческие цивилизации Средиземноморья и движения кочевников степных пространств Азии и Европы. Пульс исторической жизни бился на юге не только учащенно, но и крайне неравномерно.

Значительно спокойнее и ровнее протекала жизнь населения лесных пространств. В отличие от южных областей, историческая обстановка была здесь несравненно проще. Население лесного севера жило своей собственной жизнью, лишенной резких перемен и сложных исторических переплетений. Так продолжалось здесь вплоть до IX—X столетий н. э., когда начал складываться на севере новый общественный строй и когда, сразу с нескольких сторон, была окончательно нарушена былая изолированность лесного севера.

В отличие от областей северного Причерноморья, население которых было известно античному миру и получило тогда же то или иное освещение в литературе, территория лесов Восточной Европы оставалась вне поля зрения древних авторов. Для этой территории археологические памятники играют роль основного исторического источника.

Одной из наименее освещенных эпох на территории Восточной Европы оставалось вплоть до последних лет время первого тысячелетия н. э., памятники которого привлекали к себе значительно меньшее внимание археологов, чем могильники эпохи бронзы, скифские древности или курганы начала второго тысячелетия н. э., связанные с древнейшими периодами истории Руси. Объяснение этому явлению следует искать прежде всего в общих исторических концепциях недавнего прошлого, по которым в конце первого тысячелетия н. э. в составе населения Восточной Европы произошли крупные изменения, выразившиеся в приходе с юго-запада славянских племен, оттеснивших на восток старое местное население. Поэтому русские археологи, интересы которых были связаны с древнейшими эпохами собственно русской истории, знали материальные остатки своих предков, лишь начиная с IX—X столетий н. э., мало интересуясь более древними памятниками. В стороне оставались также памятники прошлого других народов — народов Севера, Поволжья, Прикамья. Исключение составили, пожалуй, лишь камские и окские могильники первого тысячелетия н. э., привлекавшие к себе внимание главным образом местных работников благодаря исключительному богатству и разнообразию их инвентаря.

Нельзя не обратить внимания на тот любопытный факт, что памятниками летописных племен — кривичей, вятичей, радимичей — русские археологи считали древности XI—XII и даже XIII—XIV столетий, нимало не смущаясь тем обстоятельством, что по данным летописи племенных образований в эту эпоху уже не существовало. Как показала развернувшаяся по этим вопросам полемика, горячие защитники прямой увязки древностей XI—XIV столетий с племенами «Повести временных лет» имеются и сейчас.[1]

2

Публикуемое ниже исследование по истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. и те материалы, на которых оно в значительной степени основывается, является одним из результатов больших археологических разысканий, произведенных в Верхнем

---

[1] П. Н. Третьяков. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. Сов. археология, № 4. — А. В. Арциховский. В защиту летописей и курганов. Там же.

Поволжье в течение последних лет в связи с развернувшимися здесь работами по строительству верхневолжских гидроэлектростанций и гидротехнических сооружений.

В 1933 г. в связи с начавшимися тогда строительными работами Академией истории материальной культуры им. Н. Я. Марра были начаты большие археологические исследования в зоне строительства гидроэлектростанций, а также в районах будущего затопления. Работы носили преимущественно обследовательский характер. Было произведено изучение берегов Волги на протяжении около 350 км, начиная от с. Скнятина в устье р. Нерли, в 40 км выше г. Калязина, и кончая с. Норским, находящимся в 12 км выше г. Ярославля. Изучению подверглись берега волжских притоков, таких, как Черемха, впадающая в Волгу у Рыбинска, Колокша, Едома, Пундорохть, Урдома, Ить, и многих других; далее обследованы берега рек Мологи и Шексны на протяжении более чем 100 км вверх от устья, берега их притоков: Сити, Кудашь, Ламы, Яны, Ухры, Согожи, Конгуры, Маткамы и других, и, наконец, огромные участки Молого-Шекснинского междуречья. В результате этих работ было зарегистрировано и подвергнуто предварительному изучению около 200 памятников различного характера, относящихся к разным эпохам, начиная от неолита и кончая периодом раннего средневековья. Некоторые из этих памятников тогда же, в 1933 г., были исследованы посредством раскопок, а именно, были осуществлены небольшие раскопки: трех неолитических стоянок на р. Шексне (около с. Ягорбы, дер. Воятицы и дер. Борочек), селища III—V столетий на Волге в устье р. Попадьинки у дома отдыха Красный Холм, селища V—VII столетий у с. Устья в устье р. Ить и трех курганных могильников XI—XIII столетий около с. Воздвиженье на Волге, около г. Тутаева и у дер. Себельской на р. Себле — притоке р. Мологи. Результаты всех этих работ опубликованы в первом томе «Археологических работ Академии на новостройках в 1932—1933 гг.» [1] Помимо автора этой книги, в этих работах принимали участие О. Н. Бадер, М. В. Воеводский, А. В. Збруева, С. Н. Рейпольский, Н. Н. Чернягин и А. В. Шмидт.

Работы последующих лет имели своей задачей углубленное изучение ряда памятников, открытых в 1933 г. и лежащих непосредственно в зоне строительств, либо, в полосе затопления. Считая с раскопками 1933 г., всего по 1937 г. было подвергнуто изучению 26 памятников, а именно — 8 неолитических стоянок, 9 городищ первого тысячелетия до н. э. и первого тысячелетия н. э., 5 селищ этого же времени и 4 курганных могильника XI—XII столетий.

В 1934 г. работы были сосредоточены в районе с. Норского выше г. Ярославля. Там были произведены раскопки 15 курганов XI—XII столетий, составлявших часть обширного могильника, находящегося около с. Воздвиженья на левом берегу Волги, где в 1933 г. был раскопан 1 курган. Далее произведены раскопки остатков селища около р. Ить у с. Устья, небольшие раскопки которого также были предприняты в 1933 г.[1] Этот памятник, к сожалению почти уничтоженный Волгой, имел два культурных слоя: нижний верхнеолитический и верхний V—VIII столетий н. э. Наконец, в 1934 г. была вскрыта половина площади городища IV—V столетий, находящегося на правом берегу Волги в устье р. Сонохты у дер. Березняки, в 20 км ниже г. Рыбинска. Городище это является наиболее интересным памятником среди всех других исследованных в 1933—1937 гг. В первый год работ на нем была вскрыта площадь, равная 1080 кв. м. В 1935 г. работы на городище были продолжены и завершены, причем опять-таки была вскрыта площадь, превышающая 1000 кв. м. В этом же районе в 1935 г. были продолжены раскопки селища III—V столетий на левом берегу Волги (у дома отдыха Красный Холм), изучение которого было начато в 1933 г.

Помимо этих работ, в 1935 г. были начаты раскопки ряда памятников, находящихся выше по Волге, в районе Углича и Калязина. Около Углича, у с. Золоторучья, на правом берегу Волги произведены раскопки поздненеолитической стоянки. Около дер. Новоселки, в 7 км выше Углича, были целиком исследованы остатки городища первых веков н. э. Около Калязина у с. Городища были начаты раскопки одного из древнейших городищ Верхнего Поволжья. Наконец, у дер. Митино в устье р. Куксы, впадающей в Волгу, справа в 20 км ниже Калязина, были подвергнуты раскопкам остатки сложного памятника, состоящего из культурного слоя с остатками поздненеолитического времени и разрушенного длинного кургана IX—X столетий н. э.

В 1936 г. работы протекали в двух районах: на р. Мологе в области слияния ее с р. Яной, где производились раскопки двух неолитических стоянок и селища первых веков н. э., и на Волге в районе Рыбинского железнодорожного моста и г. Мышкина. Здесь были раскопаны остатки двух городищ: одного, очень раннего, — у с. Городок на правом берегу Волги и другого, относящегося к первым векам н. э., — в местности Круглецы, около с. Охотина, также на правом берегу Волги. Наконец, были произведены раскопки селища VII—VIII столетий на правом берегу Волги около дер. Килино.

---

[1] Изв. Гос. Акад. истории матер. культуры, вып. 109, 1935, стр. 100—165.

[1] Там же, стр. 111—112.

В 1937 г. археологические работы велись преимущественно в районе устьев рек Медведицы и Нерли Волжской. Там были произведены небольшие раскопки на 4 городищах, относящихся к первому тысячелетию до н. э. и к первым векам н. э. Два из них расположены в низовьях р. Нерли в районе дер. Скнятино, два других — на левом берегу Волги у дер. Селище и Старое Городище. В полной мере материал этих раскопок здесь не мог быть использован, так как его исследование еще не закончено. Также не закончена обработка материалов из раскопок 1937 г., произведенных на городище у с. Городища около г. Калязина, исследование которого было начато в 1935 г. Помимо городищ, в 1937 г. исследованы эпипалеолитические местонахождения в районе устья Нерли и частично раскопаны курганный могильник в устье Грехова ручья в районе г. Углича и селище первых веков н. э., расположенное в этом же районе около с. Деревеньки.

Помимо раскопочных работ, в 1934—1937 гг. осуществлялось и обследование некоторых примыкающих к Волге районов, в результате чего обнаружено еще несколько памятников. Работы 1934—1937 гг. производились автором этой книги при постоянном участии С. Н. Рейпольского.

В 1932—1934 гг. были предприняты большие археологические работы в зоне строительства канала Москва—Волга, которые охватили участок берегов Волги от г. Калинина до устья р. Дубны. Результаты этих работ еще не опубликованы, если не считать краткого отчета за 1932—1933 гг., помещенного в первом томе «Археологических работ Академии на новостройках в 1932—1933 гг.» [1]

В 1929—1930 гг. в этом же районе археологические работы проводил Антропологический институт МГУ. Результаты этих работ также еще не появились в печати.[2]

3

В результате указанных работ выявлен огромный фактический материал, по своему объему во много раз превышающий все то, что было получено в этом районе археологическими исследованиями всех предыдущих лет, т. е. работами нескольких десятилетий. Исключительно богатым оказался материал, отражающий эпоху первого тысячелетия до н. э. и первого тысячелетия н. э. Известные данные получены о периодах более древних. Менее всего материал освещает эпоху второго тысячелетия н. э., главным образом потому, что памятники этого периода, лежащие в основном высоко над водой, вне зоны затопления гидроэлектростанций, не подвергались углубленному изучению путем раскопок.

Памятники первого тысячелетия н. э., представленные в этом районе в числе нескольких десятков, позволяют проследить изменение культуры, экономики и общественного строя древнего населения Верхнего Поволжья буквально из столетия в столетие и проследить не в общих чертах, а совершенно конкретно, со многими мелкими деталями. Изучение этого материала в настоящее время только лишь начинается; его всестороннее глубокое освещение потребует несомненно значительного времени и ряда дополнительных полевых исследований. Изложенное ниже рассматривается автором как результаты завершения первого этапа работы над собранным материалом, как первые итоги, но итоги несомненно весьма значительные, так как контуры исторического процесса, протекавшего в Верхнем Поволжье в течение первого тысячелетия н. э., вырисовываются уже вполне отчетливо и определенно.

На ряду с этим необходимо отметить и некоторые существенные обстоятельства, не позволившие автору на первом этапе работы дать более конкретное историческое исследование. Положенный в основу исследования материал был получен не в порядке выполнения определенного исследовательского плана, а в результате изучения памятников, находящихся в зоне строительства и затопления будущих верхневолжских гидроэлектростанций. Выбор объектов изучения определялся, таким образом, не запросами научного исследования, а соображениями совершенно иного рода. Не менее существенно и то, что, развертывая определенную историческую перспективу, намечая конкретные пути общественного развития в эпоху разрушения родового строя, автор не располагал материалом, характеризующим период полного завершения этого процесса, т. е. материалом, отражающим дофеодальный период в истории населения данного района. Это объясняется опять-таки характером полевых работ, о чем уже говорилось выше.

Последнее, что необходимо особо отметить, это крайне недостаточная изученность памятников этой эпохи не только смежных, но и более отдаленных районов. Древности Верхнего Поднепровья, широко изучаемые сейчас Белорусской Академией Наук, раскрыты еще не настолько, чтобы служить источником для решения широких исторических проблем. То же самое следует сказать о памятниках верховьев р. Оки. Древности эпохи первого тысячелетия н. э. районов, лежащих на север и восток от Верхнего Поволжья, совершенно не изучены и почти не известны. Единственная область, история населения которой в основных контурах может быть восстановлена, это западное Приволжье, в первую очередь среднее и юж-

[1] Изв. Гос. Акад. истории матер. культуры, вып. 109, 1935, стр. 28—65.

[2] О. Н. Бадер. Работы Верхневолжской экспедиции. Сообщения Гос. Акад. истории матер. культуры, 1932, № 3—4.

ное течение р. Оки, где известно огромное количество могильников первого тысячелетия н. э. Их исследование, проводимое с применением точной методики, было начато П. П. Ефименко в 1924—1926 гг.[1] и дает прекрасный материал для решения конкретных исторических вопросов. Дальнейшие работы в этом направлении, о результатах которых можно судить пока что лишь по кратким сообщениям,[2] несомненно приведут к блестящим результатам.

Слабая изученность памятников первого тысячелетия н. э. на территории Восточной Европы не могла не отразиться на глубине настоящего исследования.

Совершенно очевидно, что для освещения эпохи первого тысячелетия н. э., когда жизнь людей уже не замыкалась в своих старых родовых и племенных рамках, нельзя изучать историю населения какого-либо одного района, одной области, вне связи с общей историей страны. И не вина автора в том, что он вынужден был изучать исторический процесс в Верхнем Поволжье в значительной степени изолированно от истории населения окружающих областей.

[1] П. П. Ефименко. Рязанские могильники. Матер. по этнографии, т. III, вып. 1, 1926.

[2] Он же. К истории Западного Приволжья в первом тысячелетии н. э. Сов. археология, № 2, 1937.

Глава I

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ ОБ ИСТОРИИ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ДО ПЕРВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.

I

Река Волга в своем верхнем течении — одна из самых молодых рек Восточной Европы. Как показали последние исследования Г. Ф. Мирчинка, основанные на огромном фактическом материале, современное русло Волги окончательно сформировалось здесь лишь в конце вюрмского времени, причем его направление не совпало с той гидрографической сетью, которая существовала в этой области в доледниковое и ледниковое время.[1]

Спускаясь с высот Валдайского водораздела, ниже Калинина, Волга пересекает древнее доледниковое углубление, включающее в свои границы в настоящее время долину Тверцы, долину Шоши и группу Оршинских болот. Далее это углубление определяется долинами рек Дубны и Нерли Волжской и прослеживается по долине Нерли Клязьминской до р. Клязьмы. Эта древняя западина представляет собою, как предполагает Г. Ф. Мирчинк, остатки долины большой доледниковой реки, имеющей свой источник на Валдайских высотах. Условно эту реку можно назвать пра-Нерлью. Поворачивая далее на север и прорезая широкую область моренных нагромождений, лежащих на доледниковом водоразделе, Волга вступает в огромную Молого-Шекснинскую впадину, являющуюся остатком большого озера эпохи вюрмского оледенения, а в доледниковое время долиной реки или системы рек, текущих с юга на север. Морены ледника замкнули эту долину с севера, в результате чего и образовалось здесь озеро, прорвавшееся впоследствии, в эпоху отступания ледника в юго-восточном направлении, в область долины р. Камы, одним из северных притоков которой была в ту эпоху пра-Унжа. Остается неясным вопрос о третьей обширной западине, которую пересекает Волга в своем верхнем течении, а именно — о широкой низине, лежащей между Ярославлем и Костромой, в междуречье Волги и ее притока р. Костромы. Во всяком случае ее древний ледниковый возраст не вызывает никаких сомнений.

Таким образом, Верхняя Волга возникла в эпоху отступания ледника, в результате стока вод, скопившихся в обширных западинах, окруженных моренными образованиями. Пробив себе путь в моренных грядах, Волга увлекла воды на юго-восток к бассейну р. Камы и этим самым положила начало созданию современного ландшафта этой страны.

Разрешение вопросов, связанных с проблемой заселения человеком севера Восточной Европы, в частности и Верхнего Поволжья, в настоящее время упирается в недостаток фактических данных. Здесь эти вопросы затрагивать нецелесообразно. Следует лишь указать, что население могло появиться на севере Восточной Европы только в послеледниковое время. В области же Верхнего Поволжья люди смогли поселиться несомненно лишь в эпоху, следующую за формированием современного ландшафта.

В районе пересечения Волгой долины древней пра-Нерли известны два местонахождения каменных орудий, возраст которых является очень древним. Одно из них расположено вблизи дер. Соболево на Волге, а другое — в низовьях Нерли у дер. Скнятино. Найденные там каменные орудия близки по характеру остаткам эпипалеолитического возраста. Их исследование, однако, еще не закончено.

В суббореальный климатический период,[1] абсолютные даты которого проблематично

---

[1] Г. Ф. Мирчинк. Четвертичная история долины р. Волги выше Мологи. Тр. Комиссии по изучению четвертичного периода, т. IV, вып. 2, 1935.

[1] В настоящее время ряд исследователей приходит к выводу, что распространенная сейчас схема климатических колебаний не является целиком правильной. На территории средней полосы Европы, в частности, не прослеживается второго засушливого периода — суббореального. В III и II тысячелетиях до н. э. там был повидимому, не сухой, а увлажненный климат. (K. Bertsch. Klima. Pflanzendecke und Besiedlung Mitteleuropas der pollenanalytischen Forschung. Deutsches Archäologisches Institut, Römisch-Germanische Kommission, Achtzehnter Bericht, 1928, Frankfurt am Main, 1929. — T. Salimirski. Klimate and Population. Torun, 1935. — Г. Э. Гроссет. О пограничном горизонте пойм, как о новом доказательстве существования суббореального ксеротермического периода. Землеведение, т. XXXIX, вып. 2, 1937.) Это указывает однако, повидимому, не на ошибочность общепринятой схемы климатических колебаний, а на то, что она не может быть распро-

определяются как третье и частично второе тысячелетия до н. э., северная половина Восточной Европы была уже довольно густо заселена. К этому времени относятся многочисленные остатки неолитических поселений. Верхнее Поволжье, составляющее центральную часть всей этой территории, не являлось исключением, и культурные остатки неолитического возраста известны здесь в большом количестве. Некоторые из них подвергались исследованию путем археологических раскопок.[1]

Контуры исторического процесса, протекавшего в Верхнем Поволжье в неолитическую эпоху, еще только начинают намечаться. Число исследованных памятников пока что очень невелико, причем подавляющее их большинство раскопано за последние годы и добытые материалы еще далеко не изучены. Однако ясно, что в этой отдаленной эпохе покоятся корни многих явлений, возникающих на пути дальнейшей истории населения Верхнего Поволжья. Поэтому, не останавливаясь здесь на всестороннем освещении неолитических материалов, все же необходимо обратить внимание на некоторые их стороны, представляющие интерес для понимания дальнейших этапов исторического процесса.

Холмистая равнина северо-восточной Европы, занятая в суббореальное время смешанными лесами, была заселена в ту эпоху далеко неравномерно. Густо населенные местности чередовались с огромными незаселенными пространствами протяжением в десятки и сотни километров. Незаселенными оставались не только водоразделы, занятые лесами, но и берега крупных рек в областях высокого рельефа. Свои поселения люди основывали преимущественно в низменных местах, богатых водой, озерами, реками, болотами. В эпоху засушливого суббореального климата в этих местах сосредоточивался и животный мир: лоси, кабаны, бобры, дикая птица. Эти же места наиболее соответствовали запросам рыболовства — основного вида хозяйственной деятельности у населения севера Восточной Европы в неолитическую эпоху.

В Верхнем Поволжье местами сосредоточения населения являлись в ту эпоху главным образом области старых доледниковых низменностей, о которых говорилось выше, а также берега больших озер этой страны, лежавших на периферии указанных низменностей, таких, как Плещеево, Неро, Галичское, Чухломское (рис. 1). В области первой верхневолжской низменности, там, где русло Волги пересекает долину доледниковой пра-Нерли, известно несколько неолитических поселений, среди которых выделяется группа древнейших памятников этого рода: Льяловская стоянка, стоянка у с. Языкова и стоянка у с. Никола-Перевоз. В области Молого-Шекснинской низины также имеется ряд древних неолитических местонахождений, открытых и частично исследованных в 1933—1936 гг. Наконец, в области Костромской низменности сосредоточено несколько исключительно богатых неолитических стоянок, из которых некоторые также примыкают к древнейшим памятникам этого рода.

Если выйти за пределы Верхнего Поволжья и попытаться набросать более широкую картину населенных областей эпохи неолита, то на юго-востоке, в низовьях Оки и Клязьмы, располагалась тогда одна из наиболее населенных местностей, так же как и верхневолжские, окруженная обширными незаселенными пространствами. На северо-западе, в районе Бологое и Вышнего Волочка, начиналось другое густо заселенное пространство, обнимающее собой, повидимому, всю обширную область послеледниковых озер, простирающуюся отсюда на север вплоть до Карелии, область, почти не изученную в отношении неолита, за исключением некоторых пунктов.

Однообразие неолитических памятников с ямочно-гребенчатой керамикой, обнимающих весь север Восточной Европы, в значительной мере является кажущимся, основанным на общем, суммарном подходе к материалу. Если же обратиться к детальной характеристике памятников, то сразу станет ясным, что население каждой из перечисленных выше населенных местностей имело свои локальные особенности, отражающиеся и в керамике и в кремневых и каменных изделиях и, наконец, в формах жилища. Эти локальные особенности, выявляющиеся на материалах неолитических памятников, видоизменяясь в различных направлениях, присущи и более поздним памятникам, относящимся уже к эпохе металла. В эту эпоху, как мы увидим ниже, население овладевшее скотоводством и земледелием, уже выходит далеко за пределы низменностей, занимая берега рек и озер в области возвышенного ландшафта. Но некоторые свои древние особенности оно все же сохраняло, что дает возможность подходить к разрешению вопросов генетического порядка для древнейшей эпохи.

2

Наиболее ранним из всех исследованных в Верхнем Поволжье неолитических памятников является известная Льяловская стоянка,[1]

странена на всю Европу, отражая историю климата лишь в северных и восточных ее областях. Что касается севера Восточной Европы, в частности и территории Верхнего Поволжья, то наличие там в эпоху неолита второго засушливого климатического периода является, повидимому, бесспорным.

[1] П. Н. Третьяков. К истории доклассового общества Верхнего Поволжья. Изв. Гос. Акад. истории матер. культуры, вып. 106, 1935.

[1] Б. С. Жуков. Неолитическая стоянка вблизи с. Льялова. Тр. Антропол. инст. I МГУ. (Прилож. к «Русск. антропол. журналу», т. XIV, вып. 1—2, М., 1925.)

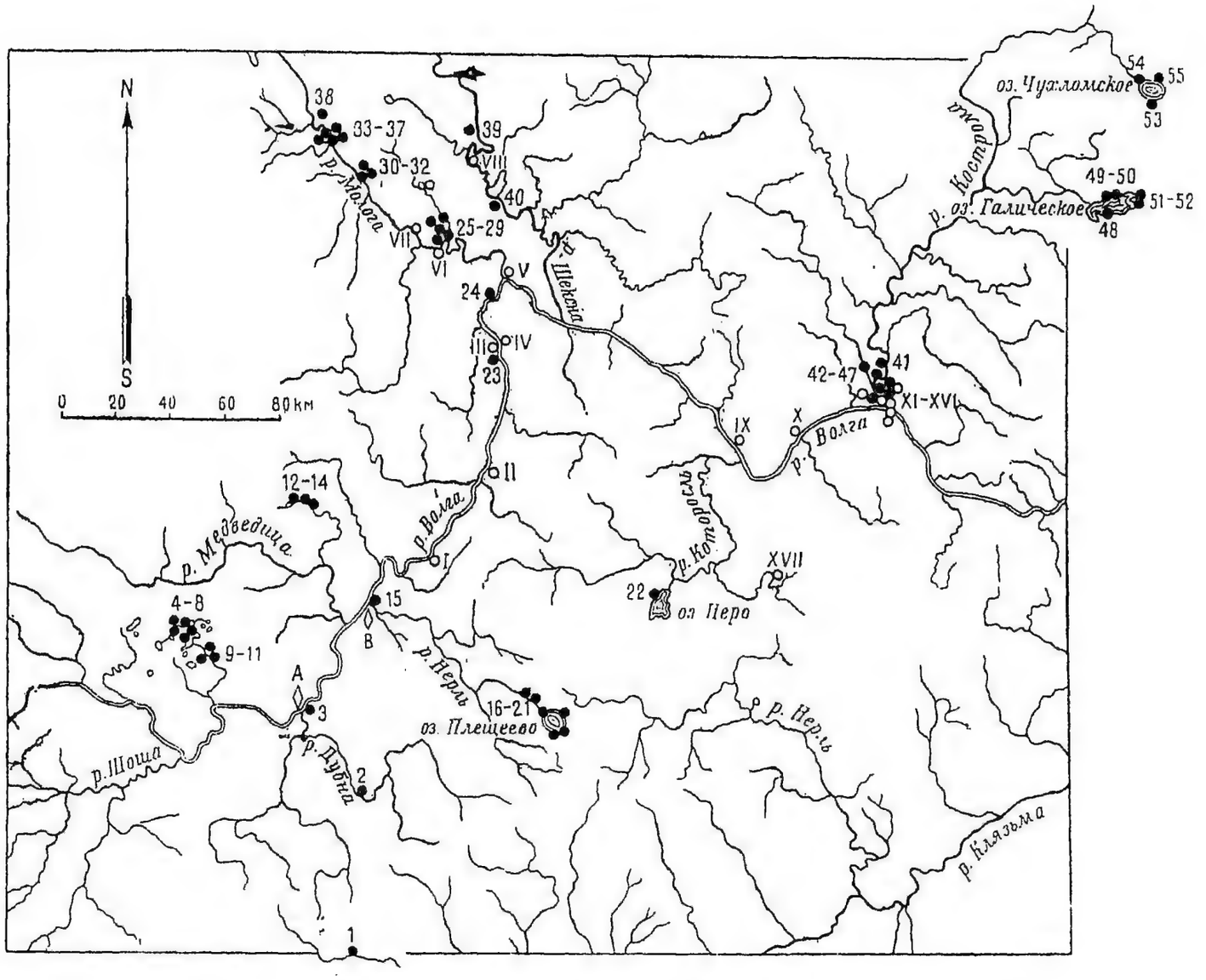


Рис. 1. Карта местоположения древнейших поселений в Верхнем Поволжье.

● — Стоянки эпохи неолита и бронзы:

1 — Льяловская стоянка на р. Клязьме; *2* — стоянка у с. Никола-Перевоз на р. Дубне; *3* — стоянка у д. Прислон на р. Волге; *4—8* — стоянки на Петровских озерах; *9—11* — стоянки у с. Спас - на Сози на р. Сози; *12—14* — стоянки у с. Языково на р. Яхроме; *15* — стоянка у д. Басово; *16—21* — стоянки на оз. Плещеево и Сомино; *22* — Уницкая стоянка на оз. Неро; *23* — стоянка у д. Чернышево; *24* — стоянка у с. Шумарово; *25—29* — стоянки в устье р. Яны на р. Мологе; *30—32* — стоянки у Ламского переката на р. Мологе; *33—37* — стоянки на оз. Глинском на р. Мологе; *38* — стоянки в устье р. Егницы на р. Мологе; *39* — стоянка у с. Ягорбы на р. Шексне; *40* — стоянка у д. Воятицы на р. Шексне; *41* — место находки каменных мотыг у с. Куликова на р. Костроме; *42—47* — стоянки в низовьях р. Костромы; *48* — стоянка у с. Фрола-и-Лавра на Галичском озере; *49—50* — стоянки Пески у с. Туровского на Галичском озере; *51—52* — стоянки в устье р. Середней на Галичском озере; *53* — стоянка в устье р. Юг на Чухломском озере; *54* — стоянка у д. Федоровское на Чухломском озере; *55* — стоянка в устьи р. Святицы на Чухломском озере.

○ — Стоянки начала первого тысячелетия до н. э.:

I — стоянка в устье р. Куксы на р. Волге; *II* — стоянка у с. Золоторучье на р. Волге; *III* — стоянка у д. Заладье на р. Волге; *IV* — стоянка у с. Коприно на р. Волге; *V* — стоянка у д. Бутырки в устье р. Мологи; *VI* — стоянка в устье р. Кудашь на р. Мологе; *VII* — стоянка у д. Илец на р. Мологе; *VIII* — стоянка у д. Борочек на р. Шексне; *IX* — стоянка в устье р. Ить, у с. Устье на р. Волге; *X* — стоянка у д. Ворокса на р. Волге; *XI—XVI* — стоянки в районе г. Костромы на рр. Волге и Костроме; *XVII*—стоянка на р. Лахости.

◇ — Эпипалеолитические стоянки:

A — местонахождение у д. Соболево; *B*—местонахождение у д. Скнятино.

расположенная в верховьях р. Клязьмы, следовательно, в области низины, образовавшейся на месте долины доледниковой р. пра-Нерли. Культурные отложения стоянки, исследованные при участии палеоботаников и других специалистов-естественников, с полным основанием могут быть отнесены к концу атлантического климатического периода, когда леса верховьев Клязьмы состояли из дуба, ольхи, березы, ели, т. е. имели характер смешанных с преобладанием лиственных пород. Другие такие же древние памятники пока не известны, за исключением верхневолжских «макролитов» — грубых каменных орудий, близких североевропейским ранненеолитическим, — обнаруженных в некоторых пунктах около Ржева и Старицы. Однако геологические условия их залегания и другие сопровождающие их культурные остатки не известны, и в силу этого обстоятельства верхневолжские «макролиты» представляют собою далеко не полноценный, а в некоторых отношениях даже сомнительный научный материал.

Помимо отсутствия среди культурных остатков Льяловской стоянки каменных полированных орудий и наличия грубых орудий из кремня, в том числе орудий типа *pic*, инвентарь стоянки совпадает с материалами других более поздних неолитических стоянок. Льялово дает ту же ямочно-гребенчатую керамику — большие сосуды с яйцевидным дном, те же кремневые наконечники стрел и костяные гарпуны, наконец, тот же ассортимент охотничьей добычи (лось, кабан, бобр, водяные птицы). Огромные скопления раковин моллюсков *Unio*, встреченные в культурном слое Льяловской стоянки, также нередки в других более поздних неолитических местонахождениях. Однако это несомненно черта весьма древняя. Таким образом, при наличии некоторых древних черт Льяловская стоянка не выпадает из ряда других неолитических памятников, и генетическая связь ее с ними является совершенно бесспорной.

Неолитические стоянки в области первой Верхневолжской низины обнаружены еще у с. Никола-Перевоз на р. Дубне, у дер. Языково на р. Яхроме — притоке р. Медведицы (3 стоянки) и на побережье Петровских озер в области Оршинских болот у дер. Заречье, у с. Петровского, у дер. Остров, у с. Спас-на-Сози [1] (рис. 1). Несомненно, что в этом районе имеется еще ряд стоянок, пока не известных.

Археологические раскопки были здесь произведены лишь в двух пунктах: на торфянниковой стоянке у дер. Языково и на стоянке у с. Никола-Перевоз.[2] Культурные наслоения дали характерный неолитический инвентарь. Их особенностью, не повторяющейся более нигде, является наличие в нижних горизонтах культурного слоя особой керамики, отличной от ямочно-гребенчатой, покрытой нарезным узором из прямых линий. На Языковской стоянке обнаружен также неолитический могильник с захоронениями в вытянутом положении.[1]

На материале неолитических памятников первой Верхневолжской низины ярко выявляются некоторые черты, общие для памятников всех других районов. Прежде всего бросается в глаза, что древние поселения располагались не по берегам больших рек — ни по Волге, ни по Медведице, — а по маленьким рекам и по берегам озер. Это обстоятельство в свете данных этнографии находит себе исчерпывающее объяснение в тех способах ловли рыбы, в том техническом вооружении рыболовства, которые имелись у населения эпохи неолита. Рыба ловилась путем сооружения заколов и с помощью сетей. Масштабы того и другого приемов ловли в условиях неолитической техники были естественно невелики, и крупные реки еще не были освоены для рыболовства.

Далее необходимо указать на очень миниатюрные размеры поселений эпохи неолита. 1000—2000 кв. м, максимально 3000 кв. м, — вот обычные размеры площади распространения культурных остатков. Нередки стоянки площадью 500—600 и даже 300 кв. м. Опять-таки, опираясь на этнографические данные, находим, что в условиях примитивного рыболовства, протекавшего на маленьких речках, большие группы населения обитать в одном пункте не могли, так как в целях получения необходимого для своего пропитания количества рыбы им пришлось бы значительно расширить район своего промысла, а это неизбежно влекло за собою распадение поселка на части.

В области Молого-Шекснинской низины известно 17 местонахождений неолитических стоянок, большинство из которых обнаружено по берегам р. Мологи и ее притоков [2] (рис. 1). Наиболее ранними здесь являются стоянки у дер. Воятицы на р. Шексне, на р. Яне вблизи ее впадения в Мологу, на старице Мологи в устье р. Нуги и на р. Исть, также, повидимому, старице р. Мологи. Последние три стоянки образуют компактную группу, к которой, возможно, относятся еще две стоянки в низовьях р. Яны у деревень Сенцы и Нентино.

---

[1] Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг. Изв. Гос. Акад. истории матер. культуры, вып. 109, 1935, стр. 43—44.

[2] Б. С. Жуков. Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур. Этнография, 1929, № 1.

[1] Он же. Происхождение человека. Госиздат, 1931, стр. 204—205. — О. Н. Бадер. Археологические работы у дер. Языково. Антропол. журнал, 1936, № 2.

[2] Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг. Изв. Гос. Акад. истории матер. культуры, вып. 109, 1935, стр. 103, 120—132, 140—142. Некоторые из перечисленных памятников, в частности стоянка на устье р. Яны, были исследованы автором в 1936 г.

Однако их культурные отложения, очень бедные содержанием, совершенно уничтожены распашкой, и поэтому их характер не может быть точно установлен.

Здесь мы сталкиваемся еще с одной чертой, присущей поселениям неолитической эпохи, которая выявляется повсеместно там, где исследования были произведены с исчерпывающей полнотой. Речь идет о группировке неолитических поселений, отражающей несомненно конкретные черты социальной структуры той эпохи. Повидимому, поселения, составлявшие одну такую компактную группу, принадлежали одному роду. Этнографические материалы, рисующие эпоху, предшествующую делокализации родовых групп, вполне подтверждают это предположение. Группа памятников на Петровских озерах, о которой речь шла выше, также, вероятно, составляет остатки поселений одного рода. Такую же группировку мы встретим и в области Костромской низины. В низовьях р. Оки группировка неолитических памятников также выявляется с достаточной полнотой.[1]

Среди памятников, расположенных в низовьях р. Мологи, наиболее интересной является исследованная в 1936 г. стоянка у устья р. Яны. Она расположена среди поймы Мологи на краю берега р. Яны на высоте 3 м над уровнем воды. Интересно, что все другие синхроничные стоянки Молого-Шекснинской низины также расположены низко над водой. Это лишний раз подтверждает то обстоятельство, что эпоха этих поселений по своим климатическим особенностям значительно отличалась от современной. В суббореальное время люди устраивали свои поселения в таких местах, которые сейчас совершенно не пригодны для этой цели.

При исследовании стоянки у устья р. Яны были обнаружены остатки жилища в виде округлой ямы, диаметром 4 м, с крутыми вверху и более покатыми, переходящими в пол стенками и пологим выходом к реке. Глубина ямы составляла 0.70 м. Ее дно было засыпано 10-сантиметровым слоем песка; в центре находились остатки кострища. Подобные остатки полуземляных жилищ, перекрытых коническими крышами, встречались на неолитических памятниках уже не раз. В Верхнем Поволжье такие жилища известны в двух пунктах на Чухломском озере: у дер. Федоровское[2] и в устье р. Святицы.[3]

Любопытной чертой стоянок, расположенных в низовьях р. Яны, являются исключительно миниатюрные размеры найденных там каменных и кремневых орудий. Так, например, маленькие каменные полированные долота, наконечники стрел размером 2 см, миниатюрные скребки. Несмотря на это, технические приемы выделки орудий здесь вполне соответствуют развитому неолиту, отличаясь, так сказать, «макролитичностью». Керамика на всех перечисленных стоянках, в том числе и на Воятицкой стоянке на р. Шексне, обычная ямочно-гребенчатая.

Более позднюю группу стоянок Молого-Шекснинской низины составляют: верхний слой Воятицкой стоянки, Ягорбская стоянка на р. Шексне и стоянки в устье р. Лопи, на озере Глинском (5 пунктов), в устье р. Егницы и у Ламского переката (3 пункта) на р. Мологе. Интересно, что и они образуют компактные группы (рис. 1). Все они расположены на несколько метров выше над водой, чем более ранние, что указывает, повидимому, на изменение климата в сторону значительного увлажнения. Эти стоянки относятся уже к периоду распространения металла, хотя последний здесь найден не был. О его наличии у обитателей этих поселений говорит небольшой глиняный тигелек, служивший для плавки металла, найденный в верхнем слое Воятицкой стоянки. Сделанные на стоянках находки состоят из небольшого числа кремневых орудий и своеобразной керамики, которая содержит элементы старой неолитической посуды, превратившейся из ямочно-гребенчатой в гребенчатую. Наиболее характерной является посуда бомбовидной формы с вертикальным горлышком, напоминающая посуду фатьяновских погребений, но с иным, главным образом зональным, гребенчатым орнаментом. Третьим элементом керамики верхнего слоя Воятицкой стоянки является посуда с «сетчатым» орнаментом. Форма ее, повидимому, цилиндрическая. «Сетчатый» узор бывает иногда нанесен на стенки бомбовидных сосудов, гребенчатая зональная орнаментация которых располагается всегда лишь в верхней части.[1]

Аналогичная бомбовидная посуда встречается в позднеолитических стоянках Костромской низины. В других местах она почти неизвестна, за исключением сейминского местонахождения около г. Балахны. Наличие этого рода керамики выдвигает вопрос о связи стоянок с фатьяновскими могильниками, известными в Верхнем Поволжье в числе около двадцати, вопрос, на который, повидимому, следует ответить утвердительно. Если это действительно так, то для характеристики эпохи, обнимающей время около середины второго тысячелетия до н. э., следует привлечь богатый материал фатьяновских погребений

---

1 О. Н. Бадер и М. В. Воеводский. Стоянки Балахнинской низины. Изв. Гос. Акад. истории матер. культуры, вып. 106, 1935, стр. 346.

2 А. Я. Брюсов. Федоровская стоянка. Тр. Секции археологии Российск. ассоц. научно-иссл. инст. обществ. наук, т. II, стр. 26—32.

3 П. Н. Третьяков. К истории доклассового общества Верхнего Поволжья. Изв. Гос. Акад. истории матер. культуры, вып. 106, 1935, стр. 108.

1 Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг. Изв. Гос. Акад. истории матер. культуры, вып. 109, 1935, стр. 123, 125, 127—129, 135.

с их медными вислообушными топорами, с костями домашних животных — лошади, коровы, свиньи и овцы, с ритуальными погребениями домашних козлят и, наконец, с указаниями на появление земледелия.[1]

Третья верхневолжская Костромская низменность, служившая местом сосредоточения населения в неолитическую эпоху, значительно богаче памятниками, чем обе предыдущие. В течение ряда лет местный музей и научное общество производили там археологические работы, масштаб которых был невелик, и характеристика подавляющего большинства памятников сейчас еще невозможна. Поэтому на карте (рис. 1) помещены далеко не все известные там местонахождения.

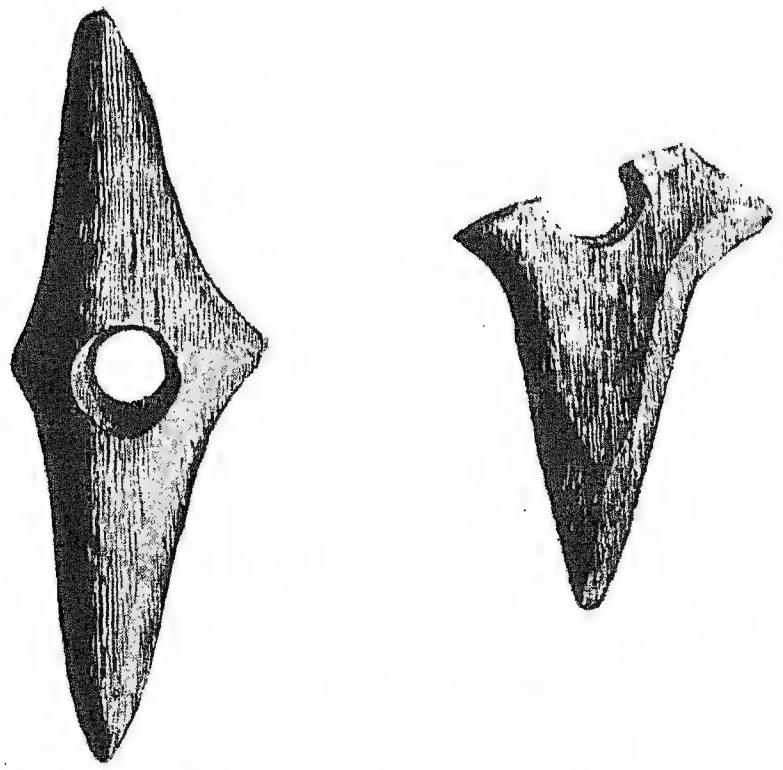


Рис. 2. Каменные мотыги, найденные у с. Куникова на р. Костроме.

Из находок, которые можно отнести к наиболее древним в области Костромской низины, следует отметить две каменных обоюдоострых «мотыги» с выдолбленными, а не просверленными отверстиями, найденные случайно у с. Куникова (рис. 2).[2] Они очень напоминают древнейшие каменные орудия северных районов Европы, в частности некоторые находки из области культуры Маглемозе.[3]

Группу древних неолитических стоянок, аналогичных Воятицкой стоянке на р. Шексне или стоянке у устья р. Яны на р. Мологе, в Костромской низине составляют местонахождения в районе озер, расположенных по р. Костроме в 10—15 км вверх от ее устья. Здесь расположены стоянки Борань на р. Касти, Станок на оз. Борисово, стоянки на оз. Волоцкое, на оз. Туровские Колеса и некоторые другие. Более поздние стоянки известны здесь в виде верхних слоев на Борани и Станке, у дер. Оганино, у с. Шунга. По своему характеру они близки соответствующим мологo-шекснинским, но налицо и черты различия. Так, например, второй слой Станка дал культурные остатки, близкие некоторым окским стоянкам, в частности Волосовской.[1]

На оз. Неро около Ростова была исследована богатая Уницкая неолитическая стоянка.[2] На озерах Плещеево и Сомино известно до десяти неолитических местонахождений, и ни одно из них не было раскопано.[3] На оз. Чухломском исследованы неолитические местонахождения у дер. Федоровское и в устье р. Святицы. Особенно интересный материал дали исследования в первом пункте. Выше уже упоминалось о встреченных здесь ямах землянок. Здесь же найдены разнообразные костяные и каменные орудия, кости диких животных, скопления чешуи рыбы.[4]

На оз. Галичском у с. Туровского, в устье р. Лыкшанки, расположена стоянка, обнаруженная на месте находки известного Галичского клада бронзовых вещей.[5] Ее исследование выявило остатки девяти жилищ, два из которых имели кладовые в виде пристроек, множество каменных и кремневых орудий, нож из бронзы и керамику, уже знакомых нам типов: позднюю ямочно-гребенчатую, бомбовидную с высокой шейкой и «сетчатую». На Галичском озере имеются еще три подобных стоянки в местности Пески и в устье р. Середней в восточном конце озера.

Приведенные выше материалы, характеризующие более поздние памятники, показывают, что древний уклад неолитических рыболовов-охотников претерпел существенные изменения Они заключались в появлении металла и металлургии, в появлении первых домашних животных, возможно, в появлении земледелия. На усложнение способов приготовления пищи указывает то разнообразие типов и форм посуды, которое выявляется в поздних стоянках. Можно говорить также о начале обмена; металл, например, мог попасть в Верхнее Поволжье только этим путем. Галичский клад, который только что упоминался, имеет несомненное происхождение из области Волго-Камья; он имеет параллели в Сейминском и Турбинском могильниках, в Абашевских курганах

---

1 О. Н. Бадер. Лихачевский могильник. Сов. археология, 1937, № 2.

2 Краткий путеводитель. Костромской музей, 1925.

3 I. G. D. Clark. The mesolithic settlement of Northern Europe. Cambridf, 1936, f. 38, p. 105.

1 Б. С. Жуков. Теория хронологических и территориальных модификаций неолитических культур. Этнография, 1929, № 1, стр. 67, табл. II.

2 Ростовский музей.

3 М. И. Смирнов. По забытым путям Залесья. Доклады Переяславль-Залесск. научно-просвет. общ., вып. 15, 1926.

4 А. Я. Брюсов. Федоровская стоянка. Тр. Секции археологии Российск. ассоц. научно-иссл. инст. обществ. наук, т. II.

5 В. А. Городцов. Галичский клад и стоянка. Тр. Секции археологии Российск. ассоц. научно-иссл. инст. обществ. наук, т. III.

EB_1941_AKS_416

Чувашской АССР и в Верхнеказильском кладе из Приуралья.[1] Любопытен также факт появления около отдельных жилищ помещений хозяйственного назначения, что имеет место и в поздненеолитических памятниках низовьев р. Оки, но ни разу не было встречено в ранних стоянках. Не указывает ли это на дробления и обособления собственности?

Все эти предварительные заключения, основанные, как мы видели, на крайне отрывочном и неполном материале, находят себе подтверждение в хронологически еще более поздних памятниках, относящихся к концу второго тысячелетия до н. э., которые по их характеру уже нельзя причислять к неолитическим, несмотря на то, что камень как материал для выделки орудий еще не теряет в эту эпоху своего значения.

Если поселения неолитической эпохи располагались в местах, наиболее отвечающих требованиям рыбной ловли, т. е. в низменностях на берегах озер и мелких речек, то в последующую эпоху, лежащую где-то на грани между вторым и первым тысячелетиями до н. э., население, овладевающее скотоводством и земледелием, начинает выходить за пределы низменностей, занимая террасы больших рек, а среди пойм — высокие незаливаемые места. Это ясно видно на карте (рис. 1), на которой остатки поселений этой эпохи обозначены контурными кружками.

За последние годы некоторые из памятников этой эпохи ошибочно были интерпретированы как эпипалеолитические, связанные с свидерской культурой Польши.[2] Причиной ошибки послужил своеобразный характер кремневых орудий этой эпохи, охватывающей последние столетия бытования каменных изделий. Крупные каменные орудия в эту эпоху вытесняются металлическими. Металлический топор и особенно нож заменили собою целые серии крайне специализированных кремневых орудий. Из камня продолжают изготовляться лишь мелкие орудия: наконечники стрел, вкладыши для орудий из кости, некоторые типы скребков. И понятно, что технические приемы изготовления орудий при этом изменились. Основой техники стали ножевидные пластины, сколотые с призматического нуклеуса, из которых изготовлялись орудия, чрезвычайно напоминающие по облику верхнепалеолитические или эпипалеолитические.

Помимо «псевдоэпипалеолитической» кремневой индустрии, культурные слои стоянок содержат в небольшом числе крупные кремневые и каменные шлифованные орудия, точильные камни и керамику, которая уже совершенно утратила неолитические элементы и начала утрачивать элементы, свойственные бомбовидным сосудам с высокой зонально орнаментированной шейкой, керамику, ставшую почти целиком «сетчатой. На ряду с сохранившимися круглодонными сосудами, удерживающими некоторые черты «бомбовидных», все более преобладающей формой посуды становится плоскодонная цилиндрическая с расширяющимися кверху стенками и несколько суженным и отогнутым наружу горлом (рис. 3). Из крупных каменных орудий, происходящих с этих стоянок, нельзя не отметить грубо оббитых клиновидных орудий с тупым заглаженным лезвием, которые не могли быть не чем иным, как наконечниками мотыг, служивших для обработки земли. К сожалению, памятники этого времени, расположенные на возвышенных местах, совершенно не сохранили в своих слоях костей и изделий из кости. Возвышенные места в Верхнем Поволжье — это места сплошь песчаные; в песке же органические остатки не сохраняются. Многие стоянки, расположенные на дюнах, сильно разрушены. Не известен также тип жилищ этой эпохи. На поселении у с. Золоторучья около г. Углича и на оз. Стойка около г. Костромы были найдены при раскопках углубленные в землю очажные ямы.

В области первой верхневолжской низины стоянки с «сетчатой» керамикой пока что не обнаружены. Возможно, однако, что к ним принадлежат верхние слои поселения у дер. Никола-Перевоз. Ниже по течению Волги располагаются стоянки в устье р. Куксы [1] между Калязиным и Угличем, у с. Золоторучья около Углича,[1] у с. Коприна,[1] у с. Заладья.[2] Две последние примыкают уже к территории Молого-Шекснинской низины, в области которой расположены стоянки у дер. Бутырки, у дер. Илец, в устье р. Кудашь и на оз. Яно.[3] Ниже по Волге, около Ярославля, подобные стоянки известны у с. Устья [4] и у дер. Ворокса. В районе Костромы они известны у дер. Некрасово (б. Святое), у б. Ипатьевского монастыря, у с. Стрельникова и с. Саметь на оз. Стойка, на р. Лахости около г. Нерехты [5] (рис. 1).

Эти памятники, за некоторыми исключениями, почти не исследованы. Однако совершенно ясно, что они являются остатками определенного, чрезвычайно важного этапа в истории древнего населения Верхнего Поволжья,

---

1 П. Н. Третьяков. К истории доклассового общества Верхнего Поволжья. Изв. Гос. Акад. истории матер. культуры, вып. 106, 1935, стр. 132—134.

2 Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг. Изв. Гос. Акад. истории матер. культуры, вып. 109, 1935, стр. 145—151.

1 П. Н. Третьяков. К вопросу об эпипалеолитических памятниках Верхнего Поволжья. Сов. археология, 1940, № 5.

2 Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг. Изв. Гос. Акад. истории матер. культуры, вып. 109, 1935, стр. 150.

3 Там же, стр. 144

4 П. Н. Третьяков. К вопросу об эпипалеолитических памятниках Верхнего Поволжья. Сов. археология, 1940, № 5.

5 Н. М. Бекаревич. О каменном веке в Костромской губ. Тр. Ярославск. археол. общ. съезда, М., 1902.

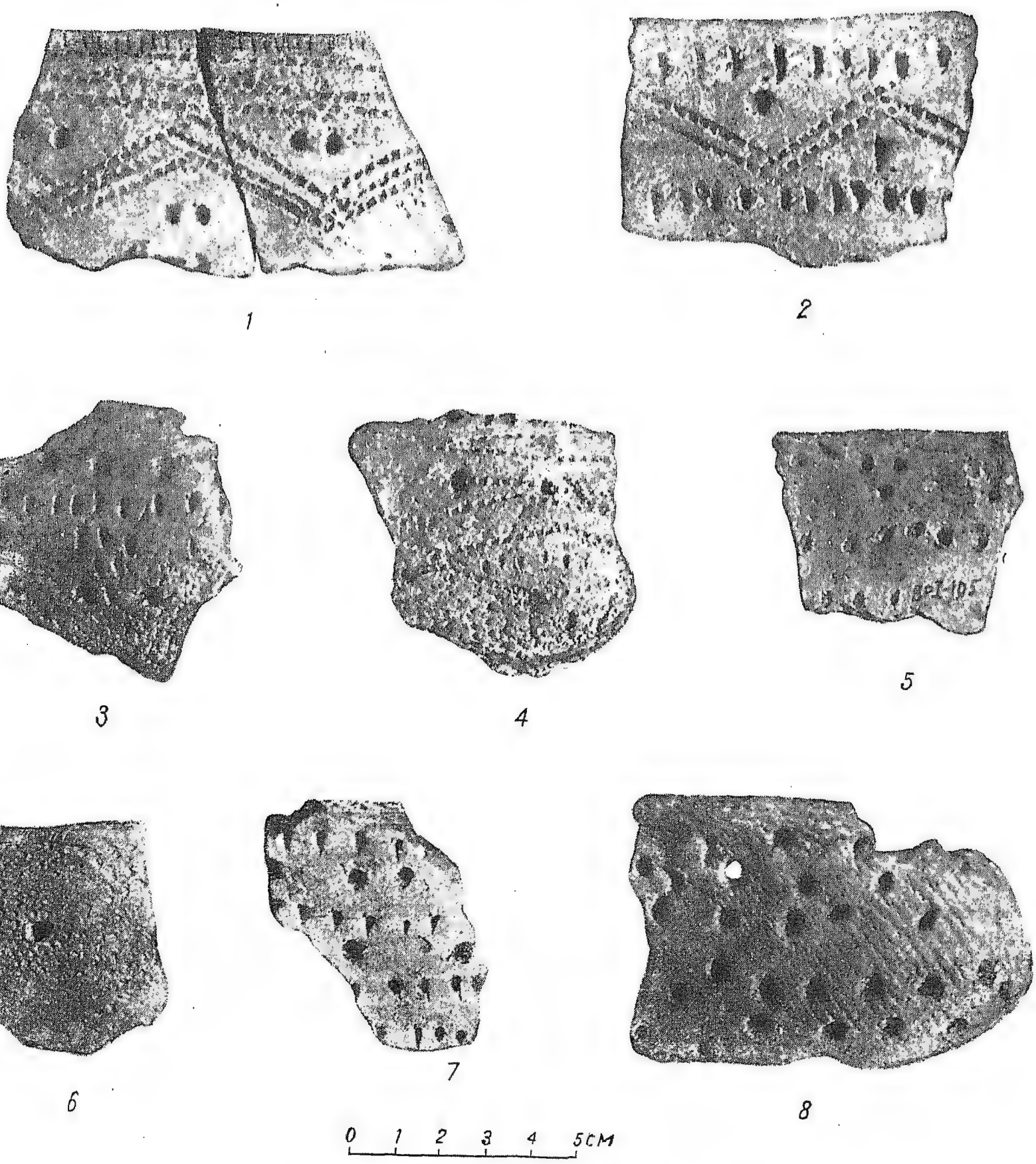


Рис. 3. Керамика стоянки у дер. Вороксы на р. Волге.

этапа, вероятно, относительно кратковременного, лежащего между двумя культурными состояниями — продолжительным периодом материнского родового строя, в течение которого первое место в экономике принадлежало рыболовству и охоте, и последующей стадией патриархально-семейных отношений, развивавшихся на совершенно иной экономической основе.

3

Итак, на рубеже второго и первого тысячелетий до н. э. племена, населявшие болотистые низменности Верхнего Поволжья, покинули свои насиженные места и в поисках областей, отвечающих запросам их новой экономики, заняли обширные пространства по берегам Волги и ее притоков. Если обратиться к изучению ландшафта, окружавшего новые поселки, то станет ясным, что они располагались на местах сухих, высоких и пригодных для земледелия, но одновременно с этим имеющих в ближайшем соседстве участки пойменных лугов, которые были необходимы для скотоводства. Поэтому поселения располагались обычно в устье небольших рек, имевших пойму. В таких условиях было расположено подавляющее большинство поселений, пункты местонахождения которых нанесены на карту (рис. 1).

Новый экономический строй неизбежно повлек за собою известное накопление продуктов. Стадо домашних животных само по себе уже является накопленным богатством, которое к тому же, как своеобразный капитал, способно к возрастанию. Урожай хлеба также составлял огромную ценность. Далее в эту эпоху имелись уже несомненно и другие материальные ценности; к ним относится прежде всего бронза, получаемая племенами Верхнего Поволжья из Приуралья и получаемая, конечно, не даром, а в порядке обмена на какие-то другие ценности, добываемые или вырабатываемые в Поволжье. Наконец, в эту эпоху появился еще один новый вид ценности, а именно — подневольные рабочие руки, рабы, так как рабочая сила человека на данном историческом этапе уже создавала больше, чем требовалось на ее содержание.[1]

Только в свете всего этого можно понять, почему около середины первого тысячелетия до н. э. в Верхнем Поволжье стали появляться новые формы поселков в виде миниатюрных земляных укреплений, остатки которых называются городищами. Ясно, что укрепление поселений было вызвано к жизни насущной необходимостью защищать от грабежа новое богатство.

Для понимания древних укрепленных поселений Восточной Европы автору этой книги, да и не только ему, уже не раз приходилось прибегать к помощи известного произведения С. Крашенинникова «Описание земли Камчатки», рисующего древних ительменов на такой стадии общественного и экономического развития, которая целиком соответствует уровню развития населения Восточноевропейского лесного севера в начале первого тысячелетия до н. э.

О поселениях ительменов С. Крашенинников писал, что «Камчадалы строят свои острожки (укрепленные поселения. *П. Т.*) обыкновенно по островам в густых тальниках или на таких местах, которые от натуры крепки и безопасное имеют положение».[2] В XVIII столетии ительмены, не знавшие металлов и употреблявшие для изготовления орудий «кость и каменье», находились на стадии еще неокончательно сформировавшихся патриархально семейных отношений. Их «острожки», как показывает и археологическое изучение остатков этих поселений, очень близки древним восточноевропейским укрепленным поселкам. «Острожки», или «городки», были в далеком, но зафиксированном документально прошлом и у других народов севера, в частности за Уральским хребтом у манси (вогулов) и хантэ (остяков).

Число подобных примеров можно было бы значительно увеличить, так как укрепленные поселения были характерны для племен с патриархальным строем не только Европы и Азии, но и Африки, Америки, Океании. Но приводить все эти материалы, достаточно хорошо к тому же известные, здесь не представляется необходимым.

В настоящее время еще нельзя точно установить время появления в Верхнем Поволжье первых укрепленных поселений. Исследование древнейших городищ этого района не дает ничего такого, что послужило бы вехой для определения абсолютной хронологии памятников, однако более поздние памятники в ряде случаев дают материалы, относящиеся ко II—I столетиям до н. э. Это дает право полагать, что древнейшие укрепленные поселения относятся ко второй половине первого тысячелетия до н. э., а первые из них возникли здесь около середины первого тысячелетия до н. э. Вывод этот подкрепляется данными других смежных территорий. Древнейшее городище на р. Оке, открытое около г. Каширы, как показали исследования В. А. Городцова, бесспорно относится к V—IV столетиям до н. э.[1] К этой же эпохе относятся древнейшие ананьинские городища Прикамья, где среди находок встречаются предметы скифского происхождения.[2]

Древнейшие укрепленные поселения в Верхнем Поволжье возникали приблизительно в тех же местах, что и поселения предшествующего времени, т. е. в местах, удобных как для скотоводства, так и для земледелия. Часто поселения возникали не на берегах Волги, а в отдалении от нее, на берегах мелких речек, в области глухих лесных пространств водораздела. Ниже устья р. Мологи, непосредственно на берегах Волги, не было в ту эпоху ни одного укрепленного поселка, за исключением городка около Костромы, хотя некоторые из поселков отстояли от берега всего лишь на 2—3 км. Совершенно ясно, что выбор для поселения глухих пространств водораздела, часто лишенных рек, пригодных для передвижения, был продиктован теми же обстоятельствами, которые вызывали необходимость укреплять поселения; другими словами, население старалось спрятать свои поселки, сделать доступ к ним более затруднительным.

Одним из древнейших укрепленных поселений на берегу Волги являлся поселок, остатки которого находятся на левом берегу Волги в 6 км ниже г. Калязина, около с. Городища (прилож. I). Поселение было сооружено на мысу высокого коренного берега между двумя глубокими параллельными оврагами с крутыми, почти отвесными склонами, служившими есте-

---

1 Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, Партиздат ЦК ВКП(б), 1937, стр. 38—39.

2 С. Крашенинников. Описание земли Камчатки. Полн. собр. учен. путешествий по России, издан. Акад. Наук, т. II, СПб., 1819, стр. 25 и 43.

1 В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. Изв. Гос. Акад. истории матер. культуры, вып. 85, 1934, стр. 45.

2 A. M. Tallgren. L'époque dite d'Ananino. Helsinki, 1919, p. 58.

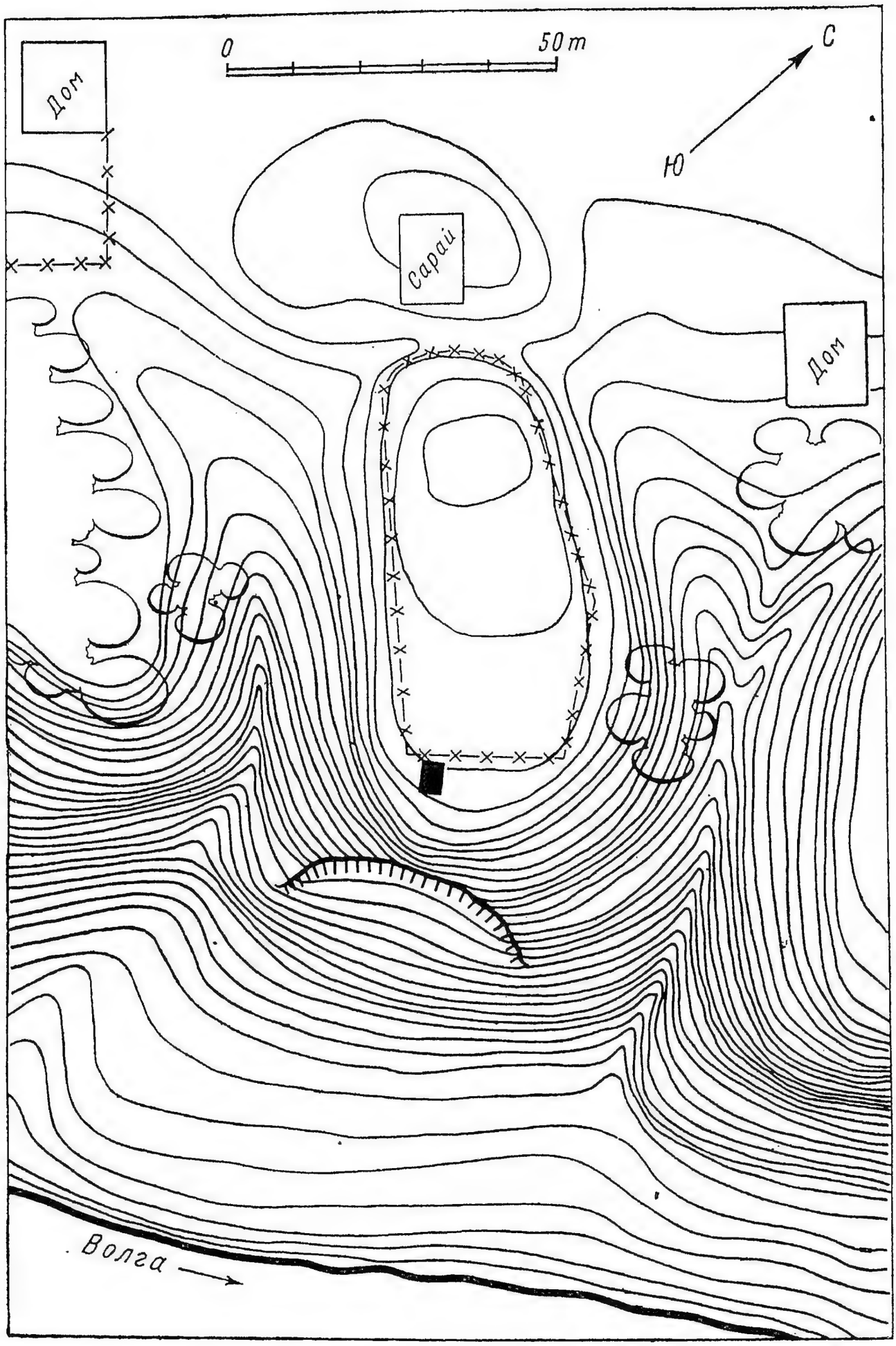


Рис. 4. План городища у с. Городища около г. Калязина.

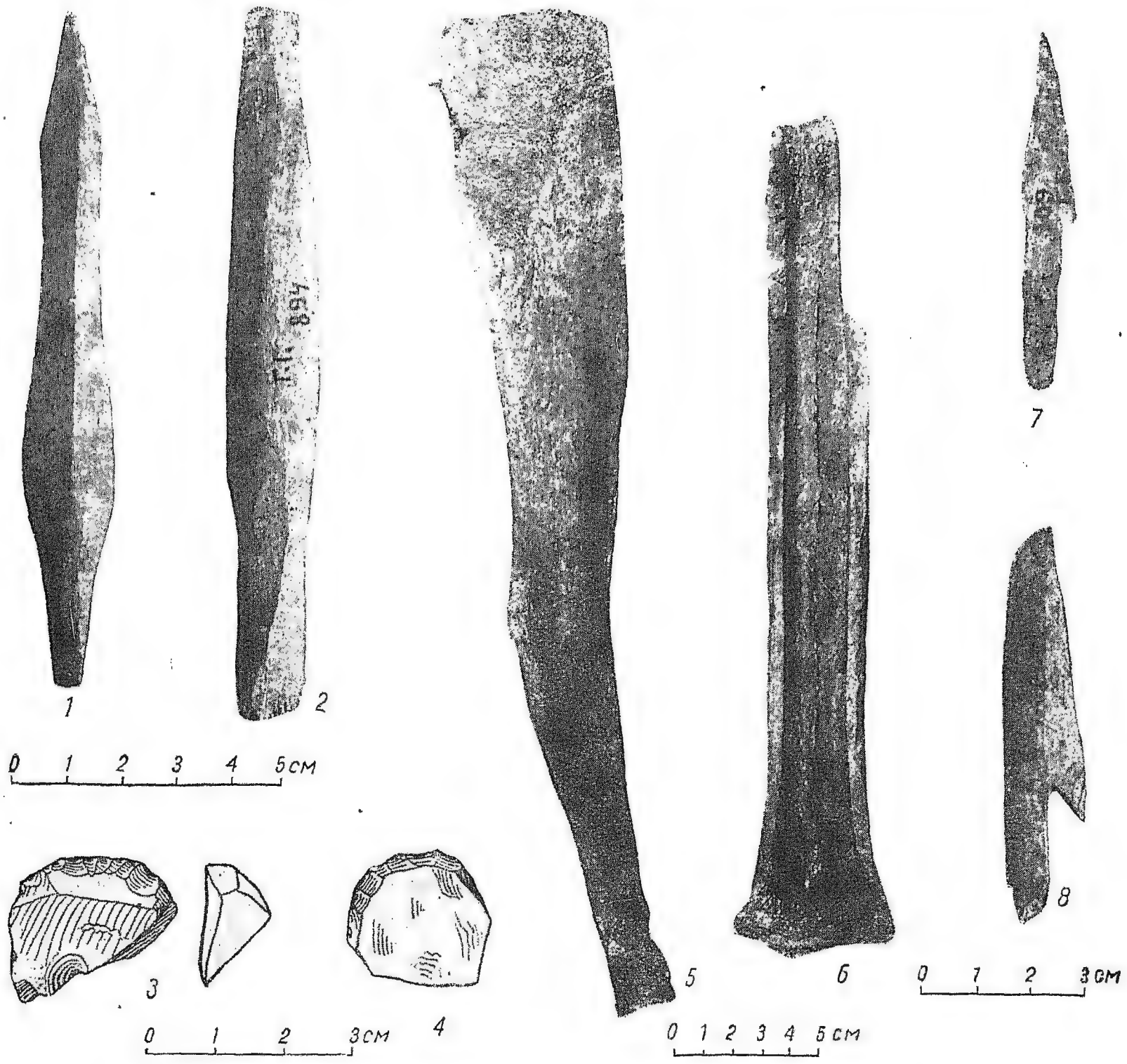


Рис. 5. Находки из нижнего культурного слоя городища у с. Городища около г. Калязина.

ственной преградой, защищавшей поселок с трех сторон. С четвертой стороны, со стороны плато коренного берега, поселок был укреплен двумя земляными валами и двумя рвами, соединявшими вершины оврагов. В настоящее время от этих укреплений остались лишь незначительные следы (рис. 4). Площадь поселка была равна всего лишь 1375 кв. м, что указывает на небольшое число жителей, не превышающее ста, полутораста, двухсот человек, так как надо принять во внимание, что, повидимому, не вся площадь поселка, служившего также местом для загона скота во время опасности, была занята жилищами.

Производственный и бытовой инвентарь населения этого укрепленного поселка в подавляющей своей части состоял еще из каменных и костяных орудий (рис. 5). Обработка кремня велась относительно в широких масштабах, о чем говорят найденные на городище небольшие кремневые скребки с округлым рабочим лезвием, нуклеусы и отщепы кремня. Основным материалом для изготовления орудий служили рог и кость, обработка которых несомненно возросла вместе с развитием скотоводства. У населения поселка были разнообразные по форме костяные наконечники стрел и гарпунов, шилья, ножи, всевозможные острия и другие предметы бытового обихода. Металлических орудий было, повидимому, сравнительно немного, но они имелись и, мало того, изготовлялись на месте, о чем свидетельствует найденный на городище льячек — глиняная ложечка, служившая для выливания в форму расплавленной меди или бронзы. Остается неизвестным, было ли в употреблении железо, так как его следов в нижнем слое городища не было обнаружено. Однако, исходя из данных других, несколько более поздних верхневолжских городищ, можно

предполагать, что железо уже имелось. Во всяком случае в течение последних столетий первого тысячелетия до н. э. выплавляемое из местных болотных руд железо уже прочно вошло в обиход во всей лесной полосе Восточной Европы, за исключением ее наиболее отдаленных, северных районов.

О соотношении роли скотоводства и охоты в экономике населения укрепленного поселка, остатком которого является городище у г. Калязина, как нельзя лучше говорят кухонные отбросы, на 85% состоящие из костей домашних животных и лишь на 15% из костей животных диких. Стадо состояло из лошадей и крупного рогатого скота, отличавшихся очень небольшими размерами, далее из свиней, наоборот, очень крупной породы и, наконец, из овец или коз.

Предметом охоты служили лось, северный олень, медведь и пушные звери — лисица, куница или соболь.

Характер земледелия является не выясненным. Из предметов, относящихся к земледелию, на городище был найден только лишь небольшой ручной жорнов.

Глиняная посуда жителей этого древнейшего верхневолжского укрепленного поселка удерживает еще все те черты, которые были характерны для керамики предшествующей эпохи, т. е. «сетчатый» орнамент, остатки орнаментации, свойственной «бомбовидной» керамике эпохи бронзы, и известные пережитки «бомбовидности» в формах сосудов. Преобладает посуда цилиндрической формы со стенками, несколько расширяющимися в верхней части, т. е. та посуда, которая появляется, повидимому, вместе с первыми попытками использования молочности домашнего скота.

Детальный анализ керамики городища у с. Городища, точно так же как и изучение керамики других древнейших городищ Верхнего Поволжья, и сопоставление ее с керамикой предшествующей эпохи дают право сделать вывод исторического порядка, напрашивающийся уже и в результате изучения карты распространения населения в эпоху первого тысячелетия до н. э. Представляется, что население, занимавшее в эпоху неолита Мологo-Шекснинскую низину, а в последующее время ее периферию, в эпоху возникновения первых городищ, т. е. в середине первого тысячелетия до н. э., двинулось вверх по Волге, на юго-запад, заняв бассейн Волги выше устья Мологи. Население же Костромской низины, повидимому, распространилось по периферии низины, в основном заняв более пригодные для поселения места плато правого берега Волги, соединясь, таким образом, с населением бассейна озер Неро и Плещеево. Здесь следует иметь в виду, что берега Волги в районе Костромы весьма разнохарактерны: левый — это область сплошных хвойных лесов, правый же покрыт смешанными лесами, более пригодными для подсечного земледелия.

Каковы судьбы населения первой верхневолжской низины, лежавшей в области долины доледниковой пра-Нерли, остается пока совершенно неясным, так как позднеолитические памятники этого района почти неизвестны и совершенно не изучены. Повидимому, оно слилось с мологo-шекснинским.

4

В области бассейна Волги, выше устья Мологи, в конце первого тысячелетия до н. э. миниатюрные земляные укрепления были преобладающим видом поселений. Поселков, не снабженных фортификационными сооружениями, или не было вовсе или же они составляли единицы. Во всяком случае их остатки здесь неизвестны, за исключением культурного слоя у дер. Борочек на р. Шексне. Это поселение, расположенное в пределах Мологo-Шекснинской низины, относится еще к тому времени, когда укрепленные поселения только лишь начали появляться, и поэтому в расчет не может быть принято.

Кроме знакомого нам укрепленного поселения у с. Городища около г. Калязина, в этом районе известно еще свыше десяти таких же поселков, расположенных или на Волге или на ее притоках. Принадлежность большинства из них к первому тысячелетию до н. э. может быть вполне доказана, другие же, не подвергавшиеся достаточно глубокому изучению, отнесены к этой эпохе предположительно. Если в отношении некоторых из них и допущена ошибка, то во всяком случае они не могут быть позднее I—II столетий н. э.

Древними и близкими по керамике городищу у с. Городища являются остатки укрепленного поселения, расположенного на правом берегу р. Волги в 40 км выше устья р. Мологи у с. Городок (прилож. II). Поселок был сооружен на узком мысу высокого берега Волги, в устье глубокого оврага с протекающим по дну его ручьем (рис. 8). На расстоянии 75 м от оконечности мыса его площадка, достигающая в ширину 25—30 м, была перекопана двумя рвами, между которыми располагались, повидимому, какие-то деревянные сооружения, имевшие, вероятно, вид тына (рис. 8). При исследовании этого памятника остатки жилищ также не были обнаружены, но было установлено, что жилища были надземными, а не землянками.

Культурный слой городища в нижних своих горизонтах содержал глиняную посуду, совпадающую с древнейшей керамикой городища у с. Городища. Здесь эта посуда представлена в значительно большем количестве (рис. 9—10). Помимо керамики, в нижних горизонтах культурного слоя были найдены следующие предметы: прясло от веретена, кремневые скребки и каменные песты. Кухонные

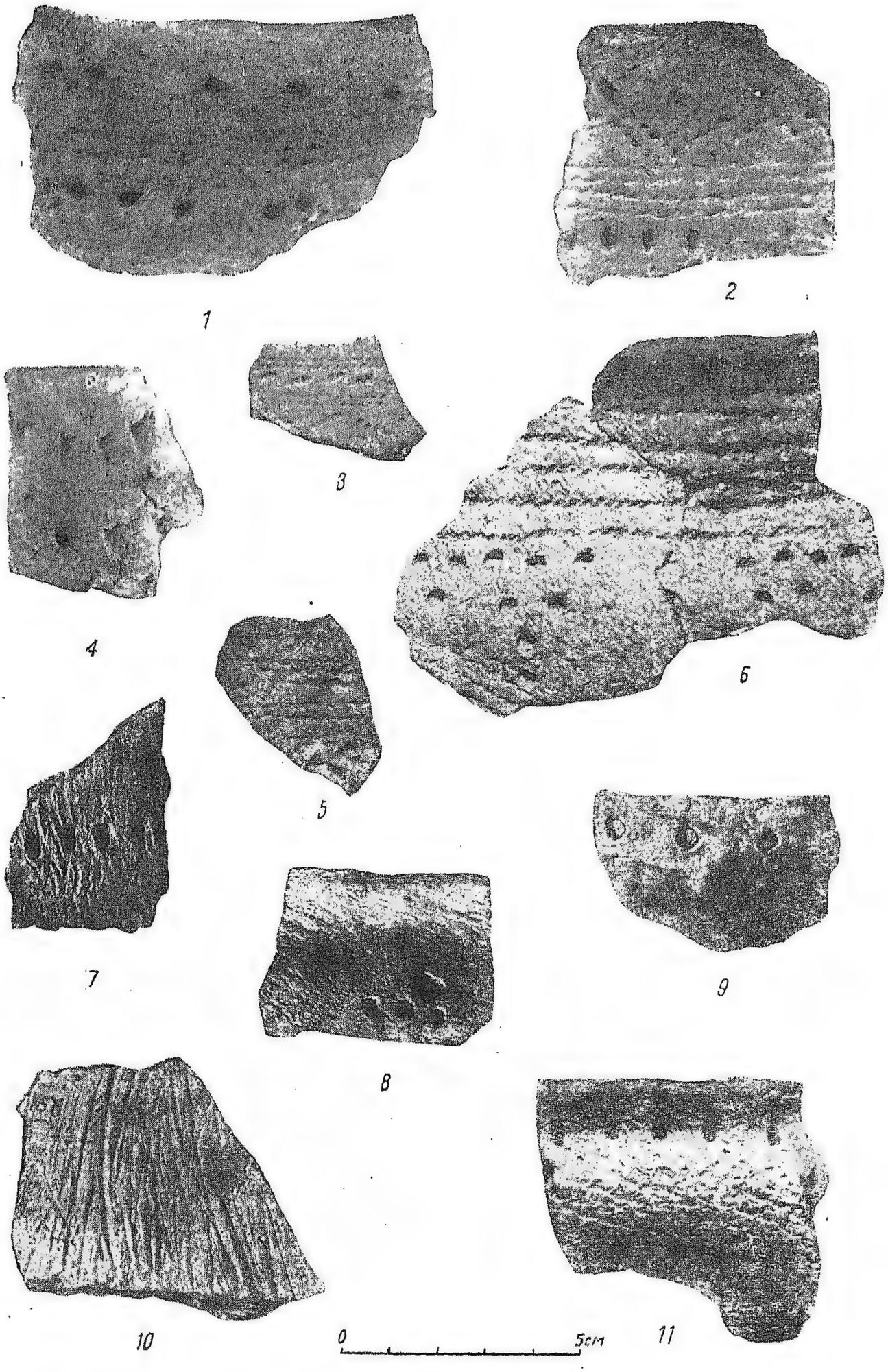
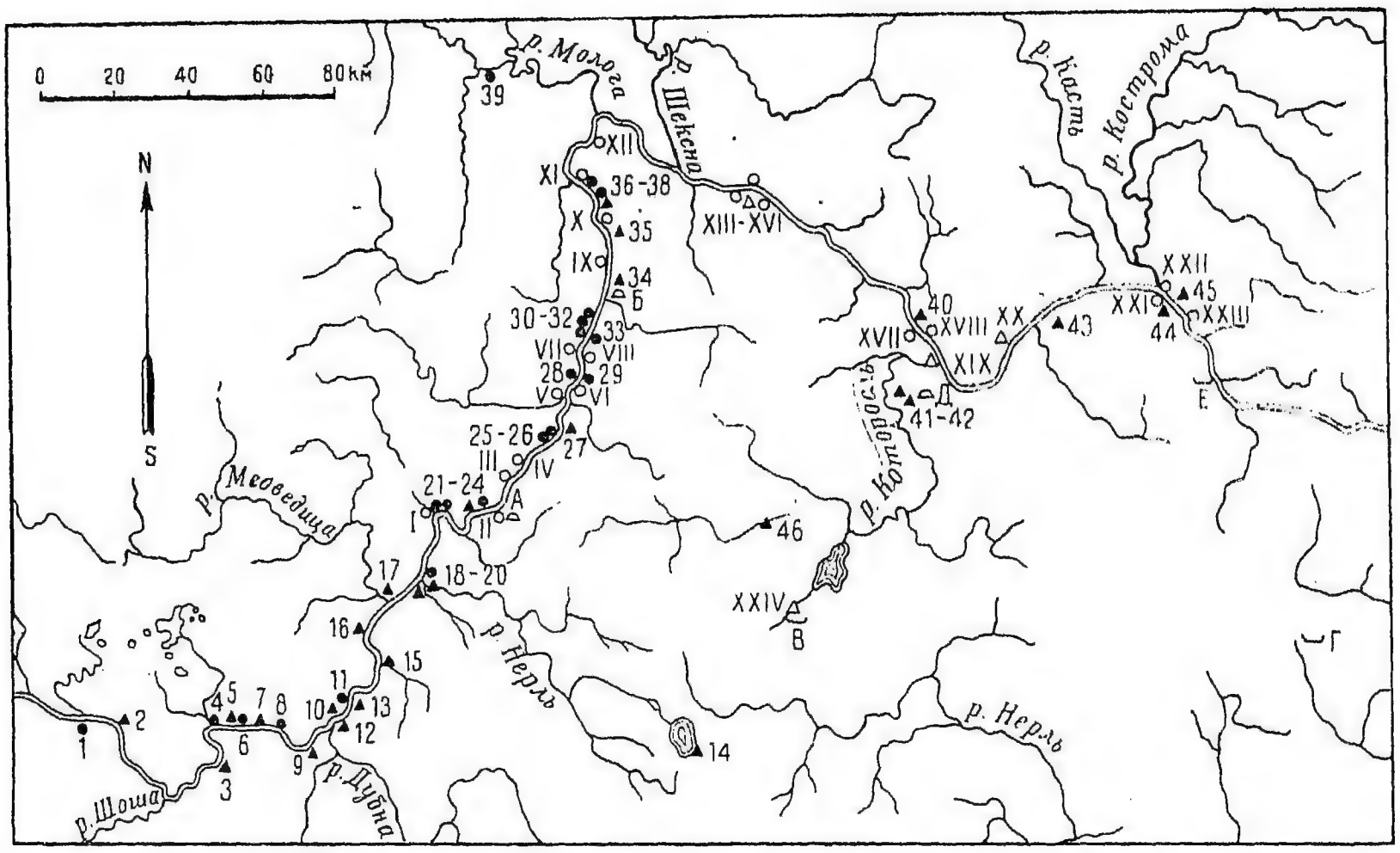


Рис. 6. Керамика нижнего культурного слоя городища у с. Городища около г. Калязина.



▲ *Городища начала первого тысячелетия н. э* △ *Городища середины и второй половины первого тысячелетия н. э.*

● *Селища того же времени* ○ *Селища того же времени*

▵ *Длинные курганы* ⌣ *Могильники*

Рис. 7. Карта памятников Верхнего Поволжья первого тысячелетия н. э.

Городища и селища начала первого тысячелетия н. э.

1 — селище у д. Метлево; *2* — городище Черная Гора у д. Лисицы; *3* — городище Топорок у с. Сухарино; *4* — селище у с. Устье, в устье р. Сози; *5* — городище у д. Борок (Карчевское); *6* — селище у д. Борок; *7* — городище у д. Санниково; *8* — селище у д. Омутни; *9*—городище у д. Иваньково; *10* — городище у д. Пекуново; *11* — селище у д. Багунино; *12* — городище у д. Прислон; *13* — городище у с. Иван-Предтеча; *14* — городище Александрова Гора на озере Плещеево; *15* — городище у с. Белгородок; *16* — городище у д. Селищи; *17* — городище д. Старое Городище; *18—20* — селище у д. Басово и Скнятино. Городища в устье р. Нерли и на р. Нерли; *21—24* — селище в устье р. Нерхотки. Городище у с. Городище, селища у д. Спасское и Дятково; *25—26* — селище против устья Грехова ручья у с. Котово; *27* — городище в устье Грехова ручья; *28* — селище у с. Воскресенское; *29* — селище у д. Васильки; *30—32* — селище у д. Кирилловка, Федюково и Усолье; *33* — селище у д. Ивцыно; *34* — городище Круглецы у с. Охотино; *35* — городище у с. Городок; *36—38* — селища у с. Коприно и д. Васильево. Городище у с. Глебово; *39* — селище у Владимирских хуторов на р. Мологе; *40* — городище у с. Кузминское; *41—42* — городище у д. Кундринское и с. Огорев Холм на р. Которосли; *43* — городище у с. Черная Заводь; *44* — городище у с. Городище, против г. Костромы; *45* — городище в с. Минское; *46* — городище у д. Акулово на р. Устье.

Городища и селища середины и второй половины первого тысячелетия н. э.

I — селище у д. Киселево; *II* — селище в устье р. Куксы; *III* — селище у д. Внуково; *IV* — селище у д. Пески; *V* — селище в устье р. Корежечны; *VI* — селище у д. Баскачи и Нестерово; *VII* — селище у д. Федюково и Кирилловка; *VIII* — селище у д. Шевердино; *IX* — селище у с. Кривец; *X* — селище у д. Килино; *XI* — селище у с. Коприно; *XII* — селище у с. Крутец; *XIII—XVI* — городище и три селища в устье р. Сонохты; *XVII* — селище в устье р. Попадьинки у дома отдыха Красный Холм; *XVIII* — селище в устье р. Ить у с. Устье; *XIX* — селище Медвежий Угол в г. Ярославле (У); *XX* — городище у с. Диево-Городище; *XXI* — селище у д. Говядиново; *XXII* — селище в устье р. Сулы в г. Костроме; *XXIII* — селище у с. Черноденье; *XXIV* — городище у с. Диабол на р. Саре.

Длинные курганы и могильники

А — Длинный курган в устье р. Куксы; *Б* — Длинный курган у с. Охотино; *В* — Могильник у городища на р. Саре; *Г* — Могильник у с. Хотимль; *Д* — Длинный курган у с. Великого; *Е* — Могильник у с. Подольского на р. Волге.

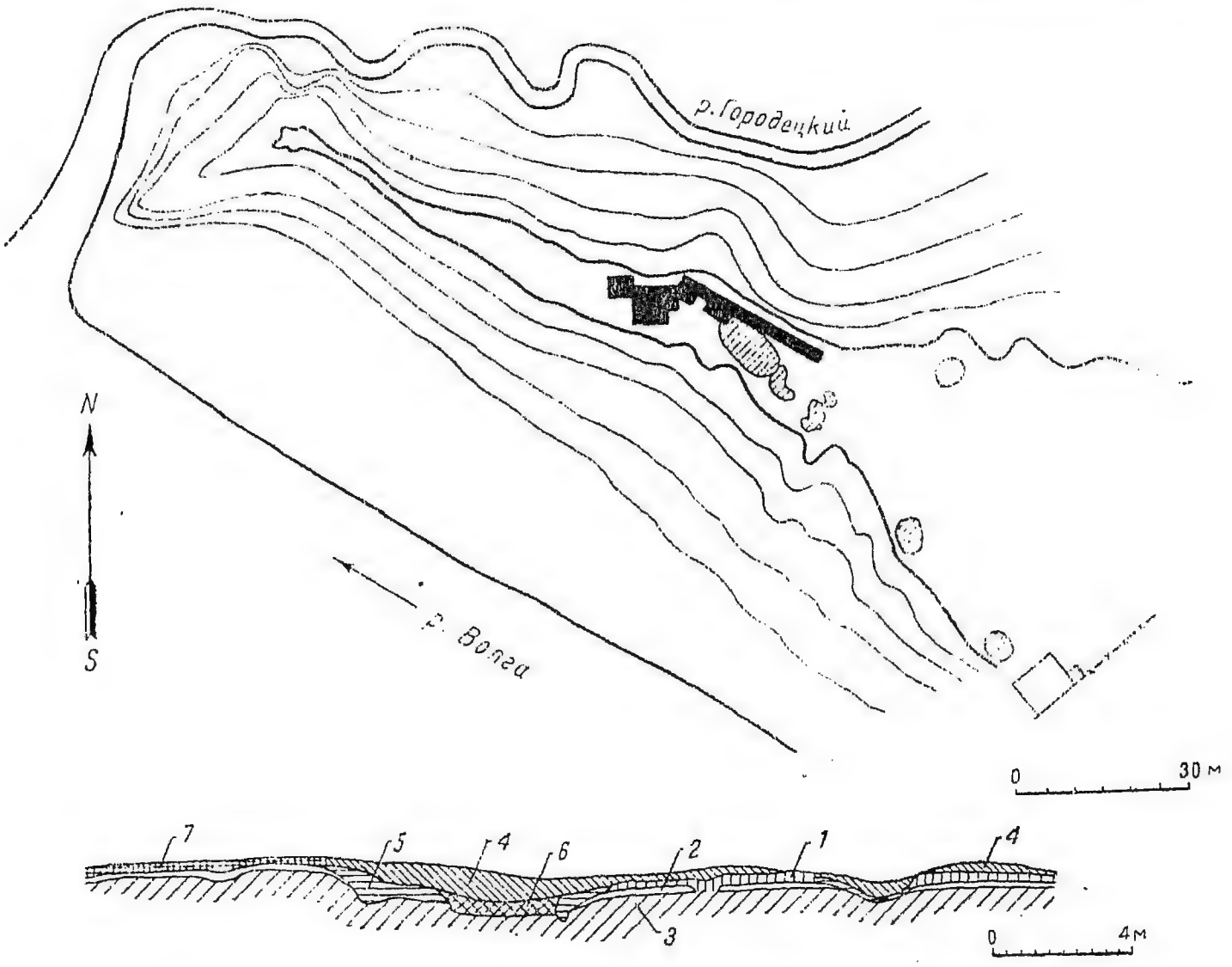


Рис. 8. План городища у с. Городок. Профиль валов и рвов.

отбросы состояли из костей животных: лошади (53%), крупного рогатого скота (37%), свиньи (5.5%), бобра (3%) и медведя (1.5%).

Одним из древнейших в Верхнем Поволжье городищ является небольшое городище на левом берегу р. Нерли, в 2—2.5 км от устья последней, разрушенные остатки которого были исследованы в 1937 г. Нижний слой городища дал чрезвычайно архаическую керамику, близкую позднеолитической, каменные орудия, кости животных, изделия из кости и две больших медных булавки со спиральными головками.

Другое городище на р. Нерле, расположенное на ее левом берегу в 1 км от устья около дер. Скнятино, возникло, повидимому, в самом конце первого тысячелетия до н. э. Несколько слов о нем будет сказано ниже.

К остаткам древнейших укрепленных поселений принадлежит, повидимому, разрушенное временем городище Прислон, находящееся на правом берегу Волги вблизи устья р. Дубны, где на ряду с архаической керамикой были обнаружены костяные рукоятки железных ножей, костяные изделия, булавка со спиральной головкой, которую автор раскопок датирует VI столетием до н. э., что впрочем не вполне убедительно, и, наконец, кости домашних животных. Среди них преобладают остатки лошади, далее следуют остатки крупного рогатого скота, овец или коз и, наконец, свиней и собак. Найденные в небольшом количестве кости диких животных принадлежат лосю, барсуку и ежу. [1] Остатки последнего, вероятно, попали в культурный слой случайно.

Выше по Волге около г. Корчевы расположены недалеко друг от друга еще два древних городища — Корчевское [2] и Топорок [3] (рис. 7), нижние слои которых принадлежат, повидимому, эпохе, предшествующей первым столетиям н. э. Особенностью этих укрепленных поселений является земляной вал, идущий вокруг всей площадки, которая в обоих случаях не имеет таких крутых и высоких склонов, как у поселений, описанных выше. Под-

[1] Л. А. Евтюхова. Городище Прислон. Тр. Секции археологии Российск. ассоц. научно-иссл. инст. обществ. наук, т. IV, М., 1929.

[2] А. А. Спицын. Новые сведения о городищах Дьякова типа. Зап. Отдел. русс. и славянск. археологии Русск. археол. общ., т. VII, вып. 1, 1905, стр. 84.

[3] Ю. Г. Гендуне. Городище Топорок. Тр. II Обл. Тверск. археол. съезда, Тверь, 1906, стр. 261 и сл.

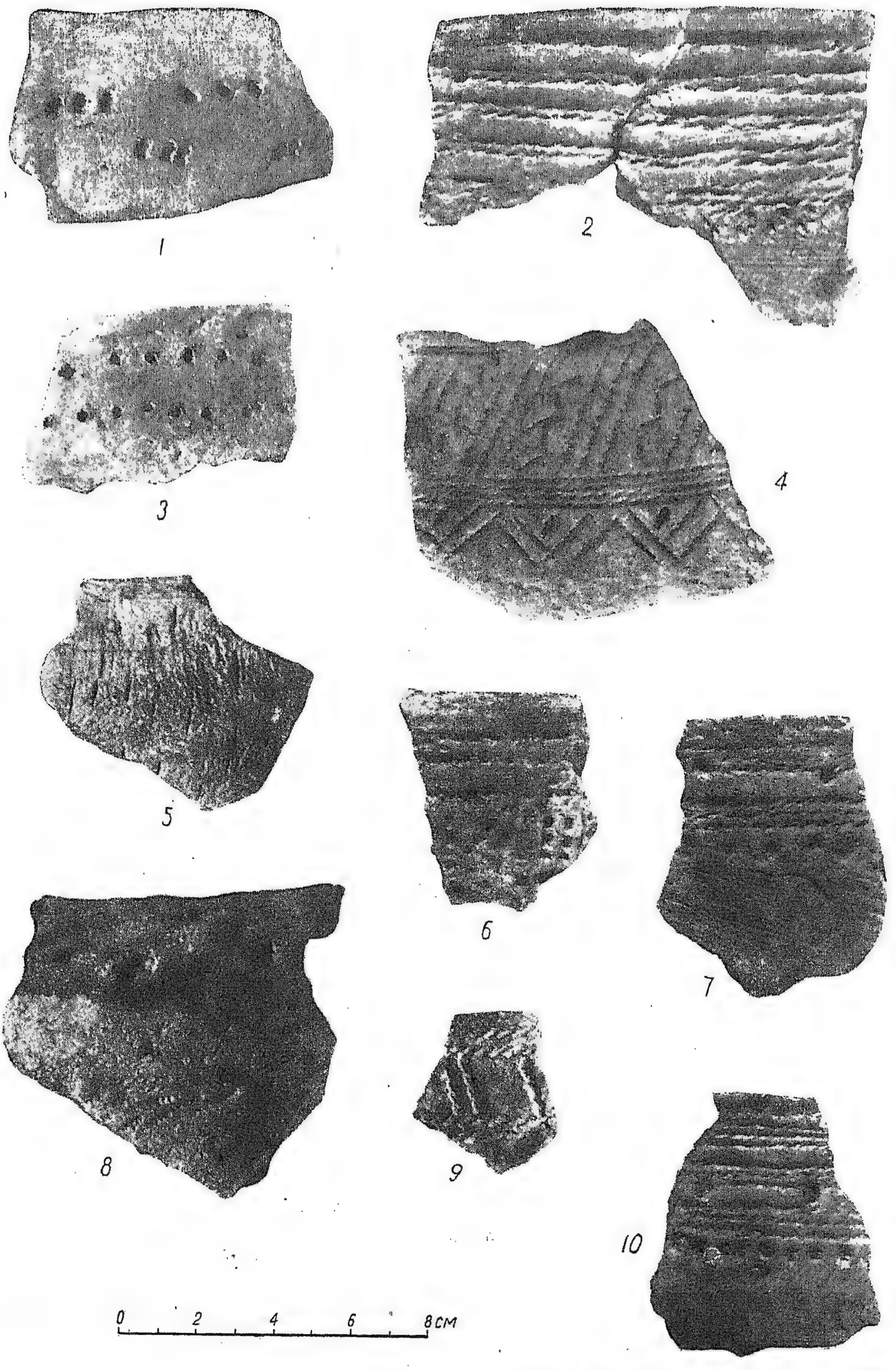


Рис. 9. Керамика нижнего слоя городища у с. Городок.

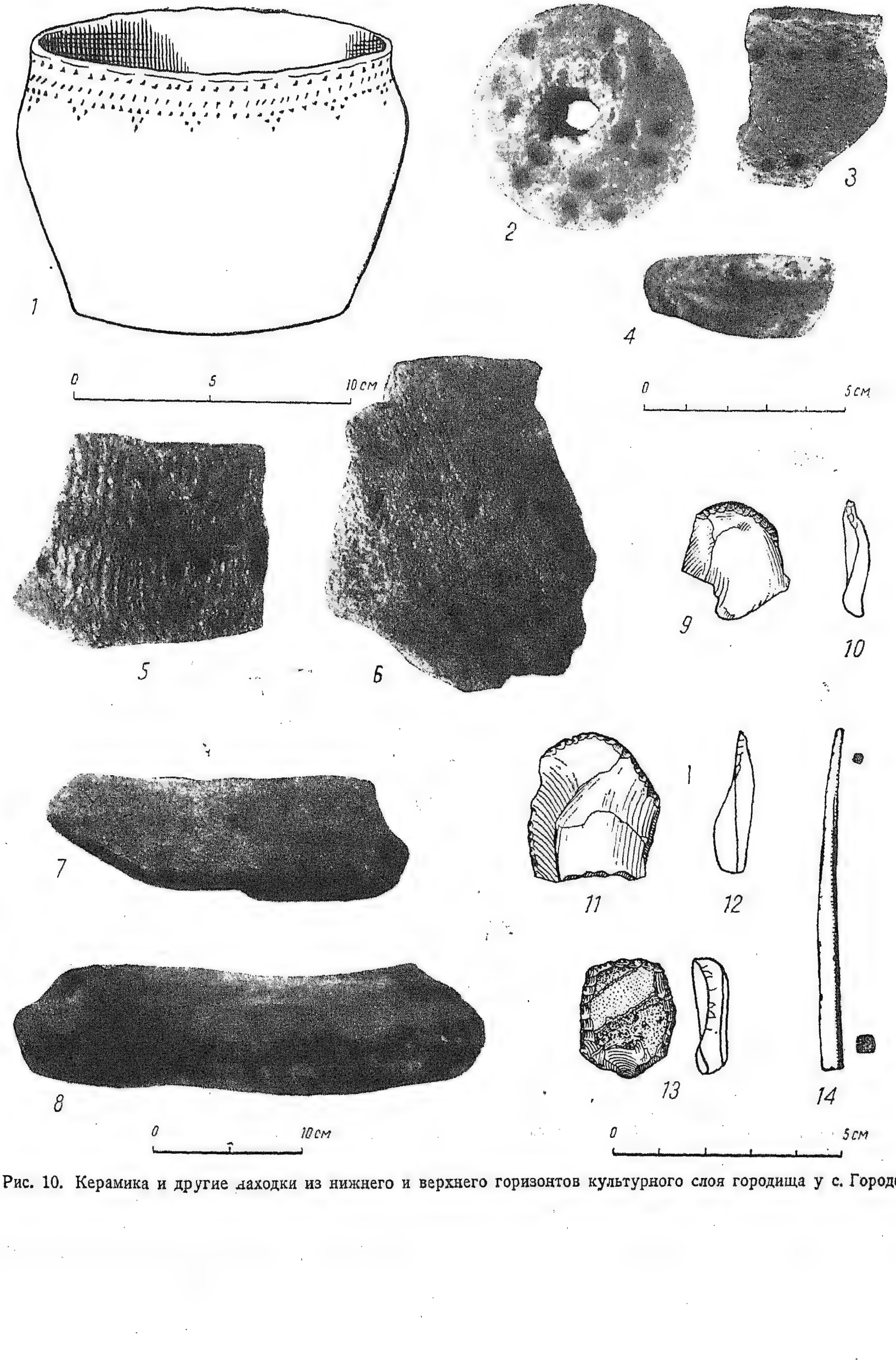


Рис. 10. Керамика и другие находки из нижнего и верхнего горизонтов культурного слоя городища у с. Городок.

робнее с этими городищами мы познакомимся ниже, так как в основном они принадлежат уже к первым векам н. э. Их возникновение, однако, может быть отнесено к самому концу первого тысячелетия до н. э. Основанием для такого определения являются находки архаических костяных орудий (среди которых имеются ножи из ребер животных и наконечник мотыги), «грузиков дьякова типа» и кремневых изделий из Корчевского городища и ряда бронзовых украшений типов ранних пьяноборских могильников Прикамья, найденных на городище Топорок (рис. 11).

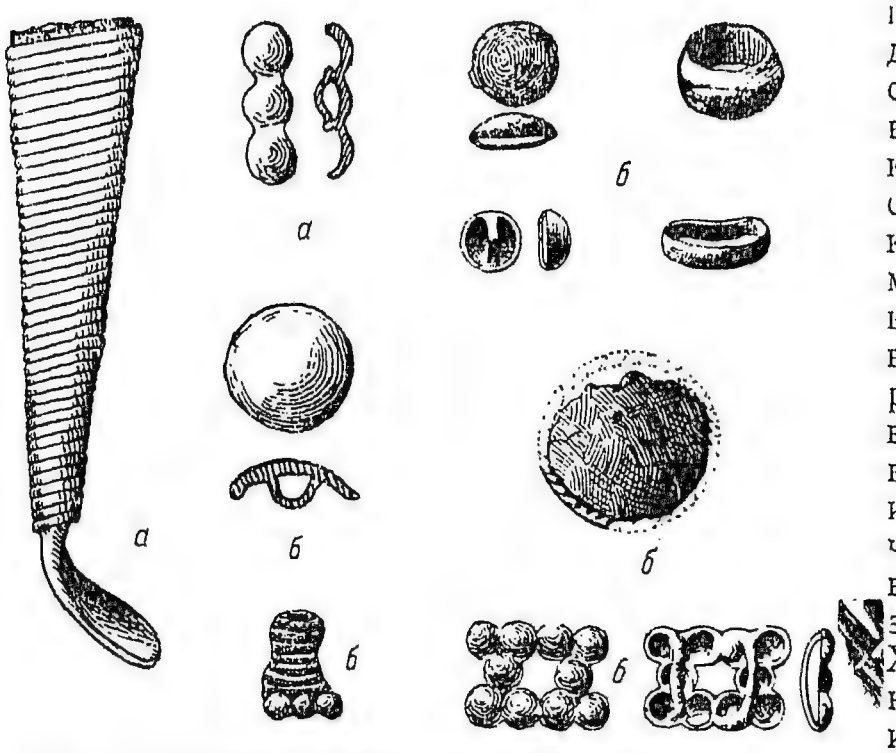


Рис. 11. Бронзовые изделия из древних верхневолжских городищ: а) Топорок, б) Черная Гора.

Еще выше по Волге, около дер. Лисицы в местности Черная Гора (рис. 7) имеется еще одно городище, являющееся остатком укрепленного поселения II—I столетий до н. э., а, может быть, и несколько более раннего времени. Такая дата может быть установлена благодаря находке на городище, вместе с архаичной керамикой, множества мелких бронзовых украшений, соответствующих типам ранних пьяноборских могильников (рис. 11). Большинство украшений оказалось в оплавленном состоянии; причина этого осталась невыясненной.[1]

Такие же точно бронзовые изделия, но в меньшем количестве, встречены на городище у дер. Горки, около г. Старицы, расположенном на левом берегу Волги в устье р. Улюстр. Городище помещается на мысу высокого берега, образованном течением р. Улюстр, с одной стороны, и оврагом — с другой. Оно имело вальную форму, вал вокруг всей площадки и два вала и три рва со стороны плато высокого берега. Выше по р. Улюстр, в 3 км от Волги, имеется другое древнее городище, время которого не выяснено.[1]

Топорок, Черная Гора и городище у дер. Горки являются остатками древнейших в Верхнем Поволжье укрепленных поселений, время которых может быть установлено с известной точностью. Найденные на этих городищах бронзовые изделия (рис. 11) представляют собою характерный комплекс украшений, хорошо известный по материалам прикамских памятников конца первого тысячелетия до н. э. и начала первого тысячелетия н. э. Племена Прикамья и Приуралья, издавна служившие поставщиками меди и медных и бронзовых изделий на всей территории лесной полосы Восточной Европы, не утратили этой своей роли вплоть до начала первого тысячелетия н. э., когда вместе с развитием широких торговых связей появился ряд других источников, откуда север Восточной Европы мог черпать медь, необходимую в большом количестве вследствие широчайшего распространения в эту эпоху металлических украшений. На рубеже первого тысячелетия до н. э. и первого тысячелетия н. э. медь в Верхнее Поволжье попадала, очевидно, исключительно из Прикамья и Приуралья; отсюда понятно, что и бронзовые украшения, которые были в употреблении у верхневолжского населения этой эпохи, вполне соответствуют прикамским. Хронология древностей Прикамья благодаря наличию среди них ряда вещей южного происхождения в настоящее время изучена относительно хорошо, и на нее можно опереться при определении времени городищ Верхнего Поволжья.

Среди бронзовых украшений, бытовавших у населения древних укрепленных поселений Верхнего Поволжья, первое место занимают гладкие округлые выпуклые бляшки, служившие украшением одежды и прикреплявшиеся к ней с помощью ушка, припаянного с внутренней стороны. Диаметр этих украшений составляет от 0.5 до 1.6 см. Они различаются друг от друга, кроме размера, еще и способом прикрепления ушка: у одних ушко уплощенное, припаянное концами к самым краям бляшки, у других — полукруглое в виде петли, припаянное в центре бляшки. Первый способ прикрепления ушка, который имеют бляшки из Черной Горы, может быть сопоставлен со способом укрепления ушка у соответствующих украшений поздних ананьинских могильников Прикамья. Бляшки Зуевского могильника имеют именно такой формы

---

[1] А. А. Спицын и Н. К. Рерих. Мелкие заметки. Зап. Отдел. русск. и славянск. археологии Русск. археолог. общ., т. VII, вып. 2, 1905, стр. 251—252.

[1] Н. Е. Макаренко. Результаты археологических экскурсий. Тр. II Обл. Тверск. археол. съезда, Тверь, 1906, стр. 71. — Он же. Поездка 1903 г. по верхнему течению р. Волги. Изв. Археол. комисс., вып. 6, 1904, стр. 92. — А. А. Спицын. Городища Дьякова типа. Зап. Отдел. русск. и славянск. археологии Русск. археол. общ., т. V, вып. 1, стр. 134.

ушко.[1] Известны они и в Котловском могильнике.[2] Значительно реже бляшки с подобным ушком встречаются в могильниках пьяноборской эпохи, причем и здесь они встречаются лишь в некоторых ранних могильниках, в частности в Пьяноборском.[3] Однако в эту эпоху преобладающей формой бляшек являлись бляшки с ушком в виде петли, какие были найдены на городище Топорок.[4]

Далее и на Черной Горе и на Топорке были найдены украшения, состоящие из ряда спаянных между собою круглых выпуклых бляшек, причем опять-таки на Черной Горе они прикреплялись к одежде с помощью уплощенного ушка, на Топорке — с помощью ушка в виде петли. Такого рода бляшки хорошо известны по материалам ранних пьяноборских могильников.[5] На Черной Горе была найдена еще бляха диаметром в 2 см, украшенная по краю ободком в виде перевитого шнура (рис. 11). Подобные ей известны в Пьяноборском[6] и Вичмарском могильниках. Характерными предметами среди найденных на Черной Горе являются еще бронзовые литые обоймицы от ремня и кольца, находящие себе полную аналогию в поздних ананьинских могильниках, в частности в Зуевском.[7]

Другие бронзовые предметы, происходящие с Черной Горы, представляют собою обломки украшений, и на них не стоит останавливаться. Из предметов, найденных на Топорке, следует еще отметить бронзовую рукоятку, изображенную на рис. 11. Такая точно рукоятка была найдена во время раскопок Кропотовского городища, расположенного в верховьях Оки, возраст которого более или менее соответствует возрасту Старшего Каширского городища V—IV столетий до н. э.[8]

Таким образом, найденные на городищах Черная Гора и Топорок бронзовые изделия определяют время городищ эпохой, переходной от ананьинских могильников Прикамья к могильникам пьяноборским, т. е. к II—I вв. до н. э. и I—II вв. после н. э., причем ряд предметов с Черной Горы, а также бронзовая рукоятка с Топорка указывают на возникновение этих поселков в эпоху, предшествующую началу н. э.

Вернемся, однако, к другим ранним городищам Верхнего Поволжья. Судя по некоторым данным, к ним следует отнести городище на левом берегу Волги при впадении р. Щербихи (Лихачевское городище).[1] Оно также имеет вал вокруг всей площадки и массивные земляные укрепления со стороны плато берега. Помимо архаичной керамики, там были найдены осколки кремня и кости животных, оставшиеся не определенными.

Повидимому, также древними являются три городища на р. Лутосне, притоке р. Сестры, впадающей в Дубну.[2] В том же районе, но уже в бассейне р. Клязьмы, на ее притоке р. Воре, имеется несомненно древнее городище Пирожная Гора, где вместе с характерной архаичной керамикой были найдены кости лошади, крупного рогатого скота, свиньи, лося и бобра.[3] Вблизи него на р. Паже, притоке р. Вори, около с. Городок известно еще одно треугольное в плане городище, повидимому, того же характера.[4]

Имеется еще ряд древних укрепленных поселков, возникновение которых, возможно, относится к концу первого тысячелетия до н. э. Однако вследствие их неизученности их материалы не могут быть здесь использованы.[5]

5

В области костромского течения Волги известен ряд остатков укрепленных поселений, время которых ориентировочно можно определить концом первого тысячелетия до н. э. Необходимо отметить, что памятники этого района изучены значительно хуже, чем предыдущие, и их несомненно во много раз больше, чем здесь представлено (рис. 7). Многие городища этого района известны в литературе, но никогда не подвергались исследованию и поэтому здесь не фигурируют.

Древними городищами этого района являются памятники на р. Черной около с. Черная Заводь[6] и в бассейне р. Которосли около с. Огорев Холм и дер. Кундринское.[7] На

---

1 Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына в 1898 г. Матер. Гос. Акад. истории матер. культуры, вып. 2, 1933, табл. VI—VII.

2 Ф. Д. Нефедов. Журнал раскопок, произведенных в Прикамье летом 1894 г. Матер. по археологии восточн. губерний, т. III, М., 1899, табл. 12.

3 А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. Матер. по археологии России, вып. 25, 1901, табл. II.

4 Там же, табл. II.

5 Там же, табл. I, VI.

6 Там же, табл. III.

7 Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына в 1898 г. Матер. Гос. Акад. истории матер. культуры, вып. 2, 1933, табл. VII.

8 В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. Изв. Гос. Акад. истории матер. культуры, вып. 85, 1934, стр. 21—30. — О. Романовская. Городище Казенный Бугор. Сборн. научно-археол. кружка I МГУ, 1928, стр. 38—39 (гектограф).

1 Н. Е. Макаренко. Поездка 1903 г. по верхнему течению р. Волги. Изв. Археол. комисс., вып. 6, 1904, стр. 82—83.

2 Раскопки Н. А. Смирнова в Клинском у. (Зап. Отдел. русск. и славянск. археологии Русск. археол. общ., т. V, вып. 1, 1903, стр. 142 и сл.).

3 Исследовано Ю. Г. Гендуне в 1901—1902 гг. (Архив Инст. истории матер. культуры, дело № 39, 1901, и дело № 27, 1902).

4 Исследовано Ю. Г. Гендуне в 1901 г. (Архив Инст. истории матер. культуры, дело № 39, 1901).

5 Огромное число городищ значится в сводной работе В. И. Плетнева «Остатки старины в Тверской губ.» (Тверь, 1903), но она была составлена на основании главным образом анкетных сведений и поэтому содержит большое количество неточных данных.

6 Обследовано автором в 1926 г.

7 Обследованы автором в 1935 г.

первом из них, едва сохранившемся вследствие распашки, обнаружена архаичная керамика. Второе, у с. Огорев Холм, дало то же самое и, кроме того, кости лошади и небольшое железное острие. Городище у дер. Кундринское, занимающее мыс возвышенности, отрезанный от основания валом и рвом, также дало архаичную керамику.

Далее несомненно древними являются остатки укрепленного поселения, расположенные на правом берегу Волги против г. Костромы в с. Городище. Оно занимает округлый мыс диаметром в 30 м. При расследовании там было найдено множество обломков керамики, кости животных и ряд кремневых орудий.[1] В обрыве склона был установлен профиль углубленной в материк неглубокой ямы, повидимому, полуземлянки.[2] Чрезвычайно любопытной является керамика этого городища, обладающая одной чертой, сближающей ее с керамикой прикамских и ветлужских городищ. Она представлена плоскодонными сосудами, значительно более широкими, чем верхневолжские, имеющими иногда на горловине выпуклый валик, ни разу в Верхнем Поволжье не встреченный, но обычный на посуде ананьинской эпохи в Прикамье (например в Котловском могильнике).[3] По орнаментации она близка верхневолжской, но в ней почти не представлены элементы, идущие от «бомбовидной» керамики эпохи бронзы. Другие городища этого района, расположенные главным образом по правым притокам Волги или же по рекам бассейна озер Плещеево и Неро, исследованы чрезвычайно плохо, и те незначительные материалы, которые могут служить для их характеристики, состоящие преимущественно из керамики с «сетчатой» орнаментацией, не дают пока возможности выделить из них более древние, предшествующие первым векам н. э.

6

Древнейшие укрепленные поселения Верхнего Поволжья, о культуре населения которых известно еще очень немного, были более или менее однотипны по своему устройству, размерам и по характеру тех остатков, которые сохранились до наших дней в их культурных наслоениях. Они сооружались в таких местах, которые были защищены естественными препятствиями в виде реки, болота; обычно же таковыми являлись крутые склоны, окружавшие место поселения если не со всех сторон, то во всяком случае на три четверти его периметра. Стороны, не защищенные естественным рельефом местности, укреплялись земляными валами или неглубокими рвами.

Второе, что необходимо отметить, — это крайне миниатюрные размеры всех поселений. Наиболее обширным по сравнению с другими являлся поселок, бывший на месте городища Топорок, площадь которого равна 2.000 кв. м. Остатки городища около с. Городища у Калязина равны 1375 кв. м; городище у с. Городец — 1500 кв. м. Одно из городищ на р. Лутосне имеет размеры всего лишь 900 кв. м, городище в устье Нерли у дер. Скнятино — 700 кв. м. Укрепленные поселения, расположенные ниже по Волге, в данном случае ничем не отличались от верхневолжских. Городище против Костромы имеет площадь 800 кв. м, Огорев Холм — 850 кв. м, городище у дер. Кундринское — 2.000 кв. м. Отсюда ясно, что укрепленные поселения принадлежали относительно небольшим группам, едва ли превышавшим численно сотню человек обоего пола.

Если взглянуть на карту с нанесенными на ней пунктами местоположения древних укрепленных поселений (рис. 7), то станет очевидным, что они располагались не равномерно, а компактными группами по два, по три в каждой. Такая группировка сохранилась вплоть до первых столетий н. э. Точно так же располагались в эту эпоху укрепленные поселения и в других областях Восточной Европы, в частности на р. Оке.[1] Совершенно очевидно, что такая группировка далеко не случайна и что она отражает реально существовавшие в ту эпоху родовые и племенные связи, а также указывает на наличие определенных территорий, принадлежавших, повидимому, отдельным родовым группам. Здесь опять-таки нельзя не привести небольшой выдержки из «Описания земли Камчатки» С. Крашенинникова, наблюдавшего, что «Всякий острожек ту реку, при которой живет, почитает за владение своего рода и с той реки на другую никогда не переселяется. Если же по какой-нибудь причине одна или несколько семей пожелают жить особливыми юртами, то делают оные выше или ниже острожка по той же реке или по посторонней, которая течет в их реку. Чего ради думать можно, что на всякой реке живут сродники, которые происходят от одного прародителя».[2]

Картина, как видим, весьма определенная, не требующая комментариев.

Какую форму имели жилища древних укрепленных поселений Верхнего Поволжья, пока не известно. Можно было думать, что это были полуземлянки, аналогичные окским жилищам

---

1 Н. М. Бекаревич. Материалы для археологической карты Костромской губ. Тр. II Обл. Тверск. археол. съезда, Тверь, 1906, стр. 13.

2 Обследовано автором в 1930 г.

3 Ф. Д. Нефедов. Отчет о раскопках в Прикамье в 1893 г. Матер. по археологии восточн. губерний, т. III, М., 1899, табл. 19.

1 П. Н. Третьяков. К истории доклассового общества Верхнего Поволжья. Изв. Гос. Акад. истории матер. культуры, вып. 106, 1935, стр. 154—157.

2 С. Крашенинников. Описание земли Камчатки. Полн. собр. учен. путешествий по России, издан. Акад. Наук, т. II. СПб., 1819, стр. 43.

этой эпохи. [1] Однако последние исследования показали, что на берегах Волги выше устья р. Мологи уже на самых древних укрепленных поселениях жилища были надземными. В районе же г. Костромы, повидимому, преобладали полуземлянки, установленные на городище у с. Городища, против г. Костромы и на ряде других более поздних, речь о которых будет итти ниже.

Культура населения в ту эпоху была, очевидно, немногим выше культуры ительменов XVIII столетия, употреблявших «кость и каменья» для изготовления своих орудий. Правда, в первом тысячелетии до н. э. населению Верхнего Поволжья были известны металлы. Однако медь, привозимая с Урала, была редким и дорогим материалом; железо же, выплавляемое из местных болотных руд, только лишь начало входить в употребление. Об этом говорит не столько факт широкого употребления в эту эпоху костяных и кремневых орудий, сколько обширный их ассортимент. Из кости, например, изготовлялись не только шилья, наконечники стрел и гарпунов, но и такие орудия, как ножи и наконечники мотыг, т. е. орудия, которые в последующую эпоху уже всегда делались из железа.

Однако по сравнению с предшествующей стадией, представленной памятниками неолита и эпохи бронзы, культура населения первого тысячелетия до н. э. представляла собою огромный шаг вперед, сущность которого определяется ростом скотоводства и земледелия и превращением их в основные отрасли хозяйства. Одновременно и в теснейшей связи с этим в области социальных отношений протекал процесс формирования патриархально-семейного строя, о чем уже неоднократно речь шла выше. По своим внешним проявлениям культура рыболовов-охотников и скотоводов-земледельцев имеет очень мало общих черт, и если бы не были хорошо известны памятники, относящиеся к промежуточной, переходной стадии, то генетическое родство тех и других доказать было бы совершенно невозможно.

Для племен Верхнего Поволжья середина первого тысячелетия до н. э. была эпохой громадного экономического, социального и культурного сдвига. Они навсегда распрощались с «каменным веком», со случайностями «добывающего» охотничье-рыболовческого хозяйства, с экономической и культурной замкнутостью. И если до этого периода их развитие протекало изолированно, в рамках родовых и племенных образований, то с этой эпохи история племен Верхнего Поволжья мало-помалу начинает вплетаться в общую историческую канву, единую не только для всей Восточной Европы, но и для более широких пространств. Середина первого тысячелетия до н. э. может быть названа скифской эпохой в истории Восточной Европы. К этому времени на территории степей сложились скифские племена, жизнь которых была тесно связана с античным Причерноморьем. Скифские племена сыграли огромную роль в историческом процессе на территории Восточной Европы. И несомненно, что изменения в истории племен Верхнего Поволжья, с которыми мы только что познакомились, не могут рассматриваться изолированно, вне связи с историей смежных и более отдаленных племенных образований.

Скотоводы восточноевропейских степей послужили для своих северных соседей источником получения домашних животных. Лесные пространства были бедны видами животных, годными для приручения: на севере были приручены, повидимому, лишь дикая свинья и крупный рогатый скот, причем последний в диком состоянии водился далеко не везде. Ни лошадей, ни мелкого рогатого скота на севере в диком состоянии не было. Выше же мы видели, что у населения Верхнего Поволжья в середине и во второй половине первого тысячелетия до н. э. в стаде домашних животных были и лошади и мелкий рогатый скот, причем первые составляли даже численно основу стада. Следовательно, племена Верхнего Поволжья, вероятно, через своих южных соседей были связаны с племенами степей, войдя таким образом впервые в общеевропейскую историю.

---

1 П. Н. Третьяков. К истории доклассового общества Верхнего Поволжья. Изв. Гос. Акад. истории матер. культуры, вып. 106, 1935, стр. 157—159.

Глава II

ВЕРХНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ В НАЧАЛЕ ПЕРВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.

1

Начало первого тысячелетия н. э., точнее время от I до IV столетия, в истории населения Верхнего Поволжья не было эпохой какого-либо значительного перелома в экономической и общественной жизни. Облик культуры, сложившейся здесь к концу первого тысячелетия до н. э., в своих основных чертах сохранялся и в продолжение всего этого периода. Однако, если сравнить культурные остатки I—IV столетий н. э. с памятниками более ранней эпохи, знакомой нам по предыдущей главе, то станет ясным, что жизнь все же шла вперед и многое мало-помалу изменялось. Бросается в глаза, например, что в начале первого тысячелетия н. э. прочно вошло в обиход железо, которое повсеместно выплавлялось из местных болотных руд. Это несомненно явилось фактом очень большого значения. Далее произошли известные перемены в соотношении различных частей хозяйства, конкретно в дальнейшем возрастании роли скотоводства и земледелия. Общественная жизнь, наконец, также не оставалась без некоторых ощутимых перемен. Словом, исторический процесс в Верхнем Поволжье в эту эпоху имел более или менее ровное течение, жизнь шла вперед без резких перемен и в рамках одного и того же общественного и экономического строя.

Для характеристики культурного состояния населения Верхнего Поволжья I—IV столетий н. э. мы располагаем сравнительно большим материалом, значительно превышающим данные, характеризующие предыдущую эпоху. Начало первого тысячелетия н. э. предстает перед нами в свете более чем пятидесяти памятников, из которых многие были изучены путем раскопок, другие же известны по материалам обследований разведочного характера. Помимо этого, имеются сведения еще свыше чем о тридцати памятниках, расположенных преимущественно по волжским притокам в юго-восточном районе Верхнего Поволжья, а также в верховьях Волги. Однако эти сведения, в большинстве случаев не проверенные, не могут быть использованы в полной мере.[1]

В течение первых веков н. э. население продолжало жить в своих укрепленных поселках — маленьких земляных городках, расположенных на отрогах высоких и крутых речных берегов. Многие из этих поселков возникли еще в предыдущие столетия и нам уже несколько знакомы, другие же появились вновь, в основном сохраняя в своем расположении старую родовую группировку, что особенно выпукло выступает на берегах Волги выше устья р. Мологи, где памятники изучены несравненно полнее, чем в других районах. Следует указать, однако, на некоторые новые черты, касающиеся самих поселений и их расположения. Если в предыдущие столетия население иногда как бы избегало Волги, стараясь сооружать свои поселения хотя и рядом с Волгой, но в глубине лесов, то с первых веков н. э. люди стали выходить на Волгу, и на ее берегах появляется все больше и больше новых поселений, причем некоторые из них не имели укреплений и в соответствии с этим располагались на удобных для поселения, обычно невысоких ровных и открытых участках берега.

Конкретную историю поселений мы можем проследить на участке Верхнего Поволжья, лежащем между устьями рек Тверцы и Мологи.

Наиболее древние укрепленные поселения, возникшие здесь в середине первого тысячелетия до н. э., остатки которых расположены у с. Городища, с. Городок и в низовьях р. Нерли, к началу первого тысячелетия н. э.

---

1 Сведения эти почерпнуты из: 1) соч. А. С. Уварова «Меряне и их быт», (Тр. I Археол. съезда, т. II); 2) аннотированной археол. карты Ярославск. губ., составленной И. А. Тихомировым (Ярославль); 3) археол. карты Костромск. музея; 4) списков памятников Владимирск. губ., представленных в 1925 г. в Гос. Акад. истории матер. культуры (дело № 99, 1925), и из ряда изданий, как то: 1) В. А. Плетнев. Остатки старины в Тверской губ. Тверь, 1903; 2) И. А. Тихомиров. Ярославские городища. Тр. IV Обл. историко-археол. съезда в Костроме в 1909 г., Кострома, 1914, стр. 186 и сл.

EB_1941_AKS_416

не были покинуты и существовали вплоть до первых веков н. э. В конце первого тысячелетия до н. э. здесь возникает ряд укрепленных поселков, известных по городищам Топорок у дер. Сухарина, Корчевскому, Черной Горе у дер. Лисицы, городищу у дер. Прислон, городищу в устье р. Нерли и др. На рубеже первого тысячелетия до н. э. и первого тысячелетия н. э. здесь появляется уже целый ряд укрепленных поселков, с которыми мы подробнее познакомимся ниже. Их остатками являются городища у дер. Иванькова, у дер. Санникова, у дер. Пекунова, у с. Ивана-Предтечи, Круглецы у с. Охотина, городище в устье Грехова ручья и др. Поселение на Черной Горе у дер. Прислон и у с. Ивана-Предтечи были заброшены во II—III столетиях н. э.; другие же продолжали существовать и далее. Ни одного нового укрепленного поселения на этом участке берегов Волги в последующие столетия, повидимому, не возникло. В III—IV столетиях здесь было до двадцати укрепленных поселков, остатки которых известны в настоящее время. Следует думать, что фактически их было несколько больше, так как Волга в ряде мест весьма энергично подмывает свои берега, и остатки некоторых городищ в настоящее время являются уже почти совершенно смытыми.

Параллельно прекращению возникновения новых укрепленных поселков и запустению некоторых старых появляются на берегах Волги, наличия с первых веков н. э., поселения открытые, не снабженные защитными сооружениями. Остатки таких поселков на данном участке насчитываются до двадцати, что несомненно несколько меньше их действительного числа. Таким образом, к III—IV столетиям н. э. половина поселений на участке от устья Тверцы до устья Мологи не имела укреплений. Примерно такой же процесс в истории поселений дают и смежные районы, где также наблюдается появление неукрепленных поселений при постепенном запустении неудобных для жизни поселков-крепостей. И если в отдельных случаях в III—IV столетиях укрепленные поселения в некоторых местах и возникали, то они не меняли общей картины развития форм поселения.

Значительное различие в количестве памятников первых столетий до н. э. и в первых столетиях н. э., наблюдаемое повсеместно в Верхнем Поволжье, отражает реальное увеличение численности населения. Число поселков, существовавших в продолжение первых столетий н. э., по крайней мере в три раза превышало количество поселений предыдущего периода. Допуская, что остатки последних нам известны значительно хуже, чем остатки первых, все же можно говорить о росте населения примерно в два-три раза за промежуток времени в 400—500 лет. Это, конечно, чрезвычайно быстрый рост населения для первобытной эпохи. Но надо иметь в виду, что он протекал в период, когда экономическая жизнь стала вполне стабильной и уже почти не зависела от случайностей, как это было в предыдущую эпоху при рыболовстве и охоте. Несмотря на это, население в Верхнем Поволжье в начале первого тысячелетия н. э. оставалось все же чрезвычайно редким. Если обратиться к знакомому нам уже району — участку Поволжья между устьем Тверцы и устьем Мологи, протяжением в 300 км, то там, как мы видели, было не больше сорока поселений. Другими словами, если бы поселки были расположены равномерно, то они отстояли бы друг от друга на 7—8 км; фактически же они располагались почти всегда группами, расстояния между которыми доходили до 20—30 км и более.

На участке Поволжья ниже устья Мологи, который в конце первого тысячелетия до н. э., повидимому, оставался ненаселенным, во II—III столетиях н. э. впервые возникло несколько укрепленных поселений, по крайней мере два. Их остатки известны на р. Урдоме, недалеко от ее устья, и у с. Кузминское на Волге. Они были расположены недалеко одно от другого, и их следует рассматривать, как особую группу. В конце III или в начале IV столетия здесь же, на р. Сонохте, возникает еще одно поселение, также укрепленное.

2

Если следовать вверх по Волге, начиная от устья р. Мологи, то в 20—25 км от последнего на правом берегу Волги нам встретятся три поселения начала первого тысячелетия н. э., остатки которых располагаются у с. Коприна, у дер. Васильево и у с. Глебова (рис. 7).[1] Первые два были неукрепленными и располагались на участках невысокого берега Волги: одно — на дюне в устье ручья Треновского, другое — на ровном участке коренного берега. Поселение у с. Глебова, повидимому, было укрепленным. Его остатки занимают участок очень высокого и крутого коренного берега, расположенный между двумя оврагами. Все три поселения возникли не раньше II—III столетий н. э. и существовали вплоть до IV—V столетий, а быть может, и до более позднего времени. На примере двух первых памятников можно познакомиться с некоторыми характерными чертами, присущими всем другим верхневолжским неукрепленным поселениям этой эпохи. В отличие от поселений укрепленных, где людям приходилось жить всегда скученно, на открытых поселках жили более разбросанно. В результате этого культурные слои последних отличаются не-

[1] Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг., т. I. Изв. Гос. Акад. истории матер. культуры, вып. 109, 1935, стр. 158. Памятники были вторично обследованы в 1936 г.

равномерной мощностью, местами прерываются и занимают, как правило, относительно обширные пространства, превышающие размеры укрепленных поселений. Культурный слой у дер. Васильево, прослеживающийся вдоль берега почти на 100 м, а вглубь на 40 м, занимает площадь, равную 3000—4000 кв. м, причем, вероятно, не малая часть его уже смыта Волгой. Селище у с. Коприна, расположенное на дюне, почти совершенно уничтожено деятельностью ветра. Его площадь

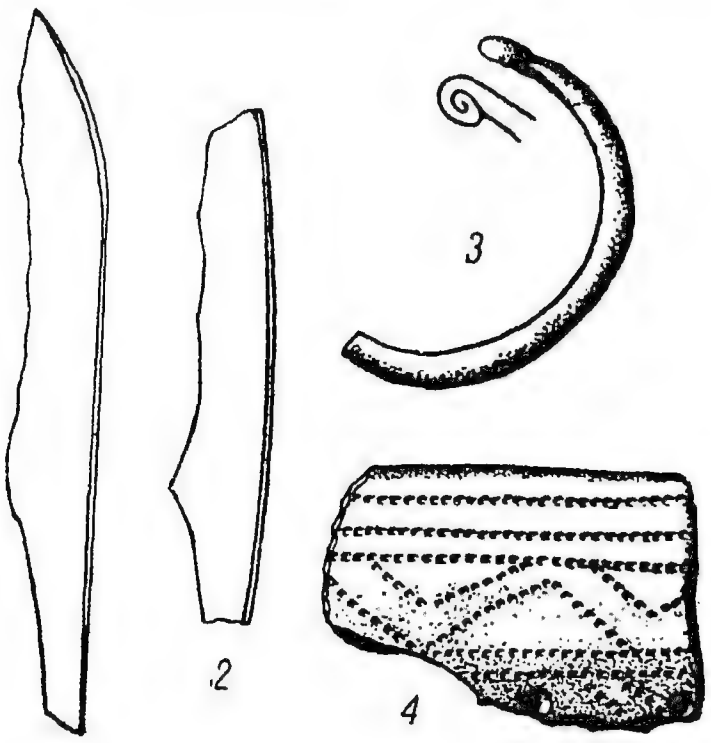


Рис. 12 Находки из городища Круглецы около с. Охотина.

составляла, однако, не менее 4000 кв. м. Памятники не были подвергнуты исследованию путем раскопок, но благодаря многочисленным обнажениям культурного слоя дали значительный подъемный материал, состоявший из обломков глиняной посуды с «сетчатым» орнаментом (а также грубой не орнаментированной), костей животных, в том числе лошади, и обломков шлифованных камней. Время памятников определяется на основании керамики, о чем специально речь будет итти ниже.

О поселении у с. Глебова трудно сказать что-либо определенное, так как его остатки смыты Волгой и испорчены проходящей здесь дорогой. Но по находкам, сделанным в культурном слое, время памятника определяется теми же датами, как и двух предыдущих.

Поднимаясь далее по Волге и минуя древнее укрепленное поселение у с. Городок, существовавшее вплоть до I—II столетий н. э., о котором речь шла в предыдущей главе, мы встретим следующее поселение, относящееся к началу первого тысячелетия н. э., в 30 км в местности Круглецы, у с. Охотина (рис. 7). Это было укрепленное поселение, расположенное на мысу берега Волги в устье ручья Кругляцкого. С напольной стороны защитными сооружениями поселка были земляной вал и неглубокий ров. К моменту исследования, произведенного в 1936 г. (прилож. IV), памятник был почти совершенно смыт Волгой; от него остались кусочек площадки и часть вала; все это — площадью не более 10—12 кв. м. Исследование этих остатков дало характерную для II—III столетий керамику, кости лошади, коровы и свиньи, три железных ножа, кольцо железной застежки и много мелких обломков пережженного камня (рис. 12).

В 15—18 км от Круглецов выше по Волге, на левом берегу, остатки трех неукрепленных поселений начала первого тысячелетия н. э. известны у дер. Кирилловки между двумя оврагами, у дер. Усолье в устье небольшого ручья и у дер. Федюкова на левой стороне большого оврага.[1] Все три памятника не подвергались раскопкам, но их культурные отложения, обнаженные в обрывах берега, дали некоторый материал, состоящий из обломков глиняной посуды, точильных камней и жерновов и позволяющий более или менее точно определить время памятников. Следы поселения, относящегося, возможно, к этому же или несколько более позднему времени, известны здесь на противоположном берегу Волги у деревень Ивцино и Верхние Плоски.[2] Таким образом, здесь, повидимому, была компактная группа, состоящая из четырех неукрепленных поселений.[3]

Следующие поселения начала первого тысячелетия н. э. встретятся через 10—12 км. Они находятся одно против другого на правом и левом берегах Волги. Оба эти поселения, остатки которых располагаются у дер. Васильки и пос. Воскресенского, также были неукрепленными. Они дали материал, аналогичный находкам, сделанным на предыдущих памятниках.[4]

Еще через 10—16 км вверх по Волге, на обоих ее берегах располагается группа памятников этого же времени, состоящая из остатков одного укрепленного поселения и двух неукрепленных.

Первое поселение находится на правом коренном берегу Волги при впадении Грехова ручья, на узком и вытянутом мысу, который образовался справа от устья названного ручья,

---

[1] Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг., т. I. Изв. Гос. Акад. истории матер. культуры, вып. 109, 1935, стр. 159.

[2] Там же.

[3] По данным И. А. Тихомирова (Ярославский музей), в этом же районе, несколько далее вверх по левому берегу Волги, в 1—2 км от Круглецов, у деревень Калуцкое и Плюскина имеется городище, что, однако, автором проверено не было.

[4] Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг., т. I. Изв. Гос. Акад. истории матер. культуры, вып. 109, 1935, стр. 159.

выходящего к Волге под острым углом. В настоящее время мыс этот почти совершенно уничтожен Волгой, энергично разрушающей здесь свой коренной берег, поэтому о поселении, несмотря на проведенные здесь раскопки, известно сравнительно немного (прилож. V).

Остаются неизвестными прежде всего размеры поселения, занимавшего несколько покатую к стрелке оконечность мыса, укрепленного с напольной стороны двумя валами, маленьким внутренним и большим наружным, и двумя неглубокими рвами. Создается такое впечатление, что защитные сооружения поселка в последние моменты его существования уже не функционировали и находились в полуразрушенном состоянии. Особенно ясно прослеживается это в отношении внутреннего вала, перекрытого культурным слоем. В сохранившихся частях края склонов, высота которых достигает 20 м, обнаружены незначительные остатки каких-то деревянных сооружений — повидимому, массивной изгороди, погибшей от огня. На сохранившейся части площадки были открыты скопления пережженного камня, заполнявшие естественную западину у края площадки, и ряд ям от вертикально стоявших столбов какого-то надземного сооружения.

Более любопытный материал дали культурные наслоения городища, мощность которых колебалась от 0.40 до 0.80 м. Подавляющее количество материала состояло из обломков керамики, представленной двумя основными типами посуды. В нижних слоях городища преобладала посуда, покрытая относительно грубым «сетчатым» узором, с плоским дном, с небольшими закраинками, выпуклыми стенками и чуть суженным горлом, с прямым или слегка отогнутым наружу венчиком. Диаметр сосудов колебался от 15 до 25 см. Некоторые из них были, повидимому, низкими и широкими — в форме мисок; большинство являлось высокими и цилиндрическими горшками. Здесь же в небольшом числе встречена неорнаментированная керамика тех же форм и размеров, что и украшенная «сетчатым» узором. В верхних горизонтах культурного слоя эта керамика преобладала над орнаментированной. Последняя составляла до 30% общего числа керамического материала. Особо надо отметить несколько обломков неорнаментированной посуды с резкой профилировкой и черной лощеной поверхностью, найденных в верхнем слое (рис. 12). Такая посуда в середине первого тысячелетия н. э. была широко распространена в области бассейна р. Оки. В памятниках этого времени в верховьях Волги, как мы увидим ниже, она встречается очень редко. Трудно допустить, что ее могли привезти на Верхнюю Волгу из области бассейна р. Оки. Правильнее будет думать, что эту посуду выделывали на месте происходившие оттуда женщины.

Среди кучи камня были найдены рядом друг с другом железный нож и наконечник стрелы. Невдалеке найдены еще два ножа. Все ножи имеют прямые параллельные спинку и лезвие, сходящиеся на острие (рис. 13). Наконечник стрелы имеет ромбическую форму и маленький насад (рис. 13). Все эти вещи происходили из верхнего горизонта культурного слоя. Далее были встречены три обломка «грузиков дьякова типа», очень грубых, орнаментированных насечками по краю. Интересными находками являются крица железа, свидетельствующая о местной добыче и выплавке железа, и глиняный льячек, говорящий о медноплавильном деле. Найдено несколько точильных камней разных размеров и большой пест из валуна, которым, судя по следам на концах, дробились какие-то твердые материалы.

Последней находкой, происходящей из верхнего слоя, является большая бронзовая застежка, инкрустированная красной эмалью — вещь в Верхнем Поволжье почти уникальная, впервые найденная в культурном слое (рис. 13). До этого времени здесь была известна одна подобная же застежка, происходящая из дер. Кирьянова около г. Углича, где она была найдена случайно.[1] На этих предметах ниже (гл. IV) мы остановимся специально. Сейчас же следует лишь отметить, что застежка позволяет датировать верхние горизонты культурного слоя городища IV—VI столетиями н. э.

Неукрепленные поселения, расположенные в том же районе, что и поселок в устье Грехова ручья, находились на противоположном, левом берегу Волги, несколько выше по течению, в расстоянии 350 м одно от другого. Они занимали край невысокого ровного коренного берега и так же, как и предыдущее поселение, подверглись значительному разрушению. Первое из поселений, расположенное выше по течению Волги, имело протяженность до 100 м вдоль берега и до 50 м в глубину берега. В настоящее время его культурные наслоения достигают мощности 0.25—0.30 м. Из них происходит материал главным образом керамический, вполне аналогичный материалу предыдущего памятника. Второе поселение, значительно более разрушенное, имело, повидимому, несколько меньшие размеры. По времени оно несколько позднее первого поселения, так как в его культурных наслоениях, достигающих по мощности 0.50 м, найдена почти исключительно более поздняя неорнаментированная керамика, время которой может быть определено серединой первого тысячелетия н. э.

Далее вверх по Волге, по обоим ее берегам, не встречено ни одного поселения первого

[1] А. А. Спицын. Предметы с выемчатой эмалью. Зап. Отдел. русск. и славянск. археологии Русск. археол. общ., т. V, вып. 1, 1903, стр. 182, 184.

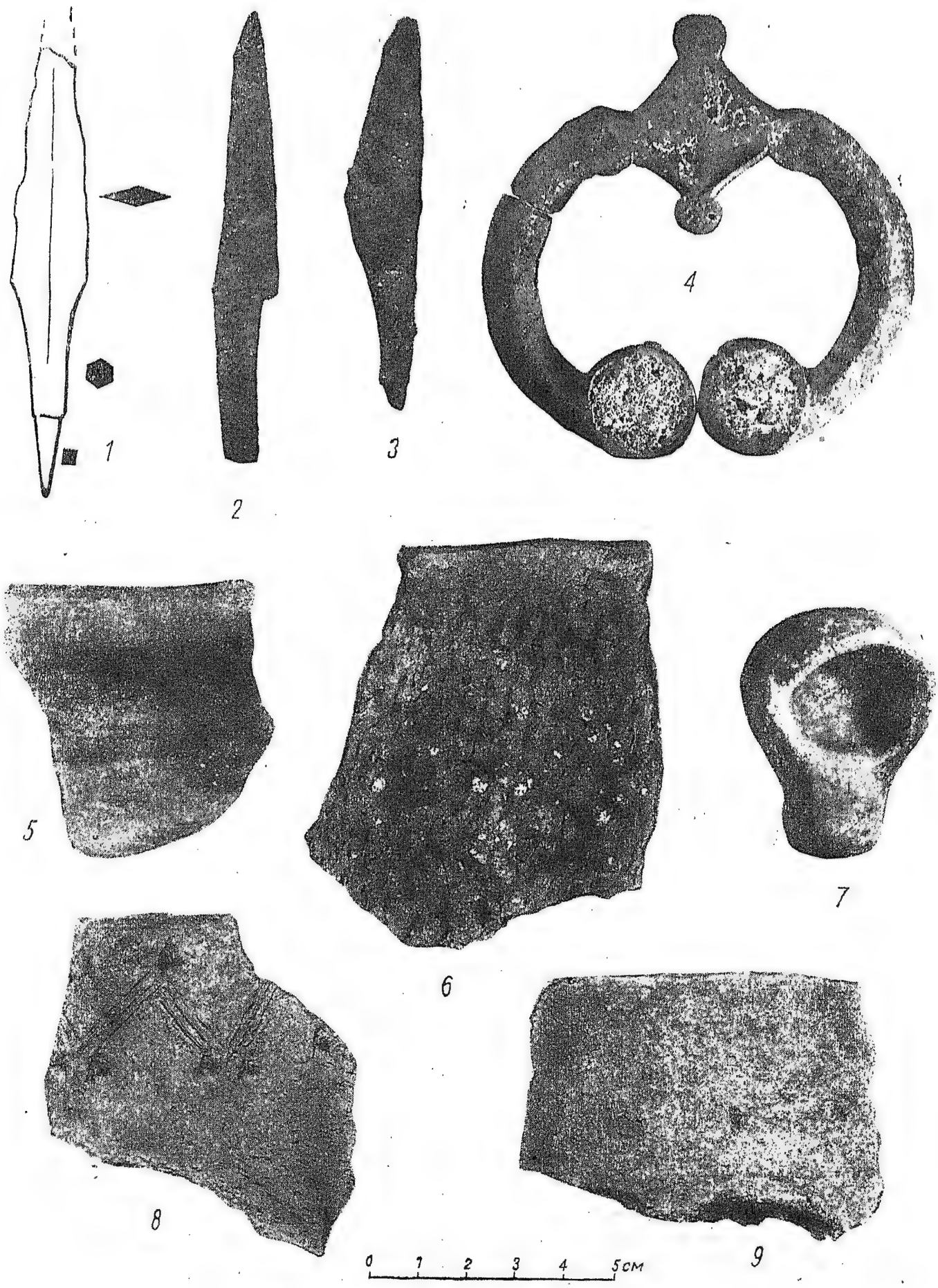


Рис. 13. Находки из городища в устье Грехова ручья.

тысячелетия н. э. вплоть до устья р. Нерхотки, т. е. на расстоянии 45 км. Здесь на левом берегу Волги, несколько выше устья Нерхотки, обнаружено селище, отличающееся большими размерами. Его протяженность вдоль берега составляет 200 м; как далеко простиралось оно в глубь берега, остается неизвестным, так как берег Волги в этом месте энергично подмывается. Среди культурных остатков, обнаруженных на месте поселения, имеются железные ножи, керамика, аналогичная посуде городища у Грехова ручья, огромное количество пережженного камня. Керамика свидетельствует, что жизнь на поселении продолжалась и в течение середины первого тысячелетия н. э.

В 3 км. выше, на том же левом берегу Волги, находился уже знакомый нам укрепленный поселок, остатки которого известны у с. Городища около г. Калязина (прилож. I). Возникнув за несколько столетий до начала н. э., этот поселок просуществовал до IV—VI столетий, о чем говорит находящаяся в его верхних слоях грубая «сетчатая», а также неорнаментированная керамика. Из верхних слоев также происходят несколько точильных камней, каменные песты и два «грузика дьякова типа» (рис. 14).

Выше по Волге селища первых веков н. э. не известны на расстоянии 17 км, вплоть до устья р. Кашинки, где в ту эпоху располагалась группа поселений, остатки которых открыты у деревень Спасское и Детково на левом берегу Волги.[1] Поселения были расположены на ровных участках невысокого коренного берега в устьях оврагов, по которым протекали небольшие ручьи. Судя по керамике, жизнь на поселениях не прекращалась до середины первого тысячелетия н. э.

Следующую группу поселений этого времени, состоящую из одного неукрепленного и двух укрепленных, встретим через 15—18 км на правом берегу Волги в устье р. Нерли Волжской. Остатки неукрепленного поселения располагаются у дер. Басово на краю берега Волги. Первое укрепленное поселение находилось на левом берегу р. Нерли, в 1 км от ее устья. Площадка городища треугольной формы имеет площадь в 700 кв. м. При раскопках, произведенных на городище в 1897 г., была найдена керамика с «сетчатым» орнаментом с примесью дресвы, шлаки от кричной выработки железа, орнаментированные прясла от веретен, костяное острие, железный нож и осколки кремня. Найдены кости лошади и свиньи.[2]

Небольшие раскопки произведены на городище в 1937 г. Помимо многочисленных обломков керамики, преимущественно с «сетчатой» орнаментацией, и костей животных, найдены часть железного пальштабовидного топора, шлаки и каменные песты.

Второе городище по р. Нерли, о находках из нижнего слоя которого упоминалось выше, имеет также слой II—III столетий н. э., давший керамику, железные шлаки, наконечник стрелы, прясла от веретен и каменные песты. О форме и размерах этого городища нельзя сказать ничего определенного, так как от него сохранились лишь незначительные остатки.

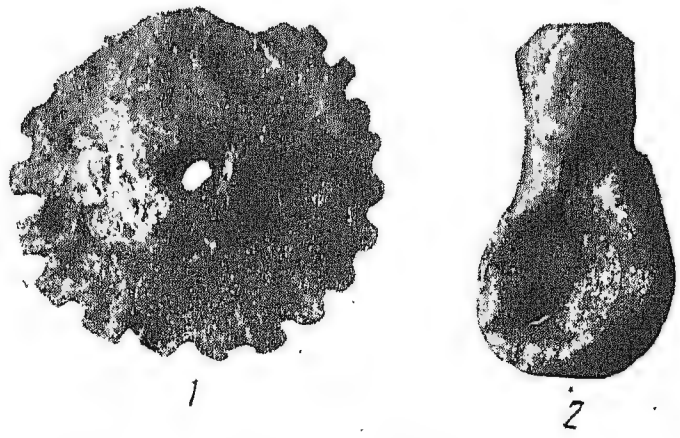


Рис. 14. Находки из культурного слоя городища у с. Городища около г. Калязина.

На левом берегу Волги, выше и ниже устья р. Медведицы, имеются два городища первых веков н. э. Одно из них находится у дер. Старое Городище, другое — у дер. Селище. Первое из городищ расположено на мысу невысокого коренного берега Волги, образовавшегося в устье небольшого ручья, называемого Городецким. Памятник застроен и сохранился плохо. Второе городище занимает высокий мыс берега Волги, отделенный от массива коренного берега двумя высокими валами. Небольшие пробные раскопки 1937 г. показали, что оба городища имеют мощные культурные наслоения, нижние горизонты которых дают материал первых веков н. э., верхние горизонты содержат вещи, относящиеся к IV—VI столетиям н. э.

По данным В. А. Плетнева,[1] а также по сообщениям А. А. Спицына,[2] древнее городище, на котором была найдена керамика

---

[1] Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг., т. I. Изв. Акад. истории матер. культуры, вып. 109, 1935, стр. 159.

[2] В. А. Плетнев. Остатки старины в Тверской губ. Тверь, 1903, стр. 289. Раскопки производились В. М. Колосовым, краткий отчет которого имеется в архиве Инст. истории матер. культуры.

[1] Он же, ук. соч., стр. 287.

[2] А. А. Спицын. Городища Дьякова типа. Зап. Отдел. русск. и славянск. археологии Русск. археол. общ., т. V, вып. 1, 1903, стр. 138.

с «сетчатым» орнаментом, располагается у с. Белгородок в устье р. Хотчи.

Выше по течению Волги в районе устья р. Дубны имеются на протяжении 18 км остатки четырех укрепленных поселений и одного неукрепленного. Одно из них — городище Прислон, возникшее, повидимому, в самом конце первого тысячелетия до н. э., уже знакомо нам по предыдущей главе. Первое городище расположено на правом берегу р. Волги при устье ручья, на стрелке коренного берега, называемой «Дьяков лоб», у с. Ивана-Предтечи. Края городища ограничены обрывами к реке; с напольной стороны имеются рвы и валы, один из которых спускается по склону к подножью площадки со стороны Волги. Мощный культурный слой городища дает находки, относящиеся к первым векам н. э.[1] Городище Прислон расположено на том же правом берегу Волги в 3 км ниже устья р. Дубны, в устье р. Ситмеж. По керамическому материалу можно судить, что жизнь на городище продолжалась и в течение первых столетий н. э.[2]

Городище у дер. Пекуново, исследованное в 1932—1933 гг., находится на левом берегу Волги, почти против устья р. Дубны. В отличие от большинства волжских городищ оно располагается на краю относительно невысокого коренного берега и представляет собою искусственную насыпь, превышающую грунт на 3 м и окруженную рвами и валами. В настоящее время значительная часть памятника уже смыта Волгой. Мощные культурные слои городища говорят о сравнительно длительном его обитании, определяемом, по мнению О. Н. Бадера, первыми пятью веками н. э. За этот период укрепленное поселение неоднократно перестраивалось, а площадка подсыпалась. По краю площадки при раскопках были обнаружены остатки укреплений из бревен хвойного дерева, погибших в результате пожара. Остатки жилищ на Пекуновском городище открыты не были. Исследования дали богатый материал, состоящий из костей диких и домашних животных, обломков характерной керамики с отпечатками ткани или плетенки в нижних слоях и неорнаментированной — в верхних, глиняных грузил, многочисленных изделий из кости и единичных предметов из железа и бронзы.[3] В полной мере результаты этих исследований еще не опубликованы.

Последнее городище, примыкающее к области, лежащей вокруг устья р. Дубны, расположено в 7 км выше ее устья на правом берегу Волги у дер. Иваньково. Поселение занимало стрелку коренного берега в устье ручья Глинник, в настоящее время почти совершенно разрушенную Волгой, подмывающей здесь свой берег. При раскопках, произведенных в 1932 г., обнаружен небольшой материал, состоящий преимущественно из керамики, глиняных грузил, костей животных и нескольких железных предметов, позволяющих отнести памятник ко времени первых веков н. э. или, как выразился автор раскопок О. Н. Бадер, «к первой половине существования Пекуновского городища».[1] Остатки неукрепленного поселения известны на левом берегу Волги у дер. Багунина (рис. 7).

Выше по Волге, в районе г. Корчевы, находим на левом берегу остатки пяти поселений: двух укрепленных и трех неукрепленных. Неукрепленные поселения были расположены на дюне у дер. Омутки, у дер. Борок, на небольшом возвышении на берегу Волги и в устье р. Созы, на стрелке у с. Устья. Остатки этих поселений очень незначительны.[2]

Остатки укрепленных поселений известны у деревень Санниково и Борок. Последнее, иначе называемое Корчевским городищем, уже знакомо нам по предыдущей главе.

Городище у дер. Санниково находится на невысоком мысу при впадении в Волгу рч. Матвеевки. В 1933 г. на городище были произведены значительные раскопки. «Интенсивно черный и совершенно однородный культурный слой дал довольно большое количество остатков, главным образом — предметов из обожженной глины и камня. Кость в слое, к сожалению, почти не сохранилась. Особенно хорошо представлен земледельческий инвентарь; найдены железный серп и большое количество каменных зернотерок».[3] В нижних горизонтах культурного слоя обнаружен ряд очагов из камня и глины, указывающих, что жилища на поселении были надземными. По времени памятник соответствует Пекуновскому городищу, т. е. определяется первыми пятью веками н. э.

Городище у дер. Борок (Корчевское) известно по раскопкам Ю. Г. Гендуне, произведенным в 1903 г.[4] Уже тогда городище было сильно попорчено. Его первоначальная форма осталась неизвестной. Повидимому, оно имело

---

1 О. Н. Бадер. Работы на строительстве канала Москва—Волга. Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг., т. I. Изв. Гос. Акад. истории матер. культуры, вып. 109, 1935, стр. 49 и сл.

2 Л. А. Евтюхова. Городище у деревни Прислон. Тр. Секции археологии Российск. ассоц. научно-иссл. инст. обществ. наук, т. IV, М., 1929.

3 О. Н. Бадер. Работы на строительстве канала Москва—Волга. Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг., т. I. Изв. Гос. Акад. истории матер. культуры, вып. 109, 1935, стр. 31 и 35.

1 Там же, стр. 33—34.

2 Там же, стр. 46—47. — А. А. Спицын. Городища Дьякова типа. Зап. Отдел. русск. и славянск. археологии Русск. археол. общ., т. V, вып. 1, 1903, стр. 137.

3 О. Н. Бадер. Работы на строительстве канала Москва—Волга. Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг., т. I. Изв. Гос. Акад. истории матер. культуры, вып. 109, 1935, стр. 36.

4 Архив Инст. истории матер. культуры, дело № 15, 1903.

овальные очертания. По данным В. А. Плетнева, длина площадки составляла около 60 м, ширина 32 м.[1] Городище расположено на мысу, в устье оврага с протекающим по его дну ручьем. Культурный слой распадается на два горизонта: нижний, мощностью до 1 м, состоящий из слоев песку, глины, ила, золы, напоминающих культурный слой Пекуновского городища, площадка которого несколько раз подсыпалась, и верхний, обычный гумусный, мощностью около 0.40—0.50 м. Нижний слой содержит керамику с «сетчатым» узором, усложненным ямочными вдавлениями, орнаментированные прясла и «грузики дьякова типа», многочисленные костяные изделия (наконечники стрел, острия), изделия из кремня и иглы для плетения сетей. Повидимому, отсюда же происходит миниатюрная бронзовая обоймица. Верхний слой дал грубую гладкую, иногда лощеную керамику. Некоторые фрагменты орнаментированы по плечикам отпечатками гребенчатого чекана. При хозяйственных работах на городище были найдены кости лошади и железные шлаки. Время возникновения этого укрепленного поселения, как мы видели выше, лежит на рубеже первого тысячелетия до н. э. и первого тысячелетия н. э. Жизнь на поселке продолжалась, повидимому, до IV—VI столетий н. э.

В 15 км вверх по Волге, на том же левом берегу, недалеко от с. Сухарина расположено известное городище Топорок, исследованное Ю. Г. Гендуне в 1903 и 1904 гг.[2]

В отличие от большинства волжских городищ, Топорок занимает участок ровного коренного берега, лишенного оврагов. Овальная по форме площадка окружена с трех сторон валом и двумя рвами, с четвертой — двумя валами и тремя рвами. В западной части, где имелся естественный склон, площадка была значительно подсыпана, причем насыпь заключала в себе слои валунов. Мощность ее составляла до 2 м. В других местах культурный слой, мощностью от 0.20 до 1 м, залегал прямо на материке.

Произведенные на Топорке раскопки, при которых был получен совершенно исключительный материал, поставили целый ряд вопросов, ни на один из них не дав положительного ответа. Городище было исследовано с помощью длинных узких и кривых траншей, направление которых определялось местами, свободными от деревьев. Лишь в центральной части удалось раскопать более или менее значительную площадь, однако, все же недостаточную для реконструкции обнаруженных здесь остатков сооружений.

В этом месте на материке были открыты в расстоянии 1.4 см друг от друга два плоских глиняных «круга» с отверстиями в средней части и приподнятыми краями (рис. 15). Диаметр первого составлял 0.60 м, его толщина была равна 0.10 м, диаметр отверстия в середине равнялся 0.20 м. Здесь находились зола, угли, черепки, «шлаки и обожженные формы».[1] В 0.30 м от круга найдены обычный глиняный льячек и три маленьких глиняных «колокольчика» (рис. 15).

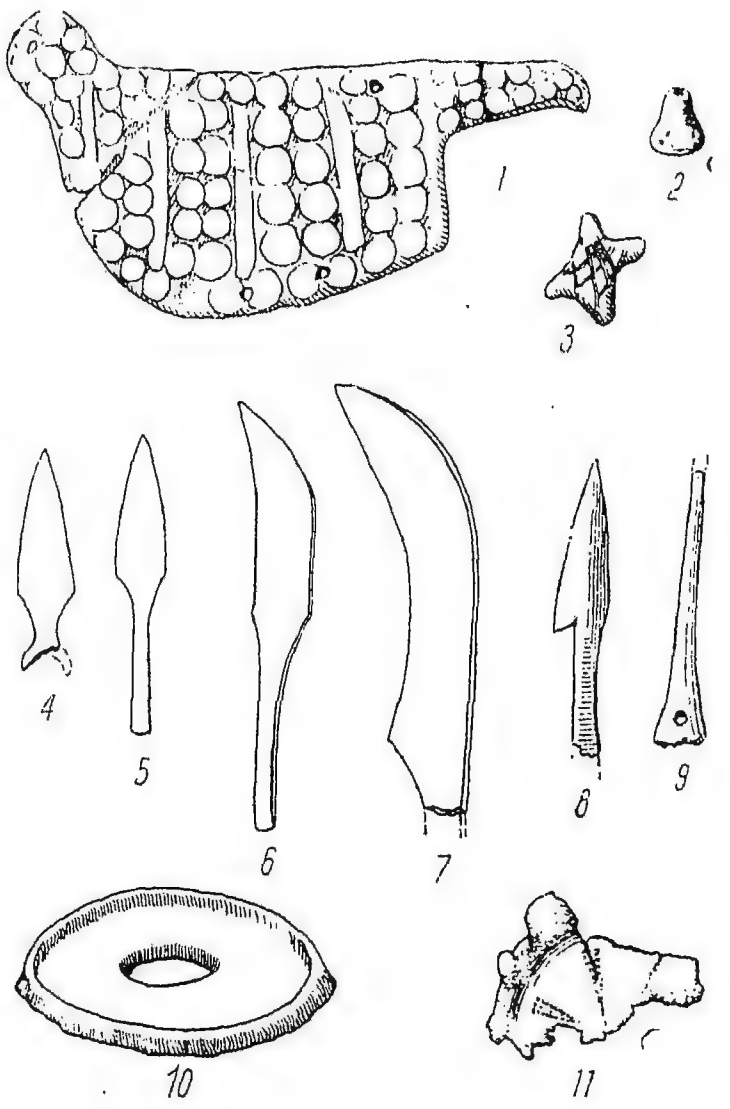


Рис. 15. *1—9, 11* — находки из городища Топорок; *10* — реконструкция „глиняного круга".

Второй «круг» имел овальные очертания; его размеры составляли 0.37 × 0.60 м, толщина около 0.10 м; сквозное отверстие было таким же, как и у предыдущего. На «круге» были найдены, во-первых, плоская глиняная «птица» (рис. 15), украшенная орнаментом, с четырьмя отверстиями для привешивания и множество глиняных бус и подвесок с различной орнаментацией. Автор раскопок Ю. Г. Гендуне рассматривала эти находки, как остатки религиозного инвентаря, что, повидимому, соответствует действительности. Однако обращают на себя внимание шлаки, «обожженные формы» и льячек, найденные около первого круга, являющиеся следами меднолитейного дела. Эти находки заставляют думать, что «круги» являются, быть может, остатками плавильных печей.

---

[1] В. А. Плетнев. Остатки старины в Тверской губ. Тверь, 1903, стр. 255.

[2] Ю. Г. Гендуне. Городище Топорок. Тр. II Обл. Тверск. археол. съезда, Тверь, 1906, стр. 261—275.

[1] Там же, стр. 264.

В 16.50 м на юго-запад от «кругов», также на материке, была открыта глиняная площадка овально - прямоугольной формы, размером 1.80 × 1.50 м; толщина слоя глины составляла 15 см. Около нее найдено много угля, несколько мелких костей, среди которых были и обожженные.

Севернее глиняных «кругов» были обнаружены груда мелких глиняных бус и глиняный сосуд баночной формы с «сетчатой» орнаментацией; рядом с ним лежало маленькое скульптурное изображение животного, по мнению Ю. Г. Гендуне, волчицы.[1]

Рядом с «кругами» и глиняной площадкой открыты ямы от вертикально стоявших столбов, указывающие, повидимому, на существование здесь навеса.

Сделанные на Топорке находки, кроме упомянутых выше, состояли из железных ножей с кривой спинкой, характерных для первых столетий н. э., наконечников стрел из железа и кости, костяных и железных острий, обломков орнаментированных костяных рукояток, прясел, «грузиков дьякова типа», обломков точильных камней, костей животных, керамики и украшений из бронзы (рис. 11, а). Сделанные в культурном слое находки весьма обычны, что заставляет рассматривать городище, как остаток укрепленного поселения, а не как место особого назначения, связанное с религиозными действиями.

Орудия из железа и кости из городища Топорок изображены на рис. 15 и на них не приходится особо останавливаться. С бронзовыми украшениями и бронзовой рукояткой ножа, сходными с найденными на Топорке и близкими раннепьяноборским, мы уже встречались выше (стр. 28). Следует отметить еще лишь обломки большой плоской бляхи с чеканным орнаментом (рис. 15), близкой к некоторым пьяноборским. Она найдена в виде оплавленных обломков, позволяющих, однако, установить, что ее диаметр был равен 6—6.5 см.

Керамика Топорка весьма разнообразна, но в основном повторяет материалы городища у Грехова ручья — памятника первых веков н. э. Ее особенностью следует считать наличие в верхнем слое большого числа сосудов без «сетчатого» орнамента, а с узорами из отпечатков гребенчатого штампа. На керамике предыдущих памятников такие узоры на сосудах без «сетчатого» орнамента были редким явлением.

Костей животных, по словам Ю. Г. Гендуне,[2] найдено на городище немного. Между ними преобладали кости лошади и свиньи; в меньшем числе были кости мелкого и крупного рогатого скота. Из костей диких животных найдены лишь зубы бобра. Следует еще упомянуть о костях рыб.

Выше по Волге на ее правом берегу, у дер. Метлева, известны незначительные остатки неукрепленного поселения.[1] На левом берегу находится уже известное нам городище – Черная Гора у дер. Лисицы. В этом районе в 1929—1930 гг. производила работы археологическая экспедиция Московского антропологического института, обследовавшая ряд городищ и селищ. Результаты этих работ в настоящее время еще не опубликованы. Краткую информацию о работах дает О. Н. Бадер.[2]

3

По берегам Волги, на участке Калинин - Ржев, известно еще свыше двадцати городищ, принадлежность которых к памятникам начала первого тысячелетия н. э. может считаться вполне установленной.[3] Они известны по материалам А. А. Спицына,[4] по данным Н. Е. Макаренко,[5] по работам некоторых других исследователей. Однако, в отношении всех этих городищ мы располагаем отрывочными данными, так как исчерпывающие исследования на этом участке Поволжья не производились. Остаются совершенно неизвестными места неукрепленных поселений, на которые исследователи прежних лет не обращали никакого внимания. В виду этого обстоятельства территориальный обзор памятников этого района является совершенно излишним: он не может дать никакой определенной картины.

Следует остановиться лишь на некоторых памятниках, исследование которых было произведено путем раскопок, имевших, правда, очень ограниченные масштабы.

Интересное городище имеется на левом берегу Волги, несколько выше г. Ржева, у с. Ермоловского.[6] Оно занимает оконечность высокого мыса коренного берега в устье глубокого оврага. Городище имеет один вал; его длина 50 м, ширина в основании, т. е. около вала, 30 м. При раскопках, произведенных там С. Бачинским, были найдены в большом количестве кости лошади, быка, лося, бобра и куницы, ряд костяных орудий (наконечники, гарпуны, острия) и железный стержень, вероятно,

---

1 Ю. Г. Гендуне, ук. соч., стр. 268.
2 Там же, стр. 270—271.

1 Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг., т. I. Изв. Гос. Акад. истории матер. культуры, вып. 109, 1935, стр. 42.
2 О. Н. Бадер. Работы Верхневолжской экспедиции. Сообщения Гос. Акад. истории матер. культуры, 1932, № 3—4.
3 Помимо их, имеются сведения о нескольких десятках городищ, время и характер которых остались неизвестными.
4 А. А. Спицын. Городища Дьякова типа. Зап. Отдел. русск. и славянск. археологии Русск. археол. общ., т. V, вып. 1, 1903.
5 Н. Е. Макаренко. Поездка 1903 г. по верхнему течению Волги. Изв. Археол. комисс., вып. 6, 1904. — Он же. Результаты археологических исследований в Тверской и Ярославской губ. Тр. II Обл. Тверск. археол. съезда, Тверь, 1906.
6 С. Бачинский. Ермоловское городище. Ржевский край, I. 1926.

шило. Новой в Поволжье находкой явилось бронзовое ажурное навершие, известное пока лишь на Оке в материалах городища у с. Гремячьего.[1] Особый интерес представляет керамика, почти лишенная «сетчатого» орнамента, но украшенная отпечатками зубчатого чекана. Такая керамика встречается на Топорке, на городище у дер. Борок и на некоторых других ранних верхневолжских городищах. По материалам городища у с. Городища, полученным в результате раскопок 1937 г., эту керамику следует датировать концом первого тысячелетия до н. э. и самым началом первого тысячелетия н. э. В слоях городища середины первого тысячелетия н. э. она уже не встречается. По орнаменту эта керамика несколько напоминает «славянскую» лепную посуду IX—X столетий н. э.

Несколько городищ в верховьях Волги имеют особое строение культурного слоя, близкое Пекуновскому городищу, городищу у дер. Городище и другим, площадки которых, повидимому, неоднократно подсыпались. В Верхнем Поволжье таковым является, например, городище у с. Юрьевского, около г. Старицы, не имеющее ни валов, ни рвов, расположенное на всхолмлении, на низком болотистом месте. При раскопках там нашли много костей животных (в том числе бобра), костяные орудия, керамику и миниатюрную медную лопаточку неизвестного назначения.[2]

Чрезвычайно мало известно о городищах начала первого тысячелетия н. э., располагавшихся на притоках Верхней Волги, а также на примыкающих к ней участках водоразделов.

Целый ряд остатков укрепленных поселений, целиком повторяющих верхневолжские, имеется в бассейне р. Дубны. К югу от г. Дмитрова, при впадении в р. Яхрому р. Комарихи, имеются остатки городища, на котором делались находки керамики с «сетчатой» орнаментацией.[3] Мы уже знаем о группе городищ, расположенных на р. Лутосне, притоке р. Сестры, впадающей в Дубну. Возникновение этих городищ относится, повидимому, к самому концу первого тысячелетия до н. э. (стр. 29). Жизнь на этих поселениях, однако, продолжалась и далее, в течение первых веков н. э. Так, у дер. Пепельковой, находятся два городища, расположенные на мысах коренного берега р. Лутосни. При раскопках на них найдено большое количество богато орнаментированной керамики, железные перержавевшие вещи, «грузик дьякова типа» и характерный железный наконечник стрелы.

На этой же реке имеется третье аналогичное городище, расположенное у с. Тараканова.[1]

На р. Золотарке, в бассейне Яхромы, находится известное Синьковское городище, нижние слои которого относятся к первым векам н. э. Городище расположено на мысу и имеет один большой вал. При раскопках, произведенных в 1903 г., получен очень большой материал, который, к сожалению, не был расчленен по слоям. Из находок на этом городище ко времени начала первого тысячелетия н. э. относятся, помимо характерной керамики, высокие «грузики дьякова типа», костяные наконечники стрел и острия, железные наконечники стрел, шилья, возможно, льячки и др. Основная масса материала, происходящего с Синьковского городища, датируется более поздним временем; с ним мы встретимся еще ниже.[2]

На р. Медведице, другом крупном притоке Волги, в верхнем ее течении, также известно несколько памятников начала первого тысячелетия н. э. Миниатюрное древнее городище расположено у дер. Лужки на правой стороне Медведицы, в 25 км от ее устья.[3] Имеются указания о городищах у дер. Слободки,[4] у сс. Кривец[5] и Городок,[6] расположенных выше по р. Медведице.

По данным В. А. Плетнева, несколько городищ расположено по Тверце, Шоше и по другим более мелким рекам этого района. Есть данные о городищах по рекам Корежечне и Ступке.[7]

В низовьях р. Мологи, около судоверфи им. Дзержинского, остатки селища начала первого тысячелетия н. э. были исследованы автором этих строк в 1936 г. (прилож. III).

Таким образом, совершенно бесспорно, что в начале первого тысячелетия н. э. не только берега Верхней Волги, но и берега ее притоков были заняты укрепленными и неукрепленными поселками, расположенными преимущественно группами, вероятно, по признаку принадлежности их обитателей к тому или иному роду.

4

Если обратиться к району костромского Поволжья, то памятники начала первого тысячелетия н. э. там также исследованы далеко недостаточно, и исчерпывающей картины рас-

---

1 Н. И. Булычев. Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки. М., 1899.

2 Н. Е. Макаренко. Поездка 1903 г. по верхнему течению Волги. Изв. Археол. комисс., вып. 6, 1904.

3 Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг., т. I. Изв. Гос. Акад. истории матер. культуры, вып. 109, 1935, стр. 51—52.

1 Н. А. Смирнов. Раскопки в Клинском у. Зап. Отдел. русск. и славянск. археологии Русск. археол. общ., т. V, вып. 1, 1903.

2 А. А. Спицын. Новые сведения о городищах Дьякова типа. Зап. Отдел. русск. и славянск. археологии Русск. археол. общ., т. VII, вып. 1, 1905.

3 В. А. Плетнев. Остатки старины в Тверской губ. Тверь, 1903, стр. 299.

4 Там же, стр. 277.

5 Там же, стр. 268.

6 Там же, стр. 452.

7 Данные И. А. Тихомирова.

пространения населения в этом районе мы наметить не сможем.

Помимо памятников, упомянутых в гл. I, из которых городище у Черной Заводи и городище против г. Костромы были обитаемы и в продолжение первых веков н. э., там известно еще несколько мест поселения этого времени.

В пределах г. Костромы в устье р. Сулы неоднократно делались находки керамики с «сетчатой» орнаментацией, орудий из кости и некоторых других предметов, свидетельствующих о существовании здесь некогда неукрепленного поселения.[1]

В 7 км ниже г. Костромы, на левом гористом берегу Волги, на мысу, слева от устья оврага Лопатошного, по дну которого протекает ручей, расположены остатки укрепленного поселения, известные под именем Минского городища. Площадка городища, расположенная на высоте 26 м над уровнем бичевника, имеет треугольные очертания. Длина стороны, обращенной к массиву коренного берега, от которого городище отделено валом и рвом, составляет 36 м; длина стороны, обращенной к Волге, 78 м; к оврагу Лопатошному — 90 м. При раскопках Архивной комиссией здесь найдены черепки глиняной посуды, частью орнаментированные «сетчатым» узором, шлаки, бронзовая спираль, прясла и железный кельтовидный топор.[2] Исследованиями последних лет там были обнаружены следы прямоугольной землянки, керамика, шлаки, железный нож.[3] По характеру находок памятник напоминает городище у Грехова ручья.

По данным Костромского музея, древнее городище имеется в низовьях р. Кубани, ряд городищ в районе г. Плеса и Кинешмы. Однако сведения об этих памятниках не были проверены.

Ниже по Волге, на правом ее берегу, в пределах г. Юрьевца исследовано очень интересное городище III—VI столетий н. э.[4] Поселение занимало оконечность узкого мыса, лежащего между двумя глубокими оврагами, и было отделено от массива коренного берега одним большим и двумя маленькими валами с рвами между ними. Длина площадки достигает 70 м, ширина у валов равна 30 м. При раскопках на городище были открыты остатки полуземляного жилища в виде овально-прямоугольной ямы, площадью 2.25 × 3.40 м и глубиной 0.45 м. К северо-восточному углу ямы примыкал пологий выход. В центральной части открыты остатки очага в виде скопления золы и углей, обломков керамики и костей животных. В другом месте был открыт углубленный в землю очаг «конусообразной» формы диаметром 0.45 м, на дне которого встречены угли, зола и обломки костей.

Исследования вала показали, что он был сложен из глины и обожжен, что характерно главным образом для окских городищ этого времени.[1] На валу стоял тын из толстых бревен, часть которых обнаружена при раскопках. Вдоль склонов, по краю площадки, обнаружены остатки деревянной стены, форма которой осталась невыясненной.

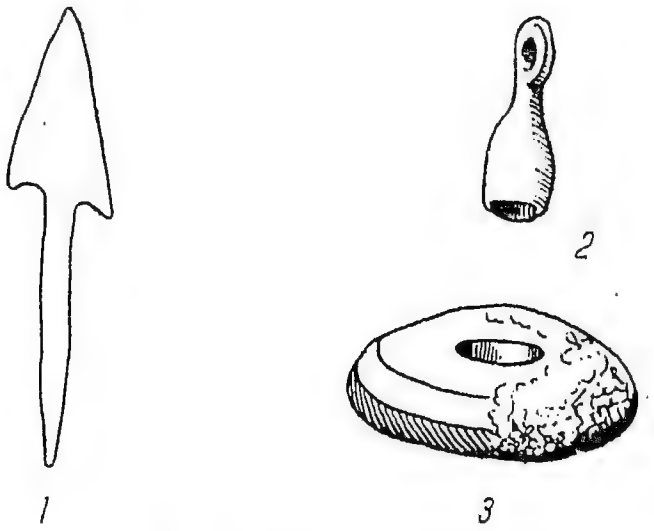


Рис. 16. Находки из городища в г. Юрьевце.

Находки, сделанные на городище, состояли из керамики, главным образом грубой, не орнаментированной и лишь в отдельных экземплярах «сетчатой», из прясел от веретен, железного наконечника стрелы обычного типа и бронзовой колокольчатой подвески (рис. 16), время которой может быть определено стадией B—C рязанских могильников.[2] Найдены также кости лошади, коровы, овцы, свиньи и лисицы.

В отдалении от Волги, по левую ее сторону, памятники первых веков н. э. в настоящее время неизвестны, и можно думать, что их здесь в большом числе и не будет обнаружено. Участок левобережья, лежащий между Ярославлем и Костромой, представляет собою болотистую низменность, о которой говорилось выше, когда речь шла о поселениях эпохи неолита. По данным А. И. Тихомирова, два городища имеются здесь в верховьях р. Касти, в 40 км от Волги.[3] По р. Костроме городища с «сетчатой» керамикой известны лишь около г. Буя, т. е. в 100 км от ее устья.[4]

---

1 Костромской музей.

2 Н. М. Бекаревич. Материалы для археологической карты Костромской губ. Тр. II Обл. Тверск. археол. съезда, Тверь, 1906, стр. 13—14.

3 Костромской музей.

4 Л. А. Евтюхова. Описание раскопок Юрьевецкого городища. Отчет о деятельности Иваново-Вознесенск. научн. общ. краеведения за 1928 г., Иваново, 1929.

1 В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в долине р. Оки, произведенных в 1898 г. Древности, XVIII, М., 1901.

2 П. П. Ефименко. Рязанские могильники. Матер. по Этнографии, т. III, вып. I, Л., 1926.

3 Архив Инст. истории матер. культуры, дело № 101, 1925.

4 Исследования В. Н. Глазова. (Архив Инст. истории матер. культуры, дело № 68, 1910.)

По рекам волжского левобережья ниже устья р. Костромы — Мезе, Андобе, Шаче (притокам р. Костромы), Покше, Сендеге, Елпате, Немде и, наконец, по Унже — памятники начала первого тысячелетия н. э. пока вовсе не известны. Некоторые данные Костромского музея, говорящие о городищах по р. Мезе, были проверены автором этих строк и дали отрицательные результаты.

Следует заметить, что значительные участки этой территории, особенно по рекам Мезе, Андобе, Елпате, Немде, а также по Унже, и сейчас еще представляют собою огромные массивы лесов с относительно редким населением.

Совершенно иную картину дает волжское правобережье и районы, примыкающие к озерам Неро и Плещеево. На озерах, а также по рекам Которосли, Лахости, Нерли Клязьминской, Устье, Кубре и в верховьях Нерли Волжской известно свыше 30 городищ, по своим внешним признакам примыкающих к памятникам первых веков н. э.[1]

Данные об этих городищах не являются вполне проверенными и археологическим раскопкам эти памятники почти не подвергались. Поэтому особо перечислять их не представляется необходимым. Следует лишь отметить, что и эти неполные данные дают возможность усматривать в расположении памятников знакомую нам группировку.

Небольшие раскопки были произведены на городище у дер. Акулово, к северу от оз. Неро. Помимо обычной керамики, были найдены изделия из кости; «грузики дьякова типа» и прясла от веретен.[2]

Известная «Александрова Гора», около Переяславля Залесского, раскопанная Савельевым в 1853 г., в нижних слоях имела вещи первых веков н. э., а именно — изделия из кости и характерный плоский наконечник стрелы с двумя жальцами.[3]

Остатки неукрепленных поселений в этом районе не известны, но в их наличии сомневаться, конечно, не приходится.

5

Переходя к подведению некоторых итогов, прежде всего сталкиваемся с вопросом хронологии остатков поселений, который для читателя остается еще не вполне ясным. Основой относительной хронологической шкалы памятников первого тысячелетия н. э., точно так же как и более древних, являются те изменения, которые претерпевал наиболее многочисленный в культурном слое материал, а именно — керамика. Характер керамики в отношении состава глины, обжига, размеров сосудов и, наконец, орнаментации менялся из столетия в столетие. Если взять памятник с мощным культурным слоем, то смена характера керамических изделий в различных горизонтах слоя будет прослеживаться вполне ясно. Некоторые памятники такого рода дают возможность наметить до 4—5 стадий развития глиняной посуды. Однако детальное хронологическое членение культурного слоя какого-либо одного памятника не может служить шкалой для всех других памятников Верхнего Поволжья, так как каждое поселение имело в керамике некоторые свои индивидуальные черты. Это заставляет придерживаться более грубого членения керамического материала, отражающего не детальные, а лишь основные изменения, прослеживаемые в Верхнем Поволжье повсеместно.

Возьмем керамический материал городища у с. Городища, с которым мы коротко уже познакомились выше.

В его нижнем слое мы имеем керамику, еще во многом удерживающую черты посуды эпохи бронзы. Глина имеет мелкую песчаную примесь; обжиг слабый; по форме посуда приближается к баночной, но отдаленно напоминает и бомбовидную керамику предыдущей эпохи. Орнамент тела сосуда состоит из отпечатков относительно тонких тканей или легкой штриховки; шейка сосуда украшена отпечатками веревочки, узорами из отпечатков гребенчатых и иных штампов часто весьма сложного геометрического построения (рис. 6). Еще полнее эта керамика представлена в нижнем горизонте городища у с. Городок (рис. 9).

В следующем слое мы находим эту же посуду, претерпевшую такие изменения: глина стала более грубой; по форме сосуды стали почти баночными; около плоского дна их появился карнизик; орнаментация стала грубее; отпечатки веревочки и тонкие узоры из отпечатков гребенчатых штампов по венчику почти исчезли; посуда стала несколько толстостеннее (рис. 17, *1—4*). В городище у с. Городок такая керамика составляет основное содержание верхнего горизонта культурного слоя (рис. 10, *3*, *5—6*).

Третий слой характеризуется еще более грубой посудой, в глине которой встречаются крупные зерна кварца; обжиг становится несравненно более сильным; форма сосудов делается баночной; у дна обычен карнизик. Орнамент состоит преимущественно из имитации отпечатков ткани, которые располагаются иногда не по всему телу сосуда, а лишь в нижней, либо в верхней его части. Сосуды почти теряют особую орнаментацию на шейке, сохраняющуюся в некоторых случаях в виде

---

[1] Данные А. И. Тихомирова (Архив Инст. истории матер. культуры, дело № 101, 1925) и Матер. Владимирск. музея (Архив Инст. истории матер. культуры, дело № 99, 1925).

[2] Ростовский музей.

[3] А. А. Спицын. Новые сведения о городищах Дьякова типа. Зап. Отдел. русск. и славянск. археологии Русск археол. общ., т. VII, вып. 1, 1905.

ряда ямочных вдавлений; появляется посуда, вовсе лишенная орнаментации.

Наконец, верхний слой городища у с. Городища дал неорнаментированную глиняную посуду баночной формы, иногда снабженную ямочными или единичными гребенчатыми отпечатками (рис. 17, 5—7).

Таким образом, для городища у с. Городища намечаются четыре основных группы керамики, последовательно сменяющие друг друга.

Если обратиться к керамике городища Топорок, то она будет соответствовать второй, третьей и отчасти четвертой группам. На Топорке, как мы уже знаем, были найдены вещи позднеаманьинских и раннепьяноборских типов, т. е. II—I столетий до н. э и I—II столетий н. э. Однако нам известно, какой слой следует датировать этим временем. На помощь приходит материал городища в устье Грехова ручья. Относительно тонкий культурный слой этого памятника имел керамику, соответствующую третьей и четвертой группам. В верхнем горизонте слоя была найдена застежка с эмалью, время которой может быть определено IV—VI столетиями н. э. На городище в г. Юрьевце вместе с керамикой, соответствующей в основном четвертой группе, была найдена подвеска, близкая украшениям стадии В и С рязанских могильников, т. е. III—VI столетий н. э. Таким образом ясно, что позднеаманьинские и раннепьяноборские вещи датируют не поздние, а ранние слои Топорка, т. е. вторую и третью группы керамики верхневолжских городищ.

Отсюда намечается следующая хронология:

Первая группа керамики — середина первого тысячелетия до н. э.

Вторая группа керамики — от III—II столетий до н. э. и до начала н. э.

Третья группа керамики — от начала н. э. и до III—IV столетий н. э.

Четвертая группа керамики — от III—IV столетий н. э. до V—VI столетий н. э.

Памятники середины первого тысячелетия н. э., к которым относится керамика IV группы, дают очень большой материал для установления абсолютной хронологии. С ними мы познакомимся ниже. Большинство укрепленных поселений Верхнего Поволжья по керамике определяется теми же вехами, что и городище Топорок. Они имеют в культурном слое «сетчатую» керамику, а в верхних его горизонтах раннюю неорнаментированную. Эти поселения прекратили свое существование в III—IV столетиях н. э., а некоторые из них и несколько раньше.

Неукрепленные поселения, как правило, имеют керамику III—IV групп; очень редко более раннюю, но часто более позднюю. Многие из них продолжали существовать в середине и во второй половине первого тысячелетия н. э.

6

В начале первого тысячелетия н. э. культура населения всех частей Верхнего Поволжья отличалась почти полным единообразием. Единой была ступень социального развития, общим являлся и характер экономики. Сложению более или менее единообразной культуры способствовали вероятно развивающиеся в эту эпоху междуродовые и междуплеменные отношения в виде обмена, а так же военных столкновений и грабежей, о наличии которых говорят валы и рвы древних городищ.

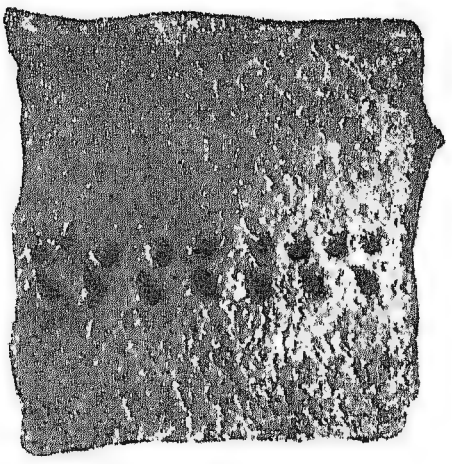
Тот же культурный облик был присущ в эту эпоху населению Среднего Поволжья, бассейна р. Оки и территории Валдайской возвышенности, т. е. всей области распространения «дьяковых» городищ с «сетчатой» керамикой. Иной характер имело население более западного района, лежащего в бассейне верховьев Днепра и Западной Двины. Точно так же совершенно особой была культура населения Прикамья, к которому примыкало население волжского притока р. Ветлуги, где известны костеносные городища, близкие прикамским.

Характерной формой поселения продолжал быть в Верхнем Поволжье относительно миниатюрный поселок, расположенный на мысу высокого берега, укрепленный рвом, земляным валом, а также деревянными сооружениями в виде тына или забора из горизонтально расположенных бревен. К середине первого тысячелетия н. э., точнее, в III—IV столетиях, укрепленные поселения повсеместно исчезают, сменяясь неукрепленными поселками, появляющимися, повидимому, начиная с II—III столетий н. э. Эти поселения располагались в иных топографических условиях: на ровных и удобных для жизни участках невысокого берега.

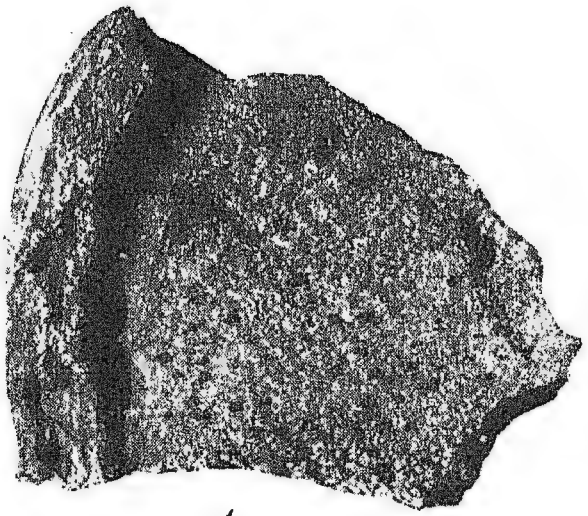
Появление неукрепленных поселений говорит несомненно о существенных переменах в области общественных отношений. В общественной жизни населения Верхнего Поволжья произошли, очевидно, значительные изменения и появилось что-то новое, способствовавшее ограничению постоянных военных столкновений, распространенных в предыдущие столетия и заставлявших людей жить на неудобных местах, в поселках в виде крепостей, сооружение которых требовало очень большого количества труда и времени. Этот вопрос ниже будет подвергнут особому рассмотрению; сейчас же, забегая вперед, можно сказать, что, повидимому, в эту эпоху в Верхнем Поволжье начали складываться, во-первых, обширные общественные объединения типа союзов племен и что эти новые общественные силы ограничили возможности военных столкновений по крайней мере между некоторыми соседними племенами; во-вторых, мы увидим также, что в эту эпоху начинает ломаться былая замкнутость общин и начинается процесс их дело-

1

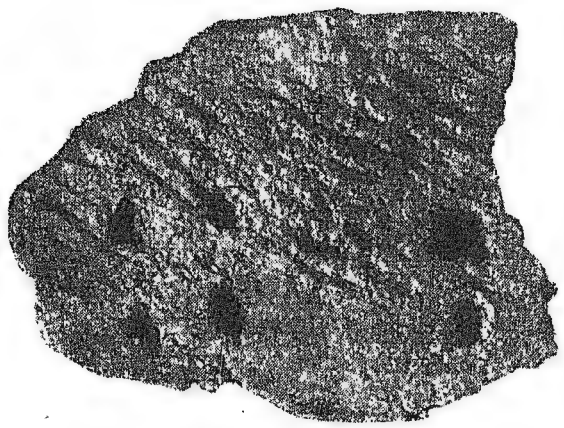
0 10 см



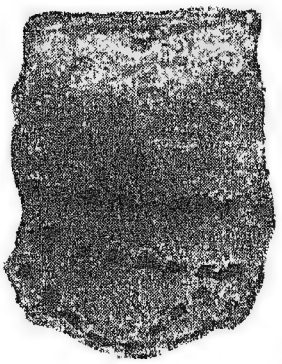
2



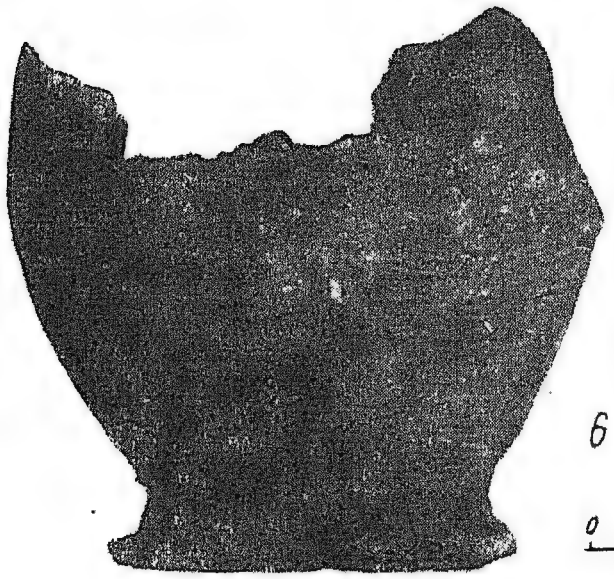
4



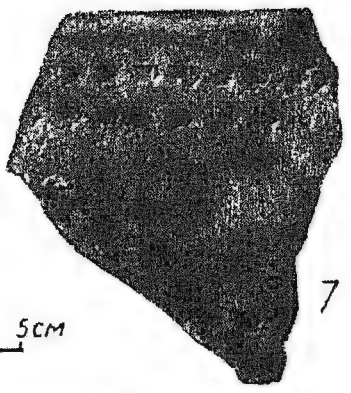
3



5



6



7

0 5см

Рис. 17. Керамика из верхних слоев городища у с. Городища около г. Калязина.

кализации. Это обстоятельство также несомненно способствовало ограничению военных столкновений.

В верховьях Волги, выше устья Мологи, жилища имели вид надземных рубленых из дерева домов с земляным полом, с очагами из камня и глины. Ниже по Волге жилища имели иной вид, а именно — были несколько углублены в землю, представляли собою полуземлянки. Правда, данные о жилищах сейчас еще очень невелики. Однако, это различие жилищ в двух смежных частях Верхнего Поволжья является бесспорным, так как оно имеет место и в последующие столетия. Следует отметить, что различие в формах жилищ является пока что единственным серьезным фактом, говорящим об известной разнице между населением двух смежных частей Верхнего Поволжья в эту эпоху.

К началу первого тысячелетия н. э. обитатели Верхнего Поволжья полностью вступили в «железный век». Железо добывалось повсеместно из болотных руд сыродутным или кричным способом. Выплавка железа производилась, повидимому, на местах добывания руды; в поселки же металлурги приносили «крицы» — небольшие плоские слитки пористого, сильно загрязненного железа, из которых путем горячего проковывания получался материал, годный для выделки изделий. Эти крицы, а также железные шлаки составляют одну из наиболее обычных находок на городищах и селищах начала н. э. Плавильные печи были, повидимому, очень небольшими, так как крицы имеют миниатюрные размеры, редко достигая 15 см в поперечнике.

Несмотря на широкое распространение железа, ассортимент железных орудий был первоначально очень невелик и ограничивался собственно пятью вещами, часто встречаемыми на городищах, — это ножи небольших размеров с прямым или несколько вогнутым лезвием и с выпуклой, «горбатой» спинкой, прикрепляемые к рукояти с помощью черенка. Они являются очень характерной формой конца первого тысячелетия до н. э. и начала первого тысячелетия н. э. Такие ножи налицо в поздних ананьинских могильниках,[1] в могильниках пьяноборских,[2] в городищах по р. Оке,[3] наконец, в скифских и раннесарматских памятниках. Некоторые из ножей настолько кривы, что их можно рассматривать в качестве маленьких серпов. Примером может служить один из ножей с городища Топорок (рис. 15).

Не менее характерной формой являются железные наконечники стрел верхневолжских городищ. Это плоские треугольные наконечники с небольшим черенком и двумя жальцами, обычно неправильные, асимметричные по форме (рис. 18). Они хорошо известны на Оке в городищах[1] и ранних могильниках.[2] На юге в скифо-сарматских памятниках такие наконечники не встречаются. Реже встречаются в Верхнем Поволжье ланцетовидные наконечники без жалец — форма мало характерная (рис. 18).

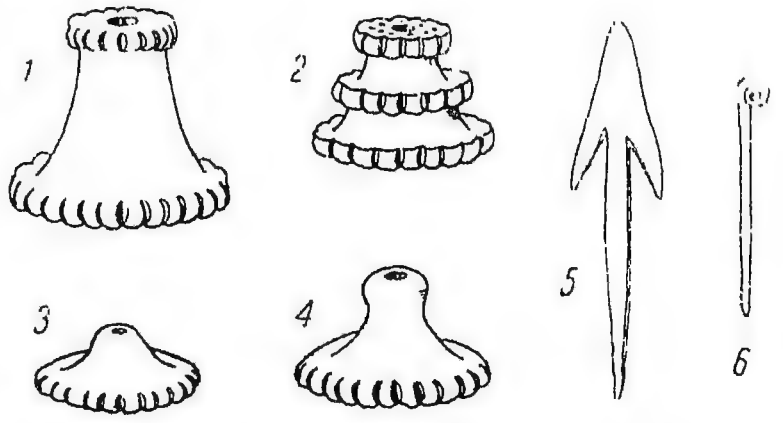


Рис. 18. Железный наконечник стрелы, бронзовая булавка и „грузики" из ранних городищ Верхнего Поволжья.

Третьим распространеннейшим орудием являлись прямые железные шилья с конусообразным острием, квадратным в сечении стержнем и уплощенным насадом. Ограненность стержня служила, вероятно, для большей прочности орудия: препятствовала сгибанию.

Следующие два орудия встречаются исключительно редко. Речь идет о топоре и серпе, которые в Верхнем Поволжье были найдены лишь по одному экземпляру. Топор, имеющий вид обычного железного кельта, хорошо известного по материалам окских, а также камских могильников первых веков н. э.,[3] был найден на Минском городище около г. Костромы (стр. 42). Серп был найден в 1933 г. при исследовании городища у дер. Санникова,[4] материалы которого еще не опубликованы.

Из железа изготовлялись также пряжки и кольца, составлявшие не только принадлежность костюма, но и части конской сбруи. Не было найдено в Верхнем Поволжье железных рыболовных крючков, но несомненно они имелись. Ничего неизвестно также о другом орудии, обычном для соседних территорий, а именно — о наконечнике копья.

---

1 Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына в 1898 г. Матер. Гос. Акад. истории матер. культуры, вып. 2, 1933, табл. II.

2 А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. Матер. по археологии России, № 25, 1901, табл. VII, стр. 5.

3 Н. И. Булычев. Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки. М., 1899, стр. 18—23.

1 Он же. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, табл. XIV, XXIV.

2 А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. Матер. по археологии России, № 25, 1901, табл. VI.

3 Там же, табл. XII.

4 О. Н. Бадер. Работы на строительстве канала Москва—Волга. Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг., т. I. Изв. Гос. Акад. истории матер. культуры, вып. 109, 1935, стр. 36.

Наконец, из железа выделывались и кое-какие украшения: застежки, пронизки, булавки со спиральной головкой (рис. 18). Последние представляют собою характерную форму украшений не только для Верхнего Поволжья, но и для более широкой территории Восточной Европы, причем они часто бывали не железными, а медными или бронзовыми.[1]

Обработка меди или бронзы являлась такой же распространенной в Верхнем Поволжье, как и обработка железа. Но из меди изготовлялись лишь украшения, и поэтому масштабы этого дела были очень небольшими. Обычной находкой на городищах являются глиняные льячки, всегда очень небольшие, иногда покрытые орнаментацией. Формы для отливки изделий ни разу не были встречены на городищах первых веков н. э. Это указывает на то, что отливка изделий производилась либо в мягкие односторонние формы (из сырой глины), либо глиняные формы изготовлялись по воску и служили только один раз.[2] С бронзовыми украшениями, найденными на городищах Верхнего Поволжья первых веков н. э., мы уже имели случай познакомиться (рис. 11). Число их очень невелико, а формы однообразны. Мы встречали здесь мелкие бронзовые бляшки, близкие ананьинским и пьяноборским, обоймицы, обломки плоской орнаментированной бляхи, «дьяковские навершия» и, наконец, явно привозную большую застежку с эмалью с городища у Грехова ручья (рис. 13), которая не имеет никакого отношения к местному меднолитейному производству.

Интересны глиняные бусы и подвески, найденные на Топорке. Они не являлись принадлежностью костюма, во всяком случае обычного, а представляли собою вещи, относящиеся к объектам культового значения. Подобные подвески были встречены на Дьяковом городище на р. Москве,[3] а также на Старшем Каширском городище в верховьях р. Оки.[4]

На ряду с обработкой железа известное значение в производстве имела обработка кости, уже утратившей то исключительное по важности место, которое она занимала до начала н. э. Тогда из кости изготовлялись даже ножи, не говоря уже об орудиях для обработки кожи, шильях, гарпунах, наконечниках стрел и т. д. В первых столетиях н. э. ассортимент костяных орудий у населения Верхнего Поволжья заметно сузился, и его составляли в основном простейшие острия и большие иглы, служившие, повидимому, для плетения сетей, и орудия для обработки кожи; наконец, изредка встречались костяные наконечники стрел. Из кости изготовляли рукоятки ножей тех замысловатых форм и той орнаментации, которые свойственны рукояткам более раннего времени, известным, например, в Старшем Каширском городище,[1] в нижнем слое Дьякова городища,[2] в городище Прислон.[3]

Изредка встречаются на городищах небольшие костяные цилиндры разнообразных форм, употреблявшиеся, возможно, в качестве прясел для веретен, а также в виде наверший, утяжелявших наконечники стрел.

Масштабы обработки кости и степень распространения костяных орудий у населения Верхнего Поволжья были значительно у́же, чем у жителей более восточных районов, где на «костеносных» городищах вплоть до начала второго тысячелетия н. э. встречается огромное количество разнообразных костяных изделий.

С глиняной посудой верхневолжских городищ мы уже имели возможность познакомиться. Форма сосудов может быть охарактеризована, как баночно-горшковидная, причем на ряду с высокими горшками имелись и более низкие, которые правильнее назвать мисками. Первые служили несомненно для приготовления пищи и хранения продуктов, вторые — для еды. Размеры тех и других сосудов были не особенно велики. Их диаметр колебался между 15 и 25 см; высота вариировала в этих же пределах. Сосуды бо́льших размеров составляли исключение; чаще встречались маленькие, величиной со стакан или еще более миниатюрные.

Лепка посуды производилась от руки, ленточным способом, распространенным в Восточной Европе, начиная с неолита.[4] Обжигалась посуда, повидимому, довольно примитивно, о чем говорит очень неравномерный обжиг многих сосудов.

Распространены были глиняные прясла для веретен, покрытые нередко примитивной орнаментацией. Большим, но совершенно неисследованным пока что материалом по ткачеству являются те отпечатки тканей, плетенок и т. д., которыми покрыта поверхность глиняных сосудов. До сих пор загадочными изделиями являются так называемые «грузики дьякова типа», во множестве встречаемые в Верхнем

---

[1] Н. И. Булычев. Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки. М., 1899, табл. I.

[2] Восковая модель изделия покрывалась глиной. Когда глина высыхала, воск выжигался на огне; в образовавшуюся пустоту выливался металл. Чтобы достать готовое изделие, глиняную форму нужно было разбить.

[3] В. И. Сизов. Дьяково городище. Тр. IX Виленск. археол. съезда, т. II, стр. 256—267.

[4] В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. Изв. Гос. Акад. истории матер. культуры, вып. 85, 1934, стр. 12—13.

[1] Там же, стр. 20.

[2] В. И. Сизов. Дьяково городище. Тр. IX Виленск. археол. съезда, т. II, стр. 256—267.

[3] Л. Евтюхова. Городище Прислон. Тр. Секции археологии Российск. ассоц. научно-иссл. инст. обществ. наук, т. IV, 1925.

[4] М. В. Воеводский. К изучению гончарной техники первобытно-коммунистического общества. Сов. *археология*, 1936, I.

Поволжье, известные также и в верховьях Оки.[1]

Описать словами форму этих глиняных предметов довольно затруднительно, но она ясно видна на рис. 18, где изображены сверху более ранние, ниже более поздние «грузики». Ближе всего эти предметы напоминают прясла от веретен, однако диаметр их вертикального сквозного отверстия никогда не превышает 0.5 см, тогда как у прясел отверстие имеет в поперечнике 0.6—0.8 см и более. В то же время «грузики», особенно ранние, значительно массивнее прясел, и думать, что они надевались на веретено, толщиной 0.5 см, не приходится. Предлагали рассматривать эти предметы, как грузики для вертикального ткацкого станка форрерского типа, что, однако, вряд ли можно принять, так как ни размеры, ни форма «грузиков», ни их богатая орнаментация, наконец, не соответствуют этому назначению. В. А. Городцов предполагает, что некоторые, меньшие по размерам, «грузики» могли служить пуговицами.[2] Однако при этом их наружной стороной явилась бы плоская поверхность, никогда не имеющая орнаментации, а орнаментированная выпуклая сторона была бы обращена к одежде. Таким образом, и это объяснение функции «грузиков» нельзя признать удачным.

Автором этих строк было осмотрено несколько десятков грузиков с целью обнаружить на них какие-либо следы от употребления, что, однако, не дало никаких положительных результатов. В качестве еще одного объяснения функции «грузиков», которое автор не собирается особенно защищать, можно предложить следующее: их можно рассматривать, как крышечки для маленьких сосудов, служивших жировыми лампами; отверстие «грузика» должно было служить в этом случае для фитиля.

Края отверстий некоторых «грузиков» имеют выемки, протертые в глине тонкой нитью. Эти грузики, следовательно, подвешивались, но они висели боком, в положении не соответствующем форме «грузиков». Основное их применение было вероятно иным.

Производственный и бытовой инвентарь, сохранившийся до наших дней в культурных слоях древних верхневолжских поселений, далеко не отражает всей материальной культуры населения первых веков н. э. с его по существу сложным и многообразным хозяйством. Несомненно, что огромное место в производстве занимали изделия из таких материалов, как дерево, кожа, кора, лыко и т. д., которые, пожалуй, навряд ли когда будут нам известны.

Население древних верхневолжских поселков, как мы увидим ниже, представляло собою группы родственников, ведущие свое хозяйство на общинных началах. Изложенные выше материалы в отношении социальных отношений позволяют делать выводы в значительной части априорного порядка, но ниже (гл. III) будут изложены данные, освещающие этот вопрос вполне конкретно.

Хозяйственная жизнь каждого миниатюрного поселка протекала вокруг всех четырех возможных для той эпохи способов добычи средств существования: скотоводства, земледелия, охоты и рыбной ловли.

В первых столетиях н. э. по всему Верхнему Поволжью продолжалось дальнейшее развитие скотоводства и земледелия. Рыбная ловля и особенно охота отступают в эту эпоху на задний план. Если сравнить костные остатки, полученные при исследовании нижних слоев городища у с. Городища, с костными материалами городища в устье Грехова ручья (табл. 1), то ясно определятся те изменения, которые произошли в удельном весе охоты и скотоводства в продолжение первых веков н. э.

В конце первого тысячелетия до н. э. домашние животные как источник мясной пищи почти совершенно вытеснили животных диких. К III—IV столетиям н. э. удельный вес охоты как источника мясной пищи продолжает падать. Городища Юрьевецкое, Топорок и другие дают почти исключительно кости домашних животных, среди которых по числу особо выделяются остатки лошади. Крупный рогатый скот, а возможно, и лошади служили источником не только мясной, но несомненно и молочной пищи.

Преобладание лошади в стаде домашних животных у населения Верхнего Поволжья, что наблюдалось нами и в более раннюю эпоху, на первый взгляд представляется удивительным. Однако это явление наблюдалось в ту эпоху и на Оке[1] и на Каме,[2] другими словами, — по всей средней полосе лесного севера Восточной Европы. Исключение составляла лишь территория верховьев Днепра, где лошади в эту эпоху почти совершенно не были известны.[3]

Преобладание лошади в стаде домашних животных у населения лесных пространств станет вполне понятным, если обратиться к древним формам содержания скота. Лошади, крупный рогатый скот и свиньи, бывшие у на-

---

[1] В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. Изв. Гос. Акад. истории матер. культуры, вып. 85, 1934, стр. 12—13.

[2] Там же, стр. 12.

[1] В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. Изв. Гос. Акад. истории матер. культуры, вып. 85, 1934. — Он же. Городецкое городище. Археол. изв. и заметки, вып. VII.

[2] Нижние слои Пижемского городища, относящиеся к последним векам до н. э. и первым векам н. э., дали 72% костей лошади к общему числу костей домашних животных (А. В. Збруева. Пижемское городище. Изв. Гос. Акад. истории матер. культуры, вып. 106, 1935, стр. 278).

[3] В. И. Громаў. Фауна городзіщ БССР. Труды археолёічной камісіі АН БССР, II, 1930.

Таблица 1

Наименование животных	Село Городище		Грехов ручей	
	Число		Число	
	костей	особей	костей	особей
Дикие животные:				
Лось	23	2	2	1
Бобр	—	—	5	1
Олень северный	1	1	—	—
Олень благородный	1	1	—	—
Медведь	1	1	—	—
Лисица	2	1	—	—
Куница или соболь	3	2	—	—
В процентах	10	23	4	13,5
Домашние животные:				
Лошадь	102	10	90	5
Крупный рогатый скот	131	8	84	6
Мелкий рогатый скот	22	3	2	1
Свинья	87	7	2	1
В процентах	90	77	96	86,5

Примечание. На городище у с. Городища свинья отличается исключительно крупными размерами, достигающими размеров диких видов. Поэтому возможно, что среди остатков свиней имеются кости диких животных.

селения первого тысячелетия н. э., в частности в Верхнем Поволжье, отличались исключительно малыми размерами, что связывается зоологами с содержанием скота в основном на подножном корме, на открытом воздухе. В данных условиях наиболее пригодным для эксплоатации животным являлась именно лошадь, которая и в зимнее время, подобно оленю, свободно могла доставать себе корм из-под снега.

Охота на диких животных велась населением Верхнего Поволжья не только из-за мяса, но и из-за меха. Охотились не только на лося и оленя, но и на лисицу, куницу, бобра, т. е. на животных, которые дают лучшие меха.

Меньше всего данных имеется для характеристики земледелия, большое значение которого доказывается лишь постоянными находками на городищах и селищах примитивных ручных зернотерок или их обломков. Ни разу не были найдены какие-либо зерна. Находка серпа указывает на то, что среди культурных растений были злаки. Древнейшие находки зерна в лесной полосе Восточной Европы были сделаны на Банцеревском городище в Белоруссии, в слое, относящемся к VI—VIII столетиям н. э. Там были встречены зерна гороха, конских бобов, проса и пшеницы.[1] Вероятно, близкий ассортимент культурных растений имелся и в Верхнем Поволжье. Интересно, что на ряду с современными он состоит из таких культурных растений, которые сейчас в пищу не употребляются (вика и конские бобы).

Многообразное и поэтому относительно сложное хозяйство населения Верхнего Поволжья начала первого тысячелетия н. э. являлось в то же время почти натуральным, не зависимым от обмена. За исключением меди, привозимой, повидимому, с Урала, мы не встречаем в остатках поселений ничего такого, что говорило бы о наличии обмена. Ясно также, что медь, шедшая на изготовление украшений, не являлась особенно важным материалом и требовалась сравнительно в небольших количествах. Обмен протекал, следовательно, в мизерных масштабах, не нарушая целостности натурального хозяйства. Можно указать еще также на застежку с эмалью, найденную на городище у Грехова ручья, и на

1 К. Флаксбергер. Зерны з Банцараускаго гарадзішча. Працы Сэкціі археолёгіі Акад. Навук БССР, Менск, 1932.

аналогичное ей украшение, найденное у дер. Кирьянова. Эти единичные вещи говорят о наличии обмена со странами, лежащими на юго-запад от Верхнего Поволжья, но обмена опять-таки ничтожного по размерам. Эти вещи к тому же относятся скорее к середине, чем к началу первого тысячелетия н. э. Последнее очень существенно, так как с этой эпохи, с чем мы познакомимся ниже, экономические связи Верхнего Поволжья с соседними областями неизмеримо возрастают.

Внутренний обмен в условиях натурального хозяйства равнялся почти нулю. Население Верхнего Поволжья в эту эпоху находилось еще в условиях господства первобытных экономических отношений. Разделение труда не вышло из своих первичных естественных форм, не приняло форм общественного разделения труда. Этим и объясняются собственно та сложность и многогранность хозяйства, при котором население каждого поселка занималось и охотой, и скотоводством, и рыбной ловлей, и земледелием, и обработкой железа и меди. Однако, как мы увидим ниже, развитие экономической жизни в начале первого тысячелетия н. э. дошло до предельных граней первобытных экономических отношений и ее дальнейшее движение неизбежно должно было повлечь за собою значительные изменения внутри общественного строя.

Глава III

ПОСЕЛЕНИЕ IV—V СТОЛЕТИЙ НА Р. СОНОХТЕ

1

В конце III или в начале IV столетия н. э. в устье р. Сонохты, впадающей в Волгу справа в 20 км ниже устья Шексны, возникло одно из позднейших укрепленных поселений. Через одно-два столетия оно погибло в результате большого пожара, уничтожившего поселок со всеми его строениями. В 1934—1935 гг. остатки этого поселка, расположенные вблизи дер. Березняки, были исследованы путем полной раскопки всей его площади. Были открыты остатки ряда построек, остатки стен, окружавших поселок, обнаружено огромное количество всякого рода бытового и производственного инвентаря, оставленного населением и погребенного под слоем пожарища (прилож. VI). В результате изучения этого материала древний укрепленный поселок со всеми его постройками, бытом, экономикой, социальными отношениями и некоторыми чертами религиозных представлений его населения, — все это вполне конкретно, воочию встает перед нашими глазами. Материалы этого городища дают возможность значительно полнее осветить все то, что было изложено в предыдущей главе, и в то же время они рисуют и некоторые новые черты, присущие населению середины первого тысячелетия н. э.

Рис. 19. Городище в устье р. Сонохты. Вид с запада.

Выбор места для сооружения поселка во всех отношениях являлся чрезвычайно удачным. Он был расположен среди неширокой долины р. Сонохты, в 250 м от ее устья, на небольшом «останке» — островке коренного берега, огибаемом рекой с трех сторон и соединенном с плато узкой и невысокой перемычкой. Русло Сонохты проходило у самого подножия островка и вода подмывала склоны, делая их крутыми. Со стороны Волги островок был скрыт двумя другими такими же «останками», лежащими по обе стороны устья Со-

нохты. Таким образом, в отношении защиты от нападения островок представлял собою место исключительно удобное, несмотря на его незначительную высоту, равную всего лишь 4—5 м над уровнем долины и 6—7 м над уровнем реки (рис. 19 и 20).

Непосредственно вокруг этого места, по берегам Сонохты и Волги, простирались заливаемые в половодье пойменные луга с травянистой растительностью. Здесь же, не дальше чем в 200—300 м вверх и вниз по Волге, начинались ровные возвышенные участки коренного берега, заросшие смешанным лесом, что

Рис. 20. Городище в устье р. Сонохты. Вид с юга.

являлось особенно благоприятным для подсечного земледелия.[1] Выше по Сонохте имелись болотные железные руды. Другими словами, здесь было сконцентрировано все то, что требовалось от природы для населения того времени с его примитивным, но многосторонним хозяйством.

Поверхность островка, на котором был построен поселок, представляла собою площадку неправильной треугольной формы, вытянутую с запада на восток, длиной 80 м, шириной 50 м и общей площадью 2300 кв. м. (рис. 21—22).

В зимнее время, когда Сонохта замерзала, и летом, в июле-августе, когда она сильно мелела, естественная защита поселка заметно ослабевала. Поэтому поселок имел солидные искусственные укрепления, окружавшие его со всех сторон. Со стороны перемычки, соединявшей место поселка с плато высокого берега, поперек ее, на протяжении 30 м были поставлены параллельно друг другу, в расстоянии 2.50 м, два массивных плетня, пространство между которыми было заполнено землей, взятой из рва, выкопанного снаружи. В середине этой земляной стены помещались ворота, а через ров против них лежал, вероятно, легкий, убираемый в минуту опасности мостик. После того как плетень сгорел, масса земли осела в обе стороны, прикрыв собою остатки сгоревших бревен и оплетавшего их хвороста. Такая же земляная стена, основой для которой служили два параллельных плетня, была построена на протяжении 12—15 м с южной стороны площадки, где склон к Сонохте был менее крутым. Со всех других сторон по краю площадки была сооружена ограда из толстых бревен хвойного и лиственного дерева, укрепленных горизонтально с помощью попарно врытых в землю вертикально стоящих столбов. Снаружи снизу стена была присыпана землей.

В поселке было одиннадцать построек, различных по формам, размерам и назначению. Они располагались двумя рядами вдоль южной и северной сторон площадки, так что в средней части, против ворот, оставалось свободное пространство в виде улицы шириной в 10—12 м. Вдоль южной стороны стояли в ряд семь построек, вдоль северной — три. Послед-

[1] П. Н. Третьяков. Подсечное земледелие в Восточной Европе. Изв. Гос. Акад. истории матер. культуры, т. XIV; вып. 1, 1932.

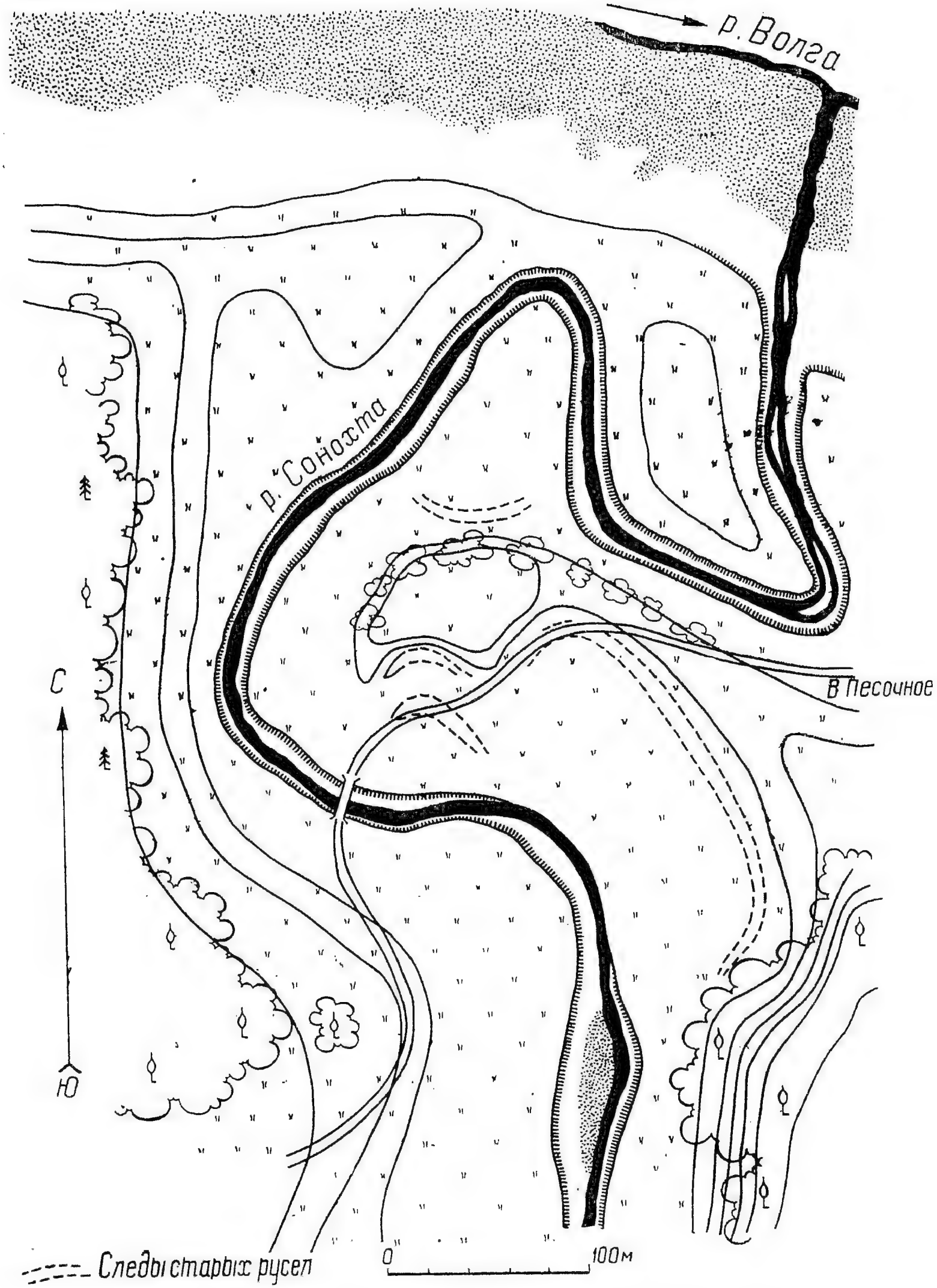


Рис. 21. План городища в устье р. Сонохты и прилегающей местности. Сечение горизонталей 3 м.

няя постройка стояла вне рядов, в южном углу поселка. Около ворот весь северо-восточный угол поселка, свободный от построек, был окружен легкой изгородью, столбы которой были вкопаны в землю. Этот участок служил, повидимому, местом для загона скота; возможно, здесь находились также легкие навесы (рис. 23).

Центральную часть площадки занимал большой дом, стоящий в середине южного ряда, рубленый из бревен хвойного дерева, площадью 5 × 8 м, обращенный фасадом на север, к свободному пространству — «улице». Стены, состоящие всего лишь из нескольких венцов сруба, рубленого в «чашу», были невысоки; крыша дома была, повидимому, двускатной. Пол в доме был земляной; в центральной его части помещался очаг в виде кучи дикого камня (рис. 24).

К задней стене дома примыкала миниатюрная, полуовальная в плане постройка, вероятно, в виде навеса, со стенами из ряда вертикальных, вкопанных в землю столбов, оплетенных хворостом.

Перед домом, по обеим его сторонам и около одного из его задних углов, в землю были вкопаны какие-то большие вертикальные столбы, назначение которых осталось неизвестным. Возможно, что они предназначались для привязывания верховых лошадей или же имели какие-либо функции религиозного порядка, что весьма вероятно, так как дом этот не являлся рядовым жилищем, а представлял собою, повидимому, общественное здание, служившее местом собрания всех жителей поселка. Поэтому он был значительно больше по площади, чем все другие дома, а внутри его почти не было никакого бытового инвентаря, обычного для рядового жилища.

Рядом с этой постройкой, в том же ряду, в 5 м от нее, ближе к воротам стоял один из жилых домов, также рубленый из бревен не только хвойного, но и лиственного дерева. Его направление совпадало с ориентировкой большого дома, т. е. его фасад также был обращен к «улице». Размеры дома составляли 4.70 × 5 м; другими словами, он был в плане почти квадратным. Судя по остаткам сгоревших бревен, стены этого дома, рубленного в «чашу», были также невысоки и, повидимому, не превышали 4—6 венцов сруба, что

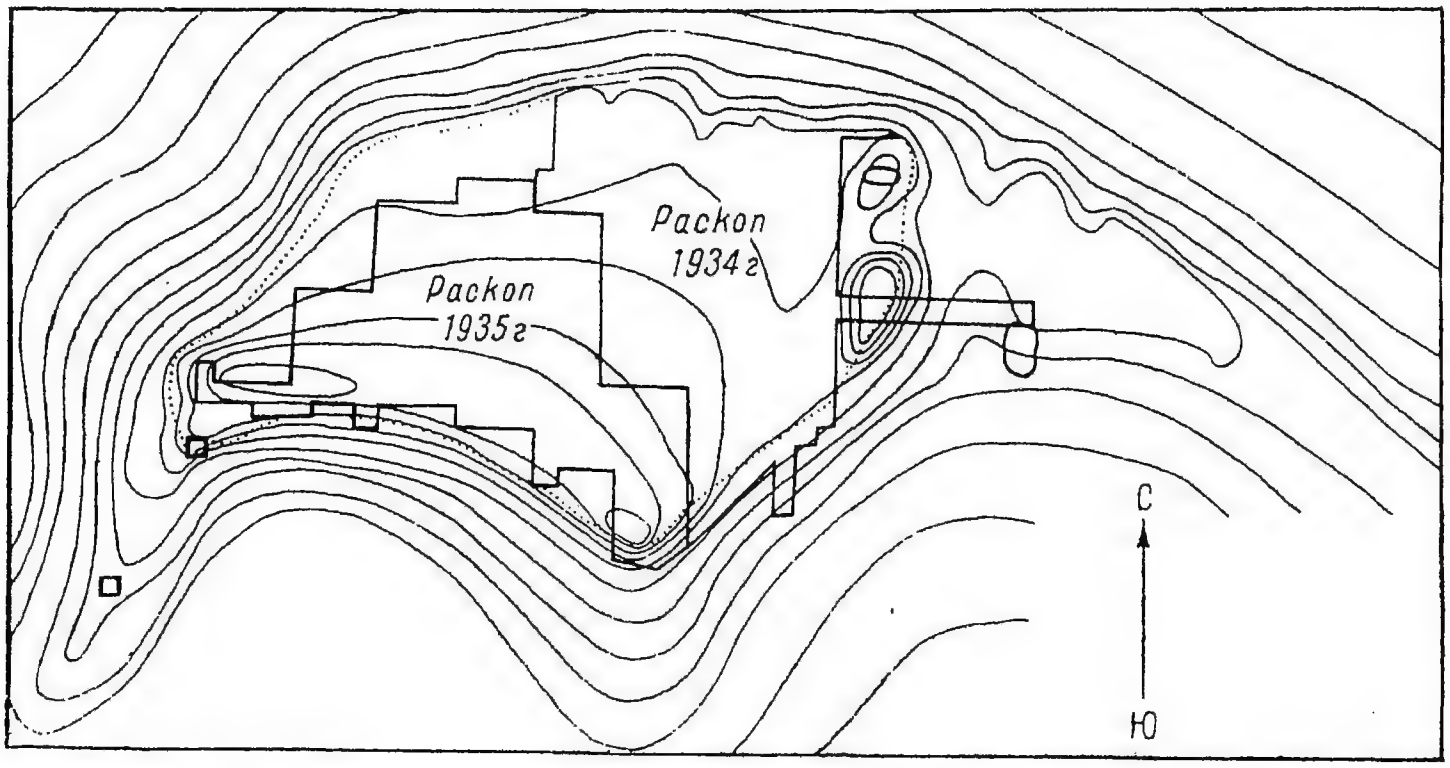


Рис. 22. План городища в устье р. Сонохты с указанием границ раскопов 1934 и 1935 гг.

составляло в высоту 0.80—1.20 м (рис. 25). Очаг помещался против входа у задней стены, ближе к левому углу. Как и в предыдущей постройке, он имел вид кучи дикого камня — валунов, во множестве имевшихся на берегу Волги и в русле Сонохты. Зимой, чтобы нагреть помещение, на куче камней раскладывали костер, а затем раскаленные камни обливали водой, согревая таким образом свое жилище при помощи горячего пара. Такой способ отопления жилищ, о котором писал Ибн-Русте, действительно имел место в Поволжье, и напрасно полагают некоторые, что арабы смешивали жилище русских с баней. При обливании водой камни скоро растрескивались, превращаясь частично в дресву. Поэтому их часто заменяли новыми; старые же пережженные камни выбрасывали наружу около изгороди, в результате чего здесь накопились большие кучи такого камня и дресвы, перемешанных с золой и углями. Правый задний угол жилища являлся, повидимому, местом приготовления пищи: здесь стояла посуда, лежали

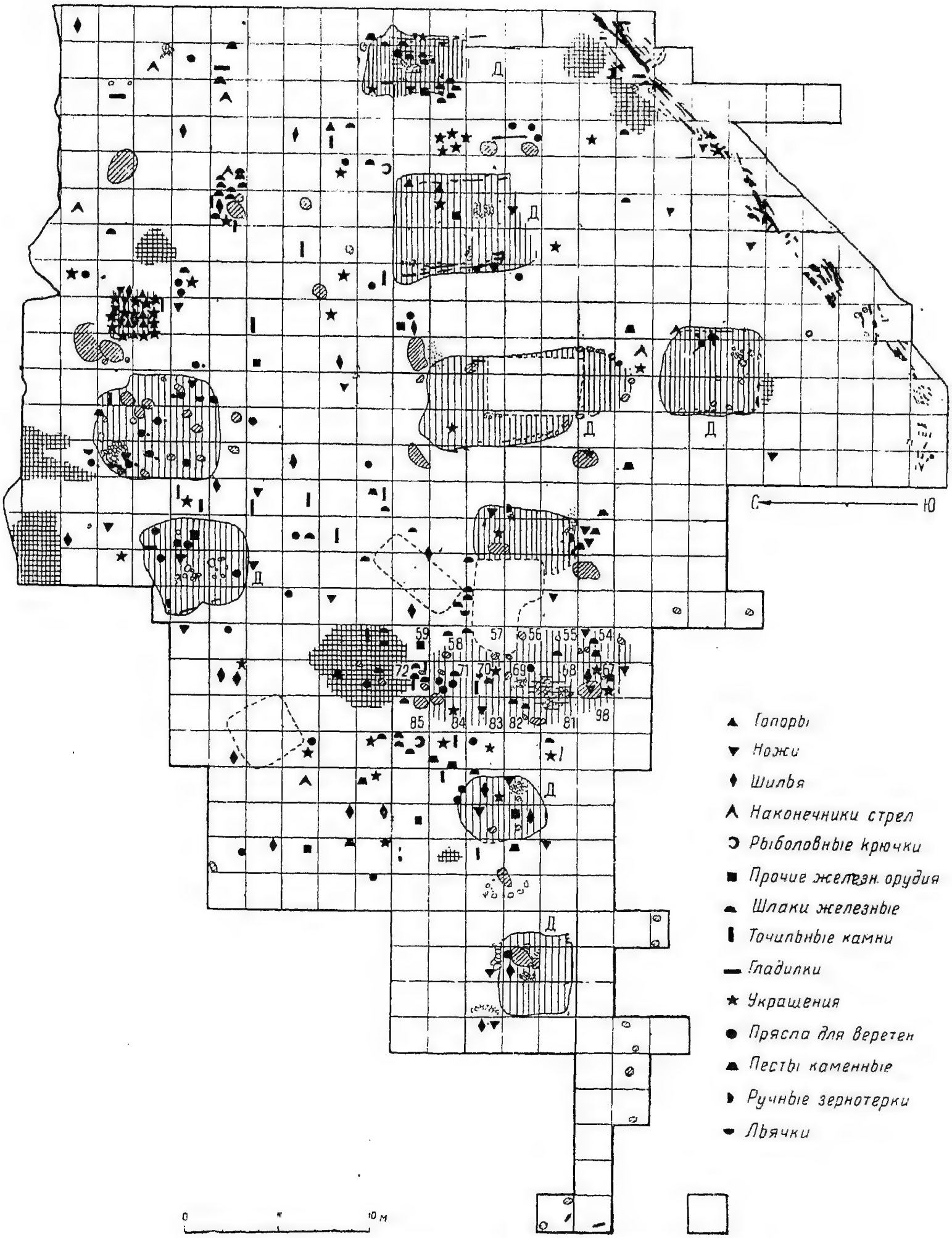


Рис. 23. План расположения остатков построек на городище в устье р. Сонохты.

ножи и, вероятно, прочий бытовой инвентарь. Глиняные сосуды стояли и около очага. Вдоль левой стены жилища располагалась мужская часть дома и лежали мужские орудия и инструменты: топор, ложкарь.

Второй такой же жилой дом, но несколько меньших размеров, находился в южном углу поселения. Его фасад, ориентированный в том же направлении, что и у предыдущих построек, выходил к полукруглому сооружению, пристроенному к задней стене общественного дома. Жилище это в плане также имело квадратную форму и размеры 4.60 × 4.90 м. Внутри жилища в землю были вкопаны семь столбов,

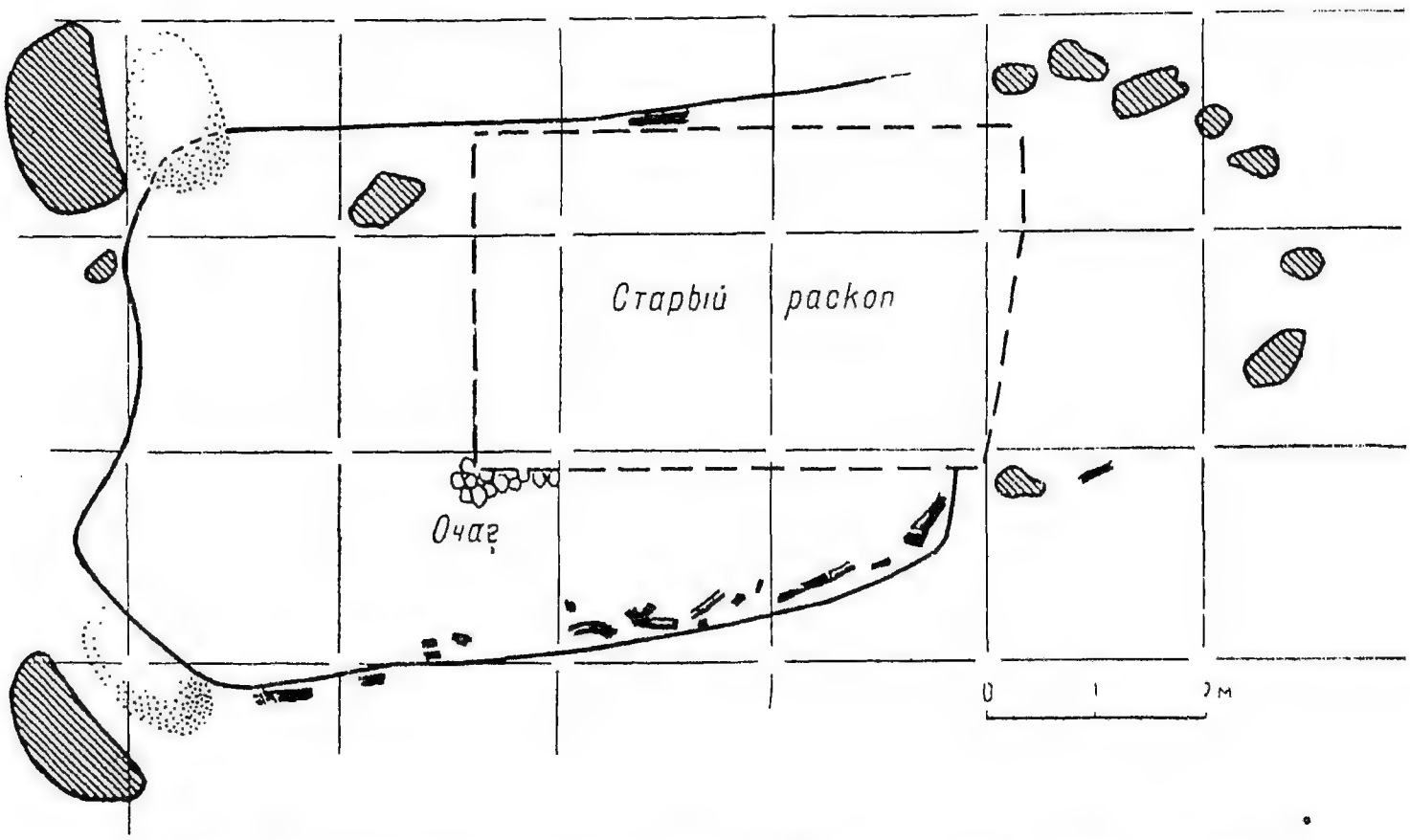


Рис. 24. План остатков центрального дома (№ 3) на городище в устье р. Сонохты.

из которых два находились у правой стены, два у левой, один в центре жилища и два последние около очага, расположенного в середине у задней стены. Их назначение остается неизвестным; столбы у стен поддерживали, вероятно, нары. Перегоревшие камни из очага служила местом приготовления пищи и хранения посуды; левая сторона являлась мужской; там хранились, в частности, охотничьи орудия — стрелы.

В поселке были еще три жилых дома: один из них помещался в северном ряду построек,

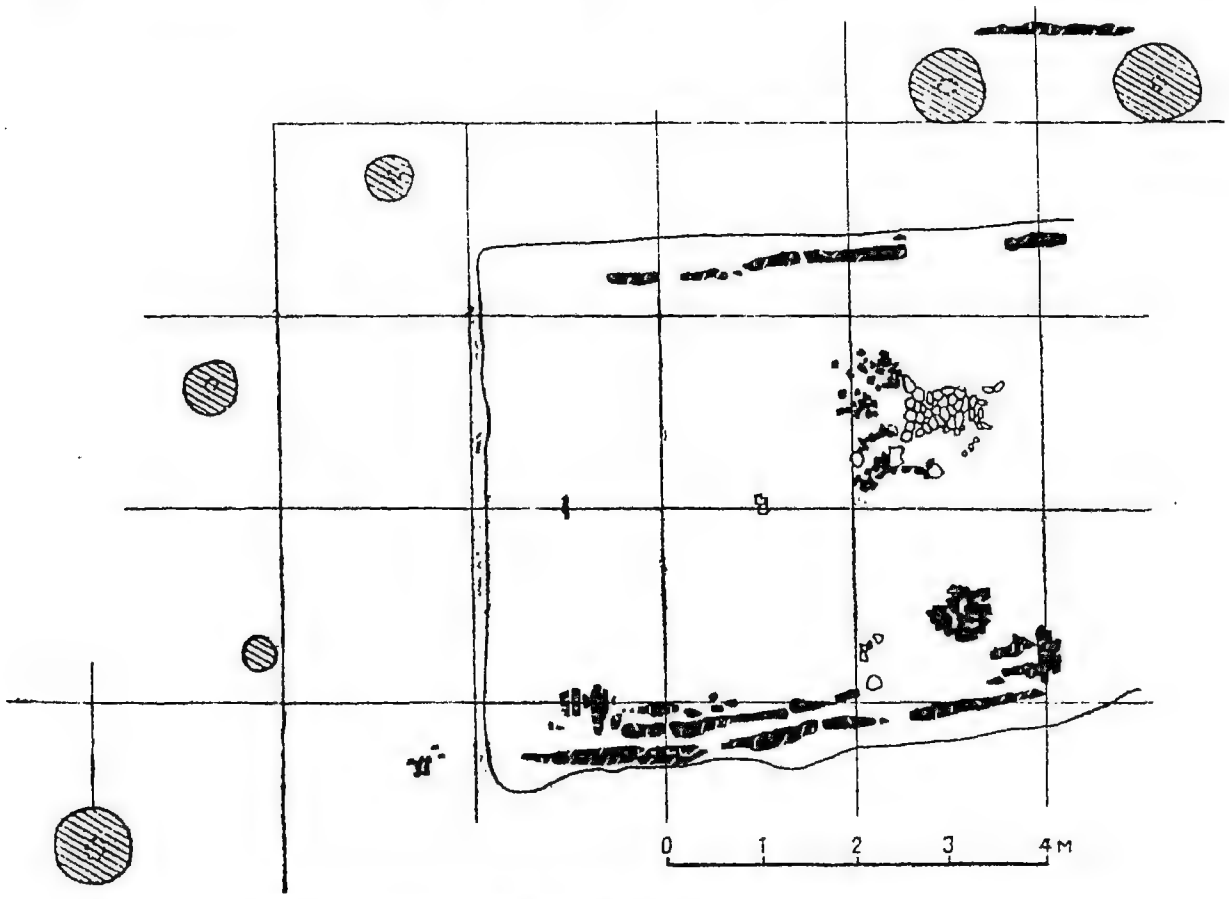


Рис. 25. План остатков дома № 2 на городище в устье р. Сонохты.

выбрасывались около жилища у его задней стены, где они образовали значительное скопление (рис. 26).

Точно так же как и в предыдущем жилище, правая сторона принадлежала женщинам и несколько наискось от общественного дома; два других замыкали южный ряд, упираясь в острый западный угол поселка. Это были также рубленые деревянные дома, размером приблизительно 4 × 4 м, с открытыми камен-

ными очагами. О внутренней обстановке их почти ничего неизвестно, так как их остатки сохранились значительно хуже, чем предыдущих.

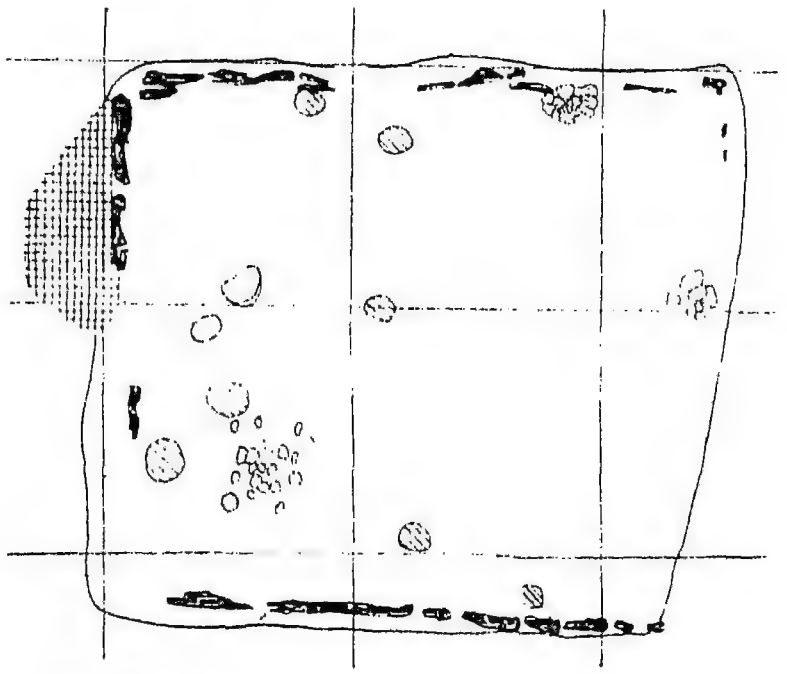


Рис. 26. План остатков дома № 4 на городище в устье р. Сонохты (сторона квадрата 2 м).

В южном ряду построек первой из них, ближайшей к воротам, являлся небольшой прямоугольный дом, возможно, также жилой, но предназначенный в то же время для обработки железа. Длина дома достигала 5 м, ширина же всего лишь 3 м с небольшим. В середине постройки на полу помещался прямоугольный очаг из камня с глиняным плоским основанием, размером 1 × 2 м (рис. 27). В очаге и вокруг него в большом количестве валялись железный шлак и крицы выплавленного железа.

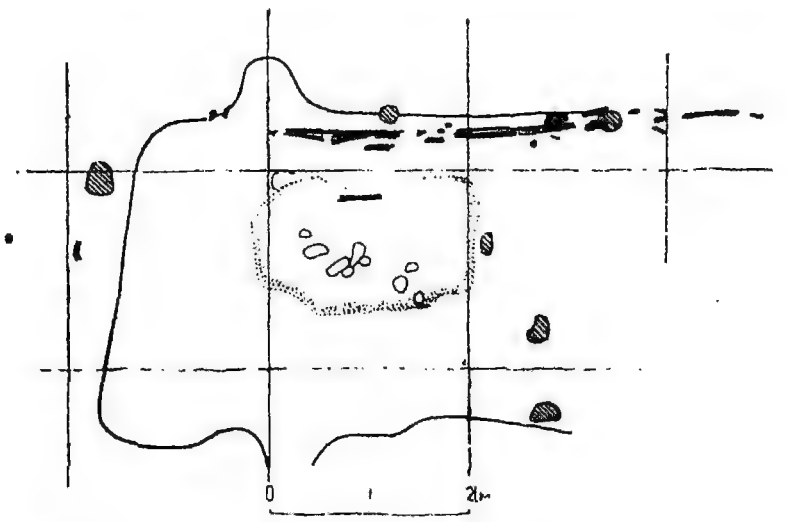


Рис. 27. План остатков дома № 1 на городище в устье р. Сонохты.

Однако здесь же находились и такие предметы, как нож, каменный пест, точило, маленькое долото и глиняная посуда, указывающие на жилой характер постройки. На левой стене, следовательно, в мужской половине постройки, на медном стерженьке, выполнявшем роль гвоздя, висела ременная узда, сплошь украшенная разнообразными медными бляхами. После пожара уже в обгоревшем виде она была погребена под остатками сгоревшей стены (рис. 28).

Однако центральным местом обработки железа являлась в поселке не эта постройка, а другая, пятая, считая от ворот, в том же южном ряду. Она представляла собою, повидимому, навес прямоугольной или овальной формы, размером 4.50 × 10 м, ориентированный параллельно всем другим постройкам южного ряда, т. е. с севера на юг. Возможно, что вертикальные столбы, поддерживающие крышу навеса, были оплетены хворостом. В южной половине постройки находился огромный очаг, занимавший площадь больше чем в 4 кв. м. Вокруг очага и в пределах постройки лежали шлаки, крицы выплавленного железа, далее ряд изделий: ножи, шило, наконечник стрелы, и неопределенные куски железа. Здесь же находились крупные точильные камни. Далее нужно отметить глиняный

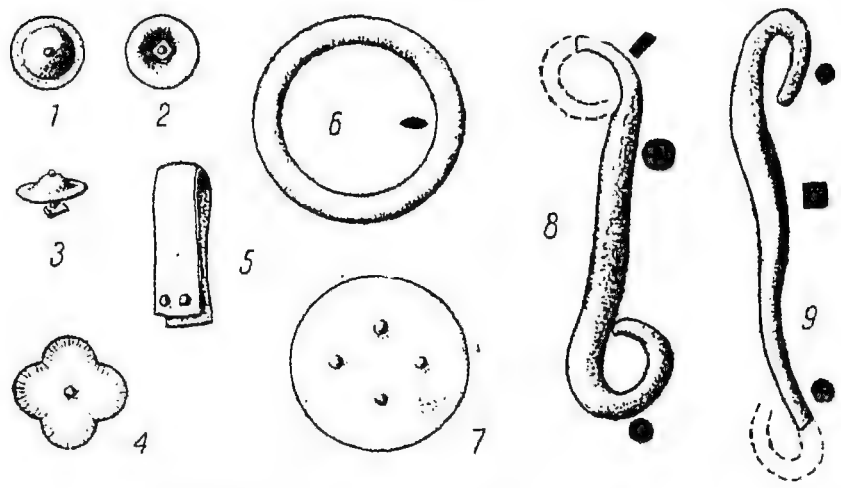


Рис. 28. Бронзовые бляхи от узды, найденные в доме № 1 на городище в устье р. Сонохты. Части удил (с этого же городища).

сосуд, стоявший около очага, и несколько прясел от веретен, находка которых указывает, что здесь пряли. Возможно, что в небольшом масштабе в постройке производилось также изготовление мелких бронзовых изделий.

Рядом с кузницей, у ее северной стены находилась огромная куча пережженного камня, выброшенного из очага вместе с золой, углями и железными шлаками. К этому сооружению нам придется еще специально вернуться в связи с вопросом об обработке железа (рис. 29).

В северном ряду, как раз против общественного дома, стояла еще одна постройка производственного назначения, форма которой остается не вполне ясной. В плане она имела прямоугольные очертания и размеры 5.80 × 6 м. Повидимому, крыша ее покоилась на столбах, вкопанных в землю; стены же были из плетня, осыпанного снаружи землей. В заднем левом углу находился небольшой открытый каменный очажок. Пол постройки был несколько углублен в землю (рис. 30).

В середине помещения в землю было вкопано несколько столбов, назначение которых осталось неизвестным. Возможно, что они были связаны с той работой, которая производилась в этой постройке, а именно — с прядением и, вероятно, ткачеством, т. е. служили подставками прях, или станов. В жилых постройках поселка эта работа почти нигде не производилась, за исключением соседнего дома, стоящего слева в северном ряду. В этом ткацком помещении производилась также выделка мелких бронзовых изделий путем отливки в примитивные глиняные формы.

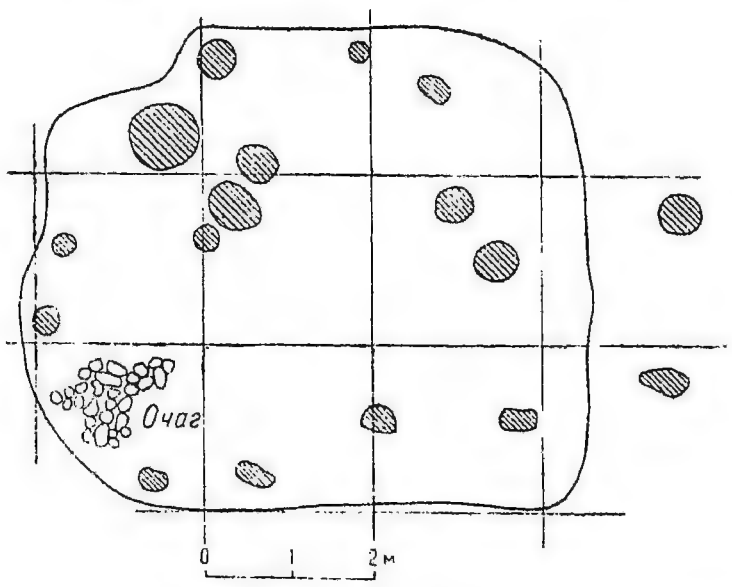


Рис. 30. План остатков постройки № 6 на городище в устье р. Сонохты.

В пределах этого помещения и прилегающей части поселения была найдена половина всех обнаруженных при исследовании прясел от веретен. В этой же части поселения встречена большая часть железных шильев, а также большая железная игла. Все это говорит о том, что описываемая постройка являлась местом женской работы.

Последней хозяйственной постройкой был небольшой домик, размером 3 × 5 м, стоящий в южном ряду между общественным зданием и кузницей. Он был срублен из дерева, точно так же как и жилые дома, но не имел очага и являлся местом хранения и размола зерна, производившегося на простейших ручных жерновах — зернотерках, встреченных здесь же, внутри помещения. Ни в одной из других построек орудий мукомольного дела не найдено.

Наконец, в пределах поселка, в северном ряду, справа от помещения, где производились прядение и ткачество, стояла еще одна постройка, отличавшаяся от всех предыдущих своими малыми размерами и своим исключительным назначением. Это было погребальное сооружение.

До настоящего времени погребальные сооружения на городищах «дьякова типа» известны не были; мало того, характер обряда погребения у племен Верхнего Поволжья и смежных областей в первом тысячелетии до н. э. и в первом тысячелетии н. э. являлся одним из неразрешенных вопросов. Большинство исследователей придерживалось того взгляда, что в эту эпоху здесь господствовали способы погребения мертвых на поверхности земли, аналогичные тем поверхностным захоронениям, какие были распространены в ряде районов Северной Азии.

Теперь этот вопрос получил некоторое разрешение для населения если не всех тех областей, где известны городища «дьякова типа», то во всяком случае для населения Верхнего Поволжья первого тысячелетия н. э. При этом обряд погребения, выясненный при исследовании городища в устье р. Сонохты, оказался

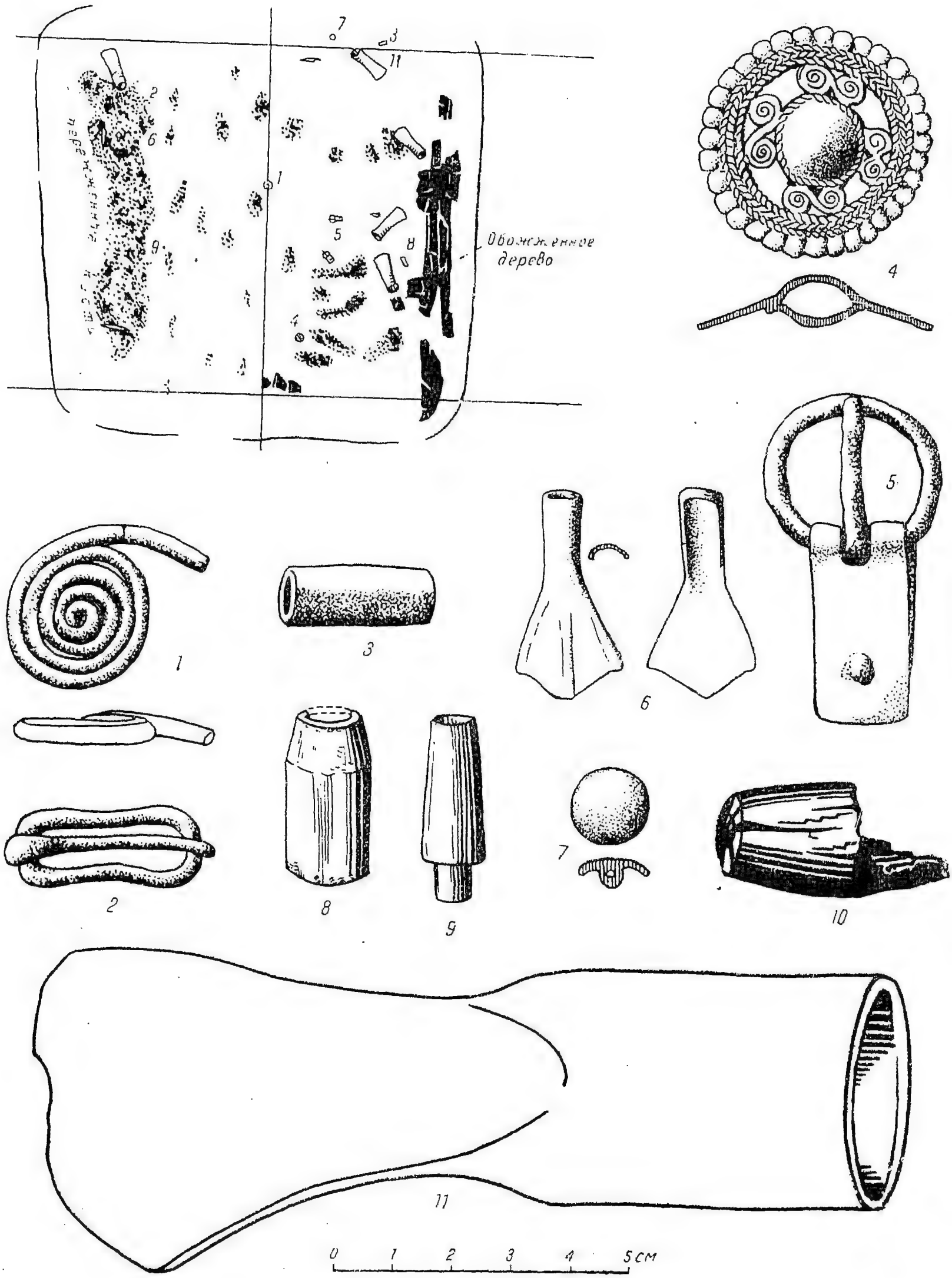


Рис. 31. План остатков погребального сооружения на городище на р. Сонохте и происходящие оттуда вещи.

совершенно своеобразным, не повторяющим чего-либо известного ранее.

На поселении был маленький квадратный домик, размером всего лишь 2.25 × 2.25 м, рубленый из дубовых и сосновых бревен, с фасадом, обращенным либо на юг, либо скорее на восток. Когда умирал кто-либо из жителей, кого надлежало хоронить в «домике», за пределами поселка раскладывался большой костер, на котором сжигалось тело умершего. Остатки пережженных костей собирались, приносились в поселок и складывались в маленьком домике вдоль его южной или северной стены. Вместе с ними клались кое-какие вещи: орудия и украшения. К моменту пожара, после которого жизнь в поселке прекратилась, в погребальном домике находились пережженные кости не менее чем пяти-шести человек, среди которых были и взрослые обоего пола и маленькие дети. Вместе с костями в домике лежали пять топоров, четыре ножа, неопределенный железный предмет (не то нож, не то наконечник стрелы), шило, две железных круглых пряжки с бронзовыми обоймицами, бронзовая пряжка, круглая ажурная бляха с орнаментом, прясло и несколько других мелких железных и бронзовых изделий (рис. 31).

Погребальный домик на поселении в устье р. Сонохты не являлся, повидимому, единственным местом погребения, так как число встреченных там погребений не соответствует числу жителей поселения, существовавшего не одно столетие. Где покоятся остатки других умерших и какой обряд сопровождал их в царство мертвых, — это остается пока неизвестным.

Весь этот поселок с домами, хозяйственными постройками, окружавшими его укреплениями и близ лежащим ландшафтом, если смотреть со стороны Волги, выглядел приблизительно так, как его изображает прилагаемая здесь реконструкция (рис. 32).

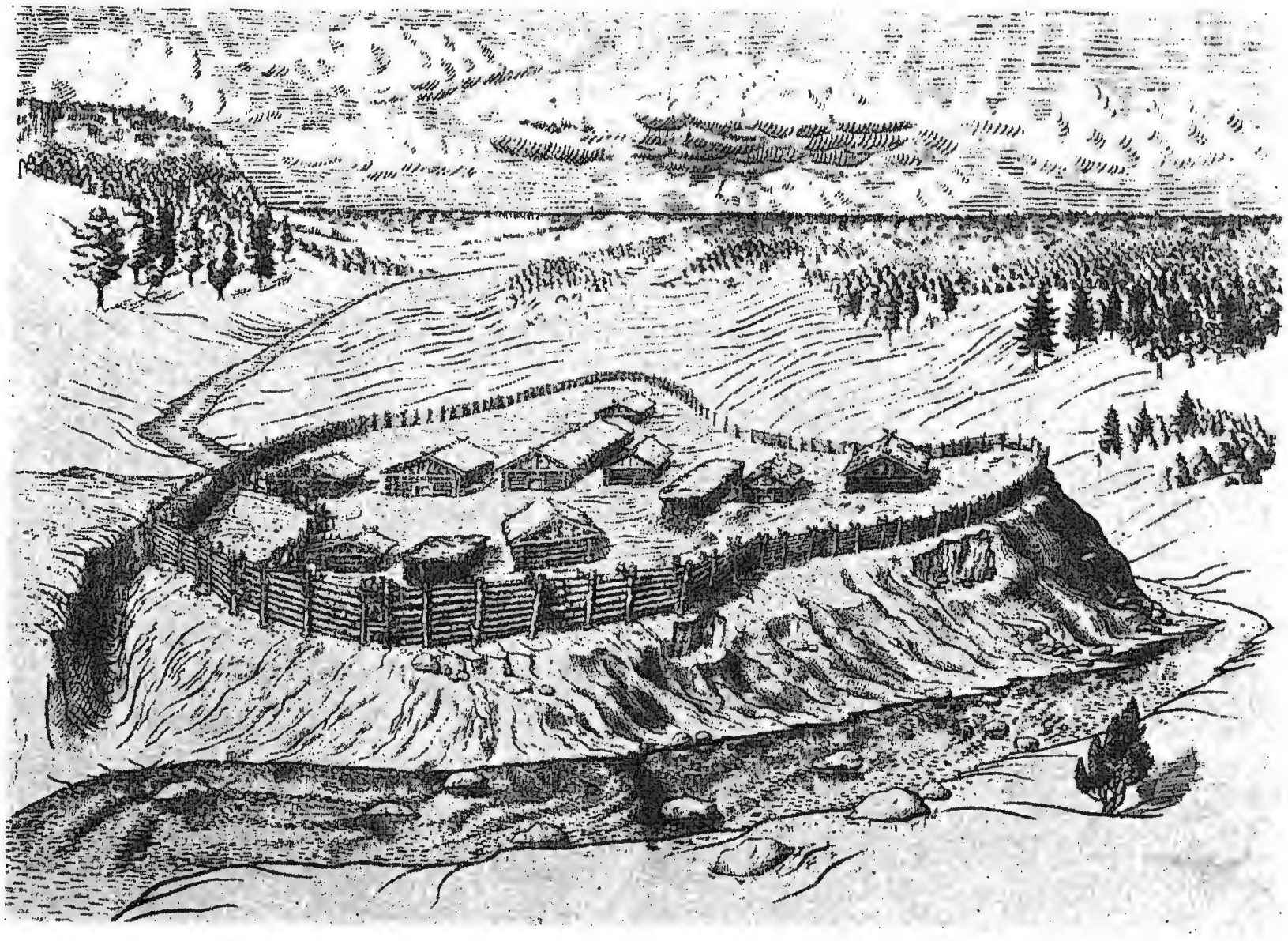


Рис. 32. Реконструкция поселения в устье р. Сонохты. Вид со стороны р. Волги.

Расположение домов и направление их фасадов являются бесспорными, кроме одного случая, а именно — крайнего левого дома, по остаткам которого невозможно было определить направление его фасада. Очаг, который располагался обычно в глубине постройки, здесь был совершенно разрушен. Относительно проблематичной является представленная здесь реконструкция хозяйственных сооружений, не имевших сруба, а также внутренней изгороди, от которой почти ничего не сохранилось. Система укрепления реконструи-

рована правильно; несколько неверно изображен на рисунке ров — в действительности он был значительно шире; окружающий ландшафт, как почти не изменившийся за полторы тысячи лет, дан на реконструкции современный. Смещено лишь на старое место русло р. Сонохты, которая теперь несколько отошла от подножия всхолмления.

2

Глядя на этот древний поселок, существовавший полторы тысячи лет тому назад, и зная, что представляла собою каждая из его построек, мы не видим здесь лишь его живых обитателей, свидетелей и участников его сооружения и гибели в результате пожара. Но люди, населявшие поселок, настолько полно и непосредственно запечатлели себя, свои отношения и разнообразные черты своего быта в окружавшей их материальной среде, что их отсутствие в значительной степени может быть восполнено.

Жилище людей и поселение в целом — это такие элементы материальной жизни общества, которые на всех ступенях человеческой истории прекрасно отражали общественную жизнь, часто со всеми ее мелкими особенностями. И поэтому даже самый беглый взгляд на поселок, находившийся в устье р. Сонохты в IV—V столетиях н. э., дает возможность понять очень многое из того, что определяло жизнь его обитателей.

Мог ли быть этот поселок (рис. 32), скажем, феодальной деревней или ширe — деревней, состоящей из ряда парцеллярных хозяйств? Совершенно очевидно, что нет, уже хотя бы по одному тому, что каждое отдельное жилище не сопровождалось здесь комплексом хозяйственных построек, что обязательно в условиях парцеллярного хозяйства. Дома здесь стояли отдельно, хозяйственные же постройки располагались в средней части поселка, вокруг большого общественного дома. Но как следует рассматривать эти хозяйственные постройки: кузницу, помещение для текстильных работ? Принадлежали ли они всему населению поселка или же отдельным лицам? Совершенно очевидно, что все они, включая помещение для хранения и размола зерна, являлись общей собственностью и служили местами общинного производства.

Наконец, еще один яркий штрих — «домик мертвых». Это коллективная урна, как нельзя лучше отражающая внутренние отношения жителей поселка, свидетельствующая не только о коллективном начале, господствовавшем в поселке, но и о том, что его население состояло из кровных родственников, которые помещали своих умерших вместе, в одном доме, расположенном на территории поселка живых.

Древний поселок в устье р. Сонохты мы узнаем отраженно в старинном дворе удмуртов. Здесь расположена «корка» — общественное здание, принадлежащее всему населению двора, затем несколько «кеносов» — жилищ отдельных семейных ячеек; дальше «куала» — здание культового назначения и ряд построек хозяйственного порядка. Это двор удмуртов XVIII—XIX столетий, население которого состояло из большой патриархальной семьи — общины. Любопытно, что характерной чертой старинной удмуртской стройки, да и не только удмуртской (подобные дворы имелись и у других народов Поволжья), являлось расположение построек фасадов внутри двора, окруженного прочной оградой.[1] Такие дворы у удмуртов, марийцев, коми, — это реликт, последний след древних укрепленных поселков, подобных поселению в устье р. Сонохты; точно так же, как жившие в этих дворах большие семьи, состоявшие из нескольких поколений, — это последний след тех общин кровных родственников, которые в середине первого тысячелетия н. э. населяли укрепленные поселения севера Восточной Европы.

В шести жилищах поселка на р. Сонохте обитало не более 40—50 человек обоего пола, взрослых и детей. Это была, следовательно, относительно небольшая община родственников, коллективно ведшая свое несложное, но многостороннее хозяйство, в центре которого стояли стадо домашних животных и посевы на лесных подсеках. Община занималась выработкой железа; на Волге ловилась рыба; в окружающих лесах охотники били зверя и птицу, женщины собирали ягоды, орехи, жолуди.

В условиях почвы, которой было затянуто пожарище, почти не сохранилось до настоящего времени костей животных, и поэтому неизвестны точно ни состав стада, ни дикие животные, служившие добычей охотников. На площади поселения были собраны в большом числе лишь зубы и некоторые кости лошадей, несколько костей крупного рогатого скота, мелкого рогатого скота и свиней. Этот небольшой материал дает все же основание полагать, что состав стада был здесь таким же самым, что и в ряде других уже знакомых нам поселений начала первого тысячелетия н. э. Стадо домашних животных в своей значительной части состояло из лошадей, которые не только шли в пищу, не только давали молоко, но и служили для верховой езды. Всадники ездили на лошадях, взнузданных железными удилами с ременными уздечками, украшенными бронзовыми бляхами (рис. 28).

То, что среди костного материала совершенно не представлены остатки диких животных, не может в данном случае говорить об отсутствии охоты. Открытый на поселении костный материал очень невелик и поэтому

---

[1] А. Пинт. К истории удмуртского жилища. Сборн. «На удмуртские темы». Учен. зап. Инст. народов сов. Востока при ЦИК СССР, вып. 2.

естественно не отражает полностью состава животных, мясо которых шло в пищу. На других верхневолжских поселениях середины первого тысячелетия н. э., с которыми мы познакомимся ниже, остатки диких животных составляют до 10% и более к общему числу костных остатков, определяя этим самым со-

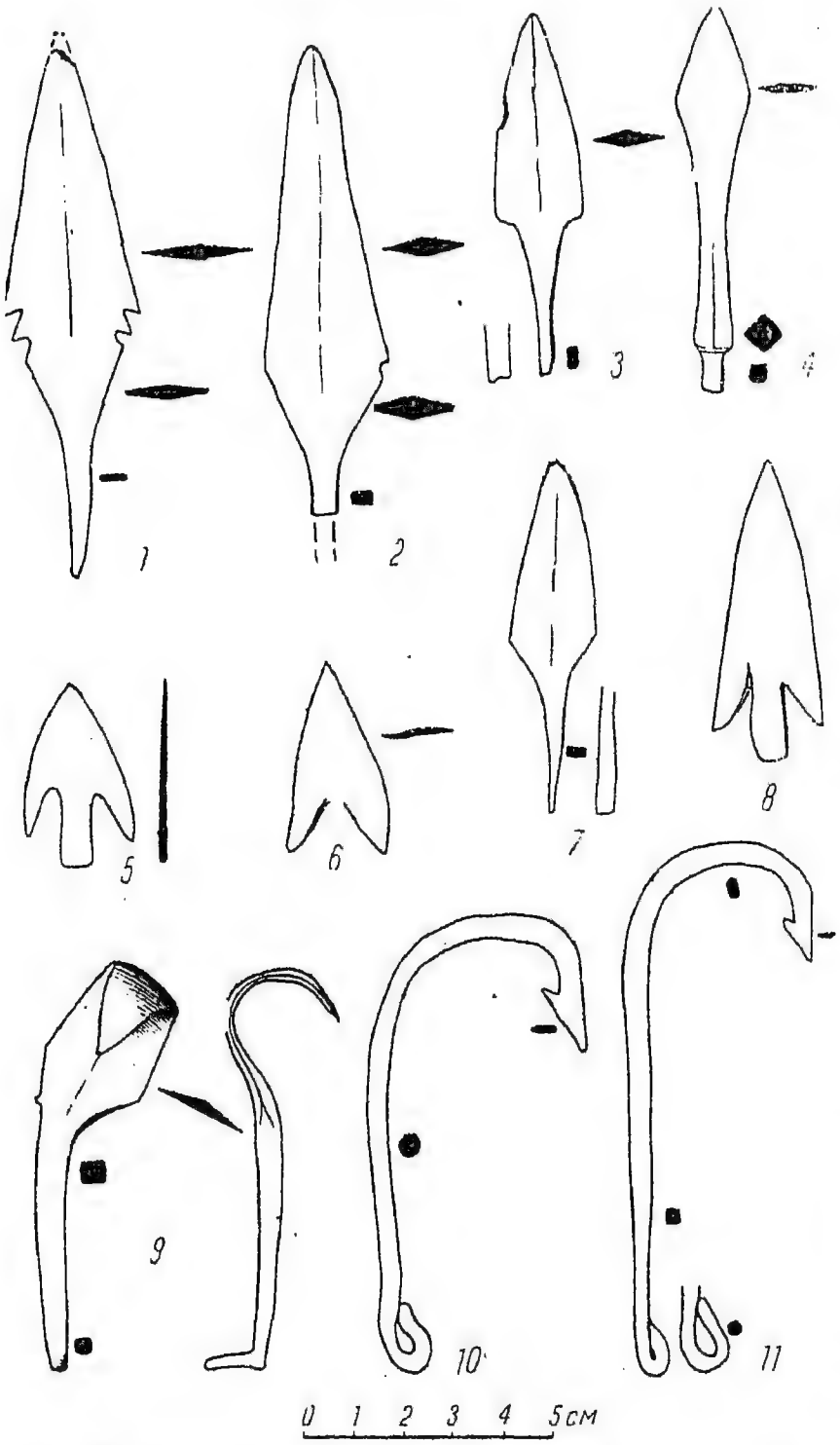


Рис. 33. Железные изделия с городища в устье р. Сонохты. Наконечники стрел, „ложкарь" и рыболовные крючки.

отношение скотоводства и охоты в экономике населения. Несомненно, что и здесь, в поселении на р. Сонохте, охота играла немаловажную роль. Она служила не только средством пополнения продовольственных ресурсов, но давала и другие материалы, главным образом, конечно, меха. Многочисленные и разнообразные по форме железные наконечники стрел, найденные в разных местах поселения в устье р. Сонохты, говорят о развитой охоте на лесного зверя. Наконечники были плоскими и имели треугольную, ромбическую и ланцетовидную форму (рис. 33). Многие из них, снабженные жальцами, служили, повидимому, для самострелов, которые ставились в лесу на звериных тропах. Это можно предполагать на основании того, что у народов Северной Азии стрелы, изготовляемые для самострелов, имели наконечники именно такой формы. Несомненно также, что охотники пользовались и другими ловчими приспособлениями, широкое употребление которых обеспечивалось наличием родовой или общинной охотничьей территории.[1] Для рыбной ловли обитатели поселка имели лодки, снабженные массивными камнями якорями. Один из таких «якорей» с особой выемкой для привязывания веревки был найден около центрального дома поселка. Выезжая в лодках на Волгу, ставили сети; крупных хищных рыб ловили на «живцов», насаженных на большие железные крючки, в длину достигающие 10 см и более (рис. 33). Возможно, что рыбу били также острогой, однако этого орудия в поселении обнаружено не было.

Орудия земледелия, найденные на городище р. Сонохты, поражают своей примитивностью и заставляют полагать, что земледелие здесь еще не являлось абсолютно преобладающим видом производства. К такому же выводу приведет нас изучение и других верхневолжских памятников этой эпохи. На поселении в устье р. Сонохты был встречен прежде всего железный серп (в виде большого ножа, имеющего сравнительно небольшой изгиб), снабженный вместо рукоятки петлей или кольцом (рис. 34). По форме этот серп почти целиком повторяет медные или бронзовые серпы, распространенные в Среднем Поволжье, Прикамье и степной полосе Восточной Европы в эпоху бронзы. Серпу вполне соответствуют примитивнейшие ручные жернова — зернотерки, состоящие из каменной плиты, на которой зерна растирались плоским каменным курантом. Это опять-таки орудия первичного типа, такие же самые, какие бытовали тысячелетия тому назад в эпоху бронзы. Таким образом, земледелие у населения поселка на р. Сонохте имело весьма первобытные формы. Это было несомненно подсечное земледелие в его характерном виде, без применения пашенных орудий. Одним из основных инструментов здесь являлся железный топор, так как наиболее трудоемким и сложным делом в процессе приготовления поля являлись рубка леса и его сжигание.

В первом тысячелетии н. э. земледельцы Восточной Европы были вооружены не современными по форме, а значительно более примитивными железными, из плохого материала, топорами долотовидной формы. Такие топоры были и у населения поселка на р. Сонохте (рис. 34). Ширина их лезвия достигала всего

[1] П. Н. Третьяков. Первобытная охота в Северной Азии. Изв. Гос. Акад. истории матер. культуры, вып. 106, 1935, стр. 220 и сл.

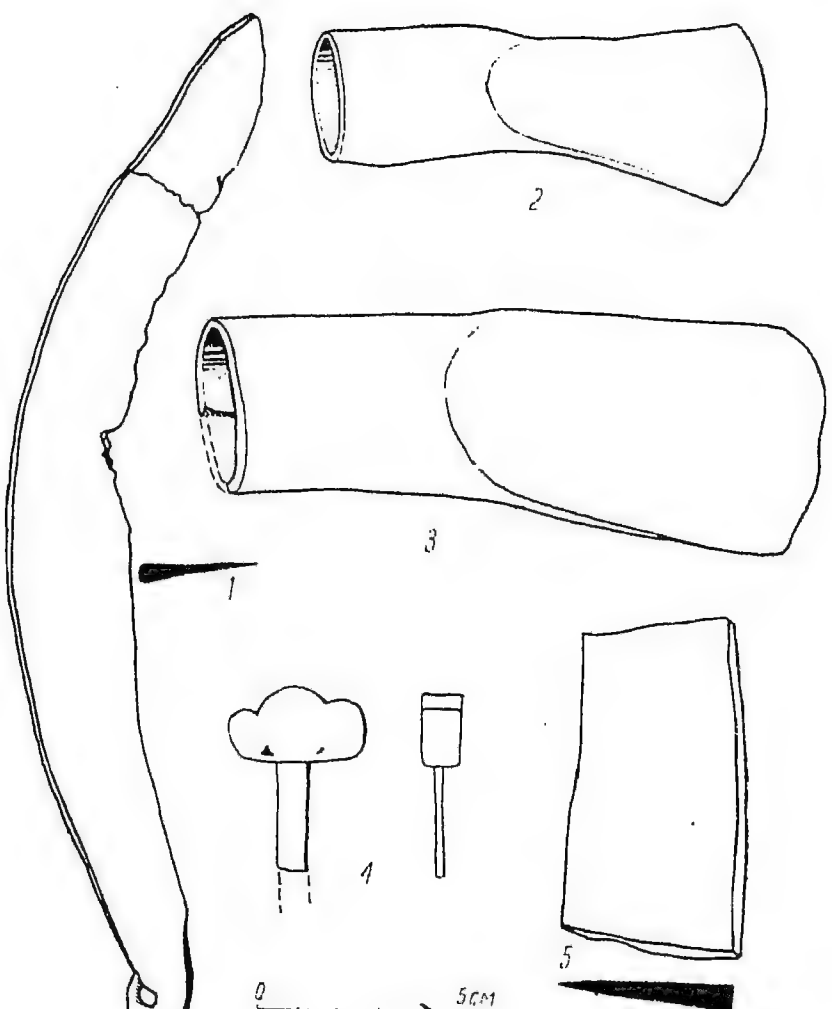


Рис. 34. Железные изделия с городища в устье р. Сонохты. Серп, топоры и части меча.

лишь 5—6 см; шире его делать было нельзя, так как оно гнулось бы при ударах.

Подсечное земледелие представляет собою одну из характерных отраслей первобытно-общинного производства.[1] Его громоздкие и сложные операции: рубка леса, «теребление», сожжение, неизбежно требовали кооперации сил, объединения большего числа рабочих рук, в данном случае, вероятно, объединения сил всего населения поселка. Как мы уже видели, в поселке было небольшое специальное помещение, несомненно общинное, в котором хранилось зерно и производился его размол.

Остались неизвестными культурные растения. Но раз были серпы, следовательно, имелись и злаки. Вероятно, был также лен, из волокон которого при помощи веретен с глиняными пряслами пряли нити и на примитивном стане ткали полотна. Этим занимались несомненно женщины, собиравшиеся для работы вместе в специальном помещении против общественного дома. Они пряли здесь и шерсть; при этом на веретена надевались тяжелые глиняные прясла, превышавшие по весу обычные в полтора-два раза. Одежда и обувь изготовлялись также из кож домашних и диких животных. Их сшивали, повидимому, дратвой при помощи небольших железных шильев; швы разглаживали миниатюрными каменными утюжками.

Все эти отрасли производства по-разному, но строго определенным образом представленные в течение различных сезонов года, распределялись между членами общины, и, вероятно, лишь земледелие с его громоздкими и трудоемкими работами требовало объединения сил всего поселка. Рубка леса производилась весной после посева хлебов или летом, чтобы дать возможность срубленному лесу хорошо просохнуть до следующего года, когда его сжигали, а затем уже в золу совершали посев.[1] Уборка урожая, являвшаяся несомненно делом женщин, уже не касалась всего населения поселка. Сезоны охоты и рыболовства — это преимущественно поздняя осень и ранняя весна, хотя охота за мясным зверем несомненно велась в течение всего года. Также постоянно требовались рабочие руки для ухода за скотом. Зимние месяцы являлись временем домашних производств — обработки железа, меди, прядения, ткачества, выделки глиняной посуды и т. д. Все это также определенным образом распределялось между членами поселка прежде всего, конечно, по половому признаку.

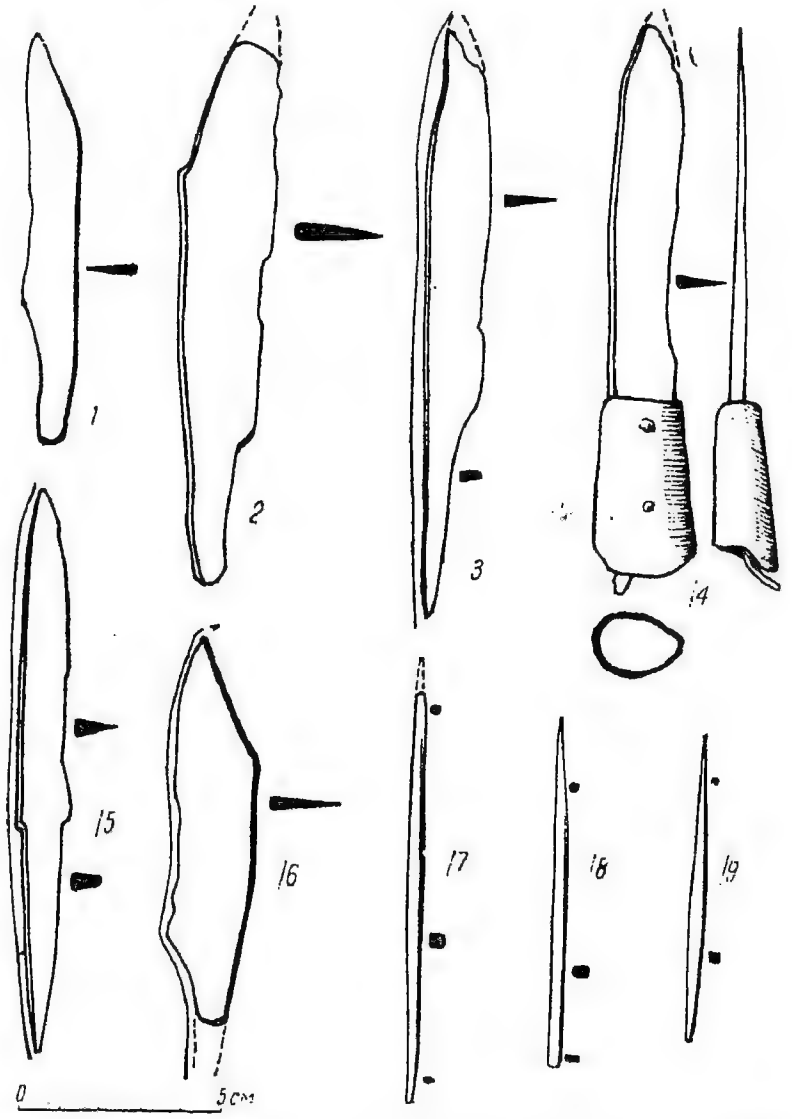


Рис. 35. Железные изделия с городища в устье р. Сонохты. Ножи и шилья.

1 П. Н. Третьяков. Подсечное земледелие в Восточной Европе. Изв. Гос. Акад. истории матер. культуры, т. XIV, вып. 1, 1932.

1 Там же, стр. 9 и сл.

Руками женщин были изготовлены все те глиняные сосуды, которые к моменту пожара по два, по три стояли внутри жилищ, а в обломках были рассеяны по всей площади поселка. Посуда лепилась довольно грубо, от руки, из местной глины, добываемой в берегах р. Сонохты. Это была весьма пластичная, перемытая ледниковая глина, к которой примешивался в небольшом числе речной гравий, повидимому, для того, чтобы посуда не распадалась при обжиге. О характере последнего сказать что-либо затруднительно, так как при пожаре посуда, а также ее обломки, подверглись вторичному не преднамеренному обжигу, значительно более сильному, чем первый. Большой процент керамики оплавился и приобрел шлакообразную структуру.

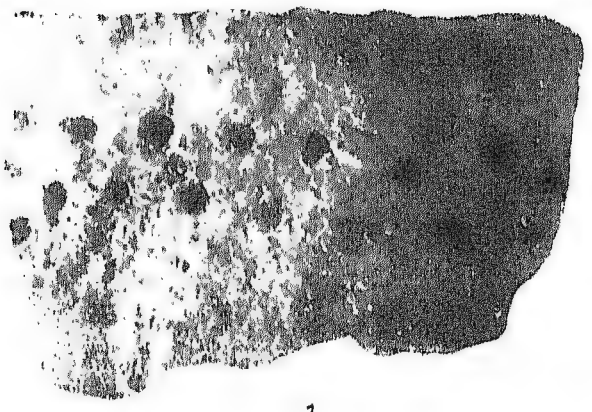
Глиняная посуда состояла из высоких плоскодонных, неорнаментированных горшков, служивших для приготовления пищи, и относительно низких широких мисок, употреблявшихся, вероятно, для еды. Они имелись значительно в меньшем числе, чем сосуды в форме горшков, и отличались от последних главным образом тем, что их стенки сильно расширялись кверху, тогда как у горшков стенки были расширены очень незначительно. Горловина тех и других сосудов была несколько сужена, венчик же в большинстве случаев был отогнут наружу. Иногда край венчика покрывался орнаментом из косых насечек, ямочных вдавлений или отпечатков перевитой веревочки (рис. 36). Среди сосудов, найденных в обломках на поселении, орнаментированными таким образом оказалось не более 50%, причем все они принадлежали по форме к горшкам. Кроме горшков и мисок, имелись еще в небольшом числе маленькие банкообразные сосудики, по размерам похожие на стакан.

Изделиями из глины далеко не исчерпывался состав посуды, но предметы из других материалов остались неизвестными. С уверенностью можно говорить, однако, о наличии деревянной посуды, в частности мисок и ложек, так как в одном из жилищ был найден «ложкарь» — изогнутый железный нож специфической формы, употреблявшийся для их выделки (рис. 33).

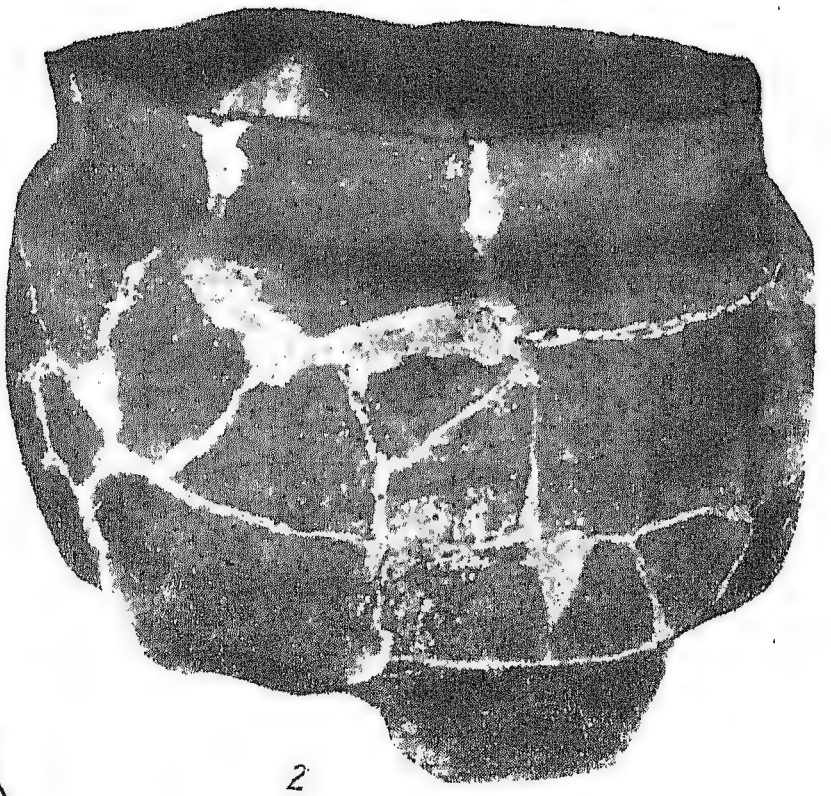
Очень любопытными являются обломки трех-четырех небольших глиняных сосудов обычной формы с черной лощеной поверхностью. Эта керамика нам уже знакома, она была распространена в середине первого тысячелетия н. э. по р. Оке, особенно в верхнем ее течении. Трудно предполагать, однако, что эти сосуды могли быть привозными. Хотелось бы думать, что они были изготовлены на месте женщиной, происходившей из более южных районов. Аналогичный же вывод хотелось бы сделать на основании находки низкой чашки, диаметром 28 см, с карнизом у венчика, украшенного грубыми отпечатками веревки (рис. 36). По общему облику сосуд напоминает посуду более восточных, вернее, юго-восточных районов, связанных с территорией бассейна Камы и Ветлуги. Возможно, что он был вылеплен женщиной, происходившей из этих мест.

Первичная обработка железа, т. е. выплавка его из руды, производилась не в поселке, а где-то на стороне, вероятно, непосредственно около места добычи болотной руды. Никаких остатков плавильных печей в поселке обнаружено не было; не встречено также ни куска железной руды. В поселок приносился уже полуфабрикат железа — крицы, которые для получения железа требовалось лишь несколько раз проковать в горячем виде. В момент пожара в поселке находилось свыше 50 криц. Все они имеют вид округлых плоских болванок 3—4 см толщины и 10—15 см в диаметре; нижняя их сторона, запечатлевшая форму дна плавильной печи, слегка выпукла. Было найдено также несколько небольших болванок уже выкованного железа. Большое количество железных криц, а также наличие двух помещений, где производилась выделка железных изделий, говорят о весьма значительных масштабах обработки железа, рассчитанных несомненно не только на удовлетворение внутренних потребностей, но и в какой-то мере на обмен. Ниже мы увидим, что так в действительности и было. В середине первого тысячелетия н. э. население целого ряда поселков особо занималось каким-либо производством, часть продуктов которого предназначалась для обмена.

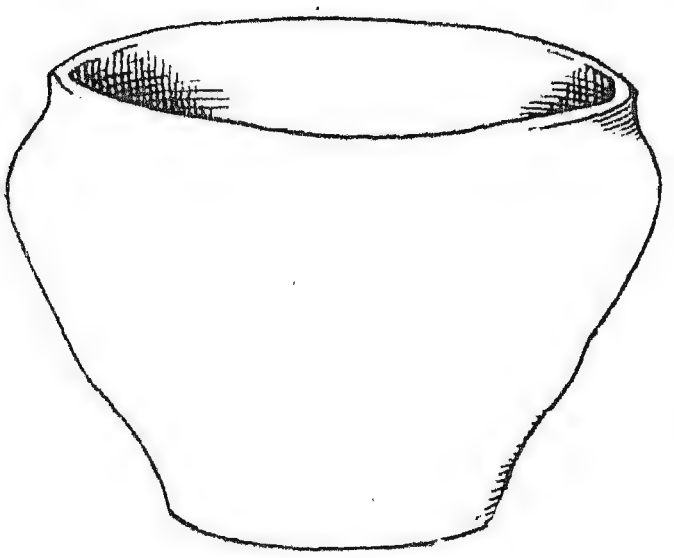
Процесс обработки железных криц и выделки железных изделий остается совершенно неясным, так как, за исключением крупных точильных камней и нескольких каменных пестов, никакого другого кузнечного инвентаря обнаружено в поселении не было. Повидимому, его удалось спасти от пожара. Выделка железных изделий была здесь, однако, далеко не примитивной. Изделия отличались большим разнообразием: из железа изготовлялись не только орудия производства, но и мелкие украшения. Кроме долотовидных топоров, служивших основным древообделочным инструментом, прямых серпов, разнообразных по форме наконечников стрел и рыболовных крючков (рис. 33), из железа изготовлялся еще целый ряд орудий, а также предметы вооружения. Прежде всего следует отметить многочисленные ножи средних размеров с горбатой спинкой или с прямыми лезвием и спинкой, сходящимися на острие, укреплявшиеся в рукоятках при помощи узкого насада. Рукоятка некоторых ножей снабжалась иногда в нижней части широкой железной обоймицей (рис. 35). Также в большом числе имелись прямые шила с круглым в сечении острием, квадратным стержнем и уплощенным насадом (рис. 35). Далее идет целый ряд древообделоч-



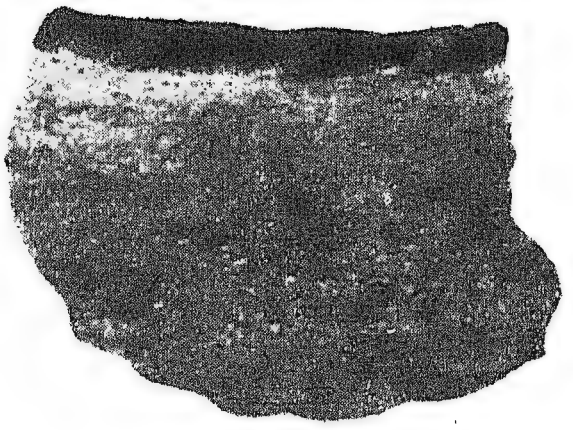
1



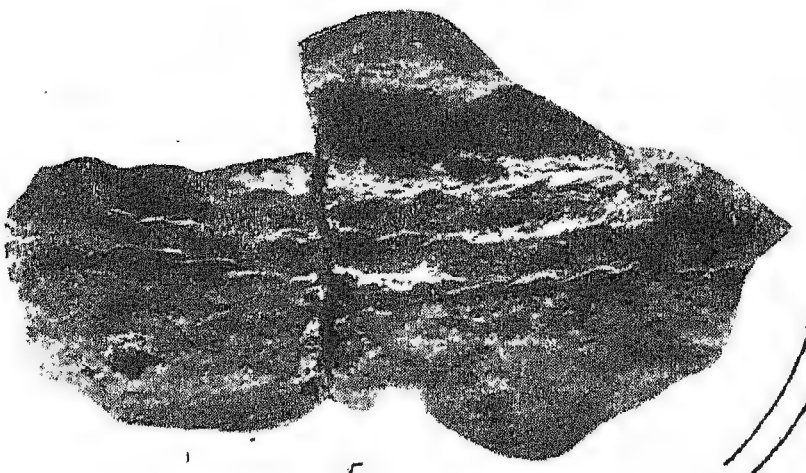
2



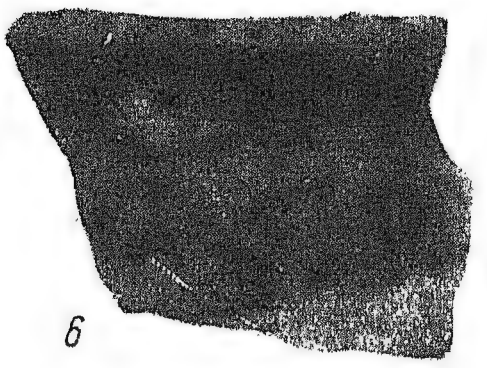
3



4



5



6

Рис. 36. Глиняная посуда с городища в устье р. Сонохты.

ных инструментов, упомянутый уже «ложкарь», различные стамески и большие долота, служившие для таких работ, как, например, долбление лодок и изготовление разнообразных деревянных изделий. Найдены части железных удил, различные стержни и пластинки, являвшиеся полуфабрикатами или частями железных изделий; последние в большом числе были разбросаны около кузнечного помещения.

О предметах вооружения известно очень мало, так как ни одного из них в целом виде найдено не было. Но среди кусков и обломков железа, лежавших около кузницы, оказались части массивного клинка меча или тесака с лезвием шириной в 4 см, заостренным лишь с одной стороны. В другом месте был обнаружен обломок железной рукоятки, вероятно, такого же оружия с массивным железным же навершием, отдаленно напоминающим по форме навершия рукояток норманских мечей (рис. 34). Это было, повидимому, весьма основательное тяжелое оружие, которое следует рассматривать, как вооружение не пешего воина, а всадника.

Наконец, из железа изготовлялся ряд украшений и предметов мужского и женского убора. К ним относятся круглые и прямоугольные поясные пряжки, трубочки-пронизки, игравшие, вероятно, роль бус, кольцевые застежки (рис. 37).

Выработка изделий из цветных металлов, т. е. из меди, бронзы и серебра, в поселке почти не производилась. В кузнечном помещении и в помещении для прядения и ткачества были встречены обломки всего лишь трех глиняных льячков, один из которых сверху оказался орнаментированным рядом точек, а также часть примитивнейшей односторонней литейной формы из глины, служившей для изготовления подпрямоугольного кольца пряжки. Помимо этого, в одном месте были встречены обрезки листовой меди. Можно думать, что это, явно незначительное по масштабам, медно-литейное производство являлось здесь подсобным кузнечному. Железные обоймицы рукояток ножей, имевшие форму широкого кольца, оказались не сваренными, а спаянными медью, что говорит о высокой технике металлургического дела. Как мы увидим ниже, население некоторых других соседних поселков занималось обработкой меди и бронзы значительно в более широких масштабах, несомненно рассчитанных в известной части на обмен. Здесь же этого не было, и предметы украшения, найденные в поселке, представляли собою материал, приобретенный на стороне, причем некоторые из вещей проделали очень далекий путь, прежде чем попали в Верхнее Поволжье (рис. 37).

Материалы, полученные при раскопках городища в устье р. Сонохты, настолько велики и многообразны и настолько четко отражают жизнь древних обитателей Верхнего Поволжья, что к ним еще не раз придется возвращаться. Изложенное выше, конечно, далеко не исчерпывает того, о чем они говорят. Здесь была сделана попытка дать лишь некоторую общую картину, не загруженную всякого рода деталями. Последние было приводить нецелесообразно, хотя бы потому, что эта картина и в таком виде уже представляет собою огромный материал и, более того, является своего рода ключом для понимания культурного состояния и социального строя населения Верхнего Поволжья в первой половине и середине первого тысячелетия н. э.

Нет никакого сомнения, что все другие поселения, укрепленные и не укрепленные, остаткам которых была посвящена вторая глава этой книги, представляли собою нечто, очень близкое поселению на р. Сонохте. Они являлись такими же поселками общин родственников по мужской линии, коллективно ведших свое хозяйство. На всех поселках, помимо жилых домов, принадлежавших брачным парам, были общественные дома, общинные хозяйственные постройки и сооружения, связанные с культовыми действиями. К сожалению, остатки далеко не всех поселений дошли до нас в таком виде, как городище на р. Сонохте. Ясно также, что для получения законченной картины, всесторонне освещающей жизнь древних обитателей поселка, необходимо полное вскрытие его остатков, чего еще никогда не производилось в Верхнем Поволжье до раскопок 1934—1935 гг.

Поселение на р. Сонохте являлось одним из позднейших укрепленных поселков Верхнего Поволжья. Его население пользовалось грубой неорнаментированной глиняной посудой, которую мы условно называли керамикой IV группы, определяя начало ее бытования в Верхнем Поволжье концом III и началом IV столетий н. э. Среди керамического материала городища имеется также и «сетчатая» керамика, представленная несколькими обломками двух или трех сосудов. Это говорит о том, что жившие здесь люди в недалеком прошлом, незадолго до основания поселка на р. Сонохте, пользовались посудой с «сетчатым» орнаментом, окончательно забросив ее изготовление на новом месте. Таким образом, ясно, что время возникновения поселка совпадает с началом распространения керамики IV группы, т. е. соответствует по этим данным концу III и началу IV столетий н. э.

Однако основным материалом для абсолютного определения времени поселения являются, конечно, не данные керамики, а те многочисленные вещи, преимущественно предметы украшения, время которых может быть точно определено. Эти вещи интересны, конечно, с разных точек зрения, не только как материал для выявления времени памятника. Однако всесторонний их разбор будет дан ниже.

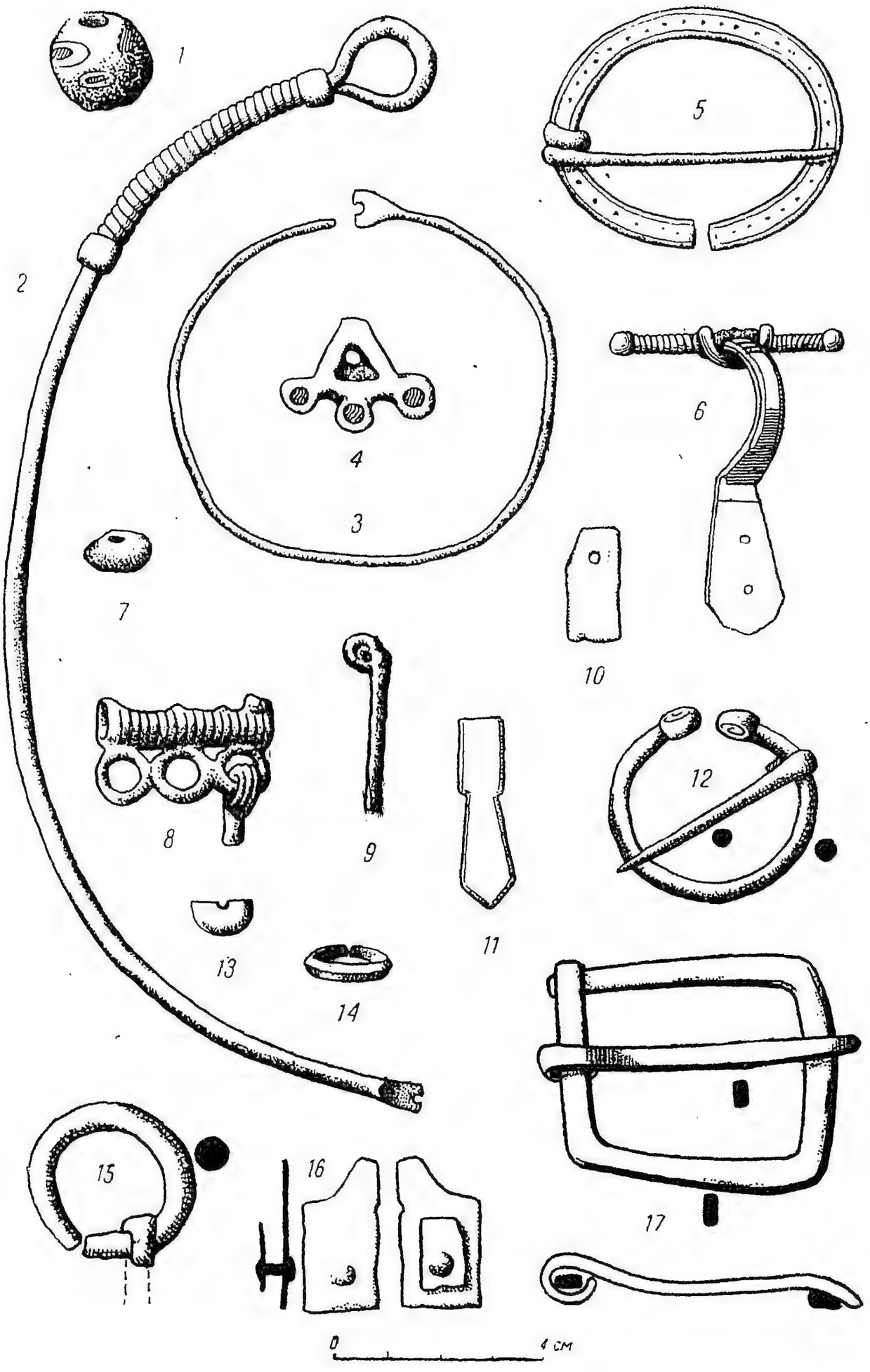


Рис. 37. Предметы убора и украшения с городища в устье р. Сонохты.

При раскопках А. А. Спицына, произведенных на городище в устье р. Сонохты в 1903 г.,[1] им были найдены часть круглой ажурной бронзовой бляхи, инкрустированной красной и зеленой эмалью, и бронзовая подвеска с двумя колокольчатыми привесками (рис. 46).

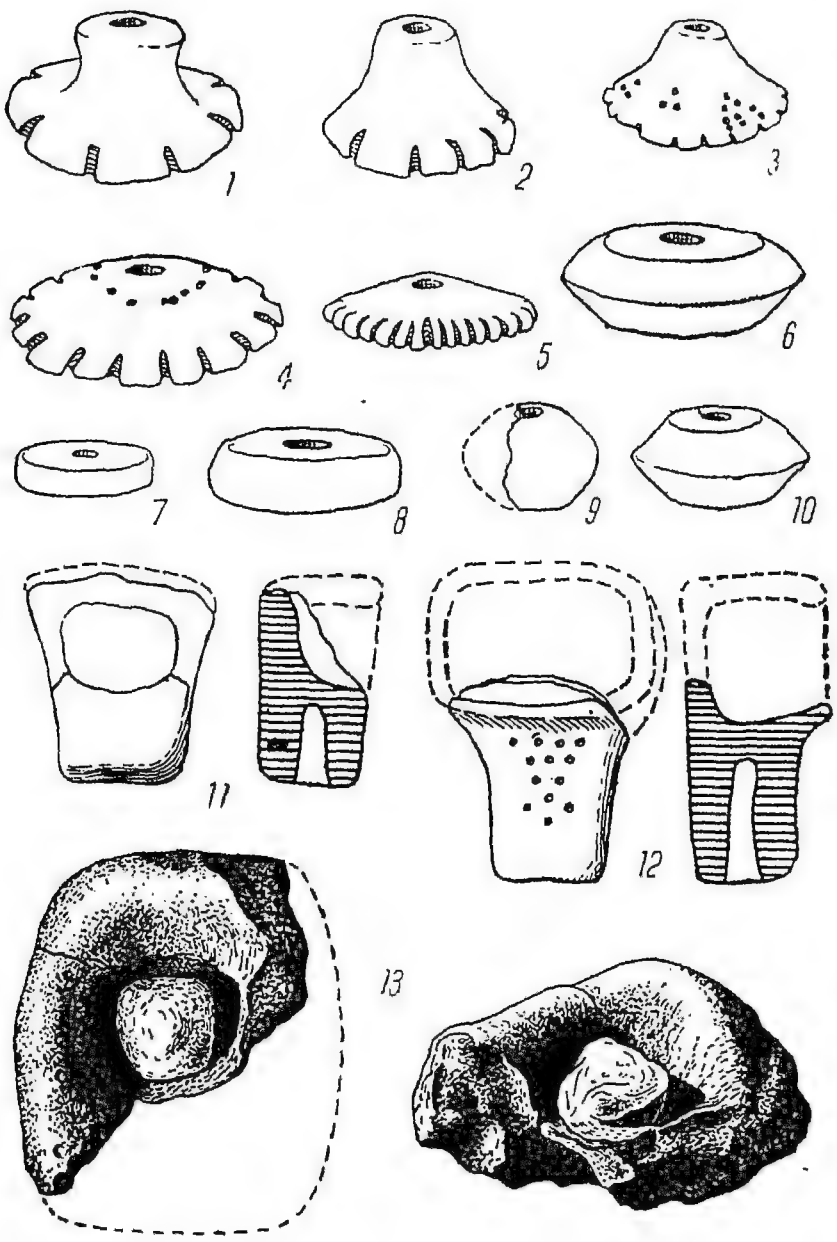


Рис. 38. Прясла от веретен, „грузики", льячки и литейная форма с городища в устье р. Сонохты.

Если время первой вещи может быть определено лишь в общих чертах, как середина первого тысячелетия н. э., то время шумящей подвески может быть определено точнее, так как она представляет собою одно из характерных украшений стадии С рязанских могильников и относится, следовательно, к IV—V столетиям.[2]

При раскопках 1934—1935 гг. на городище было найдено до двадцати предметов украшения, целых и в обломках. Некоторые из них могут быть точно датированы, другие же лишь приблизительно. К первым относится прежде всего арбалетовидная фибула, хвостовая часть которой имеет вид трапециевидной лопасти (рис. 37). На основании материалов рязанских могильников, где близкие фибулы встречаются в погребениях стадии В—$В_1$, и особенно памятников территории южной Прибалтики, откуда, вероятно, эта фибула и происходит, время ее может быть определено IV и началом V столетия н. э.[1]

В погребальном сооружении были найдены круглая ажурная бляха, маленькая выпуклая бляшка и подвеска в форме утиной лапы (рис. 31). Несмотря на своеобразие этих вещей, они могут быть сопоставлены с материалами поздних пьяноборских могильников III—V столетий. Все другие вещи, найденные на городище, в частности обломок гривны, пастовые инкрустированные бусы, трапециевидная подвеска и др. не противоречат этим датам.

Наиболее поздней вещью является височное кольцо с замком в виде круглого щитка. По материалам рязанских могильников этот предмет характерен для стадии Д, т. е. относится к VI—VII столетиям н. э. Однако никаких других вещей, относящихся к этому времени, на городище не найдено, и поэтому время пожара на поселении можно определить концом V и началом VI столетий н. э.

Итак, поселение на р. Сонохте, по данным нашей керамической шкалы и по другим вещественным остаткам, было обитаемо в течение IV и V столетий н. э. Люди поселились здесь, следовательно, еще тогда, когда было обитаемо городище Топорок, когда жили в укрепленном поселке в устье Грехова ручья и во многих других укрепленных поселках Верхнего Поволжья. Однако все эти поселения уже доживали тогда последние десятилетия своего существования. Укрепленное поселение на р. Сонохте, погибшее от пожара на грани V и VI столетий, как видим, пережило их не на много. И если хронологически этот поселок принадлежит эпохе середины первого тысячелетия н. э., то по существу его следует рассматривать в теснейшей связи с поселениями начала первого тысячелетия н. э. Поэтому остатки поселения на р. Сонохте и были названы выше ключом к пониманию памятников этого времени. Но на ряду с этим в материалах поселка на р. Сонохте запечатлелись и некоторые особые черты, присущие, как мы увидим ниже, поселениям середины первого тысячелетия н. э.

---

[1] А. А. Спицын. Поездка 1903 г. на оз. Кафтино и Бологое и раскопки близ Рыбинска. Изв. Археол. комисс., вып. 6, 1904, стр. 74—78.

[2] П. П. Ефименко. Рязанские могильники. Матер. по этнографии, т. III, вып. 1, стр. 73—75.

[1] Подробнее эта вещь рассмотрена на стр. 83.

Глава IV

ВЕРХНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ В СЕРЕДИНЕ И ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ ПЕРВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.

1

К середине первого тысячелетия н. э., точнее к IV—V столетиям, преобладающей, если не единственной, формой поселений в Верхнем Поволжье становятся открытые неукрепленные поселки. До самых последних лет их остатки не привлекали к себе внимания исследователей; мало того, они оставались неизвестными, несмотря на то, что многие из них имеют бросающиеся в глаза мощные культурные наслоения. В Верхнем Поволжье селища начали исследоваться лишь с 1933—1934 гг., и накопленный за этот период материал сравнительно невелик. Несмотря на это, он уже говорит о многом и позволяет наметить пути исторического процесса, начиная с IV и кончая VII—VIII столетиями н. э.

Изучение памятников этого времени сопряжено с известными трудностями, так как их точное хронологическое деление в настоящее время еще не может быть осуществлено. Время селищ может быть установлено лишь в результате раскопок, давших большой вещественный материал. В тех же случаях, где материал невелик, дату памятников приходится определять приблизительно, относя их к середине и второй половине первого тысячелетия н. э. на основании керамики IV группы, уже знакомой нам по верхним горизонтам культурного слоя ряда городищ, а особенно по материалам городища в устье р. Сонохты. Начиная с VII—VIII столетий, характер керамики несколько меняется. Она принимает вид посуды, хорошо известной по материалам курганов с сожжениями, относящихся к IX—X столетиям н. э. Однако, по небольшим материалам не всегда бывает возможно отличить более древнюю керамику от более поздней.

Выше говорилось, что большинство неукрепленных поселений, возникших в Верхнем Поволжье в период исчезновения укрепленных поселков, продолжало функционировать вплоть до середины и второй половины первого тысячелетия н. э. Действительно, в культурных слоях селищ, за исключением двух-трех случаев, везде была представлена неорнаментированная посуда, принадлежащая четвертому разделу нашей керамической хронологической шкалы, причем, как правило, она значительно преобладала количественно над посудой с «сетчатым» узором, занимавшей лишь незначительный горизонт в основании культурного слоя. Диаметрально противоположная картина наблюдалась на городищах, где слой с неорнаментированной посудой либо совсем отсутствовал, либо был ничтожен по сравнению со слоем с «сетчатой» керамикой. Исключение составляло городище на р. Сонохте, но и там «сетчатая» посуда, хотя и в мизерном количестве, все же была представлена. Остатки укрепленных поселений, возникших в Верхнем Поволожье в середине и второй половине первого тысячелетия н. э., не известны.

На ряду с возникшими ранее неукрепленными поселениями в середине первого тысячелетия н. э. на берегах Волги появляются новые поселения, по своему расположению не отличающиеся от более ранних. Они располагались преимущественно на участках ровного и невысокого берега, сохраняя известное тяготение к местностям с пойменными лугами.

На участке Калязин—Ярославль, т. е. на протяжении 230 км по обоим берегам Волги, известно в настоящее время четырнадцать пунктов с остатками поселений, возникших в середине первого тысячелетия н. э. На карте, где эти поселения обозначены контурными кружками (рис. 7), видно, что в своем расположении они обнаруживали некоторые особенности. В ряде случаев эти поселения в своем расположении удерживали старую родовую группировку; в большинстве же случаев они ее нарушали, располагаясь обособленно, в промежутках между пунктами сосредоточения поселений в предыдущие столетия. Этот факт представляется чрезвычайно существенным, так как на ряду с другими он является ярким свидетельством разрушения древних общественных связей, основанных на родовых отношениях.

Целый ряд поселений возник в эту эпоху на участке, лежащем ниже устья р. Шексны. Около поселения в устье р. Сонохты появились

еще три поселка: один — на противоположном, левом берегу Сонохты,[1] другой — на правом берегу Волги в 3 км выше устья р. Сонохты (его остатки располагаются у с. Красного), третье поселение — на противоположном, левом берегу Волги, почти напротив устья р. Сонохты. Здесь, следовательно, группировка поселений целиком сохранилась (рис. 7).

Ниже по Волге, там, где некогда находилось укрепленное поселение, остатки которого сохранились у с. Кузьминского, возникли еще два поселка (рис. 7): один — на правом берегу Волги в устье р. Попадьинки, другой — на левом берегу в устье р. Ить.[2] Остатки этих поселений были исследованы путем раскопок. Первое из них возникло в III—IV столетиях, второе, повидимому, несколько позже, в V—VI столетиях.

Выше устья р. Мологи селища середины первого тысячелетия н. э. известны у дер. Крутец (рис. 7) и в северной части огромной дюны, лежащей вдоль правого берега Волги выше с. Коприна (рис. 7).[3] Как видно на карте, второе поселение располагалось в пределах группы поселков, возникших ранее.

Совершенно обособленно располагалось поселение, остатки которого известны на правом берегу Волги у дер. Килино (рис. 7). Благодаря произведенным здесь раскопкам, давшим значительный вещественный материал, время поселка определяется VII—VIII столетиями (прилож. VIII).[4]

Остатки поселения этого же, а также более позднего времени известны на левом берегу Волги у с. Кривец (рис. 7), где селища предыдущего периода не известны. Еще выше по Волге, на правой ее стороне, около с. Охотина (рис. 7), в обширном курганном могильнике имеется несколько длинных насыпей, время которых также может восходить к VI—VII столетиям.[5] Остатков поселения этого времени здесь не обнаружено; они, вероятно, погребены под современным селением.

Далее вверх по Волге селища с грубой неорнаментированной керамикой находим на левом берегу Волги между деревнями Федюково и Кирилловкой[6] в пределах одной из древних групп поселений (рис. 7), на правом берегу Волги в устье оврага у дер. Шевердино (рис. 7),[7] у деревень Баскачи и Нестерово (рис. 7),[1] на левом берегу Волги в устье р. Коряжечны (рис. 7).[2] Последнее поселение располагалось совершенно обособленно от районов группировки поселков в предыдущую эпоху. Точно так же были расположены поселения, остатки которых известны на левом берегу Волги у дер. Пески, в устье р. Песчанки[3] и в устье р. Пукши у дер. Внуково.[4]

Наконец, укажем еще на два поселения, остатки которых известны на правом берегу Волги в устье р. Куксы у дер. Митино, где было открыто также нечто вроде остатков длинного кургана (рис. 7) и на левом берегу Волги, невдалеке от устья р. Кашинки, у дер. Киселево (рис. 7). Однако эти поселения принадлежат уже к самому концу первого тысячелетия н. э.

Выше по Волге остатки поселений интересующей нас эпохи пока не известны, но в их наличии, конечно, сомневаться не приходится. Почти то же самое можно сказать относительно района, лежащего ниже Ярославля. Пока что там известно лишь несколько памятников середины первого тысячелетия н. э. Это Диево Городище, откуда происходит небольшое собрание характерной керамики, хранящееся в Костромском музее; селище у дер. Говядиново на правом берегу Волги против Костромы; селище на левом берегу Волги в г. Костроме, слева от устья р. Сулы, и селище напротив с. Чернопенья в 20 км вниз от г. Костромы. Наконец, следует указать на нижние горизонты культурного слоя известного Сарского городища у с. Диабол к юго-западу от г. Ростова, относящиеся к VI—VII столетиям.[5]

2

Почти одновременно с возникновением укрепленного поселения на р. Сонохте, несколько позже, в IV столетии н. э., в 40 км вниз по Волге, на правом ее берегу возникло еще одно поселение, уже не укрепленное, остатки которого были исследованы путем раскопок и дали довольно богатый и разнообразный материал. Раскопки были произведены в 1933 г. В следующие годы они были продолжены.[6] Время поселения определяется на основании ряда находок, как то: бронзовой пряжки с длинной орнаментированной обоймой, близкой пряжкам подколенного украшения рязанских могильников стадии В — $В_1$ (III—IV столетий), стеклянной позолоченной маленькой бусы, относящейся к этом уже времени, и трапециевидной бронзовой подвески, время которой по мате-

---

1 Впервые открыто А. А. Спицыным (А. А. Спицын. Поездка 1903 г. на оз. Кафтино и Бологое и раскопки близ Рыбинска. Изв. Археол. комисс., вып. 6, 1904, стр. 77—78).

2 Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг. Изв. Акад. истории матер. культуры, вып. 109, 1935, стр. 111—119.

3 Там же, стр. 158.

4 Там же.

5 Там же, стр. 164.

6 Там же, стр. 159.

7 Там же.

1 Там же.

2 Там же.

3 Там же.

4 Там же.

5 Д. Н. Эдинг. Сарское городище. Ростов Ярославский, 1928.

6 Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг., т. I. Изв. Гос. Акад. истории матер. культуры, вып. 109, 1935, стр. 112—119.

риалам рязанских могильников определяется стадией $C—C_1$, т. е. V—VI столетием н. э.[1]

Поселение было расположено на краю относительно высокого коренного берега Волги в 150—200 м выше устья р. Попадьинки (рис. 42). В настоящее время площадь распространения культурных остатков представляет собою овал, вытянутый вдоль берега Волги, размером 50×100 м, что составляет до 4500 кв. м. Однако действительная площадь поселения несомненно превышала эту цифру, так как Волга здесь несколько подмывает свой берег и часть площади культурного слоя уже уничтожена. Оставшаяся часть также сохранилась не особенно хорошо вследствие многолетней распашки и некоторой деформации, происшедшей от того, что селище располагается не на ровной, а на покатой поверхности. Сохранность архитектурных остатков селища оказалась очень низкой.

При раскопках были обнаружены остатки двух наземных жилищ, от которых, помимо каменных очагов, сохранились лишь неопределенные пятна более насыщенного содержанием слоя, показывающие, что размеры построек составляют от 4 до 5 м в поперечнике. Никаких ям от столбов, связанных с остатками жилищ, обнаружено не было.

Богатый вещественный материал, среди которого значительное место занимают фаунистические остатки, а также изделия из кости, дает возможность осветить жизнь обитателей поселения.

Характер скотоводства и охоты выявляется на основании огромного количества костных остатков, среди которых выше 80% по числу особей принадлежит домашним животным. При раскопках 1933 г., когда была исследована площадь, равная 100 кв м, были найдены остатки 14 лошадей, из которых 4 являлись молодыми особями, 28 свиней (18 взрослых и 10 молодых), 6 особей крупного рогатого скота и 6 — мелкого рогатого скота (овец или коз). Другими словами, мы имеем здесь тот же состав стада, что и в поселениях на Грехове ручье и на р. Сонохте. И там и здесь лошади и свиньи составляли подавляющее число домашних животных, шедших в пищу. Домашние животные отличались небольшими размерами. Интересно, что в пищу шли в значительной части молодые особи.

Из диких животных найдены остатки двух лосей, северного оленя, зайца-беляка, медведя, а также ряда пушных зверей: куницы или соболя, белки, бобра, лисицы и волка. Второстепенное значение охоты подчеркивает и то, что среди большого вещественного материала имеется лишь один наконечник стрелы, железный, обычной для «дьяковых» городищ формы, т. е. плоский треугольный с двумя жальцами и коротким насадом (рис. 39). Одно из костяных изделий является, возможно, язычком самострела (рис. 39). Необходимо указать, что объектом охоты служили не столько мясные, сколько пушные животные, мясо которых, однако, также шло в пищу.

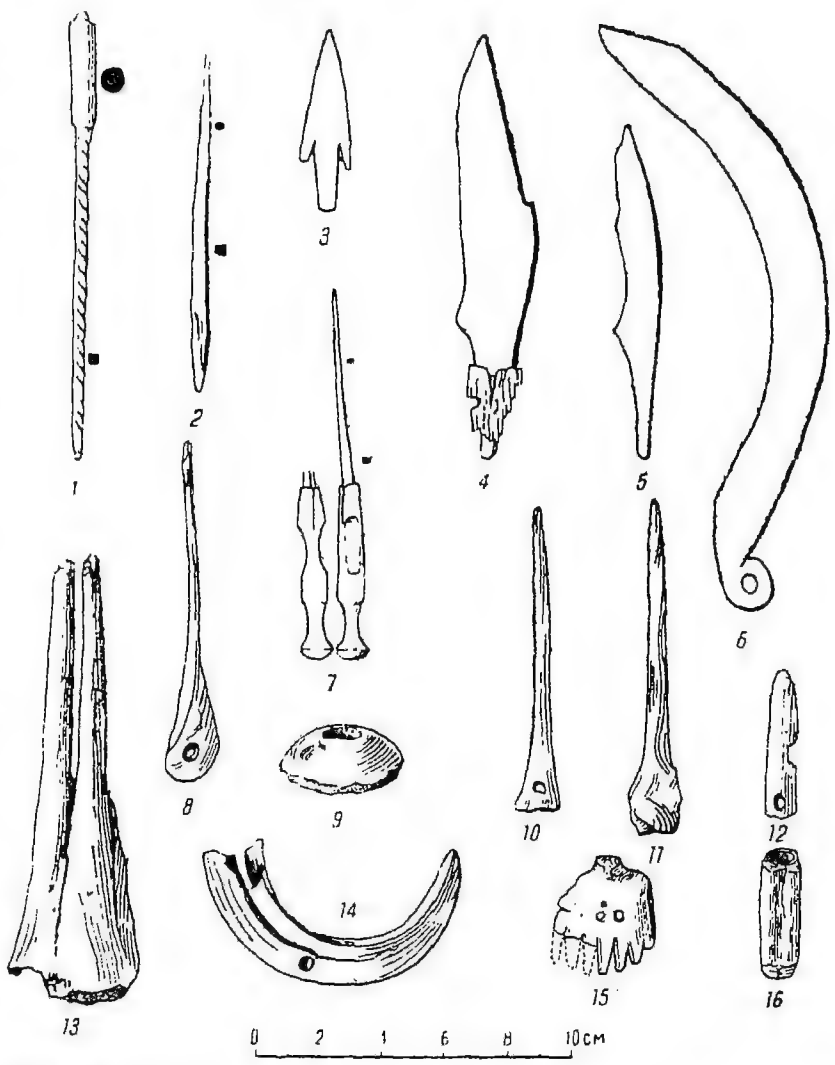


Рис. 39. Находки на селище в устье р. Попадьинки у дома отдыха Красный холм.

На полу одного из жилищ, а главным образом по его периферии, были встречены в большом количестве рыбья чешуя и мелкие кости рыб. Такие скопления могли получиться лишь в результате массовой чистки рыбы. Повидимому, рыбная ловля в хозяйстве занимала существенное место. Орудием рыболовства являлись сети, о которых говорят многочисленные костяные иглы и острия, служившие для их изготовления (рис. 39).

Единственным предметом, относящимся к земледелию, является железный серп, чрезвычайно близкий по форме серпу, происходящему из поселения на р. Сонохте. Он даже несколько меньше последнего. Его длина составляет 20 см, ширина лезвия 1.8 см. Он также не снабжен насадом, вместо которого в тыльной части имеется кольцо. Такой серп, по форме и размерам повторяющий серпы эпохи бронзы, говорит о неразвитости земледелия.

Таким образом, экономика обитателей поселка, располагавшегося в III—V столетиях в устье р. Попадьинки, в основных своих чертах повторяет то, что нам уже знакомо по ма-

[1] П. П. Ефименко. Рязанские могильники. Матер. по этнографии, т. III, вып. 1, 1926.

териалам синхроничного поселения в устье р. Сонохты. Мы имеем здесь такое же сложное многостороннее хозяйство, покоящееся на всех четырех возможных способах получения средств существования. Эта параллель будет еще ближе, если мы укажем, что население поселка в устье р. Попадьинки также специально занималось металлургией, но не обработкой железа, а меднолитейным делом.

На поселении в устье р. Сонохты, где была исследована площадь, равная 2000 кв. м, были найдены всего лишь три обломка льячков и один обломок литейной формы. На поселении в устье р. Попадьинки на площади, лишь немного превышающей 100 кв. м, были найдены свыше десяти льячков и две части сложных литейных форм. Отличительной чертой льячков является их подтреугольная форма, удобная для отливки мелких предметов (рис. 40). Литейные формы вырезывались из мягкого известняка; одна из них, двусторонняя, служила для получения маленьких бронзовых шариков, обычных частей украшений середины и второй половины первого тысячелетия н. э. На ряду с льячками и частями литейных форм на поселении не обнаружено следов обработки железа, за исключением нескольких небольших железных шлаков, которые могут и не иметь прямого отношения к кузнечному делу.

На основании материала двух поселений середины первого тысячелетия н. э., расположенных в ближайшем соседстве одно от другого, можно говорить, как о бесспорном факте, о появлении производства, переросшего рамки общины и рассчитанного на обмен, т. е. о появлении первичного, находящегося в зачаточных формах, но уже ремесленного производства. Ниже мы столкнемся с целым рядом фактов, говорящих о развертывании именно этого процесса.

Встреченные в устье р. Попадьинки изделия из железа не дают ничего нового по сравнению с тем, что мы видели на поселении в устье р. Сонохты. Здесь найдены, кроме серпа и наконечника стрелы, несколько ножей и шильев. Остается неизвестным назначение скрученного железного стержня с цилиндрическим удлиненным навершием, с одной стороны, и желобчатым острием — с другой. Повидимому, его следует рассматривать в качестве сверла (рис. 39). Одно из шильев было снабжено костяной рукояткой, очень удобной для работы (рис. 39). На насадах других шильев, а также двух ножей, сохранились остатки деревянных рукояток, законсервированные ржавчиной. Эти два ножа интересны еще тем, что их кривая спинка имеет в средней части как бы небольшую ступеньку (рис. 39). Один нож такой формы был встречен и в устье р. Сонохты. Найдено несколько точильных камней.

Большой интерес представляют изделия из кости, совершенно не известные нам по материалам поселения на р. Сонохте, где почвенные условия способствовали разрушению органических остатков. Мы уже видели, что в эпоху древнейших городищ ассортимент костяных орудий был очень разнообразен, а число их велико. К началу н. э. костяные орудия у населения Верхнего Поволжья уже не играли заметной роли. В середине первого тысячелетия н. э., как говорят материалы поселения у р. Попадьинки, ассортимент костяных орудий еще более сузился. Выше уже упоминалось об остриях и иглах, служивших для вязанья сетей; помимо их, найдены два костяных прясла от веретен, изготовленные из головок больших костей (рис. 39); далее встречен небольшой костяной гребень (рис. 39). Не вполне ясно назначение нескольких костяных цилиндриков, изготовленных из трубчатых костей. Повидимому, их следует рассматривать, как навершия или обоймы наконечников стрел (рис. 39). Были встречены два обломка костяных четырехконечных острий, известных и среди материала других городищ дьякова типа. Они найдены, например, в Старшем Каширском [1] и Синьковском городищах.[2] Их назначение не является вполне ясным. Повидимому, они служили для продольного расщепления прутьев лозы или корней при выделке корзин и посуды из этих материалов.

Один из клыков свиньи был снабжен круглой сверлиной и, следовательно, употреблялся как подвеска. Он является единственным предметом, возможно, имеющим какое-либо отношение к идеологии, что впрочем сомнительно, так как клык принадлежал не дикому, а домашнему животному и, следовательно, с охотой, с охотничьей магией связан не был.

Остались непонятными орудия, изготовленные из плюсневых костей лошади. Их найдено два, причем они совершенно аналогичны одно другому. Обе кости были тщательно выскоблены ножом и снабжены в средней части небольшими поперечными желобчатыми выемками, которые несут следы заглаженности. Эти выемки и являлись рабочей частью орудий, служивших, возможно, для обработки кожи.

Глиняные сосуды в устье р. Попадьинки являются характерной керамикой IV группы. Ее своеобразной чертой, почти не представленной в посуде поселка на р. Сонохте, но известной нам по керамике верхнего слоя городища Топорок и ряда других верхневолжских поселений, является наличие некоторого, правда, очень небольшого, количества сосудов с несложной орнаментацией в верхней части, состоящей из ямочных вдавлений, а особенно из отпечатков гребенчатого чекана, обра-

---

[1] В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. Изв. Гос. Акад. истории матер. культуры, вып. 85, 1934, стр. 27.

[2] А. А. Спицын. Новые сведения о городищах Дьякова типа. Зап. Отдел. русск. и славянск. археологии Русск. археол. общ., т. VII, вып. 1, 1905, стр. 89.

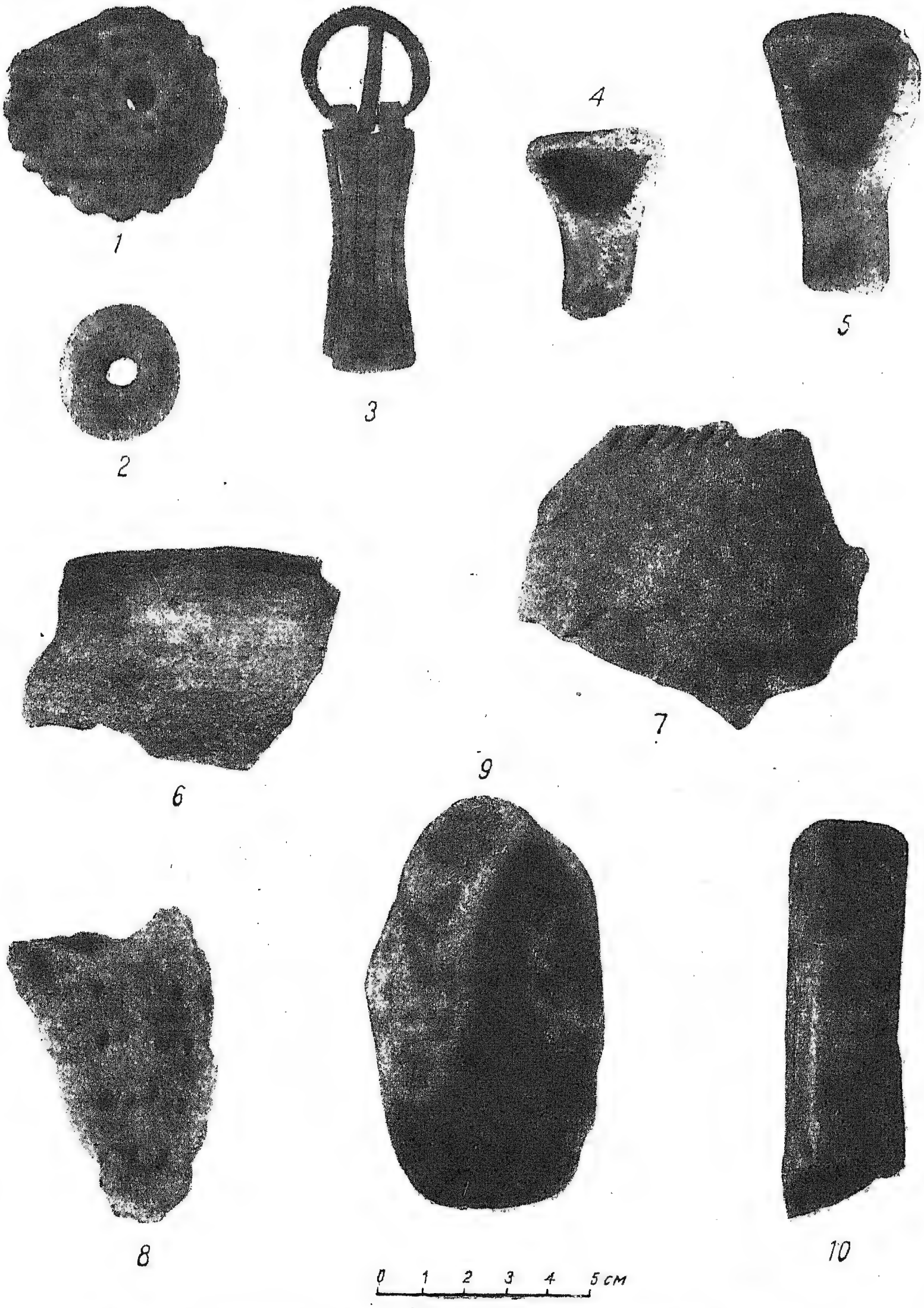


Рис. 40. Находки на селище в устье р. Попадьинки у дома отдыха Красный холм.

зующих геометрические узоры (рис. 40). Как известно, такая орнаментация посуды в середине и второй половине первого тысячелетия н. э. имела распространение в более западных районах Восточной Европы: в верховьях р. Оки в верхних горизонтах городища у с. Гремячего,[1] в Мощинском городище,[2]

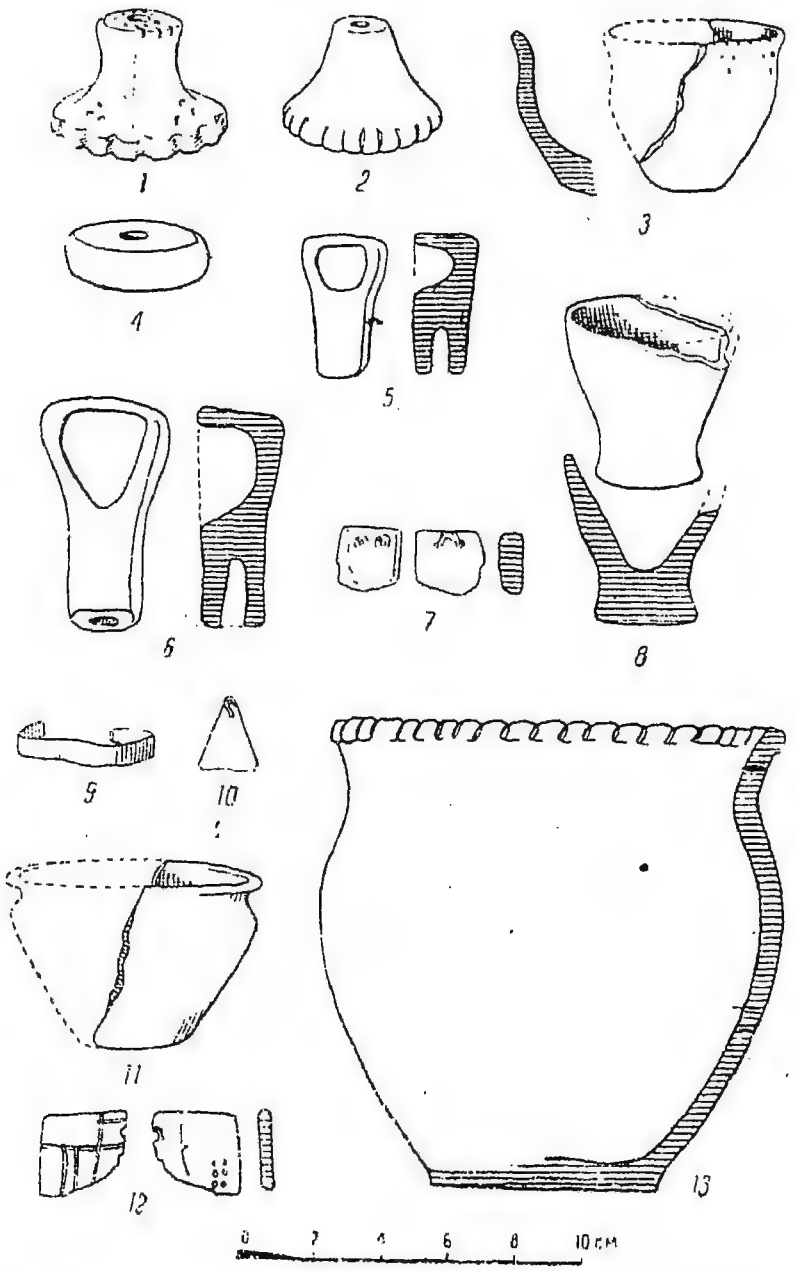


Рис. 41. Находки на селище в устье р. Попадьинки у дома отдыха Красный холм.

в верховьях Дона на городищах в окрестностях г. Воронежа. Она хорошо известна на Украине, в Поднепровье по материалам городищ второй половины первого тысячелетия н. э.,[3] в частности так называемых городищ роменского типа. Встречается такая орнаментация и в верховьях Днепра, в частности на керамике Гнездовского могильника IX—X столетий,[1] а также и в более западных районах.[2] Керамика с подобной орнаментацией имеется в нижнем слое городища Старая Ладога. Другими словами, она известна повсеместно на территории северных восточно-славянских племен. В более восточных районах, в среднем и нижнем течении р. Оки, в среднем течении Волги, подобная орнаментация посуды, состоящая из отпечатков гребенчатого чекана, никогда не встречается.

Незначительное количество такой посуды из поселений Верхнего Поволжья не дает еще права делать какие-либо особые выводы, однако этот факт все же должен быть учтен при решении вопросов этногенического порядка.

Вернемся, однако, к керамическим изделиям поселения в устье р. Попадьинки. В числе нескольких десятков там были найдены обломки посуды с черной лощеной поверхностью, принадлежащие небольшим, широким горшкам с резко профилированными стенками. С этой керамикой мы встречались на городищах в устье Грехова ручья и на р. Сонохте, при этом указывалось, что такая посуда в середине первого тысячелетия н. э. была широко распространена у населения верхнего течения р. Оки и в Поднепровье. В Верхнее Поволжье, повидимому, попадали отдельные женщины, изготовлявшие здесь эту посуду, так как трудно предположить ее импортное происхождение.

Наконец, следует указать на несколько маленьких глиняных сосудиков, один из которых оказался орнаментированным (рис. 40), а также на прясла для веретен и деградирующие «грузики дьякова типа». Среди материала поселения обращает также на себя внимание ряд больших каменных пестов, назначение которых не является вполне ясным.

3

Познакомимся с другими верхневолжскими поселениями середины первого тысячелетия н. э. В 1933—1936 гг. были произведены исследования остатков еще двух поселков этого времени, возникших, повидимому, несколько позже поселения в устье р. Попадьинки, а именно — в VI—VII столетиях.

Никаких твердых данных по вопросу о хронологии этих памятников среди полученных материалов не имеется. Их возможно датировать, однако, на основании керамического материала, несколько приближающегося к посуде курганов с сожжением IX—X столетий, все же не вполне с ней идентичного. Здесь были встречены также некоторые предметы, отличающиеся по характеру от изделий поселений в устьях рек Сонохты и Попадьинки. В част-

---

[1] Н. И. Булычев. Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки, М., 1899, табл. V.

[2] Он же. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, табл. XV, рис. 5, 8; табл. XXIII, рис. 8, 10.

[3] М. Макаренко. Орнаментація керамічних виробів в культурі городищ роменського типу. Киев, 1925.

[1] В. И. Сизов. Курганы Смоленской губ. Матер. по археологии России, № 28, 1902.

[2] K. Strauss. Studien zur mittelalterlichen Keramik. Mannus-Bibliothek, Leipzig, 1923, № 30.

ности железные ножи здесь имеют параллельные лезвие и спинку, тогда как в середине первого тысячелетия н. э. еще удерживались старые формы ножей с кривой, горбатой спинкой. Наконечники стрел здесь также не повторяют старых «дьяковских» типов. Наконец, на этих селищах не были встречены «грузики дьякова типа», представленные, правда, в виде уже деградированных по форме экземпляров, как в поселении на р. Сонохте, так и в поселении в устье р. Попадьинки.

сгоревших бревен, составляла 5 м. Постройка была наземной; около одной из стен ее находился очаг в виде овальной ямы, размерами 0.70 × 1.70 м, углубленной в землю на 0.2 м. Углубление было заполнено крупными обожженными валунами, среди которых находились обломки керамики.

Из находок, сделанных при раскопках, следует указать на ножи, железное шило, наконечник стрелы, небольшие бруски, прясла для веретен и песты из валунов (рис. 43). Никаких

Рис. 42. Вид селища в устье р. Попадьинки у дома отдыха Красный холм.

Одно из поселений было расположено в 5 км от устья р. Попадьинки, ниже по Волге, на левой ее стороне, в 300 м ниже устья р. Ить (рис. 44) (прилож. VII). Оно занимало небольшое удлиненное всхолмление, на месте которого некогда располагалась одна из позднеолитических стоянок. К моменту исследования всхолмление это почти целиком было размыто Волгой, так что от него сохранился лишь небольшой участок склона, обращенного в сторону, противоположную Волге.

На поселении были открыты остатки деревянной постройки, погибшей от пожара. Часть ее была смыта Волгой, и поэтому ее полные размеры остаются неизвестными. Длина сохранившейся стены, представленной остатками

следов обработки железа здесь не встречено. Обнаружен лишь один обломок льячка. Население поселка, повидимому, выступало в роли потребителя той продукции, которая изготовлялась населением других поселков. Таким образом, мы имеем здесь еще один факт, говорящий о развертывании процесса общественного разделения труда.

Второе поселение было расположено в другом районе, выше устья р. Мологи. Его остатки находятся на правом берегу Волги, у дер. Килино, в районе железнодорожной станции Волга. Берег здесь сильно разрушается Волгой во время половодий. До половины площади культурных наслоений несомненно уже смыто рекой. Однако и сейчас

культурный слой занимает площадь, равную 15 000—20 000 кв. м, располагаясь вдоль берега относительно узкой полосой на протяжении почти 0.3 км. Такие большие размеры поселения не представляют собою особого исключения. Можно указать еще ряд случаев, когда культурные слои второй половины первого тысячелетия н. э. занимают площадь до 10 000—15 000—20 000 кв. м. В этом следует видеть одну из характерных черт поселков того времени.

На поселении не было открыто остатков жилищ, но материал, обнаруженный в культурном слое, представляет большой интерес прежде всего потому, что здесь сохранились кости животных, совершенно отсутствующие среди материала с предыдущего поселения.

Как и следовало ожидать, состав костных остатков оказался здесь несколько иным, чем на поселениях середины первого тысячелетия н. э. Совсем не было обнаружено костей диких животных, что не говорит еще, конечно, о полном отсутствии охоты, но свидетельствует несомненно о малом ее значении. Во-вторых, заслуживают всяческого внимания изменения в составе стада домашних животных. В начале и середине первого тысячелетия н. э., как мы видели выше, в составе стада преобладали лошади и значительное место занимали свиньи. Люди того времени являлись преимущественно коневодами. Во второй половине первого тысячелетия н. э. состав стада меняется, и на первое место выходит крупный рогатый скот. Однако лошади все же являются важнейшими домашними животными.

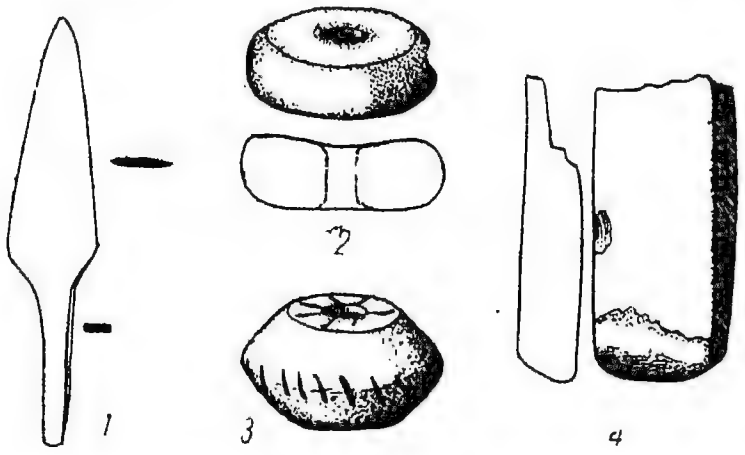


Рис. 43. Находки на селище у с. Устье в устье р. Ить.

Табун лошадей продолжает быть одним из основных источников мясной пищи. В небольшом числе встречены на поселении у дер. Килино кости овцы и свиньи. Данные, характеризующие костный материал, определение которого было произведено В. И. Громовой, приведены в табл. 2.

Глиняная посуда, найденная на поселении у дер. Килино, мало отличается от керамики IV группы нашей керамической классификации. Ее отличительная черта — это полное отсутствие какой-либо орнаментации, а также наличие посуды более грубой выделки, приближающейся к той, которая хорошо известна по материалам курганов с сожжением IX—X столетий. На поселении встречены части железных ножей, шилья, точильные камни и рыболовный крючок. Найдено несколько глиняных прясел грубой работы и прясло, не законченное изготовлением. Заслуживает внимания находка трех льячков и железной крицы, указывающая, что на этом обширном поселении производились обработка железа и выделка бронзовых изделий (рис. 45).

Таблица 2

Наименование животного	Число костей, в процентах
Крупный рогатый скот	50.5
Лошадь	41.5
Овца или коза	4
Свинья домашняя	4

Нет никакого сомнения, что это поселение возникло позже поселков на р. Сонохте и р. Попадьинке. Об этом говорят огромные размеры поселения, явно поздние черты керамики, особый состав костных остатков и отсутствие ряда находок, характерных для начала и середины первого тысячелетия н. э., таких, например, как «грузики дьякова типа». Не встречено также костяных орудий (прилож. VIII).

Последним верхневолжским памятником, относящимся к середине первого тысячелетия н. э., исследованным путем раскопок, является известное Синьковское городище. Это поселение, возникшее в начале н. э. и поэтому уже несколько знакомое нам, находилось на р. Золотарке в бассейне р. Дубны. Небольшие раскопки на городище были произведены в 1902—1903 гг. С их материалом, происходящим из четырнадцати небольших шурфов, разбросанных в разных местах площади городища, мы и познакомимся ниже.[1] Результаты раскопок, произведенных на городище Московским антропологическим институтом в 1923—1929 гг., в настоящее время еще не опубликованы. Краткие данные о работах приводятся О. Н. Бадером.[2]

Верхний горизонт культурного слоя Синьковского городища дал характерную керамику IV группы, а также некоторое число обломков черной лощеной посуды, среди которых имеются части горшков и части широких мис,

[1] А. А. Спицын. Новые сведения о городищах Дьякова типа. Зап. Отдел. русск. и славянск. археологии Русс. археол. общ., т. VII, вып. 1, 1905, стр. 85—90. — Отчет о раскопках Н. А. Смирнова (Архив Инст. истории матер. культуры, дело № 101, 1903).

[2] О. Н. Бадер. Работы на строительстве канала Москва—Волга. Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг. Изв. Гос. Акад. истории матер. культуры, вып. 109, 1935, стр. 29.

характерных для верхнеокских городищ и курганов с сожжением, известных по раскопкам Н. И. Булычева у деревень Шаньково и Почепок.[1] Относительно большое число этой керамики следует объяснять тем, что обитатели поселения, отстоящего от Волги на расстоянии 75 км и находящегося на водоразделе между Волгой и р. Москвой, были теснее связаны со своими южными соседями.

Из инструментов литейщиков здесь найдены два льячка; один из них по форме повторяет льячки поселения в устье р. Попадьинки. Его ложка имеет треугольные очертания. Найдены тигли в виде маленьких сосудиков с заостренным дном и, наконец, литейные формы (рис. 46). Особенно интересны последние. Одна из форм служила для изготовления миниатюрных крестовидных фибул с треугольной

Рис. 44. Вид селища у с. Устье в устье р. Ить.

Другой вещественный материал в своих основных чертах повторяет то, что нам уже известно по верхневолжским памятникам середины первого тысячелетия н. э. Здесь имеется ряд костяных изделий, прясла от веретен, наконечники стрел, железные ножи, шилья, маленькое долото и некоторые другие вещи. Встречены кости лошади, коровы, мелкого рогатого скота, свиньи и диких животных — медведя, бобра, куницы и белки, а также кости рыб, в том числе щуки. Особый интерес представляет целая серия предметов, свидетельствующих о том, что население поселка занималось меднолитейным делом, а также обработкой серебра, словом — изготовлением предметов украшения.

лопастью, являющихся несомненно грубым подражанием большим крестовидным фибулам, распространенным в среднем течении р. Оки в IV—V столетиях н. э.[1] Одна из таких окских фибул была встречена и в Верхнем Поволжье на городище у дер. Дуденево.[2] Она несомненно импортного происхождения. Здесь же мы имеем местное производство крестовидных фибул по окскому образцу. Вторая формочка служила либо для изготовления мелких бронзовых шариков, либо мелких бронзовых бус. Остальные употреблялись для отливки мелких деталей бронзовых украшений.

---

1 Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, стр. 5—7.

1 Стадия С рязанских могильников (П. П. Ефименко. Рязанские могильники. Матер. по этнографии, т. III, вып. 1, 1926, стр. 73).

2 А. А. Спицын. Городища Дьякова типа. Зап. Отдел. русск. и славянск. археологии Русск. археол. общ., т. V, вып. 1, 1903, стр. 135—136.

Наконец, следует отметить находку медных шлаков и бронзовых и серебряных оплавившихся вещей. Возможно, конечно, что последние и не относятся к меднолитейному делу, а происходят из «домика мертвых», аналогичному «домику» на поселении в устье р. Сонохты.

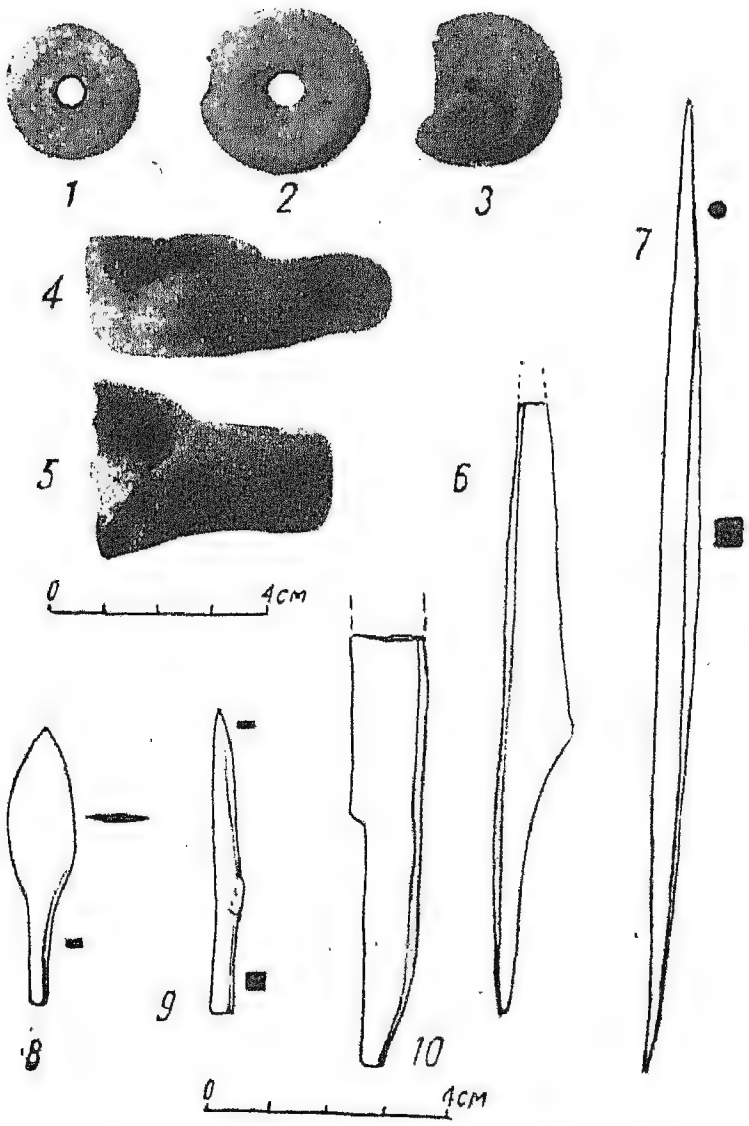


Рис. 45. Находки на селище у дер. Килино.

Предметы украшения состоят из ажурной бронзовой бляшки, из трех двойных спиралей, ряда колокольчатых привесок, прямоугольной бронзовой обоймицы с шестью округлыми выпуклостями, оплавившихся серебряных скрученных стержней, возможно, гривен и железной булавки со спиральной головкой (рис. 46). Повидимому, выделка железных изделий здесь также производилась; были найдены железные шлаки. Подробнее со всеми этими украшениями мы познакомимся ниже. Следует лишь указать, что все они могут быть датированы III—VI столетиями.

Таким образом, и это укрепленное поселение, возникшее в начале первого тысячелетия н. э., не пережило его середины и было в эту эпоху покинуто обитателями.

4

Среди материалов, происходящих из раскопок, проведенных за последние годы, значительное место занимают предметы убора и украшения. Они говорят о том, что в середине первого тысячелетия н. э. женский костюм в Верхнем Поволжье так же изобиловал разнообразными металлическими украшениями, как и костюм населения более южных и восточных районов, а именно — бассейна рек Оки и Камы и Среднего Поволжья. Население Верхнего Поволжья обнаруживало те же вкусы, что и население, известное по материалам окских, камских и средневолжских могильников первого тысячелетия н. э.

Предметы убора и украшения, составлявшие часть женского костюма, представляют большой интерес с различных точек зрения. Они являются, во-первых, одним из существенных компонентов этнического облика населения, причем таким, который среди других данных, выявляемых по археологическим материалам, занимает немаловажное место. Во-вторых, некоторые из предметов украшения, имеющие импортное происхождение, являются источником выявления тех тонких нитей обмена, которые связывали в эту эпоху верхневолжское население с другими областями. Наконец, эти же привозные вещи служат материалом для решения хронологических вопросов.

До исследований последних лет предметы украшения и убора, бывшие у населения Верхнего Поволжья, оставались почти неизвестными. Исключение составляли лишь несколько вещей, происходящих из раскопок А. А. Спицына на городище в устье р. Сонохты, где им были найдены часть ажурной бронзовой бляхи, инкрустированной красной и зеленой эмалью, височная «шумящая» подвеска и трапециевидная подвеска.[1] Несколько украшений, а именно — ажурная бляшка, обоймица от ремня и колокольчатая подвеска, были найдены К. А. Смирновым на Синьковском городище. Там же была найдена литейная формочка, служившая для изготовления крестовидных фибул.[2] Наконец, из случайных находок происходили большая бронзовая фибула, обнаруженная на городище у дер. Дуденево,[3] и застежка с эмалью, найденная у дер. Кирьянова.[4] Таким образом, число известных вещей не превышало десяти экземпляров. Раскопки 1933—1936 гг. дали большое число предметов убора и украшения. На городище в устье р. Сонохты было сделано свыше двадцати находок предметов этого рода; на селище в устье р. Попадьинки найдено пять вещей,[5]

---

[1] А. А. Спицын. Поездка 1903 г. Изв. Археол. комисс., вып. 6, 1904, стр. 76.

[2] Он же. Новые сведения о городищах Дьякова типа. Зап. Отдел. русск. и славянск. археологии Русск. археол. общ., т. VII, вып. 1, 1905, стр. 85—89.

[3] Он же. Городища Дьякова типа. Зап. Отдел. русск. и славянск. археологии Русск. археол. общ., т. V, вып. 1, 1903, стр. 134—135.

[4] Там же, стр. 139.

[5] Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг., т. I. Изв. Гос. Акад. истории матер. культуры, вып. 109, 1935, стр. 114—115.

на городище в устье Грехова ручья встречена большая пряжка, инкрустированная красной эмалью. Наконец, следует упомянуть о найденном в 1924 г. С. Бачинским на Ермоловском городище около г. Ржева так называемом «дьяковском навершии».[1]

В общей сложности, считая с находками, сделанными в Верхнем Поволжье раньше, на городищах и селищах середины первого тысячелетия н. э. найдено до сорока предметов убора и украшения, позволяющих сделать кое-какие интересные выводы. К этому материалу можно прибавить еще несколько украшений, происходящих из прилегающего к Верхнему Поволжью района Валдайской возвышенности, а именно — до десяти украшений, найденных в 1910 г. А. В. Тищенко на Ловницком городище,[2] два украшения, найденные автором этой книги в 1935 г. на Медведицком городище на оз. Бологое, и, наконец, подвеску, найденную Н. К. Рерихом на Кафтинском городище.[3]

Центральное место среди перечисленных материалов занимают находки, сделанные на городище в устье р. Сонохты. Они не могут, правда, рассматриваться в качестве исчерпывающего набора предметов украшения. Многого, повидимому, среди них еще недостает. Но известное представление об уборе женского костюма эти вещи несомненно уже дают. Дополняя их материалами других памятников, можно установить, что украшениями головы служили в ту эпоху венчики с металлическими бляхами, что особым образом, посредством подвесок или височных колец, украшался головной убор по сторонам, что украшениями шеи служили металлические гривны и ожерелья из разнообразных бус, а украшением груди — бляхи, фибулы и застежки. Почти отсутствуют среди известных вещей украшения рук (браслеты и перстни), что представляет собою, повидимому, не случайное явление. Следует упомянуть еще о принадлежности пояса: пряжках, кольцах и подвесках.

Если попытаться рассмотреть перечисленные украшения в свете материалов, известных ранее в других смежных или более отдаленных территориях, то все эти вещи придется расчленить на три группы. Первую из них составят украшения, находящие себе параллели в поздних пьяноборских могильниках Прикамья; вторую — вещи, близкие инвентарю женских погребений рязано-окских могильников; третью же группу составят предметы, уводящие нас на юг, в Поднепровье и в степные районы Восточной Европы. Таковым может быть, однако, лишь первое впечатление. Более углубленное изучение этого материала показывает, что основную часть предметов убора и украшения составляют здесь местные вещи, лишь напоминающие пьяноборские и окские. Другую, меньшую часть составляют вещи несомненно импортные, происходящие с юга, из бассейна Оки, Поднепровья и других более отдаленных районов.

В погребальном сооружении поселения в устье р. Сонохты были найдены восемь предметов украшения, которые, повидимому, не случайно, могут быть отнесены к вещам местных типов. Там были найдены круглая ажурная бронзовая бляха с ушком на обратной стороне и подвеска в виде утиной лапки, изображенные на рис. 31. По своему общему облику и то и другое украшения напоминают пьяноборские; однако, среди материалов пьяноборских могильников полных аналогий они себе не находят. Напоминают пьяноборские и две других вещи, найденные в погребальном сооружении, а именно — миниатюрная железная пряжка и полушаровидная бляшка с ушком с обратной стороны (рис. 31). Подобные бляшки встречались и на других, более ранних верхневолжских городищах (стр. 28), однако форма ушка у них была несколько иная, характерная для позднеананьинских или раннепьяноборских бляшек. Наконец, в погребальном сооружении оказались две железные округлые пряжки с удлиненными бронзовыми обоймицами, стеклянные оплавившиеся бусы и бронзовая спираль, представляющая собою, повидимому, височное украшение с обломанным крючком, при помощи которого оно прикреплялось к головному убору (рис. 31).

Круглая бляха, очень близко напоминающая бляху городища на р. Сонохте, была встречена в составе клада, найденного на урочище «Човнище» около с. Подгорицы на Киевщине.[1] Судя по характеру всех вещей, клад имеет несомненно северное происхождение. В. Е. Козловская, опубликовавшая клад, относит его к X столетию н. э., с чем однако нельзя согласиться — клад относится бесспорно к середине первого тысячелетия н. э., точнее к V—VI столетиям н. э.

Из вещей, найденных вне погребального сооружения, к местным типам относятся следующие: железная булавка со спиральной головкой (рис. 37) — вещь чрезвычайно характерная для «дьяковых» городищ различного возраста, интересная бронзовая застежка, орнаментированная линиями и точками (рис. 37), и несколько менее характерных вещей (железные пряжки и застежки) (рис. 37). Также нехарактерными являются бронзовые

---

[1] С. Бачинский. Ермоловское городище. Ржевский край, I, 1926.

[2] А. В. Тищенко. Отчет о раскопках 1910 и 1911 гг. в Новгородской губ. Изв. Археол. комисс., вып. 53, 1914, стр. 4.

[3] Зап. Отдел. русск. и славянск. археологии Русск. археол. общ., т. VII, вып. 2, стр. 235.

[1] В. Е. Козловська. Брондзові прикраси з с Підгірців на Київщині. Український Музей, I, Київ, 1927, стр. 45 и сл.

трапециевидные подвески (рис. 37). Интересной вещью была небольшая бронзовая булавка с фигурным навершием. Последнее, к сожалению, оказалось обломанным почти у самого основания.

Ориентируясь главным образом на пьяноборские параллели, все эти вещи можно отнести к III—V столетиям н. э.

Другие верхневолжские памятники середины первого тысячелетия н. э. также дают ряд вещей, которые смело можно причислить к местным типам. На городище близ с. Синькова найдены тонкая ажурная бляшка с ушком с обратной стороны (рис. 46) и железная булавка со спиральной головкой. На Лавницком городище встречена ажурная бляшка (рис. 46). На Медведицком городище, на оз. Бологое, в пределах остатков жилища вместе с «горбатым» ножом и обломком серпа найдены спиральная проволочная височная подвеска и очень интересное украшение, состоящее из полых полушаровидных бляшек, образующих два треугольника, сходящихся вершинами (рис. 46). И то и другое городища по характеру керамического материала могут быть отнесены к III—V столетиям н. э. Бронзовые бляшки из треугольников, близкие бологовской, известны в Финляндии[1] и в Эстонии,[2] где они причисляются к вещам середины первого тысячелетия н. э., а также в пределах Горьковской области.[3] Эти украшения по своему облику и технике изготовления резко отличаются от всего комплекса прибалтийских древностей середины первого тысячелетия н. э., — комплекса, весьма характерного и состоящего из определенных типов фибул, вещей с эмалью и т. д.[4] Поэтому их следует рассматривать для тех районов в качестве импорта с Поволжья.

Судя по характеру керамики, к середине первого тысячелетия н. э. принадлежит и Ермоловское городище около г. Ржева, на котором было найдено характерное «дьяковское» навершие.

Наконец, следует упомянуть фибулу Синьковского городища, известную по литейной форме для ее изготовления (рис. 46). Это маленькая крестовидная фибула, или бляшка в форме фибулы, три конца которой представляют собою небольшие стержни, кончающиеся шариками; четвертый же конец образует плоскую треугольную лопасть. Это украшение представляет собою местное подражание тем большим крестовидным фибулам с трапециевидными лопастями, которые были распространены в середине первого тысячелетия н. э. в бассейне р. Оки. Подобная синьковской, такая же «доморощенная» фибула, изготовленная из серебра, была найдена на городище Александрова гора на оз. Плещеево.[1] К вещам местным, но так или иначе отражающим вкусы населения бассейна р. Оки, относится бронзовая пряжка с удлиненной обоймицей, найденная на поселении в устье р. Попадьинки (рис. 40). Там же были найдены трапециевидная бронзовая подвеска и бронзовая удлиненная пластинка, согнутая наподобие браслета (рис. 41). Являлась ли эта пластинка действительно браслетом, сказать очень трудно, тем более, что других находок этих украшений в Верхнем Поволжье сделано не было. Возможно, что браслеты вовсе отсутствовали в числе украшений, распространенных в Верхнем Поволжье, что имело место и в Прикамье, где в материалах поздних пьяноборских могильников, как известно, браслеты почти не представлены.

На ряду с перечисленными выше украшениями, у населения Верхнего Поволжья большое распространение имели вещи импортные, причем, как это ни странно, среди них первое место занимали бронзовые украшения, инкрустированные эмалью, происходящие с юга и юго-запада.

Если обратиться к материалам, хотя бы рязанских могильников первого тысячелетия н. э., то там среди десятков тысяч разнообразных предметов украшения имеется всего лишь три-четыре вещи с эмалью.[2] Этого рода украшения там совершенно не были распространены. В Верхнем Поволжье среди сорока известных сейчас предметов убора и украшения имеются четыре вещи с эмалью, две из которых происходят с городища в устье р. Сонохты.

Оттуда происходит часть круглой ажурной бляхи, инкрустированной красной и зеленой эмалью (рис. 46), найденная А. А. Спицыным в 1903 г. и названная им «поделкой еще неизвестного типа».[3] В 1935 г. на городище была найдена хвостовая часть треугольной фибулы (?) с треугольной прорезью и тремя гнездами для эмали (рис. 37). На городище в устье Грехова ручья была встречена большая застежка, инкрустированная эмалью (рис. 13). Подобная ей была найдена раньше у дер. Кирьянова (рис. 46).

Инкрустированные эмалью предметы, широко распространенные в начале и середине первого тысячелетия н. э., распадаются на ряд далеко не достаточно изученных комплексов,

---

1 A. Hackman. Förvärv till Statens Historiska Museum, III Järnåldern. Finskt Museum, XXIII, 1916, S. 56, 57.

2 M. Schmidehelm. Ein Grabfeld der älteren Eisenzeit in Lüganuse (Estland). Eurasia Septentrionalis Antiqua, III, 1928, стр. 98, 102.

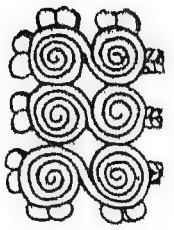
3 Украшение известно А. М. Тальгрену (M. Schmidehelm, ук. соч., стр. 98).

4 R. Hausmann. Grabfunde aus Estland. Reval, 1896. — A. M. Tallgren. Zur Archäologie Eestis, Acta et Commentationes Universitatis Dorpatensis, B. VIII, 1926.

1 А. А. Спицын. Новые сведения о городищах Дьякова типа. Зап. Отдел. русск. и славянск. археологии Русск. археол. общ., т. VII, вып. 1, 1905, стр. 85.

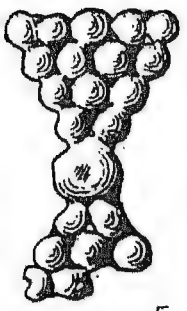
2 Он же. Древности бассейнов рек Оки и Камы. Матер. по археологии России, № 25, 1901.

3 Он же Поездка 1903 г. Изв. Археол. комисс., вып. 6, 1904, стр. 76.

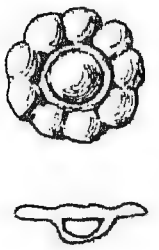


А

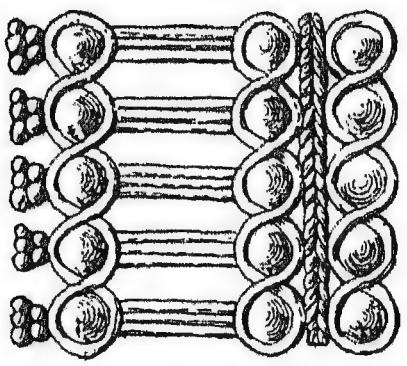
А



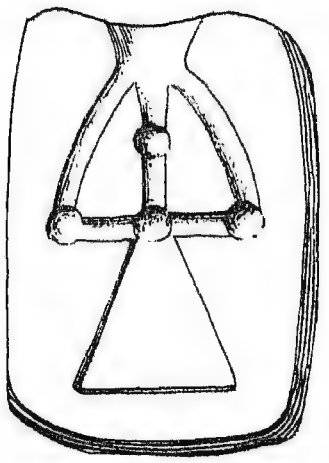
Г



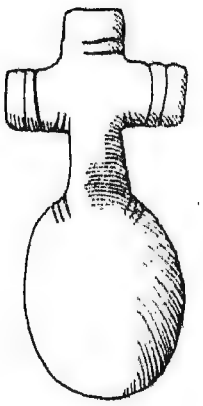
Д



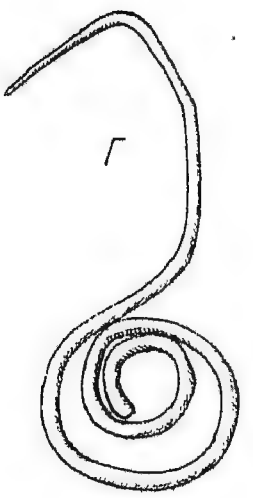
Д



А

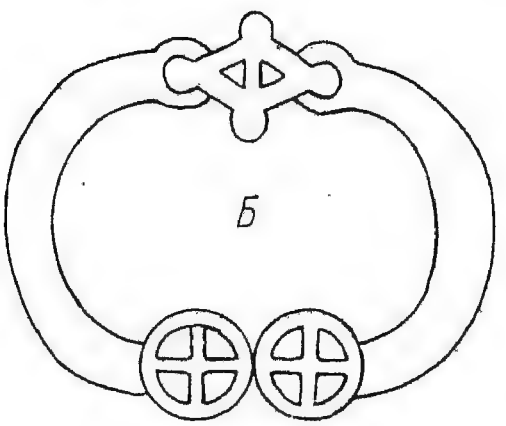


Ж

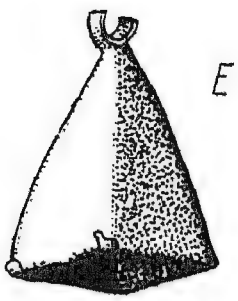


Г

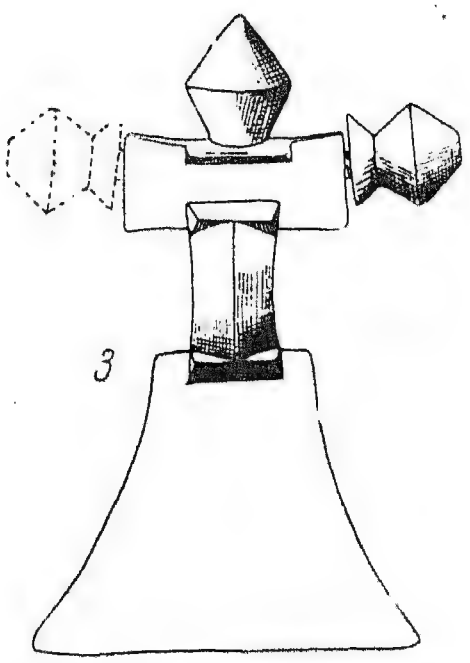
Д



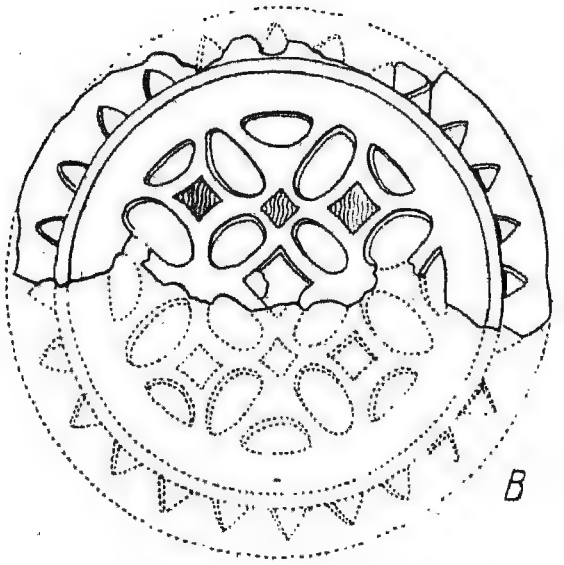
Б



Е



З



В

В

Рис. 46. Предметы убора и украшения середины первого тысячелетия н. э., происходящие с Верхнего Поволжья.

А — Синьковское городище; *Б* — дер. Кирьянова; *В* — Городище в устье р. Сонохты; *Г* — Медведевское городище на оз. Бологое; *Д* — Ловицкое городище; *Е* — Кафтинское городище; *Ж* — Александрова гора; *З* — Дуденевское городище.

свойственных различным областям Европы.[1] К Верхнему Поволжью могут иметь отношение эмали двух областей, а именно — эмали южной Прибалтики и эмали Приднепровья. Если обратиться к первым, хорошо известным по работам F. Moora,[2] то среди них мы не встретим параллелей вещам, происходящим из Верхнего Поволжья. Известное сомнение в этом отношении может возникнуть лишь относительно круглой бляхи с городища в устье р. Сонохты, которая по общему облику близка некоторым южноприбалтийским украшениям.[3] Однако по характеру узора она примыкает более к эмалям приднепровским, где бляхи такой формы, правда, пока еще не найдены. Треугольная фибула, обломок которой происходит с устья р. Сонохты, представляла собою изделие несомненно поднепровского происхождения. Треугольная форма конца свойственна, например, фибулам Мощинского склада;[4] известные параллели представляют фибулы из с. Ромашек около Киева,[5] фибулы Борзенского клада [6] и др.

Если наше толкование предмета с городища на р. Сонохте не верно и если он является обломком не треугольной фибулы, а какого-либо другого украшения, скажем подвески, то и в этом случае место его происхождения не меняется, так как оно целиком примыкает к окско-днепровским эмалям и по стилю и по характеру деталей.

Наиболее интересными вещами являются две застежки с эмалью. Различаясь друг от друга в деталях, они принадлежат к тому типу украшений, который был распространен главным образом в области р. Оки и в Поднепровье. Подобная застежка была встречена на Дьяковом городище под Москвой, верхние слои которого датируются вещами III—IV столетий н. э.[7] Почти такая же застежка происходит из погребения № 21 Кузьминского могильника на Оке, относящегося к стадии B—C рязанских могильников, т. е. к концу IV и началу V столетий н. э.[8] Имеются данные о находке подобной застежки вместе с вещами мощинских типов около г. Брянска.[1] Такое же украшение встречено в районе г. Мурома.[2] Застежки подобных типов известны в Среднем Поднепровье, на территории Польши [3] и южной Прибалтики;[4] однако они несколько отличаются от волжских и окских, причем в этих областях встречаются и другие типы застежек с эмалью, на Волге и на Оке не известные. Это наводит на мысль о том, что окские и волжские застежки изготовлялись где-то в верховьях Оки, либо в ближайших районах Поднепровья.

На Кафтинском городище была найдена бронзовая пирамидальная подвеска — украшение, постоянно встречающееся вместе с предметами с эмалью. Одна такая подвеска встречена в Мощинском кладе. Целый ряд их происходит из Межигорского клада, состоящего из вещей западных типов середины первого тысячелетия н. э.[5] Такие же украшения известны в наиболее поздних погребениях Кошибеевского могильника, время которых определяется III—V столетиями н. э.[6] Одно такое украшение вместе с коническими подвесками, снабженными треугольными прорезями, т. е. такими же, как украшение Ловницкого городища, было найдено на Барвихинском городище около Москвы, относящемся к IV—V столетиям н. э.[7] Найдены пирамидальные и конические прорезные подвески и в Огубском городище около Калуги, где был встречен также обломок треугольной ажурной фибулы с эмалью.[8]

К вещам, происходящим из области среднего течения р. Оки, относятся два предмета — большая крестовидная фибула с Дуденевского городища (рис. 46) и височная подвеска с Городища в устье р. Сонохты (рис. 46). Оба предмета являются характернейшими вещами стадии C рязанских могильников, т. е. IV—V столетий н. э.[9] Среди обширного материала рязанских могильников этим вещам можно подобрать совершенно точные аналогии. К вещам среднеокского происхождения принадлежит, возможно, и фрагмент гривны из городища на р. Сонохте, хотя эта

---

1 H. Moora. Zur Frage nach der Herkunft des ostbaltischen, emailverzierten Schmucks. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja, XL, 1934, 75—90. — A. M. Tallgren. Enamelled Ornaments in the Valley of the Desna, Evrasia Septentrionalis Antiqua, XI, 1937, 147.

2 H. Moora. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. Tartu, 1929. — H. Moora. Zur Frage nach der Herkunft des ostbaltischen emailverzierten Schmucks S.M.Y.A., XL.

3 H. Moora. Die Eisenzeit in Lettland, Tab. VII, 7, 8, 9. — Idem. Der Verwahrfund von Piilsi Kirchspiel Avinurme. Tartu, 1935, Abbild. 6, 4.

5 А. А. Спицын. Предметы с выемчатой эмалью. Зап. Отдел. русск. и славянск. археологии Русск. археол. общ., т. V, вып. 1, 1903, стр. 178 и сл.

5 Там же, стр. 174 и сл.

6 М. Макаренко. Борзенські емалі й стар емалі Украіни взагалі. Київ, 1927.

7 В. И. Сизов. Дьяково городище. Тр. IX Археол. съезда, т. II, стр. 256—267.

8 А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. Матер. по археологии России, № 25, табл. XV.

1 A. M. Tallgren. Enamelled Ornaments in the Valley of the Desna. Eurasia Septentrionalis Antiqua, XI, 1937.

2 А. А. Спицын, ук. соч., табл. XXIX.

3 А. А. Спицын. Предметы с выемчатой эмалью. Зап. Отдел русск. и славянск. археологии Русск. археол. общ., т. V, вып. I, 1904.

4 R. Hausmann. Grabfunde aus Estland. Reval, 1896. — M. Schmiedehelm. Ein Grabfeld der älteren Eisenzeit in Lüganuse (Estland). Eurasia Septentrionalis Antiqua, III, 1928, 93.

5 А. А. Спицын. Предметы с выемчатой эмалью. Зап. Отдел. русск. и славянск. археологии Русск. археол. общ., т. V, вып. 1, 1904, стр. 170.

6 П. П. Ефименко. Рязанские могильники. Матер. по этнографии, т. III, вып. 1, погребение № XXIV.

7 Л. А. Евтюхова. Барвихинское городище. Сов. археология, № 3, 1937, стр. 122—123.

8 В. А. Городцов. Болотное Огубское городище. Тр. Гос. истор. музея, М., 1926.

9 П. П. Ефименко. Рязанские могильники. Матер. по этнографии, т. III, вып. I, 1926, стр. 73,

вещь не столь характерна, как обе предыдущие (рис. 37).

Последним предметом, импортное происхождение которого не вызывает никаких сомнений, является арбалетовидная фибула с плоской трапециевидной хвостовой частью, найденная на городище в устье р. Сонохты (рис. 37). Это украшение, происходящее, повидимому, из южной Прибалтики, представляет собою по форме позднейший вариант одного из типов так называемых «римских провинциальных фибул», широко распространенных в ряде областей Центральной и Восточной Европы в начале первого тысячелетия н. э.[1] Ее время определяется IV и началом V столетий н. э., о чем говорит прежде всего хвостовая лопасть трапециевидной формы. У более ранних Т-образных фибул подобной лопасти, как известно, не бывает.

Близкие по форме фибулы известны среди находок, происходящих из курганов с каменными кладками южной Прибалтики, где они встречаются нередко вместе с вещами, инкрустированными эмалью.[2] Наиболее близкие параллели волжской фибуле имеются среди находок из Восточной Пруссии.[3] Очень близкая волжской арбалетовидная фибула была найдена в кургане 3 у дер. Пакальнишек около Ковно.[4] Время их может быть точно определено благодаря ряду находок монет. Особенно много монетных находок в погребениях середины первого тысячелетия н. э. было сделано на Готланде, где фибулы с треугольными лопастями датируются IV—VI столетиями н. э.,[5] причем фибулу с городища в устье р. Сонохты можно сравнивать с наиболее ранними из них. Однако полных ей аналогий на Готланде не встречается. В рязанских могильниках, где Т-образные фибулы встречаются относительно часто, аналогий волжской фибулы также не имеется, но подобные ей известны среди инвентаря могил стадии B—B_1, т. е. III—IV столетий н. э., особенно в Кошибеевском могильнике.[6] В южных районах Восточной Европы в середине первого тысячелетия н. э. были распространены двухлопастные, так называемые «готские» фибулы. Украшения, близкие волжской фибуле, оттуда неизвестны, за исключением единичных экземпляров, происходящих из Среднего Поднепровья.[1]

1 O. Almgren. Studien über nordeuropäische Fibelformen, t. I—II. Stockholm, 1897.

2 R. Hausmann. Grabfunde aus Estland. Reval, 1896. — A. Friedenthal. Das Gräberfeld Journal. Reval, 1911, Taf. I.

3 O. Tischler, Ostpreussische Altertümer, Königsberg, 1902, Taf. IV.

4 А. А. Спицын. Курганы близ д. Пакальнишек. Изв. Археол. комисс., вып. 2.

5 B. Nermann, Die Völkerwanderungszeit Gotlands, Stockholm, 1935, Taf. 1—4, S. 11—120.

6 П. П. Ефименко. Рязанские могильники. Матер. по этнографии, т. III, вып. 1, 1926. — А. А. Спицын. Древности бассейна рек Оки и Камы. Матер. по археологии России, № 25, Кошибеевский могильник.

5

Изложенные выше данные о населении Верхнего Поволжья в середине первого тысячелетия н. э. говорят о появлении ряда новых особенностей в экономике и общественной жизни, которые стали развиваться начиная с III—IV столетий н. э. Эти новые черты появились не сразу, а возникли постепенно. Их развитие шло, однако, настолько энергично, что в течение трех-четырех столетий облик верхневолжского населения заметно видоизменился. И не требуется особо углубленного анализа, чтобы признать, что эти видоизменения касались не деталей, не внешних проявлений жизни, а самого существа, основ того строя, который сложился в Верхнем Поволжье к середине первого тысячелетия до н. э. и просуществовал в течение целого тысячелетия. Другими словами, мы имеем дело с разрушением древних основ родового строя, с появлением на месте патриархальных отношений общественных отношений иного типа, характеризующих последнюю ступень в истории первобытного общества.

Начиная с первых веков н. э. укрепленные поселки в Верхнем Поволжье стали постепенно сменяться неукрепленными поселками. Их появление свидетельствовало о наличии перемен в области общественных отношений. Однако вплоть до IV—V столетий укрепленные поселения продолжали существовать; наряду с ними сохранилось и старое расположение поселений компактными группами, построенными по родовому признаку. Говоря об укрепленных поселениях, следует подчеркнуть, что, за исключением двух-трех известных случаев, они не возникали вновь в продолжение этого периода; как правило, все поселения, появившиеся в III—IV—V столетиях н. э., не имели защитных сооружений. К V—VI столетиям процесс смены одних поселений другими достиг, повидимому, своего завершения. Во всяком случае, на берегах Волги, на участке от Калинина до Ярославля, неизвестно ни одного укрепленного поселения второй половины первого тысячелетия н. э. Население покинуло свои старые поселки, расположение которых было неудобным для жизни. Господствующей формой поселения с этой эпохи становится открытый поселок, широко раскинувшийся на ровном и удобном берегу реки.

Вместе с исчезновением укрепленных поселков началось разрушение древней группировки поселений. Новые поселения на берегах Волги стали возникать вне территории древних групп, в промежутках между ними. Совершенно ясно, что это обстоятельство является фактом не меньшего значения, чем смена по-

1 Хаценко. Древности Приднепровья, вып. IV. Киев, 1901, табл. IV, рис. 144; табл. XVIII, рис. 352.

селков укрепленных открытыми поселениями, фактом, также говорящим о значительных изменениях в общественной жизни.

Не менее существенны новые формы разделения труда. Для предыдущей эпохи было характерно наличие еще других форм разделения труда, находящих себе выражение в наличии обмена с некоторыми отдельными областями, откуда шли ценности, отсутствовавшие в Верхнем Поволжье. К ним относились в первую очередь медь и, вероятно, некоторые виды домашнего скота. Все необходимое для жизни изготовлялось в каждом поселке, представлявшем собою общину родственников, коллективно ведущую свое хозяйство. С IV—V столетий разделение труда внедряется внутрь верхневолжского общества, нанося чувствительный удар по его древнему экономическому строю. В некоторых поселениях, в частности на р. Сонохте, люди стали специально заниматься обработкой железа, продукция которой в какой-то, несомненно значительной, части шла на обмен. В поселении на р. Попадьинке и в других, также несомненно рассчитывая на обмен, стали заниматься выделкой бронзовых изделий. Одновременно с этим в некоторых поселках обработка металла вовсе не имела места. Их население выступало в качестве потребителя. Выше уже указывалось, что появление в Верхнем Поволжье в эту эпоху первичных форм общественного разделения труда представляет собою явление совершенно закономерного порядка, так как уровень производства, степень развития производственных сил труда к этому времени достигли уже того своего предела, рамки которого определялись отношениями первобытного патриархального строя. Выше неоднократно обращалось внимание на сложность и многообразность экономики Верхнего Поволжья в первой половине первого тысячелетия н. э. Одновременно с развитием общественного разделения труда, следствием чего было появление обмена между населением соседних поселков, появление, так сказать, «внутреннего» обмена, развивались экономические связи с отдаленными областями, с населением территории нижнего и среднего течений р. Оки, с населением Поднепровья и, повидимому, с населением некоторых более западных районов.

Какую же оценку должны получить все эти факты, все эти новые черты в жизни обитателей Верхнего Поволжья? О чем они говорят, о каких переменах и переменах какой глубины?

То новое, что нам удалось проследить в истории поселений, несомненно свидетельствует о процессе распада древнего патриархального строя, об исчезновении древних патриархальных гнезд, которыми являлись укрепленные поселения, об исчезновении древних родовых территорий. То новое, что нам удалось констатировать в отношении развития производительных сил, а именно — появление общественного разделения труда, является фактором, объясняющим причины распада патриархального строя и сложения на его месте иных социальных отношений, формой которых является сельская или, иначе, соседская община.

Разделение труда и появление зачатков ремесленного производства послужили, однако, лишь одним из каналов, по которому, в свою очередь энергично углубляя его русло, шел процесс распада родового строя. Другим важнейшим фактом, тесно связанным с развертыванием этого процесса, явились изменения, которые претерпела в эту эпоху организация производства, в первую очередь в земледелии, ставшем на путь превращения из земледелия подсечного в земледелие пашенное. Изучение подсечного земледелия, этой характерной отрасли первобытно-общинного хозяйства, показало, что оно чрезвычайно долго существовало в лесной полосе Восточной Европы, сменившись пашенным земледелием лишь на грани первого и второго тысячелетий н. э.[1] Причиной такого долгого переживания здесь этой древней формы хозяйства явилось, повидимому, то, что земледелие на лесном севере долгое время не занимало абсолютно доминирующего места в экономике. Как мы видели выше, по материалам Верхнего Поволжья, в середине первого тысячелетия н. э. здесь было весьма сложное, многообразное хозяйство с развитым скотоводством, с охотой и рыбной ловлей. Мы не располагаем пока что точными данными, но бесспорно, что доля земледелия в экономике составляла не более, а вероятно, значительно менее 50%. В других областях, где значение земледелия было выше, например, в Центральной и Южной Европе, пашенные орудия, как известно, появились еще в эпоху патриархального строя, в эпоху бронзы.

Какие, однако, данные, говорят о возникновении пашенного земледелия в Верхнем Поволжье в конце первого тысячелетия н. э.? Прежде всего бесспорно, что Верхнее Поволжье в отношении развития земледелия не составляло исключения в лесной полосе Восточной Европы, где древнейшие находки металлических пашенных орудий, получивших распространение вместе с появлением широколезвийных проушных железных топоров, относятся в Волго-Камье ко времени возникновения болгарских городов, т. е. к VIII—X столетиям, а в более северной и западной областях — к эпохе X столетия н. э.[2]

Металлическим пашенным орудиям предшествовали деревянные многозубные сохи, выросшие из «суковатки» — ствола ели с очи-

[1] П. Н. Третьяков. Подсечное земледелие в Восточной Европе. Изв. Гос. Акад. истории матер. культуры, т. XIV, вып. 1, 1932.

[2] Там же, стр. 27—28, 37.

щенными от мелких ветвей сучьями, обрубленными на половину их длины.[1] «Суковатка» — это древнейшее пашенное орудие лесного севера, с введением которого в земледелии впервые была применена сила домашнего скота — лошади. Вместе с распространением пашенного земледелия в лесной полосе Восточной Европы лошадь стала рабочим скотом, утратив функцию мясного животного. Об этом превращении говорят не только археологические данные, указывающие, что с X—XI столетий кости лошадей среди кухонных отбросов уже не встречаются, но и начальная летопись, где на первых страницах, в частности, в преданиях о Святославе, упоминается об употреблении лошади в пищу, на последующих же страницах об этом говорится лишь в тех случаях, где речь идет о голоде.

Костный материал древнего поселения у дер. Килино показывает, что в VII—VIII столетиях табун лошадей уже не являлся основным источником мясной пищи, как это было двумя-тремя столетиями раньше. Причиной этого явления послужило, вероятно, использование лошадей при обработке земли.

О появлении в VII—VIII столетиях пашенного земледелия говорит также и увеличение размеров верхневолжских поселений этого времени.

Действительно, при подсечном земледелии, когда место посевов сменялось через каждые один-два, maximum три года и когда использованный однажды участок мог быть обработан вновь лишь через полсотни лет, в этих условиях для земледелия требовалось огромное количество земли.[2] Размеры поселений в условиях подсечного хозяйства были поэтому очень небольшими. Население большого поселка очень скоро могло бы исчерпать все удобные для земледелия близлежащие участки леса. Значительное увеличение размеров поселений, имевшее место в Верхнем Поволжье начиная с VII—VIII столетий н. э., является бесспорным доказательством появления примитивного пашенного земледелия, характер которого, к сожалению, пока что не получил своего отражения в археологических материалах.

Смена подсечного земледелия земледелием пашенным знаменует собою переход от первобытных коллективных форм обработки земли к индивидуальным формам земледелия. Совершенно бесспорно, что это явление сыграло огромную роль в деле разрушения первобытных общинных основ родового строя. Вероятно, аналогичный процесс индивидуализации производства развертывался в эту эпоху и в охотничьем деле, и в рыболовстве, и в скотоводстве.

[1] Там же, стр. 23.
[2] Там же, стр. 18—19.

6

На фоне процесса разложения патриархального строя, делокализации родовых и племенных групп и формирования на их месте новых социальных отношений типа сельской общины чрезвычайно интересно проследить любопытную эволюцию, которую претерпевает обряд погребения мертвых, эволюцию, в данном случае четко отражающую происходившие в обществе социальные перемены.

«Домик мертвых» на поселении в устье р. Сонохты, относящемся к IV—V столетиям н. э., познакомил нас с некоторыми погребальными обрядами того времени, когда процесс распада патриархального строя еще только намечался, когда еще сильны были кровные связи и когда, наконец, каждый поселок составлял группу родственников, хоронивших своих мертвых в «домиках», стоявших среди поселка и, вероятно, вне его.

Представляя собой своеобразное погребальное сооружение, «домик» поселка на р. Сонохте не является чем-то совершенно особенным, не повторяющим погребальных сооружений, известных ранее. Наоборот, он целиком укладывается в группу погребальных сооружений второй половины первого тысячелетия н. э., известных в области северных восточнославянских племен. Мало того, этот «домик» проливает как будто бы некоторый свет на происхождение славянского курганного обряда погребения.

Прежде всего нельзя не вспомнить тех «домиков мертвых», которые были открыты П. П. Ефименко в курганной группе Боршевского городища в верховьях Дона.[1]

Огромный поселок, существовавший здесь в IX—X столетиях, а быть может, и в VIII столетии, принадлежал населению с яркими еще реликтами патриархальной организации. Жилые дома — полуземлянки располагались в поселке компактными группами. Жилища каждой группы имели между собою внутреннее сообщение через специальные крытые переходы. Около группы жилищ, население которой составляло несомненно общину родственников, располагались подсобные, хозяйственные постройки: ямы для зерна, погреба, какие-то навесы и т. д. Таким образом, каждая такая группа жилищ являлась близкой аналогией старинного удмуртского двора, о котором речь шла выше, и несомненной аналогией древнего поселка типа поселения на р. Сонохте. Поселение у Боршева состояло из многих десятков таких жилых комплексов, принадлежавших, повидимому, населению не одного, а нескольких родов. Первоначально поселение было укрепленным и занимало оконечность мыса

[1] П. П. Ефименко. Ранне-славянские поселения на среднем Дону. Сообщения Гос. Акад. истории матер. культуры, № 2, 1931.

высокого коренного берега Дона; в какой-то последующий период оно сильно разрослось, заняло большие участки коренного берега и значительные пространства у его подножья.

Кладбище этого поселения располагалось в ближайшем соседстве на краю коренного берега. Оно состояло из многих сотен погребальных сооружений, по внешнему виду обычных курганов, исследования которых показали, однако, что они имеют весьма своеобразное внутреннее устройство и что каждый курган является в сущности миниатюрным домиком — «домиком мертвых». Под насыпью каждого кургана по всей его периферии было обнаружено кольцо, состоящее из ряда вертикально стоящих невысоких деревянных столбиков. Акад. И. И. Мещанинов находит возможным рассматривать эти деревянные ограды как своеобразные кромлехи, т. е. сооружения, связанные с космическими, в частности с солярными культами.[1] Под восточной полой каждого кургана находился рубленый из бревен деревянный ящик с плоской крышей, одна из сторон которого, а именно — сторона, примыкавшая к краю курганной насыпи, не имела стенки, была открыта. В ящике находились кальцинированные человеческие кости либо в глиняных горшках, либо же лежащие на дне ящика, представлявшего собою такую же коллективную урну, что и «домик мертвых» в поселении на р. Сонохте. Когда умирал кто-либо из членов семьи-общины, его сжигали, а затем вскрывалась пола семейного кургана и пережженные кости умершего помещались в ящике вместе с другими, лежащими там костями (рис. 47).

Другие славянские курганные группы IX—X столетий, исследованные в верховьях Дона в пределах Воронежской области, с некоторыми вариациями дают ту же картину погребального обряда. Известны такие курганы также и в пределах Курской области.

Такие же точно погребальные коллективные урны, имеющие вид деревянных ящиков, были открыты В. А. Городцовым в верховьях р. Оки около с. Воронец.[2] Вход в эти ящики был заложен камнями или деревянной доской. Над ящиком в насыпи курганов были найдены детские погребения и трупосожжения. Эти курганы, принадлежавшие вятичам, повидимому, синхроничны боршевским или несколько раньше их.

Более древние курганы вятичей, известные главным образом по работам Н. И. Булычева у деревень Шаньково и Почепок,[3] повидимому, представляли собою нечто очень близкое боршевским и воронецким погребальным сооружениям. При их исследовании под насыпью каждого кургана была обнаружена круговая канавка 0.35 м ширины и 0.50 м глубины, являвшаяся несомненно остатком несохранившейся деревянной ограды. Боршевские деревянные кромлехи также, как правило, укреплялись в подобных канавках. Далее в насыпи каждого кургана был обнаружен горизонтальный «жженый слой», состоявший из золы, угля и пережженных человеческих костей. Площадь слоя, по сообщению Н. И. Булычева, составляла около 2 кв. аршин, т. е. около 1 кв. м, причем очертания этого слоя в плане в некоторых случаях были овально-прямоугольными. Повидимому, здесь были какие-то ящики, остатки которых не сохранились. Вместе с жжеными костями в них помещались глиняные сосуды, число которых достигало 8—9 штук, и кое-какие вещи: ножи, прясла, мелкие украшения и характерные бронзовые фибулы с массивной прямой дужкой, заканчивающейся округлым щитком, плоским или вогнутым. Точно такие же фибулы были найдены в известном Мощинском кладе V—VII столетий[1] и в погребениях стадии D рязанских могильников (V—VI столетий).[2]

Приведенные материалы — и более ранние и более поздние по времени — относятся, как указано выше, к памятникам земли вятичей, одного из наиболее отсталых восточнославянских племенных образований. В области других северных восточнославянских племен курганы IX—X столетий, содержавшие остатки сожжений, уже не заключают внутри «погребальных домиков». Более древние курганы, известные в верховьях Днепра, Западной Двины, в Приильменье и в Верхнем Поволжье, всегда имеют такие «домики» или же близко их напоминают. Речь идет здесь о так называемых сопках и длинных курганах, относящихся к VI—VIII и отчасти к IX—X столетиям, когда они повсеместно сменяются обычными круглыми курганами с трупосожжением.[3]

Здесь имеются в виду, например, большие сопки, исследованные Н. Е. Бранденбургом в низовьях Волхова около Старой Ладоги и с. Михаила Архангела.[4] Некоторые из них имели под насыпью большое круглое кольцо, выложенное из валунов, несомненно такого же значения, как и деревянные ограды боршев-

---

[1] И. И. Мещанинов. Кромлехи у славян. Сообщения Гос. Акад. истории матер. культуры, №7, 1931, стр. 14—16.

[2] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Белевском и Рязанском уездах в 1897 г. Археол. изв. и заметки, №7—8, М., 1898.

[3] Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра, М., 1899, стр. 5—7.

[1] Н. И. Булычев, ук. соч., стр. 17—19.

[2] П. П. Ефименко. Рязанские могильники. Матер. по этнографии, т. III, вып. 1, Л., 1926, стр. 74, 90.

[3] П. Н. Третьяков. Археологические памятники древне-русских племен. Учен. зап. Ленинградск. Гос. унив., № 85, Серия историческ. наук, вып. 11, 1941. — Он же. Северные восточнославянские племена. Матер. и исслед. по археологии СССР, № 7, 1941.

[4] Н. Е. Бранденбург. Курганы южного Приладожья. Матер. по археологии России, вып. 18. СПб., 1895, стр. 135—140.

ских курганов. В этих сопках, далее, оказались остатки каменных сооружений в виде помостов, вертикальных стенок и т. д., между которыми располагались скопления жженых человеческих костей (рис. 48). Несомненно, что в этих курганах внутри каменного кромлеха располагались «домики мертвых», на этот раз выложенные из камня. Время волховских курганов определяется предметами VII—VIII столетий; в частности здесь были найдены такие характерные вещи, как трехконечные поясные бляхи и бляхи с прорезями геометрического стиля, известные главным образом по приуральским древностям.

Сопки с каменными или деревянными сооружениями известны по Ловати, в юго-западном Приильменье и в области Валдайской возвышенности. Они оставлены несомненно особой племенной группой северо-восточного славянства, выступающей в летописи под именем словен новгородских.[1]

В Верхнем Поволжье в конце первого тысячелетия н. э. погребальные «домики» выступают в виде так называемых длинных курганов. Этим именем называются коллективные погребальные сооружения в виде удлиненных земляных насыпей, иногда подпрямоугольной формы, иногда же переходящие в валы, достигающие нескольких десятков метров в длину при ширине 5—10 м. Высота их, как правило, очень невелика и редко достигает 1.50 м. Под насыпью длинных курганов скрываются груды жженых человеческих костей, сложенные иногда в глиняных сосудах или же в небольших ямках, выкопанных в земле. Вместе с костями встречаются остатки кое-какого инвентаря. Анализ курганных насыпей показывает, что они сооружались не сразу, а постепенно: курган подсыпался и с каждым новым погребением все более и более вытягивался. Число погребений в длинных курганах достигает 6—7—8 и более.

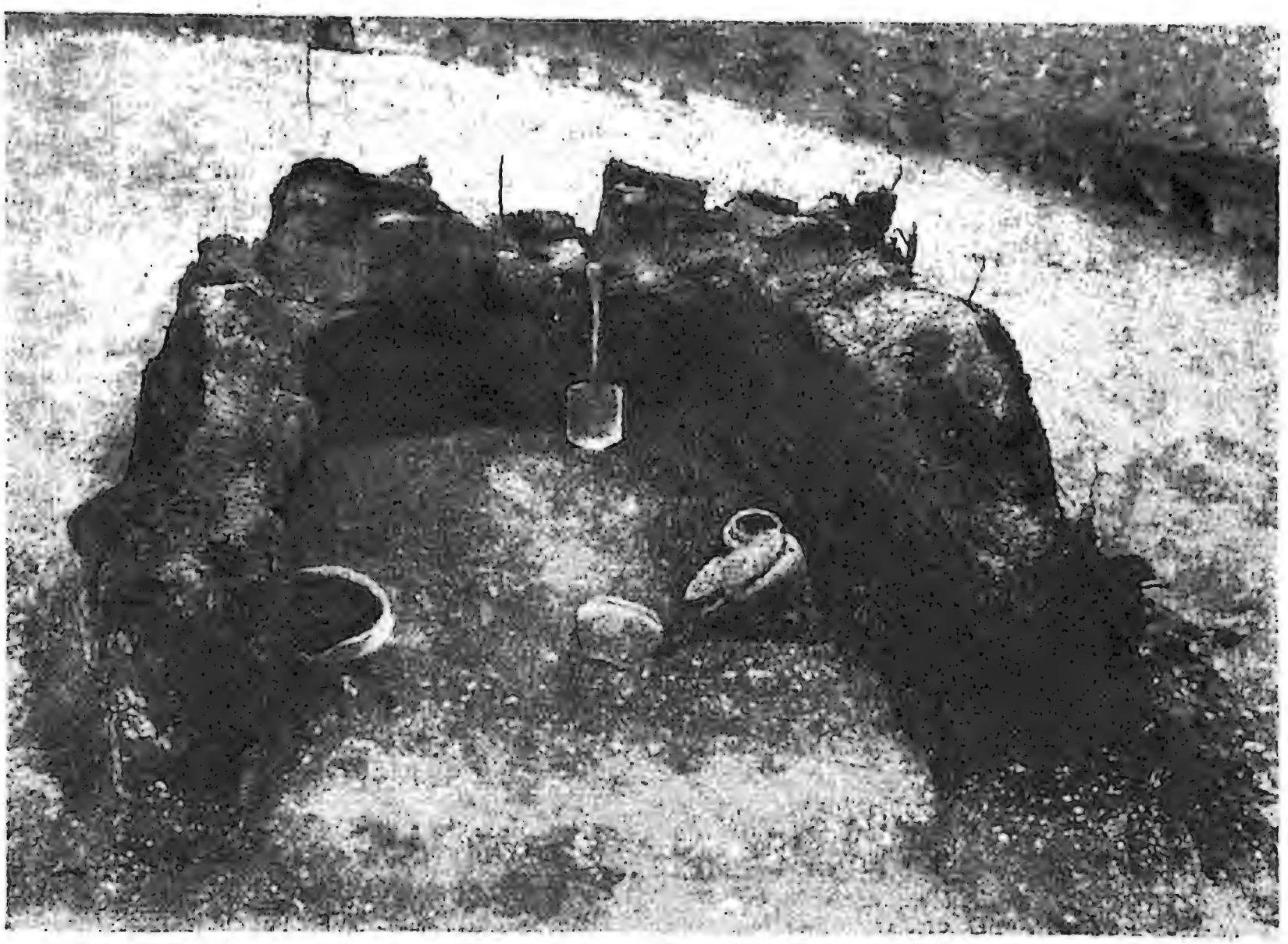


Рис. 47. Погребальное сооружение боршевских курганов Воронежской области.

В 1903 г. А. А. Спицын, опубликовавший сводку длинных курганов,[1] отнес их ко времени IX—X столетий н. э., с чем, однако, не были согласны другие исследователи, в част-

[1] Н. Н. Чернягин. Сопки и длинные курганы. Матер. и исслед. по археологии СССР, № 7, 1941.

[1] А. А. Спицын. Удлиненные и длинные курганы. Зап. Отдел. русск. и славянск. археологии Русск. археол. общ., т. V, вып. 1, 1903, стр. 195 и сл.

ности В. И. Сизов, изучавший эти памятники в верховьях Днепра и определивший их время VII—VIII столетиями н. э.[1] Исследования последующих лет, в частности раскопки К. Кудряшева в районе Гдова[2] и раскопки А. В. Тищенко на Мсте,[3] показали, что точка зрения А. А. Спицына была ошибочной (что было признано им самим)[4] и что длинные курганы появляются, начиная с VI—VII столетий н. э.

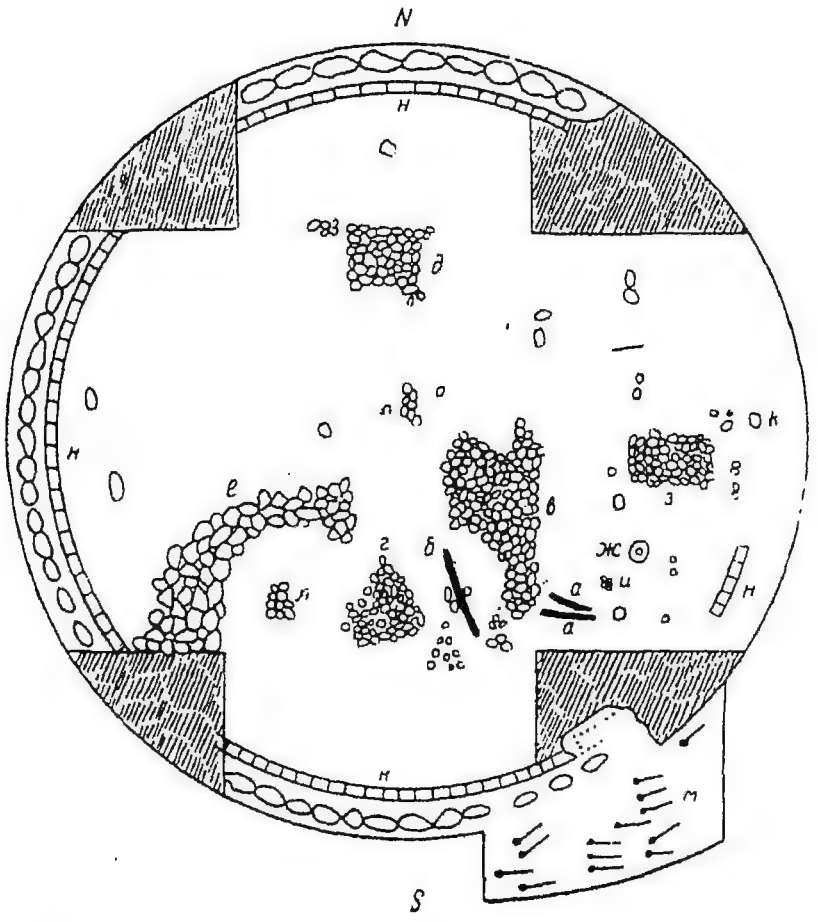


Рис. 48. План погребальных сооружений в сопке у с. Михаил Архангел на р. Волхове.

Область распространения длинных курганов очень значительна. В то время когда А. А. Спицын опубликовал первую сводку этих памятников, они были известны преимущественно в верховьях Днепра, в верховьях Западной Двины и в бассейне рек Ловати и Великой, т. е. в районах, расположенных к югу от озер Чудское и Ильмень. Восточнее, в верховьях Волги, длинные курганы были тогда почти не известны. Дальнейшее исследования показали, что область их распространения доходит до верхней Волги. Наиболее восточными пунктами их местонахождения является район Ярославля, что было известно еще и А. А. Спицыну.[1] Далее на восток и юго-восток эти памятники не встречаются. Там бытовали в эту эпоху совершенно иные формы погребений.

В последние годы длинные курганы были обнаружены в Верхнем Поволжье в двух пунктах: на правом берегу Волги у с. Охотина около г. Мышкина и у дер. Митино в устье р. Куксы между Калязиным и Угличем, также на правом берегу Волги. В последнем пункте курган был раскопан, и в нем обнаружены остатки двух сожжений, сопровождаемые небольшим лепным глиняным сосудом и бусами.

В своих работах А. А. Спицын рассматривал длинные курганы как погребальные памятники кривичей Начальной летописи. Если обратиться к карте, то это предположение представится более чем вероятным.[2]

Далее, здесь нельзя не привести следующего соображения А. А. Спицына, посвященного вопросу происхождения длинных курганов: «Если считать возможным самостоятельное появление у кривичей обряда погребения в длинных курганах, — писал он, — то мы позволим себе высказать предположение, что курганы этого типа ближе всего напоминают общий вид жилища; в пользу такого предположения особенно говорят основание этих курганов четырехугольной формы и вид боковых сторон, имеющих иногда форму скатов. Если принять, что отмечаемый у Нестора древнейший русский обряд погребения «на столбех на путех» есть не что иное как погребение в небольших домиках или домовищах, поставленных на сваях,[3] то переход от такого деревянного домовища к подражанию ему из земли был бы не очень далек.»[4]

Следует признать, что предположение А. А. Спицына блестяще подтвердилось. Длинные курганы действительно сменили древнюю форму погребальных сооружений в виде «домика мертвых», известного по раскопкам на городище у р. Сонохты. Смена погребального обряда произошла в ту эпоху, когда завершился трехвековой процесс изменения формы поселений, когда почти совершенно исчезло древнее расположение поселков группами. Обитатели поселений нового характера принадлежали, вероятно, к различным родам, к разным патриархальным общинам. В этих условиях старые формы погребальных сооружений,

---

[1] Там же, стр. 197.

[2] К. Кудряшев. Отчет о раскопках 1911 г. Зап. Отдел. русск. и славянск. археологии Русск. археол. общ., т. IX, 1913, стр. 241 и сл.

[3] А. В. Тищенко. Отчет о раскопках 1910—1911 гг. Изв. Археол. комисс., вып. 53, 1914, стр. 1—22.

[4] А. А. Спицын. Бежецкие древности. Бежецкий край, вып. 1. Бежецк, 1921, стр. 13.

[1] А. А. Спицын. Удлиненные и длинные курганы. Зап. Отдел. русск. и славянск. археологии Русск. археол. общ., т. V, вып. 1, 1903, стр. 202.

[2] Н. Н. Чернягин, ук. соч.

[3] «Не отсюда ли в наших сказках избушка на курьих ножках, без окон, в которой живет Баба Яга—костяная нога, бросающая в огонь людей, их пожирательница?» (Примечание А. А. Спицына).

[4] А. А. Спицын. Удлиненные и длинные курганы. Зап. Отдел. русск. и славянск. археологии Русск. археол. общ., т. V, вып. 1, 1903, стр. 202.

расположенных на площади поселков, оказались уже непригодными.

В IX—X вв. в Верхнем Поволжье, как и в других местах, занятых северными славянскими племенами, на смену длинным курганам и сопкам приходят обычные по формам круглые земляные насыпи, содержащие в себе одно, maximum два сожжения. Это уже индивидуальные погребальные сооружения, знаменующие собою окончательный распад патриархально-родовых отношений.

Подводя итог изложенному выше материалу, мы приходим, таким образом, еще к одному существенному выводу. Оказывается, Верхнее Поволжье входило в пределы той территории, на которой складывались восточнославянские племена и развивалась древняя славянская культура. К этому выводу нас приводит не только погребальный обряд, но и некоторые другие данные. Выше указывались славянские черты в глиняной посуде верхневолжских памятников середины и второй половины первого тысячелетия н. э. Вещи с эмалью вели нас опять-таки на юго-запад в область Среднего Поднепровья.

Глава V

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ О НАСЕЛЕНИИ БАССЕЙНА ОЗЕР НЕРО И ПЛЕЩЕЕВО В СЕРЕДИНЕ И ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ ПЕРВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.

1

Выше не раз указывались некоторые особенности, отличающие друг от друга население двух смежных районов Верхнего Поволжья — собственно Верхнего Поволжья и территории, лежащей восточнее, в бассейне озер Неро и Плещеево.

В керамике костромских городищ первого тысячелетия до н. э. можно было обнаружить некоторые черты, неизвестные в Верхнем Поволжье, сближающие эту керамику с посудой костеносных городищ и ананьинских могильников Прикамья. Обращали на себя внимание значительные различия в формах жилищ. Выше по Волге жилищем являлась деревянная, рубленая из бревен постройка, ниже по Волге жилище удерживало древние формы полуземлянки. Что касается экономики, то в этом отношении никаких заметных различий в материалах того и другого районов как будто бы не наблюдалось. То же самое следует сказать в отношении развития общественных отношений; в том и другом районах они параллельно претерпевали одни и те же видоизменения.

В памятниках середины и второй половины первого тысячелетия н. э. особенности культуры населения обоих районов Верхнего Поволжья выступают еще более четко, причем опять-таки эти особенности наблюдаются не столько в хозяйстве или в социальном строе населения, сколько в явлениях бытового порядка и идеологии. Другими словами, мы имеем здесь дело с особой окраской, с особенностями этнического характера, связанными бесспорно с конкретными условиями исторического развития населения двух смежных, но все же несколько различных районов.

В чем сказываются, однако, эти особенности? Разница в формах жилища удерживалась еще долгое время, и землянка существовала в юго-восточном районе вплоть до второй половины первого тысячелетия н. э., тогда как в другом районе жилищем уже давно служила рубленая из бревен постройка. Эта особенность является чрезвычайно существенной, так как жилище представляет собою один из важнейших элементов материальной культуры. Не менее существенными представляются различия, выявляемые в формах керамики. В Верхнем Поволжье посуда имела преимущественно вид высоких баночных горшков. В бассейне озер Неро и Плещеево мы встретим керамику несколько иной формы, тоже в виде горшков, но более широких, имеющих ребро на две трети высоты. Эта керамика напоминает посуду мордовских могильников, имеющую такую же ребристость. Особенно существенны, наконец, совершенно различные формы погребального обряда. Если в Верхнем Поволжье был распространен обряд сожжения с захоронением жженых костей в «домик мертвых» или в «длинный курган», то в области костромского течения Волги и бассейне озер Неро и Плещеево люди хоронили своих мертвых в рядовых могильниках, аналогичных окским, средневолжским и камским могильникам первого тысячелетия н. э., принадлежащих древним мордовским, муромским, удмуртским и марийским племенам.

Приведенные выше данные пока что еще очень неполны и далеко недостаточны для решения больших и сложных вопросов этногенетического порядка. Совершенно бесспорно лишь то, что с середины первого тысячелетия н. э. в результате сложения новых экономических отношений, получивших свое развитие вместе с разрушением патриархального строя с его замкнутой экономической жизнью, окончательно складываются в Верхнем Поволжье два обширных этнических массива. Население одного из них, с которым мы познакомились по материалам, приведенным выше, занимало верхнее течение Волги, население другого — район озер Неро и Плещеево и костромское течение Волги.

Обитатели верхнего течения Волги, без сомнения, принадлежали к группе северных восточнославянских племен, являясь, повидимому, наиболее восточной ветвью племени кривичей. Если обратиться к памятникам Верхнего Поднепровья, хорошо известным бла-

годаря работам археологов Белорусской ССР,[1] то сходство населения Поднепровья и Верхнего Поволжья станет вполне очевидным. На ряду с этим обнаруживаются и некоторые различия, прежде всего благодаря наличию в Поволжье известных особенностей, свойственных обитателям более восточных районов. Впрочем они вполне понятны, так как волжское славянское население во второй половине первого тысячелетия н. э. тесно соприкасалось со своими соседями благодаря разросшимся экономическим связям.

2

Население второго района, как мы сейчас убедимся, без особых колебаний может быть отождествлено с летописной мерей.

Несколько южнее оз. Неро, в 5 км от него, на р. Саре, около с. Диабол расположено известное Сарское городище, исследование которого производилось в прошлом столетии П. С. Савельевым[2] и А. А. Титовым,[3] далее в 1903 г. Н. К. Рерихом[4] и, наконец, в 1924—1925 гг. Д. Н. Эдингом.[5] О раскопках Д. Н. Эдинга, произведенных после 1925 г., автору этой книги ничего не известно, так как результаты их не опубликованы.

Исследование Сарского городища, представлявшего собою некогда памятник выдающегося научного значения, является одной из наиболее печальных страниц в истории археологических работ. Не говоря уже о раскопках П. С. Савельева, кладоискательский характер которых достаточно хорошо известен, следует указать, что и работы последующих лет носили в общем тот же самый характер. Раскопки велись путем вскрытия мелких участков, разбросанных в разных местах площади памятника. Такая же методика была применена и при раскопках Д. Н. Эдинга, который и не мог поступить иначе, так как значительных площадей, годных для исследования на городище, уже не было. В результате всех этих работ получен обширный вещественный материал, не расчлененный, однако, по слоям, хотя поселение, как мы увидим ниже, существовало здесь не менее пяти сотен лет. Лишь раскопками Д. Н. Эдинга были открыты на городище остатки жилищ и несколько выяснены его фортификационные сооружения. Однако эти данные настолько невелики, что представления о поселении в целом, о его планировке, расположении построек и ряда других существеннейших деталей мы не имеем. Следует также отметить, что на городище в XVII—XVIII столетиях было кладбище, и ряд участков его площади сильно попорчен могилами.

В 1928—1930 гг. рядом с городищем был открыт рядовой могильник, синхроничный древнейшим горизонтам культурных наслоений городища. Исследование могильника, произведенное Ростовским музеем, частью под руководством Д. А. Крайнова, дало большой материал, значительно дополняющий коллекции предметов, происходящих с городища.[1]

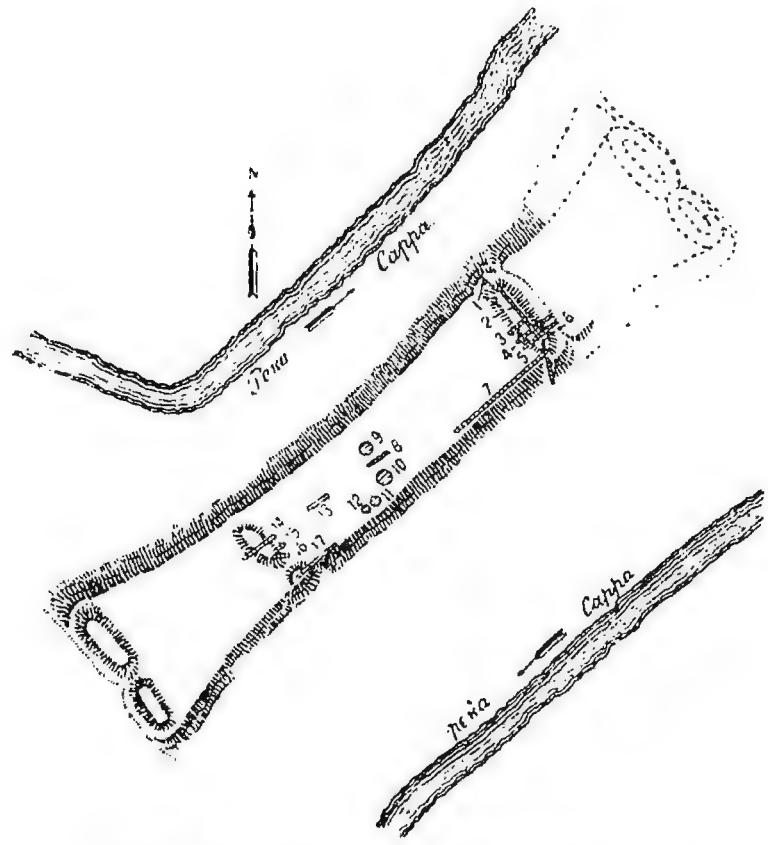


Рис. 49. План городища на р. Саре (по А. С. Уварову).

По общему характеру и своему расположению поселение на р. Саре несколько напоминало хорошо знакомый нам поселок на р. Сонохте. Оно занимало удлиненное всхолмление в пойме, огибаемое рекой с трех сторон. В настоящее время русло реки с юго-запада проходит в 40 м от подошвы всхолмления, с северо-востока — в 10—15 м. Следы старых русел показывают, что в древности река омывала склоны всхломления со всех сторон и лишь впоследствии отступила в сторону. Высота всхолмления над поймой р. Сары равняется в среднем 10 м (рис. 49).

Площадь, занятая культурными остатками, составляла не менее 12 000—15 000 кв. м. По данным П. С. Савельева видно, что поселение состояло из трех частей, отделенных друг от друга валами. Первая часть, северная, занимала оконечность возвышенности размером 3000 кв. м, ограниченную с юга валом. На

---

1 Працы катэдры археолёгіі I, Менск, 1928; Працы археолегічнай камісіі II, Менск, 1930; Працы сэкціі археолёгіі III, Менск, 1932.

2 А. С. Уваров. Меряне и их быт по курганным раскопкам. Тр. I Археол. съезда, т. II, стр. 32—33.

3 А. А. Титов. Ростовский уезд Ярославской губ. М., 1885, стр. 356 и сл.

4 А. А. Спицын. Владимирские курганы. Изв. Археол. комисс., вып. 15, 1905, стр. 94.

5 Д. Н. Эдинг. Сарское городище. Ростов Ярославский, 1928.

1 Приведенные ниже сведения о могильнике были получены автором от Д. А. Крайнова вместе с любезным разрешением сослаться на них в настоящей работе.

стрелке возвышенности также как будто бы имелся вал, разрушенный уже во времена П. С. Савельева. Вторая часть размером до 5000 кв. м, сохранившаяся до раскопок Д. Н. Эдинга, занимала среднюю часть всхолмления. Она также была ограничена земляным валом. Третья часть, площадью до 3500 кв. м, лежала в южном конце всхолмления, примыкающем к плато коренного берега, от которого ее отделяли последний вал и лежащий снаружи ров. При раскопках Д. Н. Эдинга было установлено, что культурные остатки встречаются и за последним валом; площадь их распространения осталась невыясненной. Здесь же, за последним валом, в нескольких десятках метров от него, а частью на площади городища, был открыт упомянутый выше могильник.

Следует думать, что части поселения, отделенные друг от друга валами, являются неодновременными, и первая из них, занимавшая северную оконечность всхолмления, была местом древнейшего поселения, к которому впоследствии примыкали новые и новые участки, в свою очередь укреплявшиеся валами. Во всяком случае, несомненно, что последняя, ближайшая к основанию всхолмления часть городища является более поздней, так как на ее площади под культурным слоем были обнаружены погребения могильника, располагавшегося некогда за пределами поселения. На материале раскопок разновременность частей городища не получила никакого отражения, и время различных частей поселения осталось совершенно неизвестным. Ясно лишь то, что поселение VII—VIII столетий располагалось не только в северной, но и в средней частях городища, так как именно отсюда происходит ряд вещей этого времени.

В валах городища были встречены настилы из пережженных бревен или плах, характер которых вследствие небольших размеров раскопов не мог быть точно установлен. По краю площадки открыты остатки деревянных защитных сооружений в виде ряда пригнанных друг к другу срубов с насыпанной внутрь землей. Ширина срубов составляла 5—5.30 м, длина 8.50 м. Так как внутрь срубов был насыпан культурный слой, то является очевидным, что эти укрепления относятся к позднейшему периоду поселения на р. Саре.

При раскопках 1924—1925 гг. в разных местах площади поселения были открыты остатки жилых сооружений, характер которых не был, однако, выяснен с исчерпывающей полнотой. Некоторые из них представляли собою остатки полуземлянок, другие же, относящиеся к верхнему горизонту культурного слоя, — остатки, повидимому, наземных построек.

Одна из землянок была открыта в центре средней части поселения. Ее остатки имели вид прямоугольной ямы, размером в верхней части 3.55 × 3.55 м,[1] углубленной в материк на 1.42 м. В одном из углов ямы находился очаг в виде буквы Г, сложенный из валунов. Неясны покатые стенки ямы, форма которых является, повидимому, результатом оползаний и обвалов. Нечто подобное было встречено также в южной части поселения, около его восточного склона. Там были обнаружены скопление обгорелых бревен и углубление в материке длиной 3.50 м, шириной 1.90 м и глубиной 0.53 м, в заполнении которого имелись валуны, керамика и куски обгорелого дерева.[2] Наконец, какая-то округлая яма с признаками очага в средней части была открыта за пределами валов.[3]

Остатками надземных жилищ являлись прямоугольные очаги, сложенные из валунов, лежащие не на материке, а в толще культурного слоя. Они были открыты в четырех местах в средней части поселения.[4] Остатки землянок могут быть отнесены к первым столетиям существования поселения; что же касается надземных жилищ, то их время из-за отсутствия локализации находок не может быть определено с достаточной точностью. Они относятся, вероятно, к концу существования поселения, т. е. к X—XI столетиям.

Итак, Сарское городище — это остатки укрепленного поселения, возникшего не ранее VI столетия н. э. Не утверждалось ли, однако, выше, что со второй половины первого тысячелетия н. э. укрепленные поселения в Верхнем Поволжье окончательно исчезают, сменившись поселками неукрепленными? Представляет ли собою поселение на р. Саре исключение из этого правила или же его следует рассматривать как явление особого порядка, не связанное с поселениями начала первого тысячелетия н. э.? Об этом последнем свидетельствуют размеры поселка, составлявшие в VII—VIII столетиях не менее 8000—10 000 кв. м. Действительно, как мы увидим ниже, поселение на р. Саре нельзя ставить в один ряд с укрепленными поселками эпохи патриархального строя. Оно не является в то же время каким-либо исключением из того правила, согласно которому происходило на этой территории развитие форм поселений, так как оно отражает дальнейшие, еще незнакомые нам этапы этого развития.

Тысячи предметов, в разное время найденные на Сарском городище и представляющие собою чрезвычайно яркий материал,[5] позволяют считать совершенно бесспорным, что

---

[1] Д. Н. Эдинг. Сарское городище. Ростов Ярославский, 1928, стр. 19—20. В дневнике (стр. 102—103) даны несколько иные размеры ямы, а именно — 2.73 × 3.55 м.

[2] Там же, стр. 20, 106.

[3] Там же, стр. 103.

[4] Там же, стр. 18—19.

[5] Материалы хранятся в Ярославском, Ростовском музеях, Московском музее изящных искусств и в Гос. Эрмитаже.

укрепленный поселок на р. Саре с первых же столетий своего существования являлся местом сосредоточения целого ряда производств, в первую очередь местом обработки металлов. Такой характер поселение сохраняло вплоть до X—XI столетий, когда жизнь на нем прекратилась, возможно, в связи с тем, что город, а иначе его нельзя назвать, был перенесен на оз. Неро, на место современного Ростова.

К раннему слою городища, время которого, как указано выше, определяется VII—VIII, а возможно, и VI столетием н. э., относится следующий вещественный материал. Прежде всего укажем датирующие вещи: большие проволочные височные кольца с замком в виде крючка и маленького щитка (рис. 50), представляющие собою поздний вариант височных колец стадии D рязанских могильников,[1] одно из которых мы видели среди материалов поселения на р. Сонохте (стр. 67); далее здесь имеются височные кольца с замком в виде раструба с одной стороны и острия с другого конца (рис. 50); характерным предметом VI—VII столетий является бронзовый браслет из круглого прута с концами в виде «утиных головок» (рис. 50);[2] наконец, к этому же времени, а возможно к несколько более раннему, относится харктерная пряжка, хорошо известная по древностям Средней Волги и Оки.

Железный топор-кельт, найденный на Сарском городище, несколько отличается от тех, которые мы встречали среди материала поселения на р. Сонохте. Там были топоры относительно короткие, здесь же топор длинный (рис. 50), аналогичный топорам Лядинского, Темниковского[3] и Подболотьевского[4] могильников, т. е. памятников конца первого тысячелетия н. э. К вещам древнего слоя относится ряд костяных изделий, как то: острия, наконечники стрел и прясла из головок трубчатых костей, знакомые по материалам поселения в устье р. Попадьинки, а также глиняные прясла простейших форм и железные ножи. Наконец, отметим льячки, один из которых имеет орнаментацию (рис. 50) и литейные формы; одна из них, открытая раскопками Д. Н. Эдинга, воспроизведена на рис. 50. Найдены шлаки железные и медные, а также железные крицы.

Значительно более яркий материал, характеризующий древнейшее население поселка на р. Саре, дает материал могильника. Как уже было указано, могильник располагался в непосредственной близости к поселению, в части всхолмления, примыкающей к плато коренного берега р. Сары. Могильник был обнаружен при разработке гравийного карьера, причем он сильно пострадал, и многие погребения были разрушены. Однако несколько десятков погребений исследованы путем раскопок; большая часть из них содержала остатки трупоположений, меньшая — остатки сожжений.

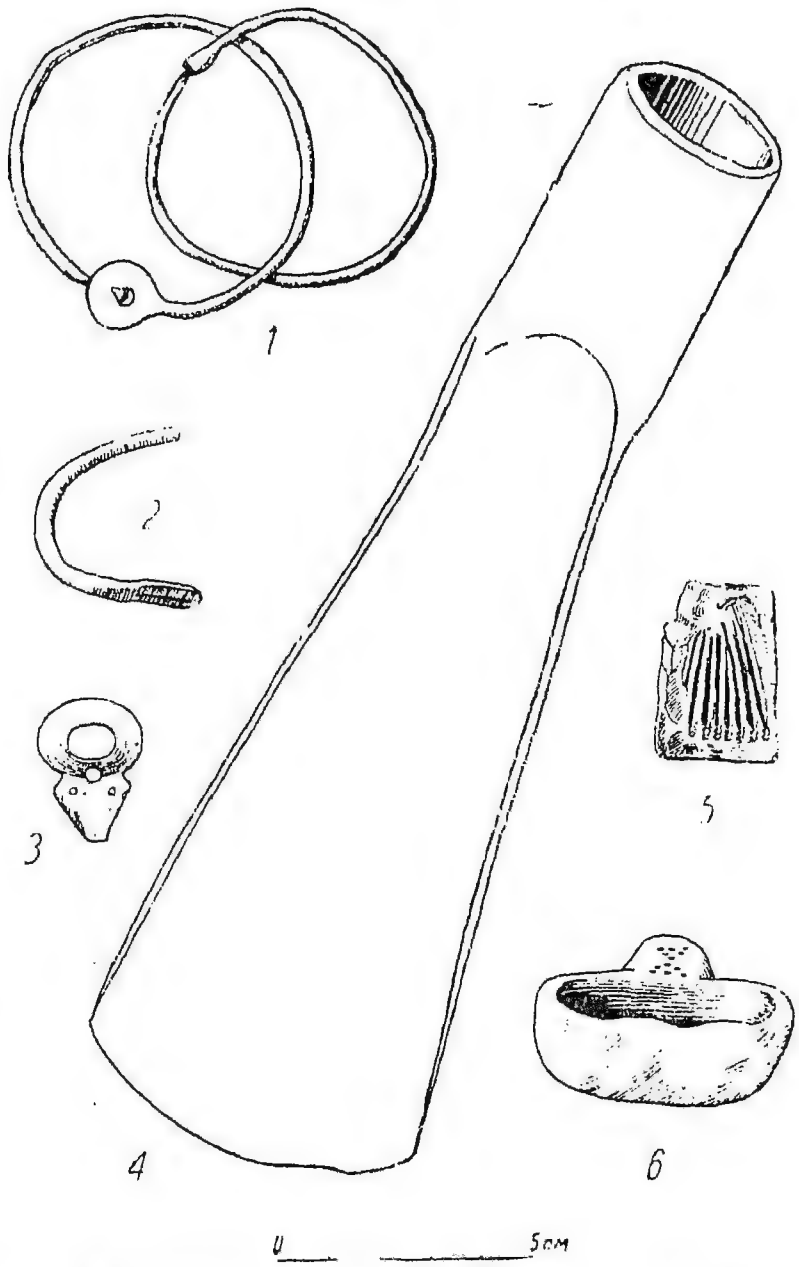


Рис. 50. Предметы из нижнего слоя городища на р. Саре.

Материалы могильника до сих пор не опубликованы. Здесь будет дана общая характеристика этого материала, хранящегося сейчас в Ростовском Гос. музее.

По своему общему характеру материал могильника чрезвычайно напоминает окские древности конца первого тысячелетия н. э., хорошо известные по поздним погребениям рязанских могильников[1] и по ранним погребениям Подболотьевского[2] и других муромских могильников; известные параллели имеются, наконец, в материалах Лядинского и Темниковского могильников.[3]

---

[1] П. П. Ефименко. Рязанские могильники. Матер. по этнографии, т. III, вып. 1, 1936, стр. 76.

[2] Там же.

[3] В. Н. Ястребов. Лядинский и Темниковский могильники Тамбовской губ. Матер. по археологии России, № 10, 1893.

[4] В. А. Городцов. Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 г. Древности, XXIV, 1914.

[1] П. П. Ефименко. Рязанские могильники. Матер. по этнографии, т. III, вып. 1, 1920, стр. 76.

[2] В. А. Городцов. Археологические исследования в окрестностях Мурома в 1910 г. Древности, XXIV, 1914.

[3] В. Н. Ястребов. Лядинский и Темниковский могильники. Матер. по археологии России, № 10, 1893.

Инвентарь мужских погребений Сарского могильника состоит из топоров-кельтов, иногда очень крупных, достигающих 20 см и более в длину, железных ножей, сохраняющих древнюю форму ножей с горбатой спинкой,

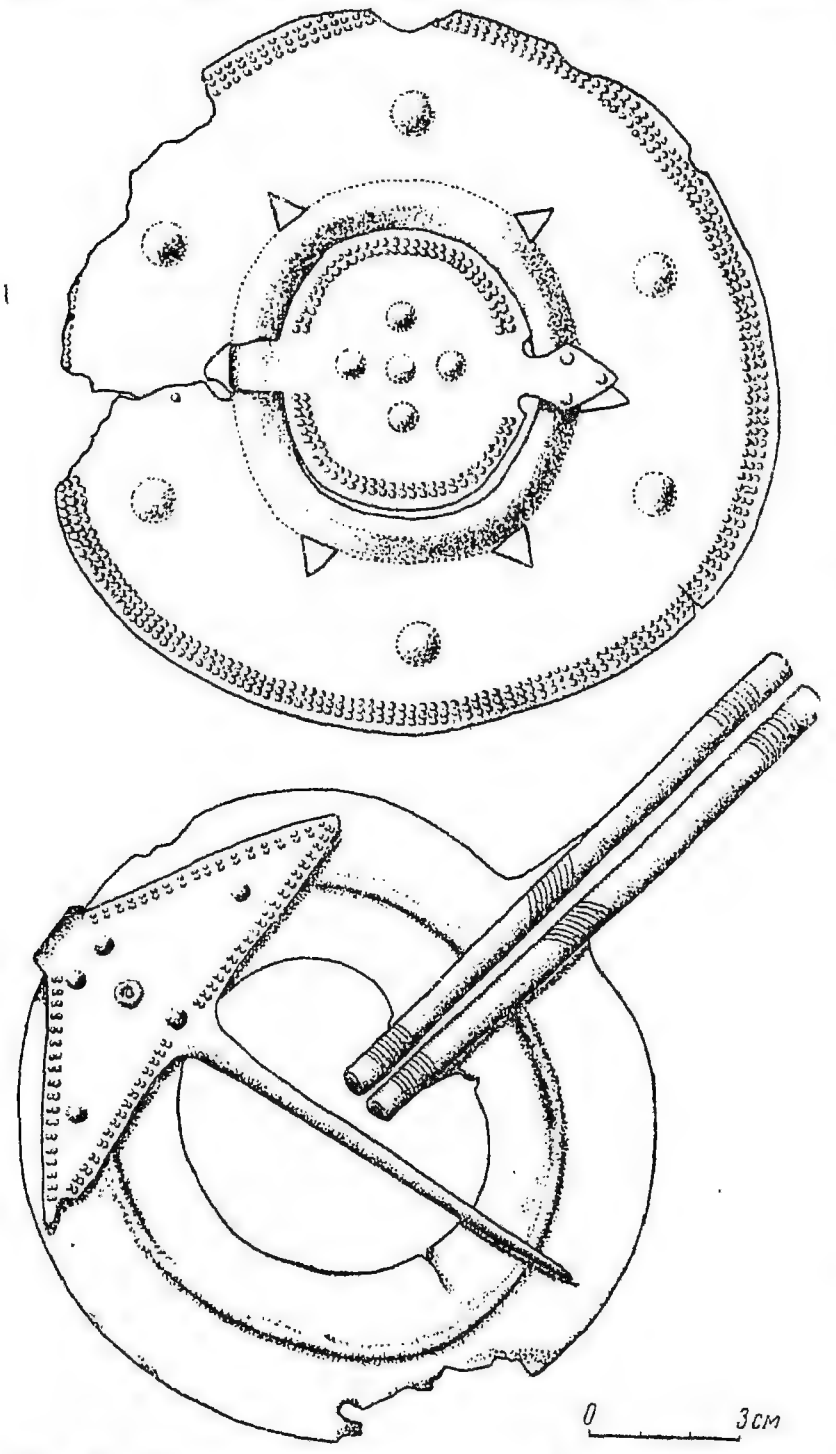


Рис. 51. Вещи из могильника около Сарского городища

вместе с которыми встречаются железные желобчатые обоймицы от ножен, поясных пряжек, железных или бронзовых и таких же поясных колец. В одном из мужских (?) сожжений, о котором скажем ниже, обнаружен обгоревший медный поясной набор.

Значительно богаче выглядит инвентарь женских погребений, состоящий преимущественно из предметов убора и украшения. Здесь имеются большие проволочные височные кольца с замком в виде круглого щитка или в виде полого конуса. Далее следуют украшения груди в виде больших бронзовых блях с «крышкой» круглой формы, в виде большой серебряной плоской застежки с «крылатой» иглой и длинными «усиками» (рис. 51) или же более простые в виде различных застежек с длинными усиками (рис. 52). К украшениям груди принадлежат также подвески — плоские в виде лунниц, пирамидальные (их особенно много), и небольшие шумящие (рис. 52). Украшениями рук служили простые проволочные или более сложные спиральные перстни и браслеты в виде спиральных поручней или из треугольного в сечении бронзового прута.

Несколько слов о керамике могильника, вполне соответствующей посуде нижних слоев Сарского городища. Из могильника происходят сосуды среднего размера, изготовленные от руки из глины с примесью зерен кварца, по фактуре мало отличающиеся от посуды верхневолжских городищ середины первого тысячелетия н. э. Значительные отличия наблюдаются, однако, в форме сосудов, представляющих собою низкие и широкие горшки, стенки которых, расширяющиеся снизу вверх, на две трети высоты, имеют резкое ребро, что верхневолжской керамике несвойственно. Параллели посуде Сарского могильника следует искать южнее, на Оке и ее притоках, где древняя мордовская посуда имеет еще более выраженную ребристость.

Обращает на себя внимание погребение, обнаруженное на участке 47, в траншее № 1. Это мужское (?) сожжение, заключавшееся в небольшой ямке, в которой, помимо пережженных костей, были встречены остатки пережженных на огне металлических украшений пояса и, что особенно интересно, литейная формочка из белого камня и глиняный льячек.

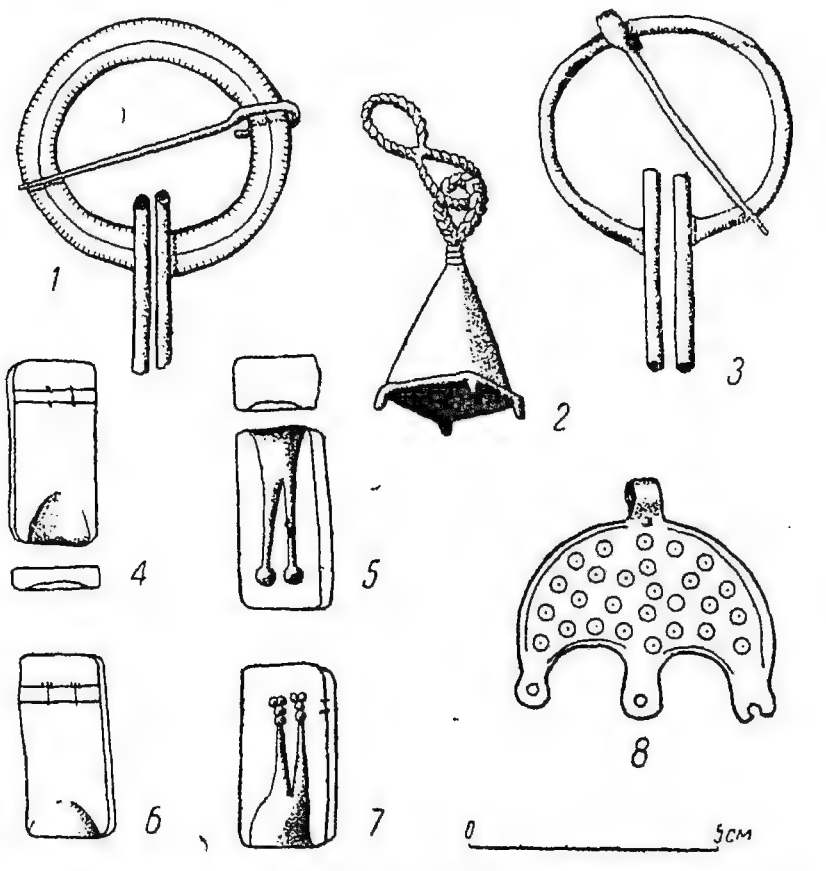


Рис. 52. Вещи из могильника около Сарского городища.

Несомненно это погребение ремесленника. Формочка служила для изготовления мелких частей бронзовых ажурных украшений (рис. 52).

Если обратиться к материалам окских могильников начала и середины первого тысячелетия н. э., погребения которых чрезвычайно богаты находками различных металлических предметов, то среди них ни разу не были обнаружены вещи, относящиеся к металлургическому делу, постоянно встречающиеся в то же время среди остатков поселений. Могильники конца первого тысячелетия этой же территории дают уже погребения ремесленников. Примером может служить известный Подболотьевский могильник, дающий целый ряд таких погребений, а именно — погребение 2, в котором были найдены клещи, наковальня, два молота, тигель и литейная форма; погребение 69, откуда происходят тигель и литейная форма; погребение 99, где были найдены клещи и молоток.[1] Точно такие же погребения кузнецов и меднолитейщиков имеются и в других окских могильниках конца первого тысячелетия н. э., в частности в могильниках около г. Мурома, исследованных Ф. Я. Селезневым.[2] Погребение меднолитейщика было встречено в ветлужском могильнике «Черемисское кладбище», относящемся к VIII—X столетиям.

Этот небольшой экскурс в материалы соседней территории был сделан для того, чтобы показать, что металлургический инвентарь сопровождал умерших далеко не всегда. Он начинает помещаться в могилу лишь с определенного периода, который является не чем иным, как временем перехода этого инвентаря из общинной собственности во владение отдельных лиц. И несомненно, что поселение на р. Саре, в могильнике которого было найдено погребение меднолитейщика, являлось сосредоточением уже не общинного металлургического производства, что имело место в поселениях на р. Сонохте и на Волге в устье р. Попадьинки, а производства ремесленного в точном значении этого слова. Поселение на р. Саре в VII—VIII столетиях н. э. представляло собою эмбрион ремесленного города, каким оно, действительно, стало в последующие столетия. Сарское городище — это остаток «торжища-города», возникшего еще в первобытную эпоху, на последних ступенях ее истории. «Предположение, что город возник в условиях феодального средневековья, такое же недоразумение, предубеждение европейской научной мысли с ее ограниченностью кругозора, как и то, будто буржуазия вырабатывалась в одной средневековой Европе. Город имеет свою историю с подлинно доисторических времен, не исключая переходную ступень развития, когда соответственный пункт являлся одновременно и селом или деревней и городом...». Это слова Н. Я. Марра, сказанные им в период его работ над языками народов Поволжья.[1]

Что касается верхних слоев Сарского городища, то на их материале мы не будем останавливаться подробно. По своему общему характеру этот материал вполне соответствует содержанию всех других северных восточноевропейских городищ эпохи IX—X столетий, таких, например, как Гнездовское городище или Старая Ладога. Помимо грубой лепной керамики и небольшого числа керамики, изготовленной на гончарном круге, а также ряда обычных предметов обихода, на Сарском городище в большем числе найдены изделия, определяющие городской ремесленный характер поселения. В первую очередь к ним относятся многочисленные тигли с заостренным дном, клещи, зубило, ножницы, топоры скобели, замки, ключи, прясла от веретен, найдены шлаки, а также слитки серебра и бронзы, куски железа и т. д. Установлено, что на поселении производились костяные орнаментированные гребни, столь обычные среди материалов IX—X столетий.

Интересно, что на ряду с этим богатым и разнообразным материалом не встречено ни одного земледельческого орудия, что лишний раз подчеркивает ремесленный характер поселения. Найдены были лишь жернова, но уже другой формы, чем те, с которыми мы встречались выше, не зернотерка, а круглый жернов с отверстием в средней части.

Из раскопок П. С. Савельева с Сарского городища происходит целый ряд восточных монет IX—X столетий, часть из них: 7 целых и 50 монет, рубленных на половинки и четвертинки, была найдена в виде клада.[2] При раскопках Н. К. Рериха были найдены обломки скандинавской фибулы.[3] Скандинавская фибула и застежки прибалтийских типов, а также восточные монеты были обнаружены на городище и при раскопках Д. Н. Эдинга.[4]

Таким образом, на материалах Сарского городища можно констатировать завершение того процесса, который прослеживался нами в предыдущей главе, а именно — процесса отделения ремесла от сельского хозяйства, процесса завершения второго крупного общественного разделения труда.

А. А. Спицын, очень интересовавшийся всегда Сарским городищем, рассматривал этот памятник как первоначальное место Ростова или же другого русского укрепления X сто-

---

1 В. А. Городцов. Археологические исследования в окрестностях Мурома в 1910 г. Древности, XXIV, 1914.

2 Ф. Я. Селезнев. Культура финнов средней Оки. Тр. Владимирск. Гос. музея, вып. II, Владимир, 1926.

1 Н. Я. Марр. Из переживаний до-исторического населения Европы. Чебоксары, 1925, стр. 12.

2 А. С. Уваров. Меряне и их быт по курганным раскопкам. Тр. I Археолог. съезда, т. II, стр. 198.

3 А. А. Спицын. Владимирские курганы. Изв. Археолог. комисс., вып. 15, 1905, стр. 94.

4 Д. Н. Эдинг. Сарское городище. Ростов Ярославский, 1928, стр. 32—33, 59.

летия.[1] После раскопок Д. Н. Эдинга, а особенно же в результате исследований могильника, стало ясно, что на площади городища находилось первоначально отнюдь не славянское поселение городского типа, которое лишь впоследствии, в X столетии, приобрело внешний облик древнерусского города.

Находками, резко отличающими материал Сарского городища от материалов русских городищ IX—X столетий, расположенных в более западных районах на Днепре или на Волхове, являются многочисленные «шумящие» подвески и другие украшения местных типов, лишний раз подчеркивающие, что населением городка были не пришельцы, а исконные жители этой территории. Наиболее характерной

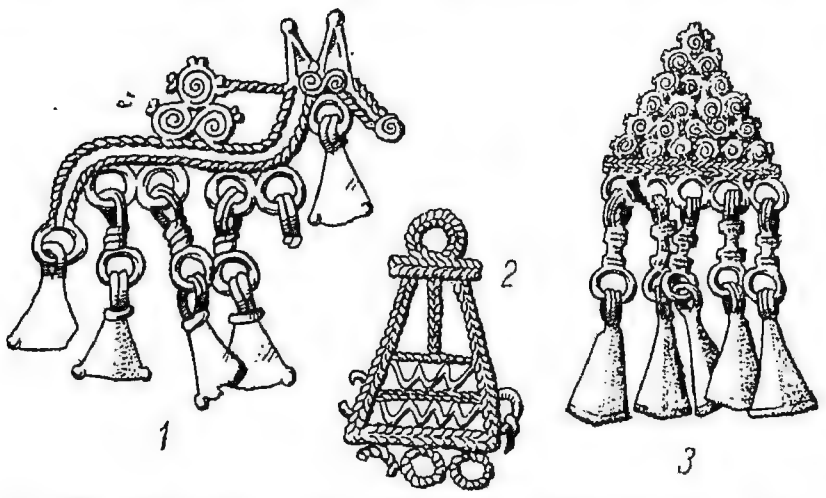


Рис. 53. Подвески в виде колька и треугольника с Сарского городища.

формой среди этих украшений являются ажурное изображение коня, а также ажурные треугольные «шумящие» подвески (рис. 53). Те и другие украшения неоднократно встречались на той же территории в курганах с сожжением IX—X столетий. В «Мерянской коллекции» А. С. Уварова имеется до двадцати экземпляров разнообразных коньков и до тридцати треугольных подвесок, причем как те, так и другие, по свидетельству А. А. Спицына, были встречены преимущественно в районе Переславля. В большем числе они были открыты в районе г. Шуи, в курганном могильнике у с. Вознесенского.[2] В окских и тамбовских могильниках этой эпохи украшения в виде коньков и треугольных подвесок встречаются чрезвычайно редко. Там преобладают прямоугольные ажурные «шумящие» подвески, хорошо известные по материалам Подболотьевского,[3] Максимовского,[4] Лядинского[5] и других могильников.

Интересно, что украшения в виде «коньков» и треугольных подвесок в районе костромского течения Волги и в бассейне озер Неро и Плещеево в несколько видоизмененных формах сохраняются вплоть до XII—XIII столетий, удерживаясь, однако, главным образом не в центральных областях этого края, лежащих вокруг феодальных городов, а по периферии, в частности — в области костромского течения Волги.[1]

Рядовые могильники в пределах древней мерянской земли известны в ряде пунктов.

Первым указанием на наличие таких памятников является трупосожжение, обнаруженное в 1893 г. у с. Подольского на берегу Волги ниже г. Костромы. Вместе с жженными костями оно содержало железный топор-кельт, наконечник копья и наконечник стрелы.[2]

В 1926 г. могильник с трупоположениями и трупосожжениями был открыт на берегу р. Тезы у с. Хотимль, около г. Шуи. Он был обнаружен при разработке карьера, нарушившего несколько погребений. Небольшие исследования в этом пункте произведены Б. Д. Граковым, которому удалось отыскать семь могил и яму от погребального костра. Большинство погребений оказалось мужскими. Четыре могилы содержали остатки трупосожжений, три — остатки трупоположений. Могильные ямы имели прямоугольные очертания и были вытянуты с запада на восток, за исключением одной, ориентированной с юга на север. В могилах с трупосожжениями вещи не носили на себе следов огня; они клались, следовательно, с погребенным уже после кремаций.[3]

Время могильника определяется VII—IX столетиями н. э. При мужских погребениях были встречены топоры-кельты, древние проушные топоры, наконечники копий, дротиков и стрел, пряжки от пояса и удила. В одном сожжении оказался большой обоюдоострый меч. В женском погребении найдены проволочные браслеты с расплющенными концами, застежки с «усиками», бусы и гладкая бронзовая гривна. Все эти вещи находят себе близкие параллели в погребениях стадии D рязанских могильников и в ранних муромских могильниках. На территории могильника были найдены бляхи поясного набора, хорошо известные по прикамским и южным древностям VII—VIII столетий, а именно — шесть трехконечных блях, одна четырехконечная и один прорезной наконечник пояса (рис. 54).

Наконец, в могильнике у с. Хотимль была встречена глиняная посуда, по форме вполне

---

[1] А. А. Спицын. Владимирские курганы. Изв. Археолог. комисс., вып. 15, 1905, стр. 94.

[2] Там же, стр. 92, 103.

[3] В. А. Городцов. Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 г. Древности, XXIV, 1914.

[4] А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. Матер. по археологии России, № 25, 1901.

[5] В. Н. Ястребов. Лядинский и Темниковский могильники Тамбовской губ. Матер. по археологии России, № 10, 1893.

[1] П. Н. Третьяков. Костромские курганы. Изв. Гос. Акад. истории матер. культуры, т. X, вып. 6—7, 1931.

[2] Археолог. изв. и заметки, 1894, стр. 358—361.

[3] Б. Д. Граков. Краткий отчет об археологических исследованиях. Третий год деятельности Иваново-Вознесенского губ. общ. краеведения (1926), Иваново, 1927, стр. 34 и сл.

соответствующая керамике могильника у Сарского городища, которая подробно охарактеризована выше.

Около могильника на р. Тезе, в 3 км от ее устья, у дер. Сергеево, известны два селища второй половины первого тысячелетия н. э., принадлежащие, повидимому, тому же населению.[1]

Недалеко от могильника у с. Хотимль, на той же р. Тезе, находится известный Холуйский могильник, исследованный А. А. Спицыным в 1895 г.[2] При раскопках были обнаружены пять погребений середины первого тысячелетия н. э., инвентарь которых, как известно, значительно отличается от инвентаря муромских погребений. Здесь была найдена своеобразная крестовидная фибула, бляшки от пояса, пряжка, низкие широкие глиняные сосуды и некоторые другие вещи.[3]

Имеется также ряд указаний, требующих проверки о наличии могильников конца первого тысячелетия н. э. в Александровском и Юрьевопольском районах.

Таким образом, таинственная меря Начальной летописи, породившая столько гипотез и споров в русской историографии, в скором времени вполне конкретно предстанет перед нашими глазами. На основании имеющихся сейчас незначительных данных можно утверждать, что меря принадлежала к кругу восточнофинских племен, составляя особую группу, несколько отличную, как от мордовско-муромских, так и от марийских племен. Судя по многочисленным трупосожжениям,

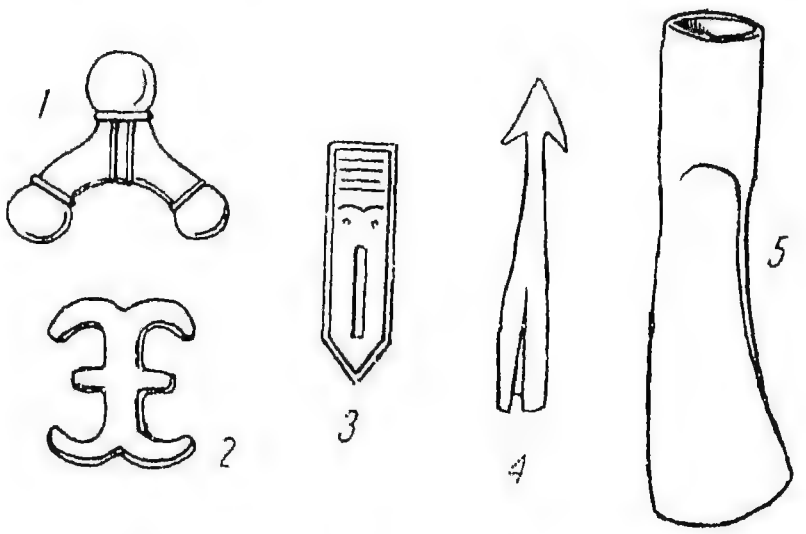


Рис. 54. Вещи из могильника у с. Хотимль.

открытым в мерянских могильниках, и по некоторым особенностям материальной культуры, мерянские племена имели что-то общее и со славянами. Этим вероятно и объясняется их дальнейшая судьба. Вопросы исчезновения мери, сыгравшей несомненно значительную роль в истории северных областей Древней Руси, и появления в Ростово-Суздальской земле русского населения уже выходят за пределы хронологических рамок этой книги.

[1] Б. Д. Греков, ук. соч. стр. 39.
[2] А. А. Спицын. Древности бассейна рек Оки и Камы. Матер. по археологии России, № 25, стр. 104.
[3] Там же, табл. XII, рис. 16, 17, 22—29.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I

ГОРОДИЩЕ У С. ГОРОДИЩА

I

Городище у с. Городища, на левом берегу Волги в 4 км ниже г. Калязина, особенно интересно тем, что оно является одним из ранних, а возможно, и самым ранним среди аналогичных памятников Верхнего Поволжья. Оно занимает один из отрогов высокого, 35-метрового коренного берега Волги, образованного двумя небольшими, но глубокими оврагами, русло которых располагается перпендикулярно к линии берега (рис. 4). Склоны городища чрезвычайно круты; его стрелка заканчивается отвесным обрывом, лишенным растительности. Овальная площадка городища, вытянутая с северо-запада на юго-восток, имеет некоторую покатость по направлению к стрелке. С напольной стороны городище было защищено 2 валами и глубоким рвом между ними. Размеры площадки составляют около 1500 кв. м, ее длина 55 м, ширина 30 м.

Площадка городища в течение длительного периода времени служила местом кладбища, заброшенного к середине прошлого столетия. Еще на памяти населения в центре площадки стояла небольшая часовня, вокруг которой по всему городищу были видны следы могил. Сейчас часовня разобрана, а площадь городища распахана и превращена в огород. Нетронутым остался лишь небольшой участок южной оконечности городища. Здесь был заложен раскоп площадью до 30 кв. м, разборку слоя в пределах которого, как будет видно ниже, осуществить полностью не представилось возможным, и он был сокращен до размеров 2×4 м, т. е. до 8 кв. м.

После снятия дерна и разборки слоя до глубины 25 см выяснилось, что в пределах раскопа не имеется ни одного квадратного метра площади, не нарушенной могилами. Культурный слой был переполнен песчаными и угольными вкраплениями, кусками перегнившего дерева, разрозненными человеческими костями. Древние культурные остатки в виде мелких обломков керамики встречались здесь очень редко. Понятно, что при таких условиях производить исследование всей намеченной вначале площади являлось нецелесообразным. Было решено вскрыть небольшую площадь с целью выяснения, имеются ли под слоем кладбища нетронутые горизонты культурных остатков эпохи городища. На возможность их сохранения указывали обнажения культурного слоя на склоне городища, обращенном к Волге. Там культурный слой достигал мощности 1.90 м, что могло несколько превышать глубину захоронений кладбища.

Слой кладбища имел мощность 1.50 м. Выемка этого слоя представляла собою исключительно трудную и сложную процедуру потому, что в пределах раскопа, сокращенного до размеров 2×4 м, пришлось разрушить 36 погребений с остатками колод, с остатками одежды и обуви, лежавших сплошной массой в три яруса. Следует иметь в виду, что раскоп был расположен у самого края площадки городища. Отсюда можно предполагать, что число погребений в центральных частях площадки городища, около места часовни, должно быть еще больше.

Под слоем кладбища был обнаружен нетронутый культурный слой эпохи городища, имевший мощность до 1 м.

Сделанные в этом горизонте находки оказались настолько интересными, что полностью вознаградили за труд, потраченный при разборке слоя кладбища.

В отличие от серовато-бурого по цвету слоя кладбища культурный слой городища, песчаный по материалу, имеет темносерую окраску. Он переполнен вкраплениями золы и мелких угольков. Сохраняя такой характер во всех горизонтах, культурный слой содержит прослойки углистого материала, песка, глины. Прослойки эти, достигающие толщины 0.05—0.10 м, имели обычно небольшое протяжение и случайные неправильные очертания в плане. Исключение составляют тонкие прослойки белого песка, одна из которых, верхняя, проходящая на глубине 1.30 м от поверхности ненарушенного культурного слоя, прослеживалась по всей северной стене раскопа (рис. 55); другая, лежащая на глубине 2 м, прослеживалась на всех четырех стенках. Особо нужно отметить слой коричневатого цвета, прослеживаемый на большом относительно пространстве, представляющий собою, повидимому, органический перегной.

Что представляет собою вся эта свита напластований, на основании данных, полученных при исследовании 8 кв. м, решить не представляется возможным. Наиболее простым решением этого вопроса является расшифровка напластований как результат оползания культурного слоя с более возвышенных мест площадки в более низкие. Однако, повидимому, мы имеем здесь дело с более сложным явлением, нежели результат простого оползания. Об этом говорят тонкие прослойки чистого песка и глины, которые следствием оползания быть никак не могли. Правильнее будет рассматривать это строение культурного слоя как результат постепенного подсыпания площадки городища, что уже неоднократно наблюдалось на ранних городищах Верхнего Поволжья.

На дне раскопа у восточной стены лежали рядом друг с другом 5 крупных валунов. Материковый песок под ними, имеющий в других местах светлую, почти белую окраску, был обожжен до красного цвета.

2

Культурный слой во всех своих горизонтах оказался переполненным культурными остатками: костями животных, орудиями из кости, поделками из кремня и камня, обломками глиняной посуды и изделиями из глины. Не считая костей животных, в слое найдено более чем 900 предметов.

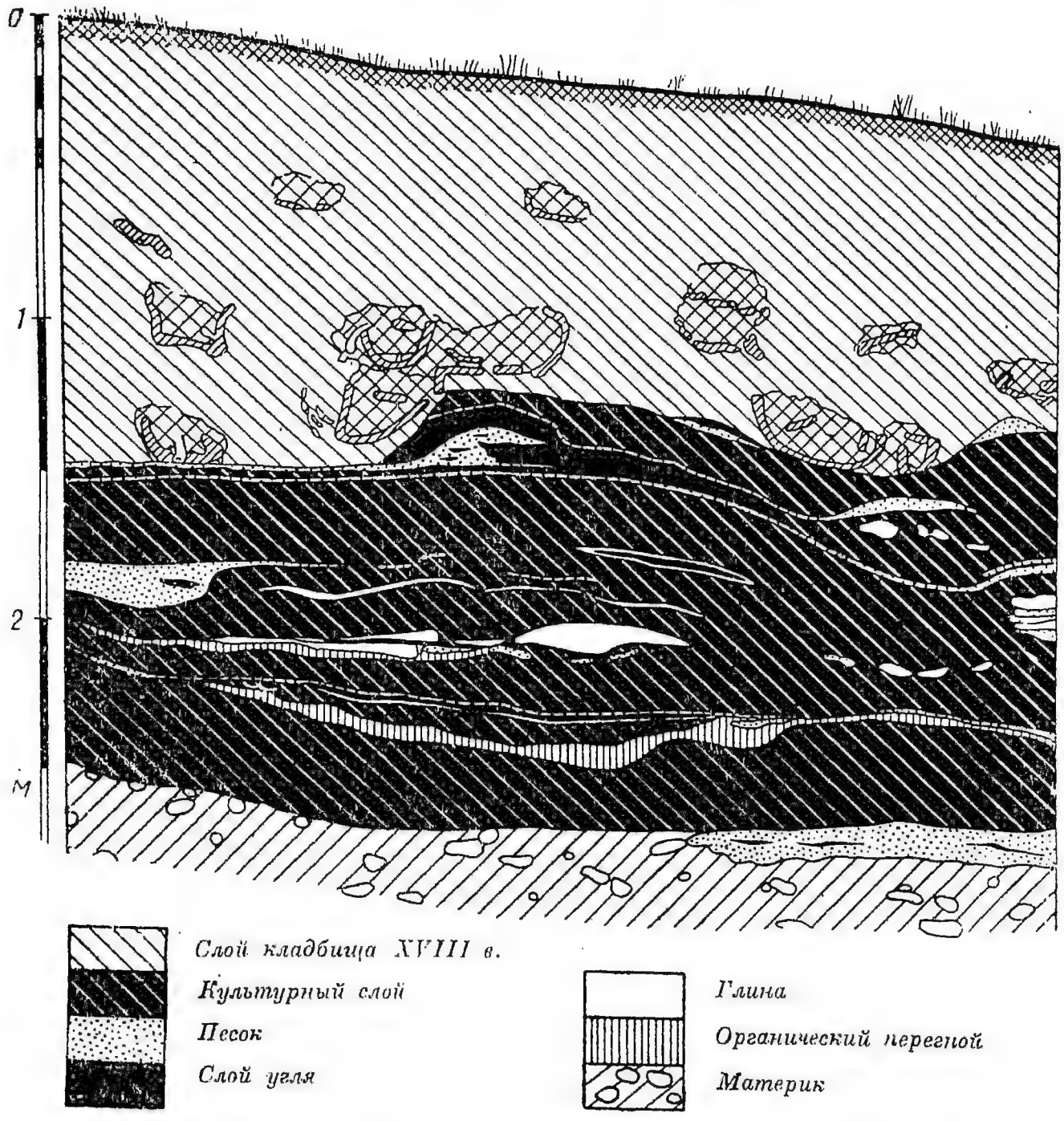


Рис. 55. Профиль культурного слоя на городище у с. Городища около г. Калязина.

На основании даже предварительного ознакомления с этим материалом становится ясно, что исследованный памятник является древнейшим среди других известных сейчас городищ Верхнего Поволжья.

Из находок обращают на себя внимание, прежде всего, костяные орудия, найденные в числе 27 в нижних горизонтах культурного слоя. Это большой костяной нож из лопатки лося, разбитой пополам вдоль и остро заточенной по линии разлома (рис. 5); 2 наконечника костяных гарпунов с 1 зубом — один целый, другой с обломанным концом; далее «тупик» из трубчатой кости лося, расколотой

вдоль, — орудие для обработки кожи (рис. 5); острие в виде шила и фигурный наконечник стрелы или дротика, отличающийся прекрасной выделкой (рис. 5). Другие костяные изделия являются не целыми орудиями, а обломками или же предметами, не законченными обработкой. Здесь есть части «тупиков» из ребер крупных животных, обломок небольшого костяного ножа, 2 заготовки наконечников стрел или дротиков и др. Все они, а также большое число обрезков кости и рога, являющихся отбросами производства костяных изделий, говорят о том, что кость и рог служили у населения городища едва ли не основным материалом для изготовления орудий, что характеризует городище, как очень древнее.

Кроме костяных орудий, в культурном слое городища найдено несколько орудий из камня, а именно — кремневые скребки и каменные песты. Особый интерес представляют, конечно, орудия из кремня. Найдены всего лишь 2 скребка, причем один из них приготовлен на сколе с призматического нуклеуса (рис. 5). Далее найдены 2 кремневых отбойника и 2 грубых нуклеуса, а также 42 отщепа и куски расколотого кремня. Каменных пестов найдено 3. Это продолговатые желваки кремнистых пород, имеющие на концах следы от многочисленных ударов. Найдены 2 обломка больших шлифовальных камней, а также зернотерка в виде вогнутой, овальной по форме каменной плиты, размером 19 × 32 см. Зернотерка была найдена в обрыве, и поэтому неизвестно, к какому слою она относится. Каменные орудия были найдены в нижнем слое. В среднем слое был встречен еще обломок небольшого оселка. Наконец, следует упомянуть о 2 фрагментированных «дьяковых» грузилах, найденных в среднем горизонте городища между глинистыми прослойками (рис. 14). Эти находки, особенно каменные орудия, также подтверждают большую древность городища, которое относится, однако, уже к эпохе металла, о чем говорит найденный при раскопках глиняный льячек в виде миниатюрного круглодонного ковшика (рис. 14). Металлические же изделия при раскопках обнаружены не были.

Большой интерес представляет найденная на городище керамика, различная в разных горизонтах культурного слоя. Несмотря на небольшие размеры раскопа, коллекция керамики насчитывает до 1000 номеров, что говорит о большой насыщенности культурного слоя остатками посуды. Их описание будет дано по слоям, начиная с первого, нижнего.

Благодаря тому обстоятельству, что культурный слой городища имел слоистое строение, очень легко было осуществить расчленение материала по горизонтам. Нижний слой городища, лежащий под первой глинистой прослойкой, дал керамический материал совершенно особого характера: в небольшом числе там была встречена керамика с «сетчатой» орнаментацией. Второй слой, лежащий между первой и второй глинистыми прослойками, дал исключительно эту последнюю керамику. Выше встречалась грубая «сетчатая» керамика, еще выше, в слое нарушенном могилами, керамика без орнаментации.

Особого внимания заслуживает керамика нижнего слоя. Здесь были найдены обломки 20—25 сосудов, по характеру глины, цвету и характеру обжига отличающихся от обычной посуды «дьяковых» городищ и приближающихся к более старой посуде. По обломкам можно судить, что это были плоскодонные сосуды с расширяющимися кверху выпуклыми стенками и суженным высоким горлом, прямым, несколько напоминающим горло фатьяновских «бомбовидных» сосудов или отогнутым наружу. Диаметр горла сосудов составлял от 20 до 30 см. Посуда была относительно толстостенной. Толщина стенок колеблется в пределах от 0.5 до 1.0 см. Стенки сосудов сплошь покрыты орнаментацией, состоящей либо из своеобразного «сетчатого» узора, либо из штриховки, напоминающей штриховку хвалынской посуды Среднего Поволжья. «Сетчатая» орнаментация большинства сосудов по первому впечатлению представляется в виде отпечатков тонкой веревочки, расположенных близко один от другого и покрывающих таким образом всю поверхность сосуда. Однако несомненно, что здесь имеют место не отпечатки веревки, а отпечатки ткани своеобразного строения, возможно, вязаной, а не тканой. Имеется «сетчатая» орнаментация и другого, более обычного характера, но весьма тонкая. Штриховка, покрывающая некоторые сосуды (до 20%), наносилась, видимо, травой или каким-либо другим материалом (рис. 6).

Верхняя часть сосудов, их горловина, орнаментирована иначе. Сосуды (в количестве 4 или 5) имели в верхней части сложную орнаментацию, состоящую из комбинации отпечатков веревочки, гребенчатых чеканов и ямочных вдавлений, образующих геометрические узоры (рис. 6). 10—12 сосудов имели орнаментацию, состоящую из ямочных вдавлений, круглых, овальных или треугольных, расположенных рядами или в виде несложных геометрических фигур (рис. 6). На одном из сосудов орнаментация была нанесена концом металлической трубочки (рис. 6).

Керамика второго слоя — это обычная ранняя посуда с «сетчатой» орнаментацией, состоящая из сосудов баночной формы. Характерной ее чертой является карнизик около дна (рис. 17). Профиль этих сосудов менее выражен, чем у предыдущих. Шейка у них прямая или несколько сужена и отогнута наружу. Цвет сосудов серый, глина имеет мелкую песчаную примесь или примесь зерен кварца. Дно, его внутренняя и наружная стороны и наружная сторона стенок покрыты обычным сетчатым узором. По шейке многие сосуды

орнаментированы рядами ямочных вдавлений (рис. 17). Размеры сосудов близки предыдущим. Один из сосудов этого слоя удалось восстановить. Его высота равна 29 см, диаметр дна 17 см, диаметр горла 25 см, толщина стенок 0.7—0.8 см. (рис. 17). Эта керамика несколько тонкостеннее предыдущей.

На границе культурного слоя и слоя кладбища была встречена «сетчатая» посуда иного характера. От предыдущей она отличается главным образом своим грубым, небрежно нанесенным орнаментом, наличием в глине грубых примесей (зерен кварца или шамота) и почти полным отсутствием какой-либо дополнительной орнаментации по шейке. Лишь на некоторых сосудах были ямочные вдавления (рис. 17, внизу). Обычно около дна «сетчатый» орнамент не наносился. Встречены здесь также обломки сосудов, вовсе лишенных орнамента.

В слое кладбища была встречена в мелких обломках обычная неорнаментированная посуда. Один из сосудов небольших размеров удалось частично восстановить (рис. 17, внизу).

Изучение костного материала, обнаруженного на городище, было произведено ученым специалистом Зоологического института Академии Наук СССР В. И. Громовой. Весь этот материал происходит из нижних горизонтов культурного слоя. Краткие результаты его изучения приведены в табл. 3.

Таблица 3

Наименование животного	Число костей	Число особей	Примечание
Домашние животные			
Лошадь домашняя	102	10	Очень мелкая
Бык домашний	131	8	» мелкий
Овца	22	3	
Свинья домашняя	87	7	Очень крупная
Дикие животные			
Лось	29	2	
Медведь	1	1	
Северный олень	1	1	
Благородный олень	1	1	
Лисица	2	1	
Куница или соболь	3	2	

ГОРОДИЩЕ У С. ГОРОДОК

1

У с. Городок, на правом берегу Волги, в 3 км выше Рыбинского железнодорожного моста, имеется древнее городище, к сожалению, сильно испорченное рекой, энергично подмывающей здесь свой коренной берег, а также деятельностью человека.

Городище занимает мыс высокого коренного берега, образовавшийся слева от устья глубокого оврага, по дну которого течет ручей Городецкий. Овраг выходит к линии волжского берега под острым углом, в результате чего стрелка мыса очень вытянута и представляет собою узкую полосу коренного берега, ограниченную с обеих сторон крутыми склонами к Волге и к ручью. Высота склонов составляет около 30 м. В настоящее время оба склона покрыты растительностью, но, повидимому, еще сравнительно недавно они были обнажены и подвергались разрушению. Поэтому современные размеры и форма площадки городища далеко не соответствуют тому, что было во время существования здесь поселка (рис. 8).

В основании стрелки мыса имеется несколько больших ям; некоторые из них являются остатками овинов, другие же, повидимому, образовались в результате добычи глины. Одна из этих ям, площадью 5 × 10 м при глубине до 3 м, была выкопана на месте, занятом культурными остатками, там, где были фортификационные сооружения городища. Последние, благодаря яме и выброшенной из нее земле, совершенно утратили свои очертания.

Длина сохранившейся части площадки городища составляет 80 м, ширина ее в основании составляет от 10 до 12 м, в середине от 5 до 8 м и в конце от 2 до 4 м. При такой незначительной ширине культурный слой естественно не мог удержаться на площадке городища, и поэтому она на ¾ своей площади лишена культурного и почвенного слоя. Лишь у основания площадки городища, около защитных сооружений, а особенно под землей, выброшенной из ямы, сохранился культурный слой мощностью до 0.35 м, вклинивающийся по направлению к стрелке. Площадь, занятая культурным слоем, составляет не более 150—200 кв. м; если же исключить участки, испорченные ямой, то эту площадь придется сократить почти в два раза. В процессе работ было также выяснено, что на площади городища, примыкающей к кладбищу, имеются поздние захоронения. В результате раскопок была вскрыта вся более или менее сохранившаяся часть площади, занятой культурным слоем. Всего было раскопано 132 кв. м, из них половина приходится на раскоп, заложенный на площадке городища, и другая половина — на траншею, прорезывающую остав-

шуюся часть фортификационных сооружений городища между ямой и склоном, обращенным к ручью (рис. 8).

Квадраты *1—4*, образующие участок размером в 16 кв. м, расположены по периферии культурного слоя, мощность которого составляет здесь от 0.18 до 0.25 м. Слой имеет коричневато-серую окраску, представляя собою по виду обычный почвенный слой, подстилаемый белым оподзоленным песком.

Квадраты *5—15*, *16—20*, *31* и *32—33*, в некоторой своей части скрытые под землей, выброшенной из ямы, имели культурный слой несколько иного характера, более черный, переполненный угольками и органическим перегноем, мощностью до 0.5—0.6 см. Культурные остатки обнаружены здесь значительно в большем числе, чем на предыдущих квадратах.

Наконец, квадраты *21—29* прорезали защитные сооружения городища, состоящие из 2 рвов, что ясно видно на рис. 8. Первый, внутренний ров, остатки которого были вскрыты на квадратах *21—23*, был очень небольшим. Его ширина составляла около 5 м, глубина около 2 м. Ров был почти целиком засыпан землей, выброшенной из ямы. Наружный ров, расположенный в 17 м от внутреннего, представлял собою весьма солидное сооружение, к сожалению испорченное деревянной постройкой XVII столетия. Ширина рва первоначально была равна 16 м, глубина составляла 2.50 м. Повидимому, ров имел почти плоское дно, а под его крутыми стенками были открыты канавки глубиной до 0.50 м при ширине 0.60—0.80 м, в которых, повидимому, стояли ряды вертикально поставленных бревен.

В XVII столетии, когда ров был засыпан землей более чем на половину своей глубины, в нем была выкопана прямоугольная яма, одно из поперечных измерений которой составляло 7.50 м. В яму был впущен сруб с деревянным полом. Постройка погибла от пожара; на дне ее найден железный топор характерной формы и обгорелые зерна.

Впоследствии все это было засыпано 2-метровым слоем земли, выброшенной из ямы.

Квадрат *28* прорезал погребение с остатками гробовища без вещей, относящихся, вероятно, к XVIII—XIX столетиям.

В пределах раскопа в материке открыто около 20 ям от столбов преимущественно очень небольших размеров. Диаметр ям составлял не более 0.20—0.25 м, глубина в материке 0.15—0.20 м. Какой-либо системы в расположении ям усмотреть нельзя.

Более интересную находку представляют собою остатки сооружения на квадрате *14*. Там было открыто на 0.05 м выше горизонта, т. е. на уровне старой почвы, кольцо из камней диаметром несколько более метра, по краям которого располагались 2 ямы от вертикально стоявших столбов. Ни камни, ни земля внутри каменного кольца не носили никаких следов огня, так что это сооружение не является остатками очага. Повидимому, это была какая-то маленькая постройка хозяйственного назначения, обложенная камнями.

2

На городище сделано относительно очень небольшое число находок, однако настолько интересных, что на них необходимо остановиться подробнее.

На центральных квадратах раскопа, там, где мощность культурного слоя достигала 0.50—0.60 м, его разборка производилась по двум горизонтам, верхнему и нижнему, причем оказалось, что они дают несколько различный материал. Если обратиться к керамике, то в нижнем горизонте была встречена посуда, соответствующая первому слою городища у с. Городища; в верхнем горизонте найдена посуда, также вполне соответствующая второму слою того же городища. А так как площадь раскопа здесь была гораздо больше, чем у с. Городища, и полученный материал обильнее, мы имеем более полное представление об этой древнейшей керамике верхневолжских городищ. Что касается других находок, то, помимо керамики, в верхнем слое были встречены железный нож и шило, а в нижнем слое — ряд каменных орудий. В том и другом слоях, наконец, были встречены точильные камни, песты, жерновки и т. д. Костяных изделий на городище не найдено, так как органические остатки сохранились в культурном слое чрезвычайно плохо. Несколько десятков костей было встречено лишь в нижних горизонтах культурного слоя в тех местах, где он был прикрыт глиной из ямы. Результаты определения этих костей, произведенного В. И. Громовой, представлены на табл. 4. В дальнейшем описание материала будет вестись по горизонтам культурного слоя. Находки же из первых четырех квадратов, где культурный слой имел мощность не более 0.25 м, будут выделены особо.

В верхнем горизонте культурного слоя встречены обломки керамики с «сетчатой» орнаментацией, железный нож, точильные камни, льячек, небольшая зернотерка и несколько каменных пестов.

Обломки глиняной посуды принадлежат сосудам небольшого размера (диаметр от 15 и до 5 см) с плоским дном, выпуклыми стенками и прямым, мало профилированным горлом. Сосуды тонкостенны, изготовлены из глины с мелкой песчаной примесью и слабо обожжены. Их поверхность сплошь покрыта тонким «сетчатым» узором, представляющим собою отпечатки тканей и плетенок. Плоские днища сосудов с карнизиком по краю имеют «сетчатый» орнамент как снаружи, так и внутри. По горловине и по плечикам сосудов

Таблица 4

Наименование животного	Число костей	В процентах	Число особей	В процентах	Примечание
Домашние животные					
Лошадь	37	53	3	30	Очень мелкие виды
Бык	26	37	3	30	
Свинья	4	5.5	2	20	
	67	95.5	8	80	
Дикие животные					
Бобр	2	3	1	10	
Медведь	1	1.5	1	10	
	3	4.5	2	20	

имеются добавочные несложные узоры, состоящие из ямочных вдавлений. Эта керамика может быть названа характерной посудой II группы нашей классификации. Обнаруженные обломки принадлежат 30—35 сосудам.

Железный нож имеет прямую спинку и массивный черешок. Его длина 10 см, длина черешка 4 см, ширина лезвия 1.5 см (рис. 10).

Глиняный льячек найден в фрагментированном виде. Он имел очень миниатюрные размеры. Ширина ложки 2.5 см.

Зернотерка представляет собою естественную плиту крупнозернистого камня с вогнутой рабочей поверхностью. Ее длина 28 см, ширина 13 см (рис. 10). Точильные камни представляют собою естественные удлиненные плитки камня, приспособленные для работы. Точильные камни найдены в большинстве случаев во фрагментах.

Значительно богаче и разнообразнее материал второго горизонта культурного слоя, состоящий, однако, почти исключительно из керамики. Помимо керамики, здесь нашли несколько пестов, орнаментированное прясло, обломки литейных форм (?), осколки и отщепы кремня и большой точильный камень.

Обломки керамики принадлежат сосудам, разнообразным по размерам, орнаментации и форме. По составу глины и фактуре керамика мало отличается от неолитической посуды, имеет желтоватую или бурую окраску, толстые стенки и значительные размеры. Обломки принадлежат 30 сосудам.

Прежде всего остановимся на 3 сосудах, ближе всего напоминающих неолитические. Они изготовлены из глины с песчаной примесью, имеют сверху желтую окраску, в изломе цвет глины темносерый. Поверхность сосудов гладкая, «сетчатый» орнамент отсутствует. Сосуды имели узкое уплощенное дно, сильно расширяющиеся кверху стенки и несколько суженную горловину. Первый сосуд имел горло диаметром 20 см, дно — 14 см, толщину стенок 1 см. По плечикам имелась орнаментация, состоящая из удлиненных ямочных вдавлений, расположенных по три (рис. 9). Второй сосуд, диаметром 20 см, имел стенки толщиной 0.7 см. Его орнамент состоял из двух рядов круглых ямочных вдавлений (рис. 9). Третий сосуд меньшего размера, чем оба предыдущие, имел орнаментацию из ямочных вдавлений, образующих на горловине двойную зигзагообразную линию, а по плечикам треугольники.

К этим сосудам по фактуре близко примыкает еще 1 сосуд с горловиной диаметром 16 см и стенками толщиной 5 см, покрытый «сетчатой» орнаментацией и удлиненными ямочными вдавлениями в верхней части (рис. 9).

Один из сосудов нижнего горизонта культурного слоя удалось реставрировать целиком. Он имеет форму широкого горшка с дном (диаметр 18 см) и горлом (диаметр 35 см). Высота сосуда 27 см. Он изготовлен из глины с песчаной примесью. Стенки сосуда покрыты своеобразным «сетчатым» орнаментом. По горловине проходит узор из ямочных вдавлений, образующих полосу с треугольными фестонами (рис. 10, вверху).

Два больших сосуда, представленные каждый значительным числом обломков, имеют поверхность, покрытую штриховкой, а верхние части украшены веревочными отпечатками. Диаметр горла первого сосуда 35 см, толщина стенок 1 см (рис. 9); диаметр второго сосуда около 30 см, толщина стенок 0.8 см.

Имеются обломки еще 1—2 сосудов со штриховкой. Что касается орнаментации горла оттисками веревочки, то такой узор имелся еще на 15 сосудах (рис. 9), среди которых особо выделяется один со сложной орнаментацией, состоящей из рядов оттисков веревочки и тонких гребенчатых вдавлений, образующих замысловатый узор. Тулово сосуда имело «сетчатую» орнаментацию (рис. 9).

Следует еще отметить обломки одного сосуда со сложным орнаментом из отпечатков гребенчатого чекана и четыре или пять сосудов с «сетчатыми» отпечатками, напоминающими ряды оттисков нитей. Здесь для орнаментации была применена ткань особого строения.

Среди других находок бросаются в глаза 2 глиняных конуса, обломанных в основании, с небольшими и неровными продольными отверстиями. Один из них разбит вдоль (рис. 10). Повидимому, это обломки примитивных литейных форм.

Глиняное пряло, найденное в нижнем горизонте, имеет форму уплощенного шара. Его диаметр 5.5 см, высота 3 см, диаметр отверстия 0.9 см. Верхняя сторона пряла орнаментирована неглубокими ямочными вдавлениями. По составу глины пряло не отличается от других керамических изделий (рис. 10).

Любопытной находкой является точильный камень. Это плита песчаника, размером 18 × 29 см, неровная поверхность которой в ряде мест сильно заточена (рис. 10).

Во многих местах были найдены осколки и отщепы кремня, среди которых имеется 1 со следами употребления в качестве кресала.

Остается перечислить находки, сделанные в первых четырех квадратах, где культурный слой был настолько тонок, что не представилось возможным делить его на два горизонта. Там были найдены, помимо обломков керамики, железное шило, обломки 2 точильных камней из плиток песчаника, 3 кремневых скребка (рис. 10), несколько отщепов и осколков кремня и, наконец, 2 обычных песта из валунов.

Керамический материал из этих квадратов, состоящий всего лишь из нескольких десятков обломков, принадлежит посуде из верхнего и нижнего слоев.

В заключение следует указать, что рядом с древним городищем, за его валами, имеется культурный слой с находками более позднего времени, а именно — конца первого и начала второго тысячелетия н. э.

Приложение III

СЕЛИЩЕ У ВЛАДИМИРСКИХ ХУТОРОВ НА Р. МОЛОГЕ

Обнаруженные в 1933 г. остатки древнего поселения у Владимирских хуторов на р. Мологе[1] находятся в 2 км выше судоверфи им. Дзержинского, на краю правого берега р. Мологи, точнее — на берегу старого русла последней (рис. 56), около крайних от судоверфи домов поселка Владимирские хутора, расположенных на месте бывшего здесь некогда парка имения Мусина-Пушкина. Песчаный берег, на котором расположено селище, ежегодно разрушается в половодье. В обрыве берега, под почвенным слоем и слоем песка мощностью в 0.15 м, виден черный культурный слой толщиной до 0.15—0.25 м, тянущийся вдоль берега на расстоянии 100 м и в обе стороны. В почвенном слое и слое белого песка были сделаны находки обломков современной керамики, стекла и т. д. Слой этот представляет собою искусственную насыпь, покрывавшую аллею парка, от которого сохранился ряд деревьев, следы клумб и др. Возможно, что при планировке парка была снята часть культурного слоя.

В настоящее время от селища сохранились лишь незначительные остатки: его окраина. Средняя часть селища располагалась на участках, уже давно смытых рекой. Пробные раскопы показали, что в 5—6 м от современного края берега культурный слой повсеместно выклинивается. В средней части селища культурный слой сильно разрушен овражками и проходящей здесь дорогой.

Исследование культурного слоя было произведено двумя раскопами на краю берега, в расстоянии 50 м один от другого. Размеры первого раскопа составляли 2 × 12 м, размеры второго — 2 × 22 м. В обоих раскопах стратиграфия оказалась совершенно однородной, такой, какая дана выше при описании обнажений. Следует лишь указать, что в 2 м от края берега культурный слой уже терял интенсивную черную окраску и начинал местами выклиниваться. Находок в слое обнаружено небольшое количество. Достаточно указать, что в обоих раскопах, общая площадь которых составляла около 70 кв. м, было собрано всего лишь около 50 мелких фрагментов глиняной посуды, из которых около 10 оказались орнаментированными «сетчатым» узором, другие же были лишены орнаментации.

---

[1] Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг., т. I. Изв. Гос. Акад. истории матер. культуры, вып. 109, 1935, стр. 140.

Приложение IV

ГОРОДИЩЕ КРУГЛЕЦЫ У С. ОХОТИНА

1

В 2 км ниже г. Мышкина, у с. Охотина, на правом берегу Волги, на краю коренного берега, справа от устья ручья Круглецкого имеются остатки древнего городища, впервые обнаруженные в 1933 г.[1] Городище занимало некогда мыс берега, ограниченный, с одной стороны, обрывом, обращенным к Волге, с другой стороны — крутым склоном, обращенным к ручью, впадающему в Волгу под острым углом к линии ее берега. Высота берега над уровнем бечевника составляет 8 м. Со стороны плато коренного берега городище было ограничено валом и рвом.

В настоящее время памятник почти целиком смыт Волгой, энергично подмывающей здесь свой правый берег. От городища сохранились лишь кусочек вала длиной около 4 м, такая же часть рва и участок площадки городища, примыкающей к валу, размером не более 5—6 кв. м (рис. 57). Этот участок и подвергся раскопкам, давшим следующие результаты.

На глубине 0—0.20 м по всей площади раскопа лежал коричневый песчаный слой, переполненный галечником. Это материал, сползший с вала.

На глубине 0.20—0.65 м черный по окраске и песчаный по структуре культурный слой у вала переходит в песчано-галечную насыпь. Встречены мелкие обломки керамики с «сетчатым» орнаментом, 2 железных ножа, зубы лошади и большое количество жженого камня.

Среди подземного материала, собранного в обнажениях городища, помимо обломков керамики, имеется кольцо железной застежки со спиральными концами.

Вал городища, сложенный из песка и гальки, при ширине около 4 м, имел мощность, равную 1.30 м, считая от горизонта погребенной почвы. Остатки рва сильно деформированы, но, повидимому, его ширина не превышала 4—5 м при глубине 1 м.

2

По керамическому материалу можно судить, что городище является весьма древним и возникло, вероятно, в II—I столетиях до н. э. Это следует, прежде всего, из характера «сетчатой» орнаментации ряда фрагментов, относительно тонкой и аккуратной, представляющей собою отпечатки ткани и плетения. Среди этого материала имеется 1 фрагмент прямой шейки «бомбовидного» сосуда с зональной орнаментацией, выполненной тонким и зубчатым штампом и ямочными вдавлениями (рис. 12). Архаическими являются также железные ножи, имеющие горбатую спинку, и характерный массивный черешок (рис. 12).

Более поздним материалом является керамика с грубой «сетчатой» орнаментацией и без орнамента, с гладкой вылощенной поверхностью, которая появилась в Верхнем Поволжье в III столетии н. э. Количество этого материала среди другого более раннего, однако, совершенно ничтожно.

Железная фрагментированная застежка, найденная в осыпях городища, изображена на рис. 12. Она изготовлена из округлого в сечении железного прута с суженными концами, свернутыми в спирали.

Приложение V

ГОРОДИЩЕ В УСТЬЕ ГРЕХОВА РУЧЬЯ

1

Около дер. Новоселки, в 7 км выше г. Углича, на правом берегу Волги имеются незначительные остатки городища, почти совершенно размытого Волгой. Судя по его частям, которые сохранились до настоящего времени, можно заключить, что городище занимало узкий и удлиненный мыс коренного берега Волги, образовавшийся вправо от устья глубокого и широкого оврага, по которому протекает Грехов ручей (рис. 58). В настоящее время площадка городища смыта почти целиком, и от памятника сохранились склон, обращенный к Грехову ручью, незначительный участок площадки, размером не более 100 кв. м, и часть валов. Обращенная к Волге часть памятника представляет собою обнаженный обрыв высотой около 20 м. Вдоль вершины обрыва видны в разрезе заплывший ров, 2 вала и черный углистый культурный слой, достигающий мощности 0.50 м, а в отдельных случаях и 0.90—1.00 м.

Изучение естественного разреза наслоений (рис. 59) выявило: что наружный ров городища при ширине 7 м имел глубину, равную всего лишь 1 м; что основной вал, имеющий ширину в основании 10.50 м, а высоту над уровнем погребений почвы 1.60 м, насыпался в два срока, причем между нижним и верхним гори-

[1] Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг., т. I. Изв. Гос. Акад. истории матер. культуры, вып. 109, 1935, стр. 159.

Рис. 56. Вид селища у Владимирских хуторов на р. Мологе.

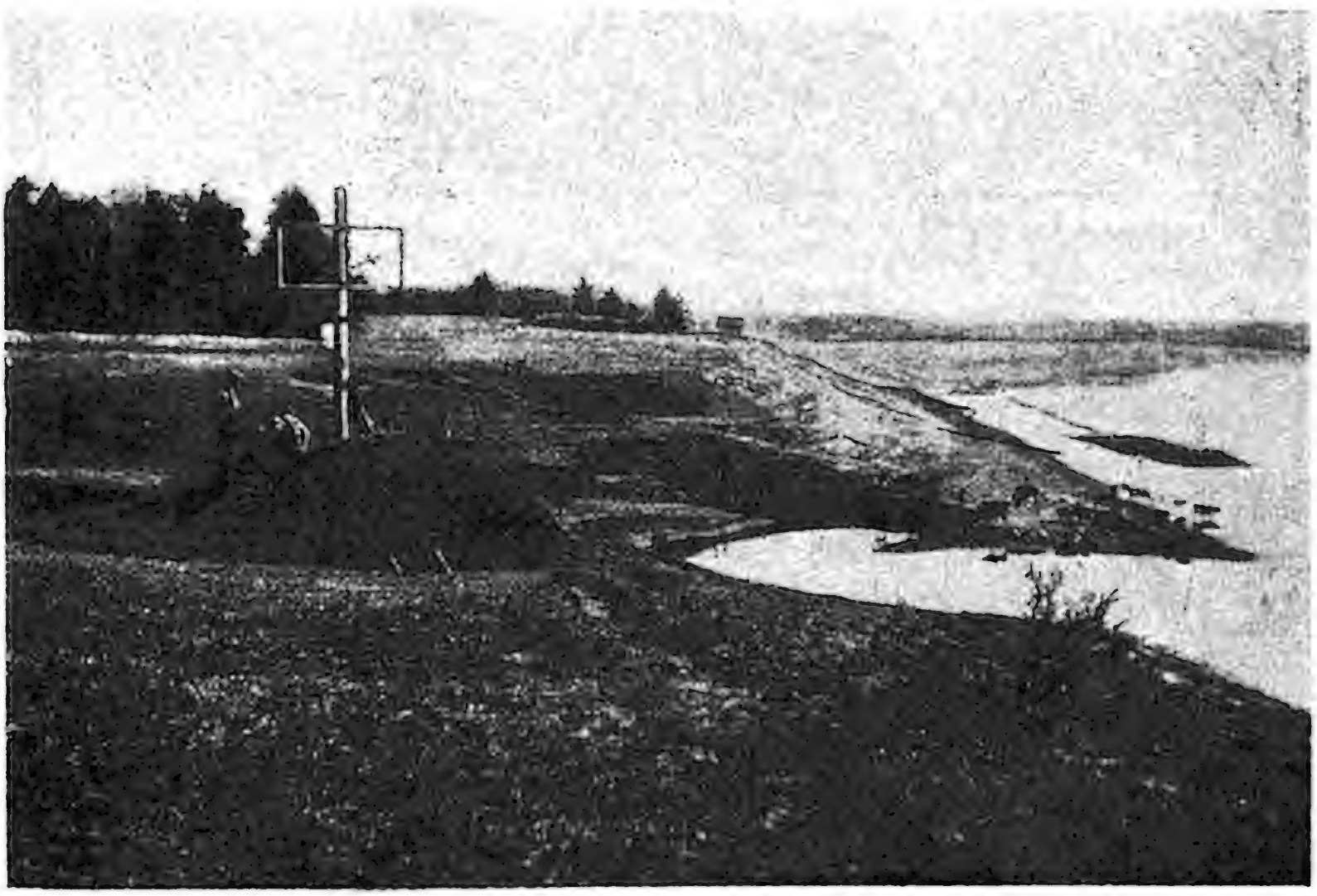


Рис. 57. Вид остатков городища Круглецы у с. Охотина.

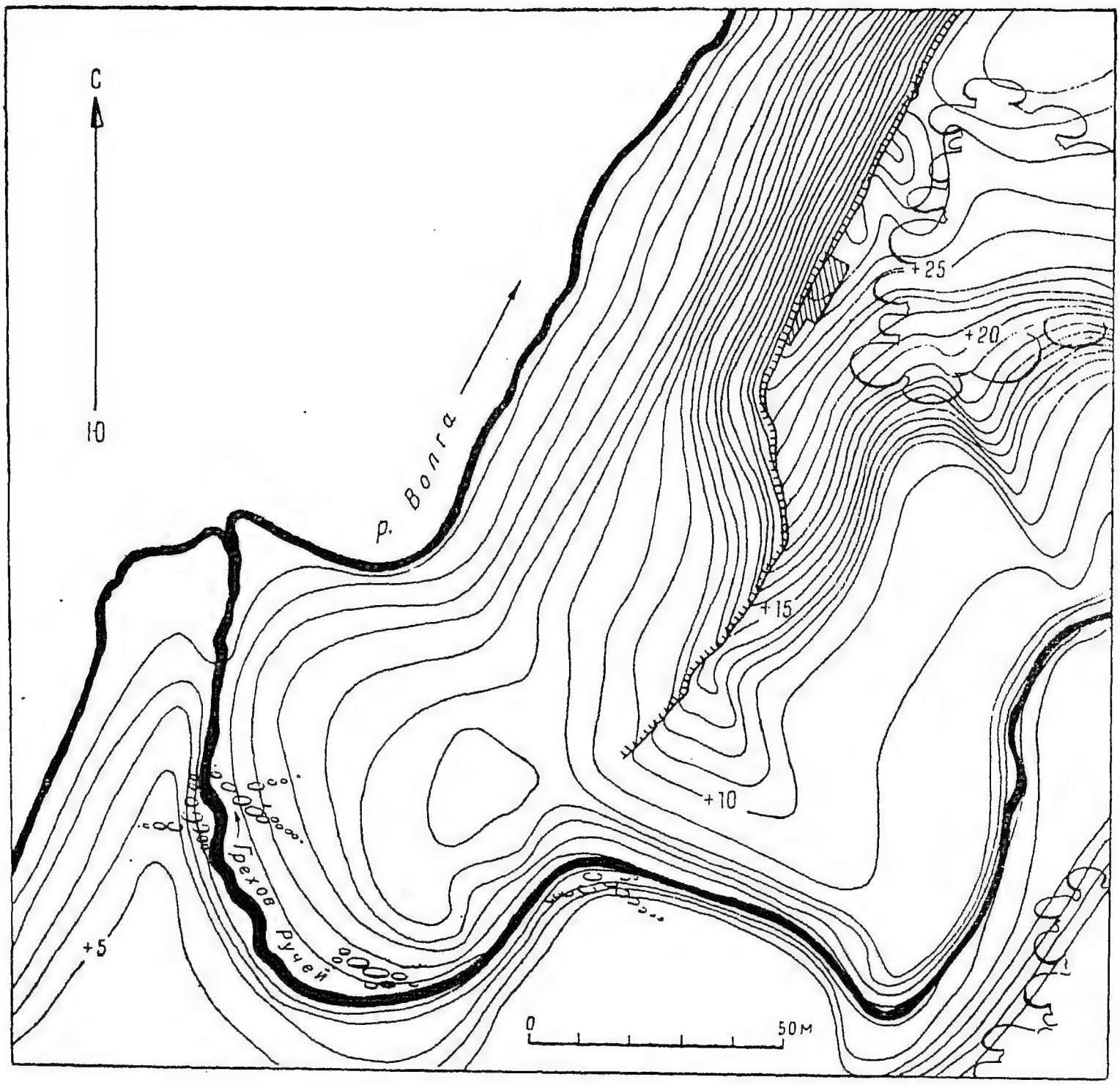


Рис. 58. План городища в устье Грехова ручья.

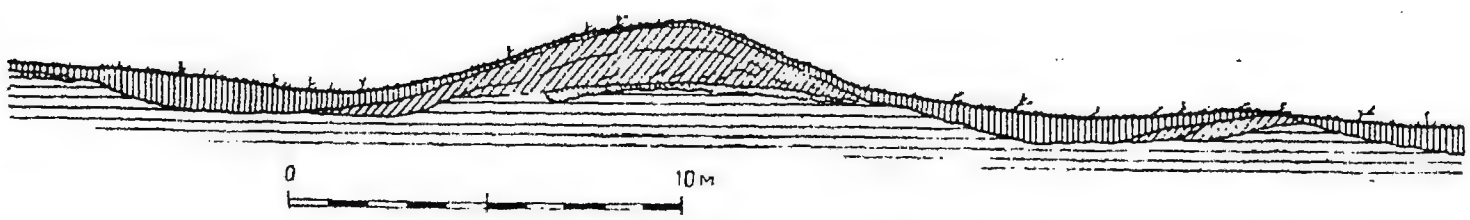


Рис. 9. Разрез валов и рвов на городище в устье Грехова ручья.

зонтами вала лежит слой погребенной почвы. Далее были обнаружены еще ров и вал, совершенно незаметные с поверхности. Ров имел ширину 7 м и глубину 1 м ниже уровня погребенной почвы; вал достигал в основании ширины 4.50 м при высоте 0.50 м над уровнем погребенной почвы. Повидимому, этот вал был разрушен еще в древности, так как он совершенно не был заметен с поверхности и его перекрывал пласт культурного слоя. И тот и другой валы сложены из красной моренной глины, составляющей здесь верхние горизонты ледниковых отложений. Эта же глина, лишь несколько оподзоленная, подстилает культурный слой городища. В разрезе наслоений, невдалеке, за внутренним валом, наблюдалось значительное тарелкообразное в разрезе углубление в материке, заполненное культурным слоем. В средней его части лежал слой обгорелого камня. Это углубление было принято сначала за остатки полуземляного жилища, что, однако, при раскопках не подтвердилось, так как углубление оказалось естественной западиной вроде овражка. Рядом

с углублением, дальше от валов, в культурном слое имелось включение чистой глины, как выяснилось впоследствии, — выброс из ям, расположенных здесь же. Дальше по направлению к стрелке культурный слой, лежащий уже не на площадке, а на склоне городища, обращенном к ручью, был совершенно однороден. Его структура песчаная, цвет черный, углистый.

В виду того, что городище от времени с каждым годом разрушается все более и более, была исследована вся уцелевшая часть площадки. Около валов заложен раскоп размером 4×12 м, от которого вдоль гребня по направлению к стрелке проложена траншея длиной 12 м при ширине 2 м. Таким образом в общей сложности исследованная площадь составила 72 кв. м.

соответственно 0.26 и 0.25 м. Около ям обнаружены обломки разбитого сосуда и несколько небольших валунов.

В центральной части раскопа, на поверхности старой почвы, лежащей здесь на глубине 0.17—0.20 м ниже современного уровня и на 0.35—0.40 м выше материка, в большом числе встречены остатки сгоревших бревен, лежавших вдоль склона городища. Некоторые из них, изображенные на плане, сохранились относительно хорошо; большинство же имело вид черных углистых линз, вкрапленных в культурный слой. Следует думать, что эти бревна являются остатками массивной деревянной ограды, окружавшей площадку городища.

Ясно вырисовывающееся в разрезе скопление глины в юго-западной части раскопа

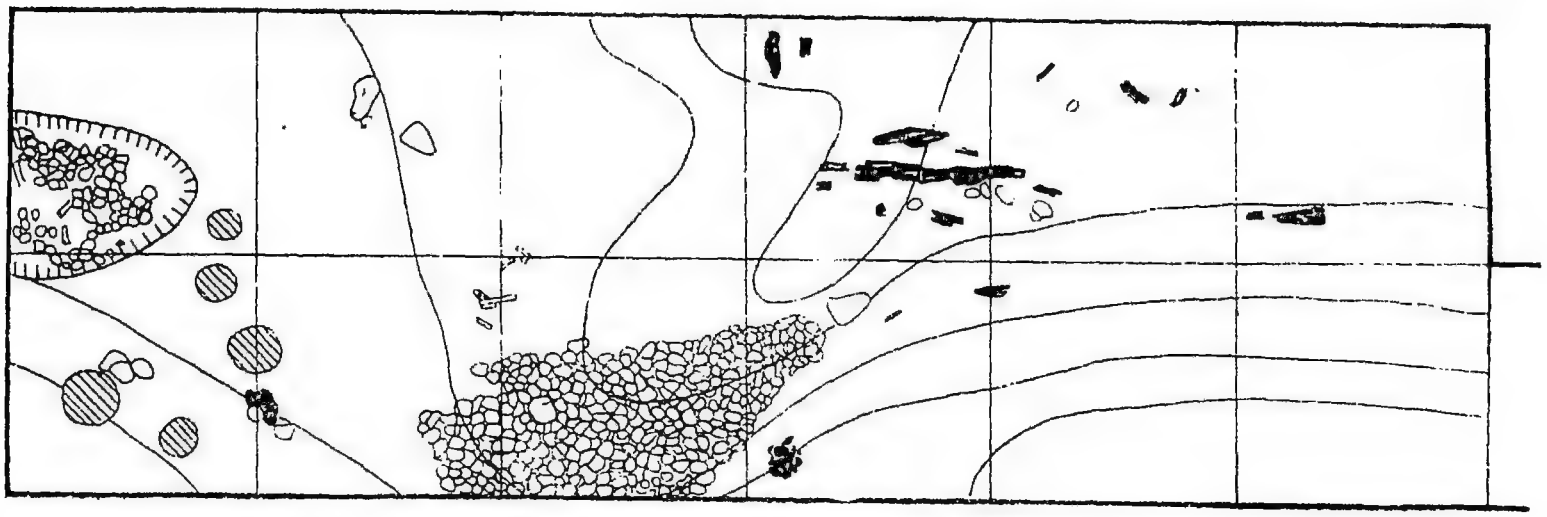


Рис. 60. План раскопа на городище в устье Грехова ручья.

Исследованная площадь представляет собою самую периферию площадки городища, причем в пределы раскопа попала и часть склонов, что хорошо видно на плане раскопок (рис. 60), где поверхность материкового слоя представлена в горизонталях. На этом же плане видно, что центральную часть раскопа занимает пологое углубление — маленький овражек, выходящий к краю городища. Значительная часть этого овражка, а именно тот его отрезок, который следует назвать вершиной, служила местом, куда выбрасывались из очагов жилищ горелые камни и всякие отбросы — битая посуда, кости животных и др. Такие скопления, главным образом перегорелого камня, чрезвычайно обычны на краях городищ этой эпохи.

Такого же рода скопление, но несколько меньших размеров, было встречено в небольшой, также, повидимому, естественной западине у северо-восточной стены раскопа.

Между этими двумя углублениями в материке были открыты остатки 5 глубоких котлообразных ям от вертикально стоявших столбов, заполненных культурным слоем. Три ямы имели диаметр от 0.25 до 0.35 м при глубине двух ям 0.25 м и одной — 0.50 м. Две другие ямы имели диаметр 0.40 и 0.50 м и глубину в плане имело неопределенные очертания, выклиниваясь во все стороны. Несомненно — это выброс из ямы, выкопанной в материке.

Что касается траншеи, проведенной по гребню в направлении к стрелке городища, то в ее пределах культурный слой был весьма однороден. Не было встречено ни перегоревшего дерева, ни ям в материке.

2

Число культурных остатков, полученных при исследовании культурного слоя, оказалось сравнительно очень небольшим. Они состоят из керамики, распадающейся на два типа, соответствующих, как мы увидим дальше, нижнему и верхнему горизонтам культурного слоя, других изделий из глины, изделий из камня, железа, бронзы и, наконец, что заслуживает некоторого внимания, из кремня.

Кости животных, сохранность которых на городище не была особенно высокой, были обнаружены в виде двух компактных скоплений: одно на квадратах *2—3—3в*, около кучи пережженного камня, и другое бо́льшее, на квадратах *9—10—11*, на чертеже не помещенных. Данные, полученные в результате определения костных остатков, произведенного В. И. Громовой, сведены в табл. 5.

Таблица 5

Наименование животного	Число костей	Число особей	Примечание
Домашние животные			
Лошадь	90	5	Очень мелкие
Бык	84	6	Очень мелкие
Овца	1	1	Очень мелкие
Дикие животные			
Лось	2	1	
Бобр	2	1	

Изделия из железа представлены в материалах городища 3 ножами и 1 наконечником стрелы (рис. 13). Один из ножей совершенно цел, его длина 13.3 см, длина лезвия 8 см, ширина лезвия 1.3 см. По форме он примыкает к древним ножам, у которых с тыльной стороны спинка ножа непосредственно переходит в насад. Два других ножа сильно сточены; один из них по форме аналогичен первому, другой отличается от него тем, что черешок сужен не только со стороны лезвия, но и со спинки. Наконечник стрелы с обломанным кончиком имеет кинжаловидное лезвие и черешок, заканчивающийся насадом. Его общая длина составляет 9 см, ширина лезвия равна 1.5 см. Все четыре предмета были найдены в верхних горизонтах культурного слоя на квадратах, примыкающих к куче пережженного камня.

Наиболее интересной находкой является большая бронзовая застежка, инкрустированная красной эмалью (рис. 13). Ее диаметр составляет 10.3 см. Игла отсутствует. Застежка отличается большой грубостью; повидимому, после отливки она не подвергалась никакой дополнительной обработке. Застежка была сломана на две части, которые подверглись действию огня. Интересно, что они были найдены в расстоянии нескольких метров друг от друга: одна часть около кучи камней, другая — в траншее, в 2 м от раскопа. И там и здесь части застежки были найдены в средних горизонтах культурного слоя.

Были встречены также 3 обломка «грузиков дьякова типа», изготовленных из грубой глины с примесью кварца, орнаментированных по окружности грубыми насечками. Один из них, почти целый, происходящий из нижнего горизонта слоя с участка, примыкающего к куче камней, имел ширину в основании, равную 4 м, кверху он суживается до ширины 2.2 см; вершина отбита. Диаметр отверстия 0.6 см. Два других обломка принадлежат широким и уплощенным грузикам диаметром до 6—7 см. Они найдены в этой же части раскопа в средних горизонтах слоя.

В траншее, где находок было меньше, чем в раскопе, был встречен глиняный лячек небрежной работы с плоским дном, округлым ковшиком и квадратной в разрезе ручкой. Его длина 6 см (рис. 13). Отсюда же происходит большая зернотерка, имеющая вид неправильной прямоугольной, чуть вогнутой плиты, размером 24 × 52 см. Так как и тот и другой предметы были найдены на склоне, определить их принадлежность к тому или другому горизонту культурного слоя не представляется возможным. В таких же условиях был найден здесь кусок железной крицы.

В большом числе найдены при раскопках точильные камни, главным образом в обломках, а также камни со сглаженными поверхностями. Они найдены в числе 12 в разных горизонтах слоя и в различных частях раскопа и траншеи. Все они являются естественными плитками сланца, одна или две стороны которых превращены в точильные поверхности.

Кроме точильных камней, около кучи обожженного камня в нижнем горизонте был встречен обычный каменный пест.

В большом количестве обнаружены на городище обломки глиняной посуды. Большинство из них было рассеяно по культурному слою и лишь в двух местах, по обе стороны кучи пережженного камня, были встречены компактные скопления керамики, принадлежащие 2 сосудам, однако далеко неполным, так что целиком их восстановить не оказалось возможным.

Керамика городища делится на две группы: на посуду с «сетчатым» узором и на неорнаментированную посуду. И та и другая керамика была встречена и в нижнем и в верхнем горизонтах культурного слоя, однако внизу преобладала «сетчатая», наверху гладкая.

«Сетчатая» посуда городища может быть сравнена с посудой третьего слоя городища у с. Городища. Это были баночные плоскодонные горшки с несколько расширяющимися кверху стенками, прямым или суженным и отогнутым наружу горлом, покрытые грубым небрежным «сетчатым» узором. Некоторые из горшков имели по шейке дополнительную орнаментацию, состоящую из ямочных вдавлений (рис. 13). Два сосуда имели орнамент из отпечатков гребенчатых штампов. Диаметр сосудов колеблется в пределах от 15 до 30 см. Такие же размеры имела неорнаментированная посуда, по форме также не отличающаяся от «сетчатой». Обращает на себя внимание обломок сосуда с черной лощеной поверхностью и резкой профилировкой (рис. 13).

Приложение VI

ГОРОДИЩЕ В УСТЬЕ Р. СОНОХТЫ

I

Река Сонохта, впадающая в Волгу около пос. Песочное Рыбинского района Ярославской области, представляет собою по существу большой ручей, сильно пересыхающий в летние месяцы. В 1.50—2 км от Волги долина Сонохты совершенно не разработана, и река протекает по дну глубокого каньона с крутыми и высокими берегами, сложенными из тяжелой морены. Ближе к Волге Сонохта имеет неширокую пойму; коренные берега в этом месте постепенно делаются все ниже и ниже, достигая у Волги высоты лишь в 5—10 м. Волжский берег здесь, особенно выше устья Сонохты, очень ровный, без логов и оврагов.

В 250 м от своего устья Сонохта огибает продолговатое невысокое всхолмление, лежащее поперек ее долины и соединенное с правым коренным берегом узкой и невысокой перемычкой. Этот отрог коренного берега, являющийся местом городища, сохранился среди долины повидимому потому, что в его основании лежит порода, переполненная крупными валунами, которую р. Сонохта не смогла разрушить. Судя по вполне отчетливым следам старых русел, можно предполагать, что река некогда протекала под самыми склонами этого «останка», огибая три четверти его периметра; теперь же она несколько отошла в сторону.

По своему местоположению городище отличается от большинства других аналогичных памятников Верхнего Поволжья, расположенных обычно на отрогах крутого и высокого берега, приближаясь к так называемым болотным городищам, известным преимущественно в более западных районах.

Как видно на прилагаемом плане (рис. 20—21), высота городища над уровнем поймы достигает всего лишь 4 м с северной стороны и 5 м — с южной, не считая, конечно, того места, где насыпан вал, отделяющий «останок» от перемычки, соединяющей его с коренным берегом.

Весной во время половодья городище бывает окружено водой, возвышаясь над ее уровнем на 1.50—2 м. В «большую воду» затапливается и перемычка, так что городище тогда в течение нескольких дней является настоящим островом.

Склоны «останка», крутые с северной и северо-западной стороны, с юга очень неровны: они более пологи на углах и круты в промежутках между последними. Площадка городища, что также хорошо видно на плане, является ровной, но не горизонтальной, так как она имеет некоторое падение в направлении с юго-запада на северо-восток, что, впрочем, зрительно на местности почти не ощущается.

Форма площадки условно может быть определена как неправильно-треугольная. Ее максимальная ширина равна 50 м, длина 70 м, площадь составляет 2200 кв. м. По первому впечатлению казалось, что городище имеет 2 вала: один большой, несколько дугообразный, пересекающий перемычку поперек, другой маленький, лежащий снаружи параллельно первому. В дальнейшем удалось установить, что это второе всхолмление является естественным и что, следовательно, городище имеет лишь 1 вал длиной 32 м, шириной в основании 10—12 м и высотой 2.50 м. Сохранился он очень плохо, бока его оползли в обе стороны; однако видно, что в средней части, несколько ближе к северному краю, он имел ворота. При раскопке за валом был обнаружен широкий, но неглубокий ров. Площадка городища, совершенно свободная от леса, никогда не распахивалась и издавна служила окрестному населению местом гуляний. Городище имеет местные названия: Холман и Круглики.

Впервые городище стало известно в 1903 г., когда А. А. Спицыным были произведены на нем незначительные раскопки.[1] В разных местах площадки были заложены четыре небольших раскопа, как выяснилось, более или менее прямоугольной формы, и был обнаружен культурный слой — «обычная черная земля с значительным содержанием золы, обильно проникнутая колотыми камнями». Камни эти составляли тогда еще загадку городищ, по мнению А. А. Спицына, они были некогда местами жертвоприношений или древними святилищами. В культурном слое были обнаружены также: ряд обломков керамики, часть ажурной бронзовой бляхи с инкрустацией красной и зеленой эмалью, 2 железных ножа, наконечники стрел, шило, бронзовая шумящая подвеска, прясло и некоторые другие вещи, а также зубы лошади и железные шлаки. Далее, узкой траншеей был сделан разрез вала, что позволило установить довольно сложное его строение, получившее, однако, как мы увидим ниже, далеко неполную интерпретацию.

Никаких других раскопок на городище вплоть до 1934—1935 гг. не производилось.

Исследование городища в устье р. Сонохты представляет собою первый и пока что единственный в археологической практике случай полной раскопки аналогичного памятника не путем проведения траншей, а путем вскрытия всей его площади. Работы на городище производились в течение двух лет — в 1934 и 1935 гг. За это время была вскрыта площадь

[1] А. А. Спицын. Поездка 1903 г. по оз. Кофтино и Бологое и раскопки близ Рыбинска. Изв. Археол. комисс., вып. 6, 1904, стр. 74—77.

размером 2080 кв. м. Остались неисследованными лишь три небольших участка треугольной формы в северо-западной части площадки, где, как мы увидим ниже, культурные наслоения почти отсутствовали. Вскрытие городища производилось не сразу, а по частям, размером каждая от 150 до 300 кв. м; площадь раскопов разбивалась на квадраты размером 2 × 2 м, служившие опорной сеткой как для локализации находок, так и для фиксации остатков архитектурных и иных сооружений. В 1934 г. была исследована восточная часть памятника, его юго-восточные склоны и вал; в 1935 г. было произведено вскрытие западной части площадки городища и изучены все другие его склоны.

Каждый памятник имеет свои субъективные особенности, увеличивающие или уменьшающие его научную ценность. Особенностями городища на р. Сонохте, помимо его хорошей сохранности, является, во-первых, то, что оно имело очень незначительный по мощности культурный слой, отвечавший сравнительно короткому периоду существования здесь поселения, погибшего в результате пожара. Таким образом, здесь нет никакого смешения слоев; в более позднее время на месте городища никаких строений также никогда не было. То, что поселение погибло от пожара, является второй положительной особенностью памятника. Обгорелое дерево и уголь, очень хорошо сохранившиеся в земле, дали возможность при исследовании не только обнаружить остатки жилых и других сооружений, но и подойти вплотную к разрешению вопросов их реконструкции вплоть до внутренних деталей их устройства и обстановки. Кроме того, в условиях пожара многие вещи были оставлены в жилищах на своих местах, что также является чрезвычайно ценным. Отрицательной особенностью городища является то, что в его культурном слое совершенно не сохранились органические остатки — кость и рог, как в виде изделий, так и в виде кухонных отбросов. С большим трудом удавалось извлекать из слоя даже зубы животных, буквально рассыпавшиеся от прикосновения. Сохранились целиком лишь костные остатки, обожженные во время пожара, но число последних было очень невелико. Изделия из других материалов: железа, бронзы, камня и глины, сохранились относительно хорошо. Лишь керамика, особенно посуда, бывшая внутри жилищ, сильно пострадала от огня, превратясь частично в губчатую шлакообразную массу.

Культурный слой городища, покрывающий почти всю площадь памятника, достигает толщины всего лишь 0.20—0.35 м. Максимальную мощность он имеет в восточной и центральной частях площадки; далее к ее западному концу толщина слоя падает, сходя нанет к северо-западному склону. Параллельно мощности изменяется окраска слоя, имеющего везде одинаковую песчаную структуру. В восточной части и в центре слой имеет черный цвет, переполнен органическим перегноем, углями и вкраплениями золы. В западной части насыщенность слоя меньше, и его окраска переходит постепенно в темнобурую, мало отличаясь от обычной почвы. Неоднородным по своему характеру оказался также и материк, состоящий в восточной и центральной частях площадки из светложелтого, почти белого песка, в западном же конце из тяжелой морены — песка, местами в виде гравия с валунами. Некоторые крупные валуны выходят вершинами на поверхность. Благодаря тому, что площадка городища почти горизонтальна, никакого оползания культурного слоя на склоны не произошло. Траншея, прорезывающая юго-восточный склон до самого основания, и ряд шурфов на других склонах показали, что культурных остатков на склонах нет, за исключением отдельных обломков керамики и обожженных камней, лежащих в почвенном слое.

Граница культурного слоя и подстилающего его материка является чрезвычайно четкой и определенной во всех частях городища. Всякого рода нарушения материка (ямы от столбов или ямы другого назначения) были видны прекрасно; также хорошо были видны в культурном слое 4 раскопа А. А. Спицына, тщательно им засыпанные и совершенно не различимые с поверхности.

В результате раскопок на городище были установлены остатки 11 разнообразных построек; далее ряд ям от столбов, не связанных с постройками, кучи обожженного камня и, наконец, остатки фортификационных сооружений по краю площадки. Были исследованы также, как уже указано выше, остатки вала городища.

2

Сооружение № 1

(Рис. 27)

В восточной части площадки, в 3 м от основания вала, ближе к южному его концу, были обнаружены остатки наземной постройки. В материке было открыто еле заметное углубление на 0.04—0.05 м, более или менее прямоугольных очертаний, длиной 5 м и шириной около 3 м, ориентированное почти правильно с севера на юг, т. е. перпендикулярно к длинной оси площадки городища. Вдоль западной стороны этого углубления, внутри его, лежали остатки 3 сгоревших бревен хвойного дерева, местами целиком сохранившихся, местами же превратившихся в неопределенные углистые линзы. В южном направлении бревна выходили за пределы углубления почти на 2 м, сохраняя при этом свое направление. Следы одного сгоревшего бревна были обнаружены вдоль северной стороны углубления, но не

внутри, а на 0.20 м за его пределами. Вдоль двух других сторон обгоревшее дерево не обнаружено. По краю углубления располагались также следы 8 ям от вертикально стоявших столбов. Они имели овальные очертания, размеры в среднем 0.20 × 0.25 м и глубину от 0.25 до 0.40 м ниже материка. Расположение их отличается некоторой неправильностью. Ямы вдоль южной стороны находятся внутри углубления, в 0.60 м от его края.

В центральной части углубления, ближе к его западной стороне, в 0.70 м от нее, лежит слой обожженной песковатой глины, образующий в плане фигуру прямоугольных очертаний, размером 1.50 × 2.30 м, со сторонами, вполне параллельными сторонам углубления. Глина лежит не на материке, а на 0.08—0.10 м выше его, причем она образует не сплошной слой, а как бы ряд параллельных продольных полос, шириной до 0.10 м, толщиной 0.05—0.08 м, между которыми имеются промежутки в 0.05—0.06 м. Повидимому, здесь был наложен ряд бревен, обмазанных сверху глиной с большим количеством песка. Вдоль западной стороны глиняной площадки находилось сгоревшее бревно длиной 0.50 м; поверх глины лежало несколько крупных камней (до 0.20 м в поперечнике) со следами огня.

В северо-восточном углу сооружения обнаружено скопление совершенно пережженных и оплавившихся обломков глиняных сосудов; здесь же найдены железные крицы и каменный пест. В северо-западном углу найдены маленькое бронзовое колечко и точильные камни; у западной стены — нож, долото и несколько железных криц; наконец, на очаге найдены также крицы, обломки керамики и «грузик дьякова типа». Самая интересная находка была сделана у западного края под сгоревшими бревнами. Там оказались небольшой бронзовый стержень и набор обгорелых бронзовых бляшек от уздечки.

Сооружение № 2

(Рис. 25)

В 4.10 м восточнее остатков сооружения № 1 обнаружены следы другого сгоревшего сооружения, в котором без колебания можно было признать рубленую из бревен постройку. Место постройки представляло собою незначительное пологое углубление в материке (не глубже 0.15—0.20 м в средней части), заполненное более темным, чем обычный, культурным слоем, с угольками, кусочками кальцинированных костей и множеством черепков при сравнительно небольшом числе обломков пережженного камня. Углубление имело неправильные подпрямоугольные очертания, его размеры 6 × 7 м. Ориентировано оно так же, как и первое, т. е. с севера на юг. Края углубления более отчетливы с западной и восточной сторон, менее ясны с северной и совершенно не прослеживаются с южной. Вдоль восточной, западной и частично северной и южной сторон углубления, внутри его обнаружены остатки стен постройки в виде сгоревших бревен. По западной стене сохранились остатки трех или четырех бревен, по восточной — одного, по северной, в северо-западном углу — пяти и одного посредине; по южной стене сохранились остатки двух бревен, примыкающих к юго-западному углу постройки. Эти бревна и одно из бревен западной стены сохранили свое первоначальное положение и форму, указывающие на то, что постройка была рублена в «чашу». Судя по сгоревшим бревнам, можно установить, что размеры постройки составляли 5 × 5 м.

В юго-восточном углу помещения находились остатки очага в виде бесформенной кучи растрескавшегося обожженного камня, среди которого найдено каменное точило. Земля вокруг очага была несколько обожжена. Перед очагом располагалась куча пережженных обломков глиняной посуды. Обломки большого раздавленного и обожженного сосуда обнаружены в противоположном, юго-западном углу постройки, где найдены, помимо этого, 2 железных ножа, а за пределами постройки — прясло от веретена. В северо-восточном углу найдены втульчатый топор и пест; вне постройки лежал рыболовный крючок. В северо-западном углу встречены 2 точильных камня. Перед очагом обнаружены нож и железный ложкарь; за очагом — еще 1 нож.

В 1 м к востоку от юго-восточного угла постройки обнаружены в материке 2 ямы, диаметром 0.70 м и глубиной 0.75 м, расположенные в расстоянии 1.80 м друг от друга. Восточнее их лежало сгоревшее бревно длиной около 2 м. Около ям найдены 1 прясло от веретена, 2 «грузика» и 5 маленьких бронзовых округло-прямоугольных колечек, повидимому, обоймиц пояса или нагайки.

Сооружение № 3

(Рис. 24)

В расстоянии 5 м от сооружения № 2, по направлению на запад, встречены остатки следующей постройки, близкие по характеру предыдущим, но принадлежавшие сооружению бо́льших размеров. Как видно на чертеже, они оказались сильно попорченными раскопом А. А. Спицына, попавшим как раз в середину остатков постройки. Как и в предыдущих случаях, от сооружения осталась, прежде всего, незначительная западина в материке, заполненная интенсивным по окраске культурным слоем. Ее глубина здесь составляла в средней части 0.35 м; очертания также были более или менее прямоугольными. Протяженность

с севера на юг 8 м и с запада на восток 5 м. Если предыдущие постройки были ориентированы точно по странам света, то у этой имелось некоторое уклонение, ясно видное на плане. Вдоль западного и восточного краев западины лежали в мелких обломках сгоревшие бревна хвойного дерева. Вдоль северной стороны дерево не было обнаружено. Южная сторона была разрушена раскопом А. А. Спицына, уничтожившим также очаг постройки, от которого сохранилось лишь несколько обожженных камней. У восточной стены, внутри остатков сгоревшего дерева, в материке была яма от вертикального столба; размеры ее 0.50 × 0.65 м, глубина в материке 0.25 см; форма котлообразная.

Внутри постройки не найдено никакого инвентаря, за исключением нескольких обломков глиняной посуды около остатков очага и бронзового украшения, точильного камня и «гладилки» в северо-западном углу.

К южной стене постройки примыкало какое-то любопытное сооружение, видимо сарай или кладовая, полуовальной формы.

Прямая линия этой фигуры была образована стеной постройки и имела длину 4 м, кривая же — сохранилась в виде 8 ям от вертикально или несколько наклонно стоявших столбов, расположенных в расстоянии 0.30—0.50 м друг от друга по всей дуге полуовала, за исключением части, обращенной в юго-западном направлении, где между столбами имелся перерыв шириной в 2.40 м. В этом месте вдоль дуги полуовала лежал остаток сгоревшего бревна. Внутренняя часть этой пристройки была углублена в материк не более чем на 0.05—0.06 м. Никаких находок внутри ее не сделано. Ямы от столбов имели в плане овальные очертания; три больших равнялись в плане 0.40 × 0.65 м при глубине в материке 0.25—0.30 м; размеры меньших ям составляли 0.25 × 0.40 м при той же глубине.

Перед северо-восточным и северо-западным углами сооружения обнаружены в материке 2 овально-полукруглой формы больших ямы, обращенные выпуклыми сторонами в сторону от постройки. Первая из ям имела в верхней части длину 1.90 м и ширину 1 м. Ее прямая стенка, обращенная к углу постройки, была почти отвесной, противоположная же — очень покатой. Глубина ямы в материке достигала 1 м. Выброшенный из ямы песок сохранился в виде овального скопления, лежащего в культурном слое на 0.03 см выше материка с южной стороны ямы. В земле, заполнявшей яму, ничего не обнаружено. Рядом с ямой, у ее западного конца, в материке оказалось небольшое овальное углубление размером 0.25 × 0.32 м и глубиной 0.30 м. Вторая большая яма имела длину 1.32 м и ширину 0.65 м. Ее форма такая же, как у первой; глубина 0.35 м. Выброшенный песок располагался у ее южного края.

Яма подобных же размеров, но иной формы, находилась в 1.50 м к юго-западу от юго-западного угла постройки, но к последней она, повидимому, не имела прямого отношения.

Сооружение № 4

(Рис. 26)

Остатки первых трех построек располагались в одну линию вдоль оси площадки городища. В дальнейшем мы увидим, что эту линию продолжают еще четыре постройки: №№ 8, 9, 10 и 11. Постройка 4 стояла несколько отдельно, занимая место в южном углу площадки, непосредственно за постройкой 3, в расстоянии 4.50 м от ее южной стены и в расстоянии 1.80 м от полуовальной пристройки, отмеченной выше.

Неправильно-прямоугольное углубление в материк, принадлежавшее этой постройке, было ориентировано точно по странам света. Его размеры 4.80 × 5 м, глубина 0.10—0.15 м. Вдоль всех четырех сторон лежали остатки сгоревших бревен хвойного дерева, хорошо сохранившихся вдоль западной стороны, где можно было установить два бревна, и вдоль восточной стороны, где лежало одно бревно, точно так же как и по двум другим сторонам.

Внутри постройки в материке открыты 7 округло-прямоугольных ям от вертикально стоявших столбов. Две из них были расположены непосредственно у восточной и западной стен, две других — у этих же стен в расстоянии 0.40—0.50 м от них, одна — в центре и две — в юго-восточном углу около очага, оказавшегося здесь совершенно разрушенным. Ямы у очага имели 0.35 м в поперечнике и глубину в грунте, равную 0.20 м; другие имели такую же в среднем глубину, но несколько меньшие размеры, а именно — 0.25 × 0.25 м.

На месте очага, помимо обожженной земли, сохранились 2 больших валуна и черепки разбитого и обгоревшего на сильном огне сосуда. У северной стены постройки, внутри ее, находилась куча из 7 валунов без следов пребывания на огне. В северо-восточном углу сооружения найдены 2 наконечника стрел и 1 глиняный «грузик».

С наружной стороны к южной стене постройки была присыпана большая куча перегорелого и рассыпавшегося камня, представляющая собою несомненно выброс из очага.

Сооружение № 5

(Рис. 31)

Наиболее интересной находкой, сделанной на городище около северного его склона, явились несомненно остатки погребального сооружения. Как известно, на городищах «дьякова типа» или в связи с ними никогда не были находимы погребения, что вызвало к жизни ряд гипотез о существовании в эпоху городищ по-

гребений поверхностных, на деревьях или столбах. В таком роде приходилось высказываться и автору этих строк. Открытое в 1935 г. на городище в устье р. Сонохты погребальное сооружение говорит о том, что эти гипотезы были неправильны и что население городищ имело совершенно особый, пока что в другом месте нигде неизвестный обряд погребения мертвых, не выходивший, однако, из круга погребальных обрядов, существовавших в Восточной Европе в VI—X столетиях.

Погребальное сооружение имело вид маленького домика, рубленого из бревен лиственного и хвойного дерева. На его месте было обнаружено квадратное углубление, ориентированное по странам света, уходящее в материк на 0.30 м. Южная сторона углубления имела крутое падение, западная и северная — пологое. Восточная сторона была нарушена ямой, выкопанной местными жителями для отыскания черной земли для цветов. В 1933 г. во время разведок на городище автором этих строк на дне ямы были найдены железный топор-кельт с остатками обугленной деревянной рукоятки во втулке, железная трубочка-пронизка, обломок ножа (?), бронзовая выпуклая бляшка с ушком для прикрепления, целое прясло и 2 обломка орнаментированных прясел, каменный пест из валуна, кресало и несколько черепков.[1]

Вдоль южной стороны углубления сохранились остатки 2 бревен, соснового и дубового, а поверх их остатки, повидимому, досок из ольховых бревен. Вдоль других стен постройки дерево не сохранилось, но у северного ее края были заметны следы угля. Размеры постройки в плане составляли 2.20 × 2.20 м.

Внутри постройки, по всей ее площади, были рассыпаны зола, уголь и мелкие обломки кальцинированных человеческих костей. Вдоль северной стороны кальцинированные кости лежали в виде целого скопления длиной 1.70 м, шириной 0.20—0.25 м и толщиной 0.05—0.06 м. Здесь же, среди костей, лежали 1 железный втульчатый топор, 2 ножа, 1 бронзовая подвеска в виде утиной лапки и 1 оплавившаяся на огне стеклянная буса. Другое скопление костей обнаружено в южной части помещения, но они лежали здесь не сплошным слоем, а семью отдельными кучками, между которыми находились 3 втульчатых топора, 2 железных пряжки с бронзовыми обоймицами, 1 круглая ажурная бронзовая бляха, 1 нож, 1 костяная поделка и несколько мелких обломков глиняного сосуда. В центре постройки найдена 1 бронзовая проволочная спиралька, а у восточного края, там где были сделаны находки 1935 г., — 1 железный нож. По исследованиям Г. И. Петрова, среди кальцинированных костей имеются остатки скелетов мужчин, женщин и маленьких детей, скольких — неизвестно, но, судя по количеству костей, можно предполагать, что здесь находились результаты сожжения не меньше чем 5—6 человек.

Около северо-западного угла погребальной постройки открыта большая овальная в плане яма, размером 0.95 × 1.35 м, ориентированная с северо-востока на юго-запад, заполненная культурным слоем. Она имела вид опрокинутого конуса, вершина которого находилась на 0.90 м ниже поверхности материка. Никаких находок в яме сделано не было. Около нее открыты 2 небольших округлых ямки (площадь 0.22 × 0.22 м, глубина 0.25 м) от вертикально стоявших столбов, несомненно имевших к большой яме какое-то отношение. Севернее ямы в материке обнаружено овальное углубление длиной около 2 м, глубиной в северной части 0.30 м, с юго-восточной стороны сходящее на-нет.

Сооружение № 6

(Рис. 30)

Западнее остатков погребального домика, в 2 м от него, напротив остатков сооружения 3, в расстоянии 11.50 м от его северного края, обнаружены остатки еще одного сооружения прямоугольной в плане формы, характер которого остался не вполне выясненным.

В материке прослеживалась округло-прямоугольная западина, углубленная в средней части на 0.25 м, с пологими стенками и неровным полом. Его размеры 5.80 × 6.50 м; ориентировка совпадает с направлением стран света. Никаких остатков сгоревшего дерева внутри углубления не обнаружено; в его северо-западном углу находился небольшой очажок в виде кучи обожженного камня.

Внутри западины открыты 14 воронкообразных ям от столбов, расположенных без особого порядка, как вдоль краев западины, так и в средней ее части; 11 из них, находящиеся ближе к краю, образуют замкнутую округло-прямоугольную неправильную фигуру, по периметру которой ямы расположены с более или менее равными интервалами; 3 других ямы в средней части помещения расположены рядом друг с другом по одной линии. Размеры ям в верхней части вариируют от 0.25 м до 0.60 м в диаметре; глубина составляет 0.20—0.30 м. Две таких же ямы имеются рядом с южной стороной постройки в 0.90 м от края углубления. Во всех ямах найдено много камня, а также обломков глиняной посуды. Создается впечатление, что они исполняли здесь роль забутовки.

Если бы в углу помещения не было остатков очага, то постройку следовало бы реконструировать как навес на столбах. Наличие очага говорит о существовании стен; более

[1] П. Н. Третьяков. Работы на Средволгострое. Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг., т. I. Изв. Гос. Акад. истории матер. культуры, вып. 109, 1935, стр. 119—120.

того, назначение постройки, которое устанавливается по находкам, сделанным в ее пределах, свидетельствует о том, что постройка была теплым, отапливаемым помещением. Стены были, вероятно, легкими, из плетня, соломы и т. д. В пределах постройки и около нее было найдено свыше половины всех обнаруженных на городище прясел от веретен. Это было, повидимому, помещение, специально предназначенное для прядения, а возможно, и ткачества. Кроме прясел, здесь были найдены 2 обломка глиняных льячков, 1 обломок литейной формы из глины, 1 точильный камень, 1 пест, 1 каменный утюжок-гладилка и 2 железных ножа.

Сооружение № 7

(Рис. 61)

В расстоянии 2.15 м западнее остатков сооружения № 6 обнаружены остатки следующей постройки, сохранившиеся очень плохо. В материке наблюдалась обычная, но очень неправильная по форме западина, размером 5 × 5 м, ориентированная не по странам света, а с юго-востока на северо-запад. Ее глубина в материке в средней части достигала 0.30 м; края были пологими, неопределенными. Вдоль юго-западной и северо-западной сторон западины, внутри ее, лежали сгоревшие бревна, не сохранившиеся по двум другим сторонам. Очаг оказался совершенно разрушенным, и составлявшие его камни были раскиданы по всему помещению; видно, однако, что он помещался в западном углу. Среди камней были разбросаны обломки оплавившейся от огня керамики, в том числе и маленький целый сосуд, настолько обожженный, что глина превратилась в губчатую по строению массу черного цвета. В пределах постройки найдены 4 прясла, 1 «грузик», 2 ножа и 1 серп.

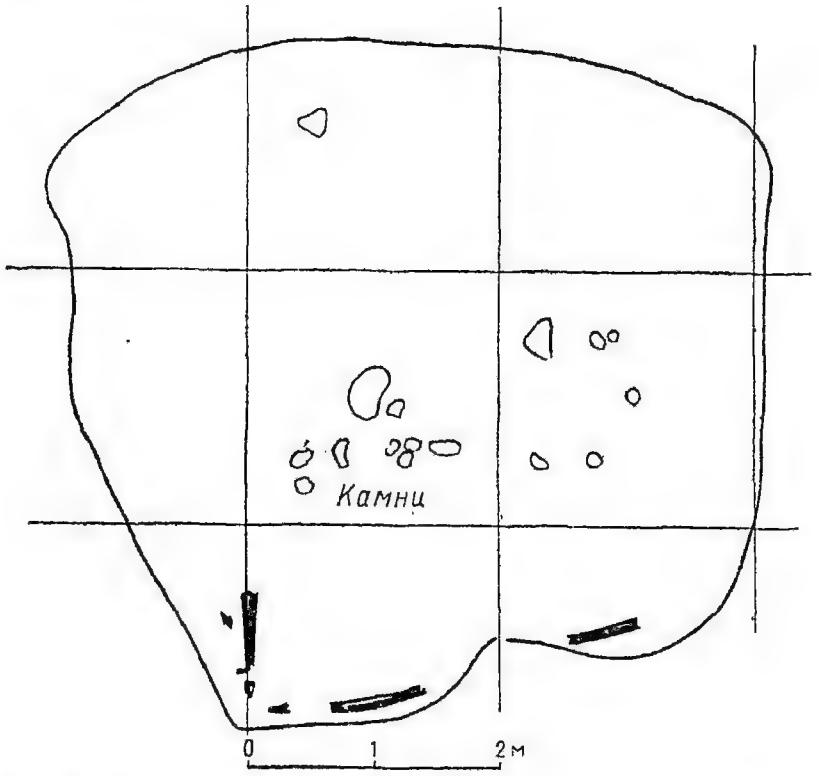


Рис. 61. План остатков постройки № 7 на городище в устье р. Сонохты.

Сооружение № 8

(Рис. 62)

Остатки сооружения № 8, а также всех последующих, расположены вдоль длинной оси площадки городища, в ряд с сооружениями №№ 1, 2 и 3. От западного края последнего постройка 8 отстояла на 3.85 м. Это было очень небольшое строение, прямоугольной в плане формы, ориентированное точно по странам света. Его остатки представляют собою прежде всего еле заметную западину в материке, размером примерно 3 × 5 м, у которой сколько-нибудь отчетливыми являются лишь северная и восточная стороны. У края западины в северо-восточном углу, в юго-западном углу и вдоль западной стороны обнаружены незначительные остатки сгоревших бревен; 2 сгоревших бревна, длиной около 1 м, и частица третьего лежали на 0.10 м выше материка в северо-восточной части помещения. Очага в постройке не было. В северо-западном углу оказалась большая овальная яма, несколько суживающаяся в нижней части. Ее размеры сверху составляли 0.85 × 1.35 м, внизу, на глубине 0.50 м, они были равны 0.50 × 1 м. В яме, у ее южной стены, обнаружены остатки сгоревшего дерева.

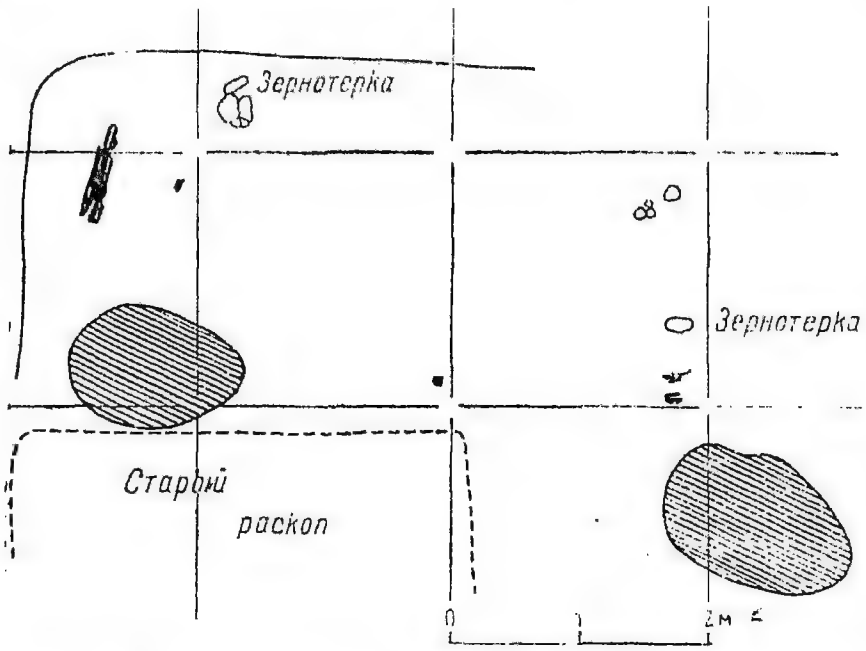


Рис. 62. План остатков мельничного помещения на городище в устье р. Сонохты.

В северо-восточном углу помещения лежал крупный овальный по форме курант от ручной зернотерки и рассыпавшийся нижний ее камень, а также железный нож и у противоположного, юго-западного угла обнаружены второй курант от зернотерки, 3 каменных песта и 2 ножа. Следует указать, что нигде в другом месте на городище зернотерки найдены не были.

Около юго-западного угла постройки, за ее пределами, в материке обнаружена еще одна большая, но неглубокая неправильно овальная яма. Ее размеры 0.85 × 1.50 м, глубина 0.20 м. К западному краю постройки примыкает второй раскоп А. А. Спицына, вытянутый с востока на запад. Третий расположен здесь же, несколько севернее.

Сооружение № 9

(Рис. 29)

На участке, лежащем западнее сооружения № 8, в большом количестве начали встречаться обожженные камни, шлаки и железные крицы, а в 4 м от него обнаружены остатки еще одного сооружения—кузницы. Никакого углубления в материке здесь не обнаружено, но были открыты 20 ям от вертикально стоявших столбов; 14 из них располагались по краю вытянутого овала, размером 9 × 5 м, ориентированного с севера на юг. С северной, восточной и южной сторон ямы располагались через более или менее равные интервалы в 1.50—2 м. В середине западной стены постройки находились 4 ямы; остальные 6 ям располагались снаружи у северного конца овала (3 штуки), у южного конца (1 штука) и в середине его (2 штуки). Размеры ям колебались от 0.60 × 0.60 до 0.26 × 0.25 м, причем последних было значительно больше. Глубина их в материке составляла от 0.25 до 0.45 м, причем глубина ямы всегда была прямо пропорциональна ее размерам. Нет никакого сомнения в том, что эта постройка представляла собою навес, имевший, возможно, и стены, аналогичные стенам сооружения 6. С восточной стороны в пределы строения врезается конец одного из раскопов А. А. Спицына.

В средней части постройки, ближе к ее южному концу, обнаружена огромная округлотреугольная куча сильно пережженного камня, частично превратившегося уже в дресву. Ее размеры 2.20 × 2.50 м. Она лежит на 0.05 м выше материка и имеет толщину от 0.05 до 0.08 м. Поверх дресвы лежало несколько десятков обожженных, но еще целых валунов, диаметром от 0.10 до 0.20 м. Рядом с очагом, южнее его, в материке оказалась большая округлая яма, размером 1.20 × 1.40 м, глубиной 0.30 м, с отвесными стенками и плоским дном, заполненная интенсивно черной землей, в которой найдены 1 железный нож, 1 «грузик» и обломки керамики. Севернее очага находилась куча черепков, повидимому, от одного сосуда, сильно пострадавшего от огня. В пределах постройки было разбросано большое количество шлаков, железных криц, обломков железных предметов, а также 1 нож, 1 шило, 3 прясла, 4 крупных точильных камня, песты и обломки бронзовых украшений.

В 2 м западнее постройки лежало сгоревшее бревно свыше 1 м длиной. К северному ее краю примыкала огромная куча пережженного камня, занимающая площадь свыше 20 кв. м. Это несомненно выброс из очагов. В ней найдены крицы, точильный камень и «грузик». Под скоплением камней в материке оказались 2 небольших ямки (0.25 м в диаметре, глубиной 0.20 м).

Сооружение № 10

(Рис. 63)

В 2.80 м западнее сооружения № 9 обнаружены остатки сооружения № 10. Как уже было сказано выше, культурный слой в западной части городища был заметно менее интенсивным и его мощность не превышала 0.20—0.25 м.

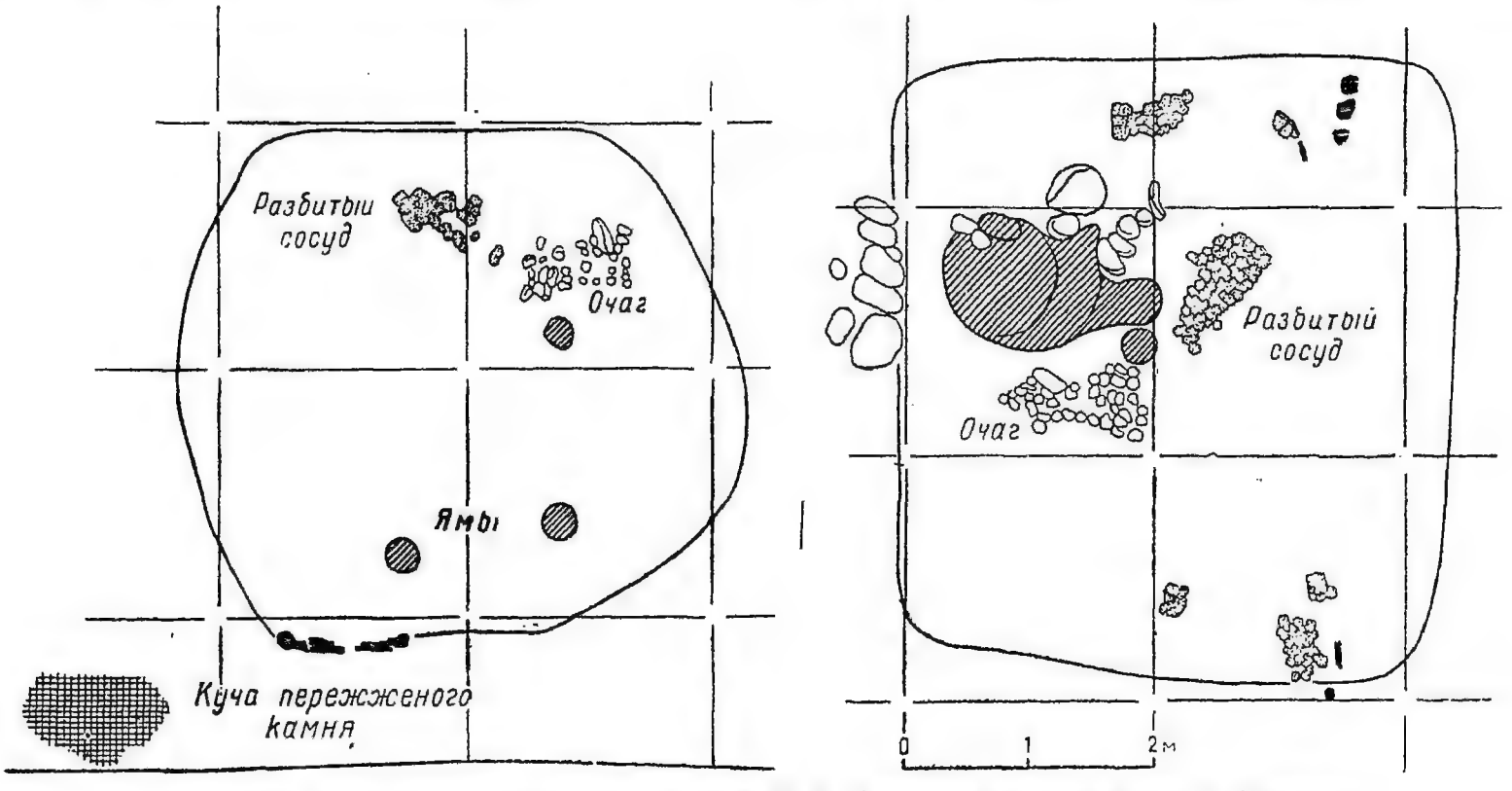


Рис. 63. План остатков сооружений №№ 10 и 11 на городище в устье р. Сонохты.

Эта часть городища (рис. 21) несколько выше центральных его частей, и, повидимому, после того как поселок был покинут жителями, находящиеся здесь остатки сооружений долгое время не были затянуты землей и от этого сильно пострадали. Остатки сооружения 10, а также 11 (последнего) сохранились поэтому чрезвычайно плохо и могут быть реконструированы лишь приблизительно.

На месте сооружения 10 сохранилось незначительное овальное в плане углубление в материке с неопределенными границами, площадью приблизительно 3.90 × 4.30 м, глубиной 0.05—0.10 м, ориентированное с севера на юг. Вдоль его западной стороны оказались остатки сгоревшего бревна, лежащего на 0.05 м выше материка. В юго-восточном углу находились остатки очага из обгоревших валунов. Рядом с ними раздавленный и обгоревший сосуд.

В средней части помещения, вдоль западной и южной стен, обнаружены 3 ямы от вертикальных столбов, поддерживавших, вероятно, нары. В помещении найдены 2 ножа, 1 обломок удил и 1 прясло.

В 2 м западнее постройки в материке была выкопана большая, но неглубокая полукруглая яма с плоским дном. Размеры площади ее 0.60 × 1.20 м, глубина в материке 0.20 м. Песок из ямы находился с ее южной стороны, а крупные камни, переполнявшие здесь материк, были выброшены в западном направлении. Около северо-западного угла постройки открыто небольшое (0.75 × 1 м) скопление жженого камня — выброс из очага.

Сооружение № 11

(Рис. 63)

Остатки сооружения № 11 были открыты в 5 м западнее предыдущей постройки. Они были перекрыты культурным слоем всего лишь в 0.15—0.20 м и сохранились поэтому еще хуже. Западина в материке прослеживалась здесь с большим трудом. Она была углублена всего лишь на 0.03—0.05 м и имела поперечник от 4 до 5 м. В юго-западной ее части обнаружены остатки сгоревшего бревна, лежавшего в направлении с востока на запад; в юго-восточном углу оказались остатки 3 бревен, лежавших с юга на север. Наконец, у северного края западины обнаружено 6 больших валунов, лежавших несомненно вплотную к стене; они образовывали как бы кладку, были привалены к стене. Эти остатки дают возможность восстановить и форму постройки в плане и ее размеры. Она имела прямоугольные очертания, вытянутые с востока на запад, и размеры площади 3.80 × 4.70 м.

В центральной части постройки, ближе к северо-западному углу, обнаружена куча обожженного камня — остатки очага. Восточнее очага в материке оказалось целое нагромождение больших и малых ям, образовавшихся от того, что на месте постройки было скопление больших валунов, выходящих вершинами на поверхность земли. Они были вывернуты и сложены у северной стены постройки и у ее северо-западного угла; образовавшиеся же ямы были засыпаны землей.

Внутри помещения, в разных его частях, находились скопления обломков обожженной керамики. Здесь же были найдены 1 прясло, 1 железный нож и 1 шило.

Обнаруженные на городище остатки сооружений принадлежат постройкам, рубленым из бревен, а также более легким строениям, стены и крыша которых держались на вертикально стоявших столбах. И те и другие постройки были наземными. Некоторая углубленность их в материк объясняется, возможно, тем, что на месте построек, имевших земляной пол, снимался дерн, далее же песчаный их пол, особенно в средней части, несколько вытаптывался. Надо также иметь в виду, что уровень чистого материка не соответствовал уровню пола, который был на 0.05—0.10 м выше. На этом уровне находились во всех постройках и очаги и скопления керамики. Все постройки погибли от пожара.

Около центральной части северного склона городища, а также в его юго-восточном углу обнаружены большие кучи обожженного камня, сильно потрескавшегося и распавшегося на мелкие куски. И в том и в другом местах обнаружено по 2 таких кучи (рис. 23). Небольшое скопление такого камня оказалось в северо-восточной части городища, в 2 м восточнее погребального домика; об остальных таких скоплениях было сказано выше, при описании остатков построек.

Наконец, необходимо сказать несколько слов о северо-восточной части городища, представляющей собою значительное пространство, свободное от строений. На этом участке в материке оказались 7 воронкообразных ям от столбов, разных размеров и глубиной от 0.30 до 0.60 м; из них 5, в том числе 1 большая, находившиеся на равном расстоянии друг от друга (1.60—2 м), вырисовывали кривую линию, одним концом упиравшуюся в северный склон городища, в 7—8 м от его восточного конца, другим концом примыкавшую к углу сооружения 1. Повидимому, стоявшие в ямах столбы являлись основанием легкой изгороди, отгораживавшей участок поселения, площадью в 150—160 кв. м, примыкавший к воротам. Это было не что иное как загородка для скота.

В этой части городища сделан ряд находок, а именно — здесь обнаружены 4 наконечника стрел, 1 втульчатый топор, 3 шила, несколько точильных камней и гладилок, песты и шлаки, сосредоточенные в виде кучи около одного из столбов изгороди.

Другие 2 ямы от столбов были несколько в стороне, против сооружения № 2.

3

Остатки оборонительных сооружений распадаются на четыре части, из которых первую составляют вал и ров, вторую — деревянная стена, обнаруженная в юго-восточной части склона городища, третью — сооружение в южном углу, и наконец, последнюю, четвертую часть оборонительных сооружений составляет та изгородь или стена, которая шла вокруг юго-западного, северо-западного и северного склонов городища.

Вал и ров

(Рис. 64)

Обе части вала, разделенные глубокой западиной, представляющей собою несомненно остатки ворот, были значительно попорчены и уже утеряли свой первоначальный вид. Большая, южная часть вала была прорезана поперек траншеей А. А. Спицына, от которой осталось значительное углубление; меньшая, северная часть вала в середине его имела следы большой округлой ямы, вероятно, кладоискателей. Исследование вала, произведенное в 1934 г., нельзя признать достаточным, но на его основании характер сооружения выявляется все же вполне отчетливо. Неисследованными, собственно, остались лишь ворота, что, конечно, чрезвычайно важно было бы сделать, но в виду плохой сохранности вала их раскопка, возможно, и не дала бы ничего интересного.

Исследование вала было произведено следующим образом. Через южную его часть по траншее А. А. Спицына, ширина которой была равна 0.70—0.90 м при длине 5.45 м, была проведена траншея 22 м длины и 2.50 м ширины, прорезывающая вал и значительное пространство за его пределами. Северная часть вала была изучена путем получения его профиля около самого края городища. И там и здесь были получены вполне аналогичные результаты.

На месте траншеи, прорезывающей южную часть вала, его высота над площадкой городища была равной 0.86 см, над уровнем же погребенной почвы — 1.30 м. Ширина расплывшейся в обе стороны земляной насыпи составляла 10 м. Древняя же ширина сооружения была значительно меньше. Слой погребенной почвы прослеживался под валом только на расстоянии 5 м, считая от его подножия, обращенного к площадке городища. Далее погребенная почва прерывалась, и слой ненарушенного материка круто шел вниз, через 3 м он опустился на 1.50 м ниже уровня погребенной почвы, приняв далее более или менее горизонтальное направление. Через 7 м ненарушенный материк опять несколько углублялся, а затем круто шел вверх к уровню современной почвы, соответствующей здесь древней поверхности. Таким образом, у городища не было рва в собственном смысле этого слова, но узкая здесь часть перемычки, соединяющей городище с плато высокого берега, была за валом перекопана протяжением до 12—13 м.

Как установил еще А. А. Спицын, земля из рва была насыпана в основании вала; она лежит над погребенной почвой слоем в 0.65 м и отличается своим пестрым составом, так как на ряду с подпочвенными слоями сюда попал из выемки и почвенный слой. Значительная часть этого смешанного материала оползла обратно в ров.

Верхняя часть вала была насыпана из другого материала, а именно — из желтого песка с включениями глины. Повидимому, этот материал был принесен откуда-то со стороны, так как в перемычке, на глубине свыше 1 м, начинается тяжелая морена с гравием и валунами, совсем не похожая на песок из верхней части вала. Граница между нижним и верхним горизонтами вала прослеживается с трудом, так как на месте соприкосновения того и другого материала произошло известное смещение. Мощность верхнего горизонта вала равна 0.65 м в средней части и 0.80—0.90 м — на склоне, обращенном ко рву, где мощность нижнего горизонта достигает всего лишь 0.40—0.60 м. Это показывает, что верхний горизонт более оползень и что общая масса материала верхнего слоя значительно превосходит массу материала нижнего слоя вала.

В толще вала, как в верхнем, так особенно в нижнем его горизонте были встречены большое количество угля, а также остатки сгоревших бревен. На материке того и другого было значительно больше, причем здесь хорошо сохранилось целое нагромождение сгоревшего хвороста, а именно — прутьев в 0.01—0.02 м в поперечнике, расположенных вдоль вала, реже — поперек его. Бревна, диаметром от 0.08 до 0.10 м, образовывали здесь как бы два скопления под полами вала, в расстоянии 2—2.50 м одно от другого. Под бревнами, лежавшими ближе к площади городища, в материке обнаружены 3 небольших ямы от вертикально стоявших столбов, по диаметру вполне отвечающие толщине здесь же лежащих сгоревших бревен (0.10—0.15 м).

Второй профиль вала, полученный у северного края городища, дал такую же картину с той лишь разницей, что нижний горизонт вала от верхнего отделялся здесь прослойкой золы, угля и обгорелого песка. В нижних горизонтах вала обнаружены сгоревшие бревна и хворост, лежавшие точно так же, как в предыдущем случае. В материке и здесь оказалась яма от столба, находящаяся, однако, под бревнами, лежавшими под наружным склоном вала, а не под внутренним, как это было в траншее.

Понятно, что бревна и хворост могли сгореть лишь в том случае, если они находились

снаружи, были открыты, а не лежали в земле. Два ряда вертикально стоявших нетолстых бревен составляли основу двух прочных плетней из хвороста, расположенных параллельно в расстоянии 2.50 м друг от друга. Между плетнями была насыпана земля. Общее ее количество дает возможность установить, что высота этого сооружения составляла около 3 м над уровнем материка. Когда плетень сгорел, земля осела на обе стороны и прикрыла собою остатки сгоревшего дерева.

Такая архитектура «вала» встречается, повидимому, довольно часто на городищах первого тысячелетия н. э.

Деревянная стена в юго-восточной части городища

(Рис. 65)

Вдоль юго-восточного склона городища, начиная от южного конца вала и до южного угла городища, на расстоянии 26 м были выявлены остатки сгоревшей массивной деревянной стены из толстых бревен хвойного и лиственного дерева, в том числе дуба. На многих бревнах сохранились остатки коры, указывающие на то, что бревна не были от нее очищены. Толщина бревен составляла от 0.15 до 0.25 м. Как видно на рис. 65, бревна лежали вдоль склона городища и лишь некоторые из них имели другое направление. Бревна лежали внутри или поверх небольшой песчаной насыпи, ширина которой составляла 2—2.50 м, мощность в средней части 30—35 см; ее границы очень неотчетливы. В некоторых случаях удалось констатировать, что насыпь проходила только с внешней стороны, не заходя внутрь скопления бревен. В восточной части сооружения было установлено, что кучи пережженного камня, о которых речь шла выше, граничат не с насыпью, а непосредственно с бревнами. После того как бревна и насыпь были удалены, под ними в материке оказалось несколько расположенных по две или по три ям от вертикально стоявших столбов. Выяснилось также, что естественный край площадки городища был здесь очень неровным.

Реконструкция сооружения рисуется в следующем виде. Неровный край склона был выровнен с помощью небольшой земляной насыпи, поверх которой была возведена стена из бревен, лежавших горизонтально и укрепленных с помощью вкопанных в землю стояков. Часть стояков укреплялась в насыпной земле, толщина которой в некоторых местах была, вероятно, около 0.50—0.75 м; другие же стояки нижними своими концами были вкопаны в материк. На рис. 65 видно, что в местах ям в материке сосредоточены бревна, лежащие перпендикулярно склону. Можно думать поэтому, что и в других местах, где ям в материке не было, бревна, лежавшие в поперечном направлении, являлись остатками стояков. Если это действительно так, то все сооружение состояло из 5 звеньев. Число сгоревших бревен изгороди достигало 10, что говорит о том, что высота ее была не менее 2 м, вероятно же, более, так как трудно предполагать, что могли сохраниться остатки всех бревен.

Сооружение в южном углу городища

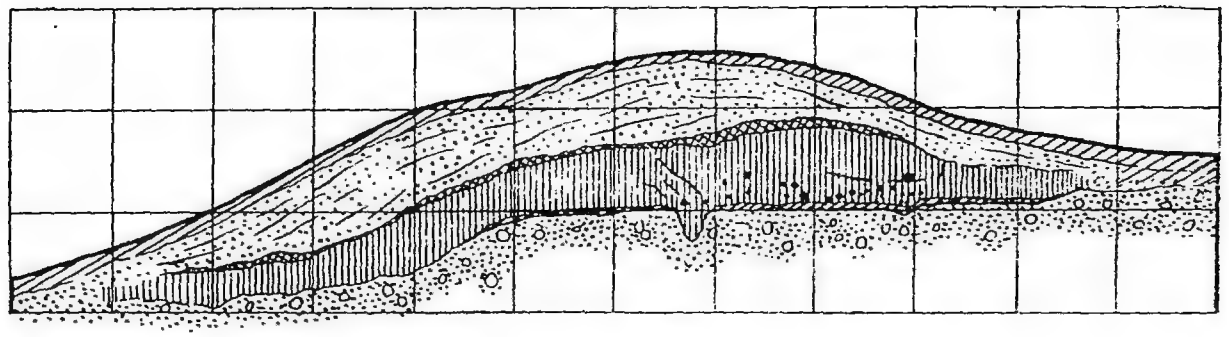
Нагромождение сгоревших бревен около южного угла городища прерывалось, сменяясь остатками совершенно иного характера, занимавшими весь южный угол городища. На слое погребенной почвы здесь был обнаружен слой желтого суглинка, мощностью до 0.40 м. Его ширина в плане составляла, повидимому, около 4.50—5 м. Участок с суглинком исследован вдоль склона на расстоянии 6 м; общая его протяженность должна составлять не менее 10—12 м. В плане он располагается не по прямой, а по дугообразной линии, соответствующей форме угла городища. На погребенной почве, под слоем суглинка, в толще этого слоя, а также поверх его были встречены в большом числе остатки сгоревшего дерева, но не толстых бревен, а хвороста и жердей. Основное направление этих остатков соответствовало линии склона, т. е. и жерди и остатки прутьев лежали вдоль последнего. Ям от столбов в материке здесь не прослежено.

Характер сооружения остается не вполне ясным. Несомненно, что здесь имел место плетень, аналогичный плетню у «вала» городища. Несомненно также, что плетень был сооружен на горизонте, а не поверх насыпи суглинка. Остается предполагать, что здесь была либо аналогичная «валу», но более легкая земляная стена, заключенная между двумя плетнями, либо здесь был один плетень с присыпанным снаружи на значительную высоту валом из суглинка. Первое предположение представляется более вероятным.

Оборонительное сооружение юго-западного, северо-западного и северного склонов

Вдоль юго-западного и северо-западного склонов городища остатки оборонительных сооружений представляли собою несколько новый вариант. Как видно на рис. 23, во всех тех местах, где раскоп достигал линии склона, в материке оказывались ямы от вертикально стоявших столбов, расположенные в одну линию на расстоянии 1—2 м друг от друга. Никакой земляной насыпи, а также остатков сгоревшего дерева здесь не обнаружено, за исключением частей двух обугленных бревен в западном углу площадки. Все ямы имели более или менее округлую форму; их диаметр колебался от 0.20 до 0.45 м, глубина в материке составляла от 0.30 до 0.45 м.

ЗАЧИСТКА ОБНАЖЕНИЯ



РАЗРЕЗ ВАЛА

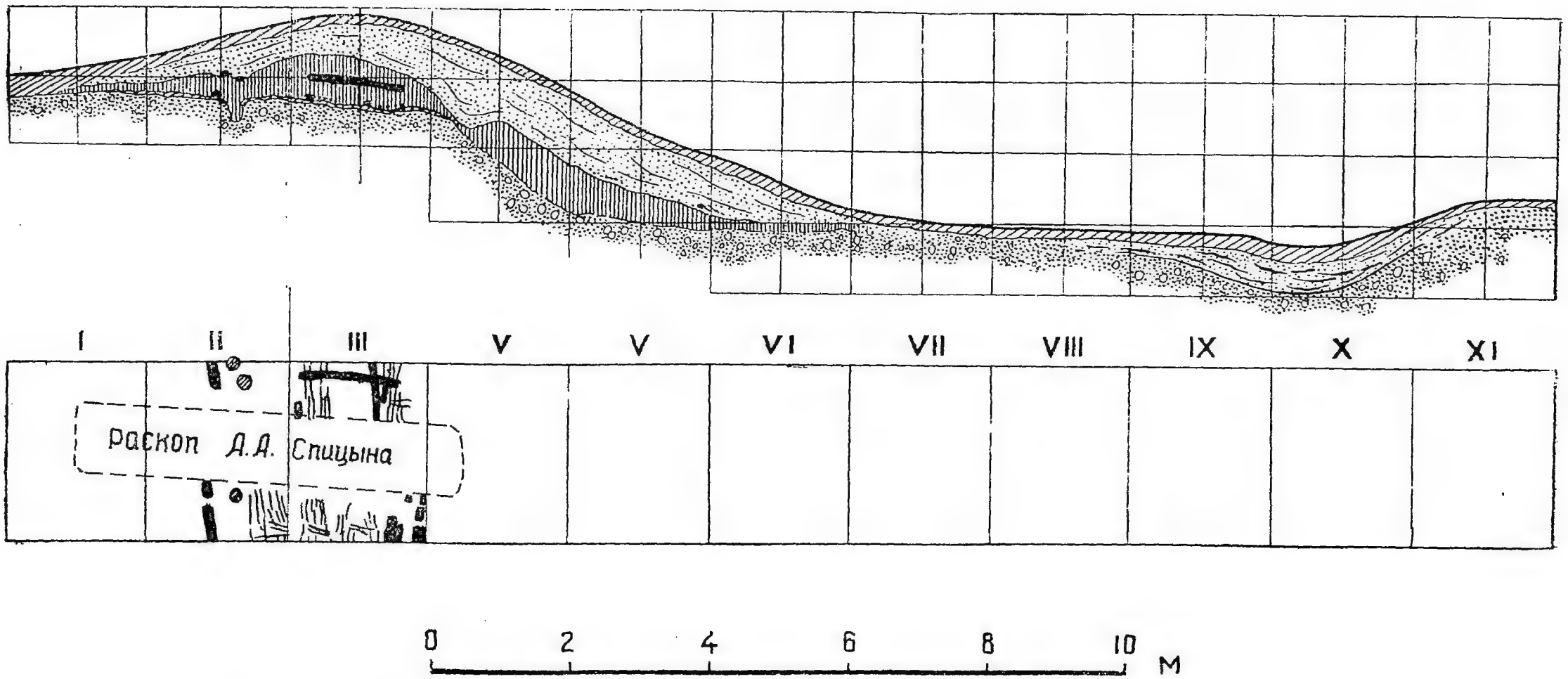


Рис. 64. Остатки оборонительных сооружений городища в устье р. Сонохты. Разрезы и план вала и рва.

Вдоль северного склона, где также не встречено следов насыпи и горелого дерева, ямы от столбов в материке не обнаружены. Однако ясно, что этот участок склона, несколько подмываемый в половодье, смыт на ширину 1—1.50 м, и несомненно, что и здесь было такое же сооружение, что и вдоль юго-западного и северо-западного склонов. Оно представляло собою либо бревенчатую стену, аналогичную той, остатки которой хорошо сохранились в юго-восточной части городища, либо деревянную изгородь несколько иного характера.

4

Состав находок, сделанных при исследовании остатков жилищ, других сооружений и культурного слоя определяется двумя обстоятельствами, о которых уже упоминалось выше. В результате пожара, от которого погибло поселение, сделанные на городище находки отличаются значительной полнотой. Под слоем пожарища были погребены многие десятки вещей, в целости сохранившиеся в культурном слое до наших дней, чего обычно не бывает при исследовании остатков поселений, прекративших свое существование при других обстоятельствах. Пожар, таким образом, явился, с нашей точки зрения, весьма положительным фактом, так как он повысил ценность исследованного памятника. Наоборот, фактом, отразившимся отрицательно на ценности памятника как исторического источника, явились крайне неблагоприятные почвенные условия, при которых на городище не сохранилась кость. Исключение составили лишь единичные обломки кости и костяные изделия, обожженные во время пожара, а также зубы животных. Это второе обстоятельство нельзя не рассматривать как большой минус, сильно понижающий научную ценность памятника, так как в эпоху поселения костяные орудия и другие изделия из кости имели чрезвычайно большое распространение.

Определение зубов животных и тех немногих костей, которые сохранились в обугленном состоянии, произведенное В. И. Громовой, дало следующие цифры (табл. 6).

Вещественный материал, обнаруженный на городище, освещен ниже таким образом, чтобы были ясны не только индивидуальные особенности каждого предмета, но и его точное местоположение. Исключение в данном случае составит лишь керамика, описание которой вследствие некоторых обстоятельств дается в суммарном изложении.

Керамика

На городище было обнаружено до 8000 фрагментов посуды, из которых одна часть в виде мелких обломков была рассеяна в культурном слое, другая же часть находилась внутри остатков жилищ в виде компактных скоплений, представлявших собою разбитые во время пожара сосуды. В жилище № 1 такие скопления обломков керамики были обнаружены на очаге и в северо-восточном углу помещения, в жилище № 2 один разбитый сосуд находился перед очагом, другой — в юго-западном углу помещения (рис. 25); в жилище № 3 (большой дом) скопления керамики не обнаружено; в жилищах №№ 4 и 7 куча обломков керамики обнаружена на месте очагов; в жилище № 10 раздавленный сосуд находился рядом с остатками очага (рис. 63) и, наконец, в последнем жилище № 11 были встречены обломки керамики в пяти местах (рис. 63). Таким образом, при исследовании жилищ были встречены остатки minimum 12 разбитых глиняных сосудов, восстановление которых дало бы возможность сделать исчерпывающую характеристику керамики поселения. Однако восстановление этих сосудов, несмотря на то, что при исследовании были взяты в пределах жилищ все, даже самые маленькие, их обломки, оказалось неосуществимой задачей, так как свыше 50% обломков сосудов были обожжены и оплавлены во время пожара до состояния губчатой массы; другие же, менее обожженные, растрескались и деформировались. В результате полностью был восстановлен всего лишь один сосуд и частично восстановлен другой. Некоторая часть обломков керамики, рассеянных в культурном слое, также имеет на себе следы огня.

Таблица 6

Наименование животных	Число костей	В процентах к общему числу костей	Число особей	В процентах к общему числу особей
Домашние животные				
Equus caballus (лошадь)	87	73.0	10	62.0
Bos taurus (бык домашний)	28	23.5	3	13.0
Sus scrofa dom. (свинья)	3	2.5	2	12.5
Мелкий рогатый скот	1	1.0	1	6.5
		100		100

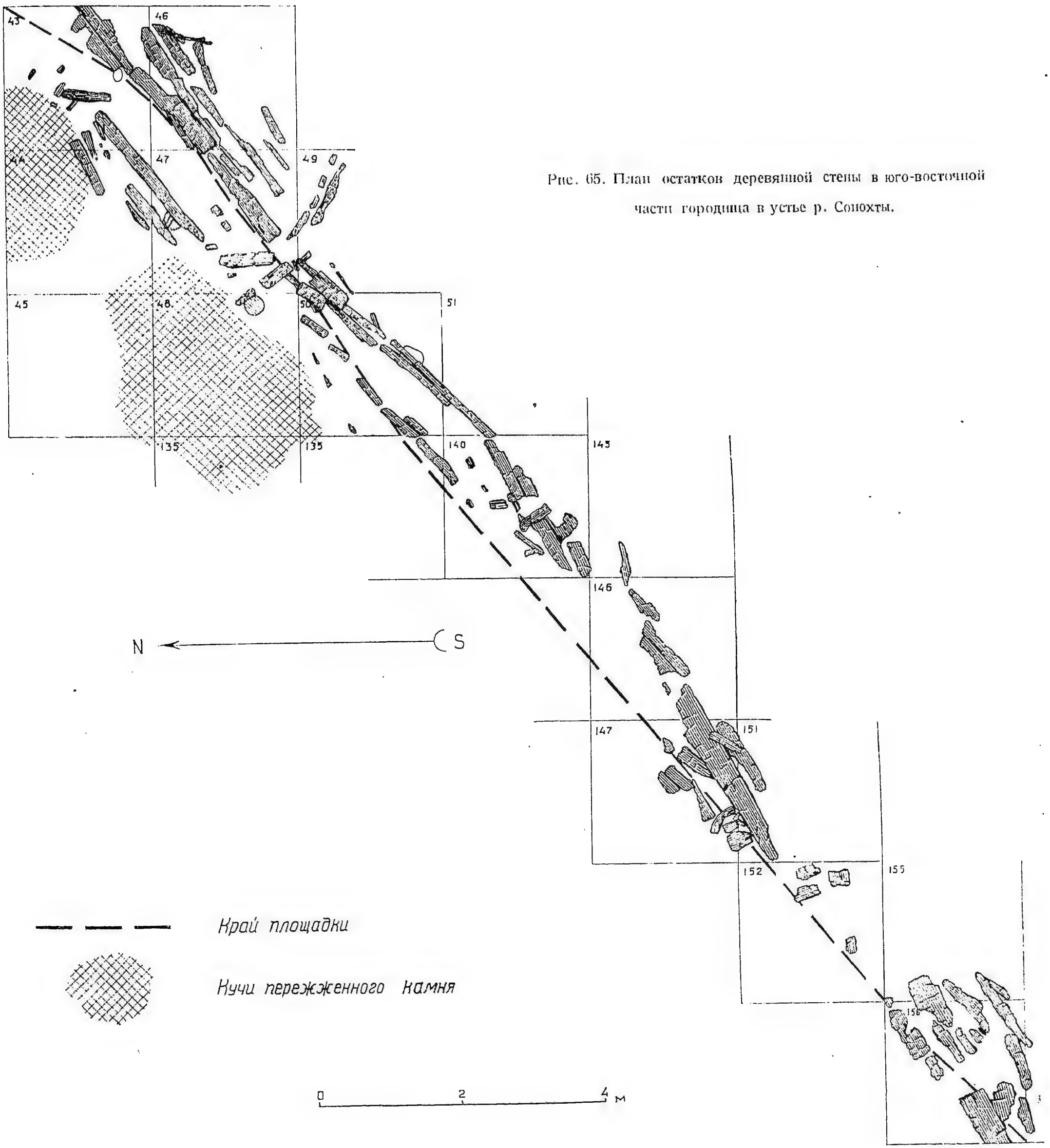


Рис. 65. План остатков деревянной стены в юго-восточной части городища в устье р. Сопохты.

Вследствие этого характеристика керамического материала дается ниже в обобщенном, суммарном виде.

На городище встречены обломки, принадлежавшие 110—120 сосудам. За некоторыми исключениями, о которых речь будет итти ниже, все они являлись плоскодонными горшками баночной формы, в отдельных случаях низкими в виде мис, чаще же высокими горшками с расширяющимися кверху выпуклыми стенками, суженным горлом и несколько отогнутым наружу венчиком. С формой сосудов можно познакомиться по 2 восстановленным горшкам и по ряду крупных фрагментов. Первый горшок (рис. 36, *3*) из жилища № 2, восстановленный целиком, не является, повидимому, сосудом характерной формы. Он имеет узкое дно и очень сильно расширяющиеся кверху стенки. Основная масса горшков имела более баночные, приближающиеся к цилиндрическим очертания, подобные тем, какие имеет второй, частично восстановленный горшок, происходящий также из жилища № 2. Помимо своих пропорций, этот горшок отличается от первого высокой прямой шейкой, довольно плавно переходящей к стенкам, что также характерно для керамики городища (рис. 36, *2*). Размеры первого горшка выражаются следующими цифрами: высота 14 см, диаметр горла 20 см, наибольший диаметр 23 см, диаметр дна 11 см, толщина стенок 0.6 см, толщина дна 0.7 см. Размеры второго горшка следующие: высота не менее 28 см, диаметр горла 24 см, наибольший диаметр 27 см, диаметр дна 12—14 см, толщина стенок 0.6—0.7 см. Высота сосуда, таким образом, превышает его ширину. Промеры других сосудов, представленных в виде фрагментов, даны в табл. 7. Ясно, что удалось получить промеры далеко не для всех сосудов, а лишь для некоторых из них.

Данные о высоте сосудов по понятным причинам вовсе не могут быть представлены.

Профили днищ сосудов изображены на рис. 66, где видно, что у днищ почти не имеется обычного для древней керамики карнизика. Толщина стенок сосудов колеблется

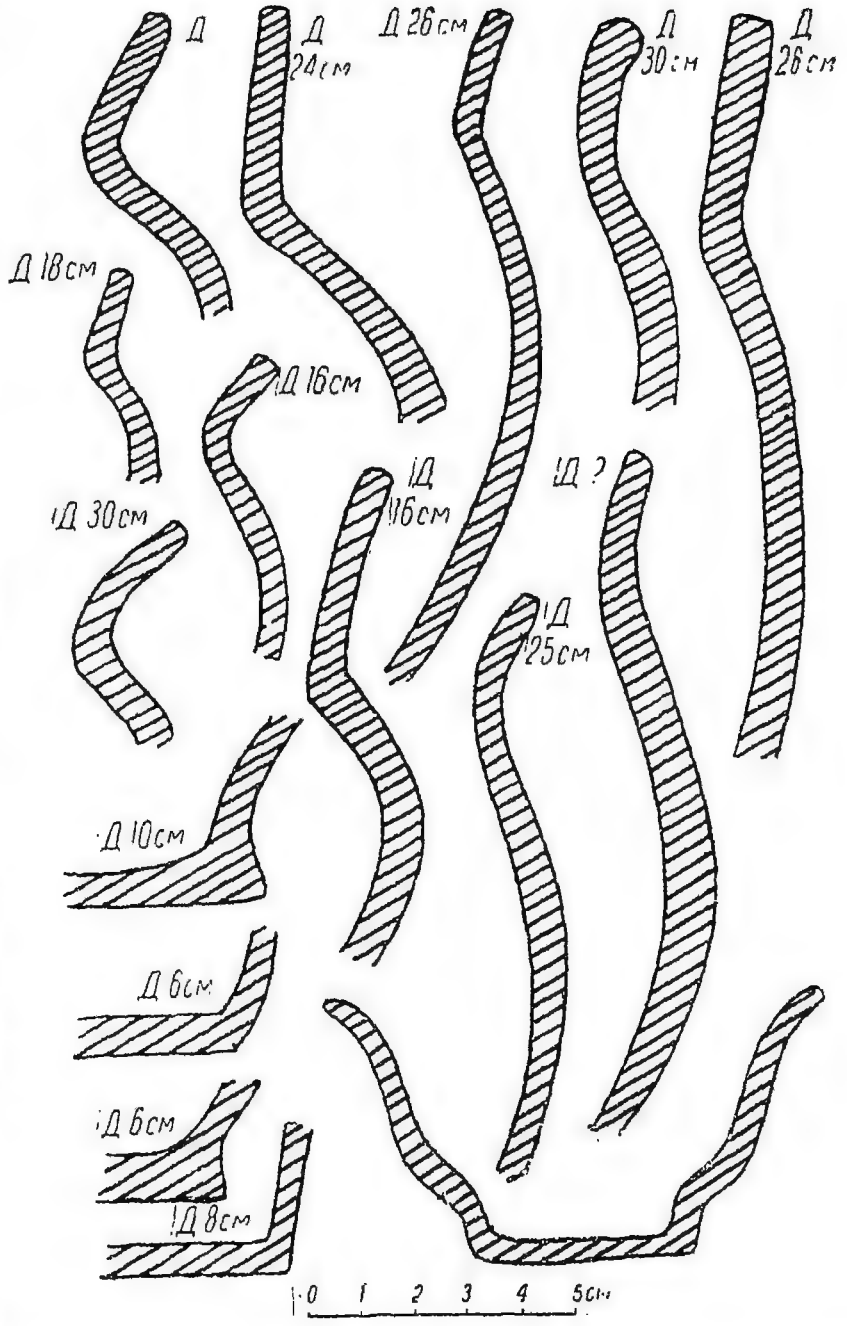


Рис. 66. Керамика с городища в устье р. Сонохты. Профили сосудов.

в пределах от 0.5 до 0.8 см; толщина днища, как правило, на 0.2—0.3 см превышает толщину стенки сосуда.

Маленькие сосуды, обычные для дьяковых городищ, здесь не были найдены, за исключением одного сосуда высотой 5 см при диаметре 9.5 см и полукруглой чашечки диаметром 4.2 см.

Таблица 7

Диаметр шеек (в сантиметрах)	6—9	10—12	13—15	16—18	19—21	22—24	25—27	28—30	31—33
Число сосудов	2	6	3	11	6	10	4	5	1

Диаметр днищ (в сантиметрах)	6—7	8—9	10—11	12—13	14—15	16
Число сосудов	4	5	5	4	1	2

По своему общему характеру глиняная посуда отличается исключительным однообразием. Вся она изготовлена от руки, без помощи гончарного круга, из глины с примесью песка, шамота и реже зерен кварца, т. е. дресвы, полученной в результате разрушения древних кристаллических пород с помощью огня. Многочисленные характерные изломы показывают, что посуда лепилась обычным ленточным способом, начиная от дна, причем ленты накладывались с внутренней стороны стенок сосуда. Большинство сосудов отличается асимметричностью. Их поверхность относительно тщательно выглажена как с наружной, так и с внутренней стороны. В отношении обработки поверхности эта посуда значительно отличается, скажем, от лепной керамики IX—X столетий, выделяющейся своей исключительно грубой поверхностью. Цвет керамики городища желтовато-бурый, относительно светлый; излом имеет обычно серую окраску, также относительно светлую.

Отличительной особенностью керамики является почти полное отсутствие какой-либо орнаментации. Из общего числа лишь 12 сосудов имеют примитивную орнаментацию по краю венчика, представляющую собою в девяти случаях прямые или косые насечки (рис. 36), в одном случае — отпечатки косо поставленного зубчатого чекана и в двух случаях край венчика покрыт рядом мелких ямочных вдавлений (рис. 36). По шейке орнаментация имеется лишь у 2 сосудов; у первого она имеет вид двух параллельных рядов мелких ямочных вдавлений (этот же сосуд орнаментирован ямками по краю венчика); у второго орнамент состоит из более крупных ямочных вдавлений, расположенных по 3 штуки.

Разбитые еще в древности 4 сосуда были тогда же восстановлены с помощью парных отверстий, просверленных по краям изломов и служивших для скрепления разбитых частей шнурком или ремешком.

Обратимся теперь к керамике особого характера, отличающейся от обычной посуды городища. К ней относятся прежде всего обломки 5 сосудов с гладкой черной поверхностью, вылощенной до блеска. Четыре сосуда, от которых сохранились фрагменты верхних частей, представляли собою, повидимому, широкие разлогие горшки, диаметром от 12 до 15 см. Профили их верхних частей изображены на рис. 66. Пятый горшок был несколько бо́льших размеров; каких — точно неизвестно, так как от него сохранились лишь несколько обломков стенок. Остатки этих сосудов были найдены вне пределов жилищ.

Исключительно интересной находкой, открытой в северо-восточном углу городища, является часть большой глиняной мисы, орнаментированной отпечатками веревочки (рис. 36). Судя по фрагменту, можно заключить, что это была полушаровидная миса, диаметром 28 см, изготовленная из обычной глины. Вокруг горловины мисы, в 2.5 см ниже края, налеплен глиняный валик, шириной в 1.2 см, толщиной 0.5 см. Ниже его располагаются 2 отпечатка грубой веревки, свитой из двух прядей. Сосуд был разбит и еще в древности был восстановлен обычным путем, т. е. с помощью парных отверстий, просверленных около излома.

Наконец, следует указать, что на городище были найдены 6 мелких обломков 2—3 сосудов с «сетчатой» орнаментацией, по составу глины, цвету и обжигу не отличающихся от обычной керамики городища.

Прясла от веретен и «грузики дьякова типа»

Глиняные изделия в виде прясел для веретен и так называемых «грузиков дьякова типа» обнаружены на городище в числе 43 экземпляров (27 целых и 16 фрагментированных); из них 26 экземпляров (16 целых и 10 фрагментированных) являются характерными прясла́ми, назначение которых не может вызывать никаких сомнений; 6 экземпляров (все целые) являются типичными «грузиками» и последние 11 глиняных изделий (8 целых и 3 фрагментированных) можно отнести по форме к прясла́м, но по орнаментации и некоторым другим особенностям — к «грузикам дьякова типа». Все они изготовлены из обычной грубой глины, с примесями шамота и песка, ничем не отличающейся по составу от глины, из которой изготовлена посуда. В соответствии с этим поверхность изделий отличается неровностью. Исключение составляет несколько прясел с гладкой поверхностью, получившей такой вид, вероятно, в процессе долголетнего употребления. На «грузиках дьякова типа» такой заглаженности не наблюдается. Многие глиняные изделия, особенно «грузики», подобно глиняной посуде сильно пострадали от пожара, оплавились и утеряли свою первоначальную форму.

Прясла для веретен по форме распадаются на три группы. Одну из них составляют низкие биконические прясла, высота которых соответствует примерно ½ их диаметра. Таких прясел найдено 11 (4 целых и 7 фрагментированных) (рис. 38 и 67).

Вторую группу составляют цилиндрические прясла в большинстве случаев с закругленными углами; их высота равняется $^1/_3$ диаметра. Одно из прясел такой формы не вылеплено из глины, как все другие, а выточено из черепка глиняной посуды. Оно отличается также меньшими размерами и, возможно, является более поздним предметом, случайно попавшим в культурный слой. Цилиндрических прясел найдено 13 (11 целых и 2 фрагментированных) (рис. 38 и 67).

Третью группу составляют 2 прясла (1 фрагментированное), форму которых можно назвать

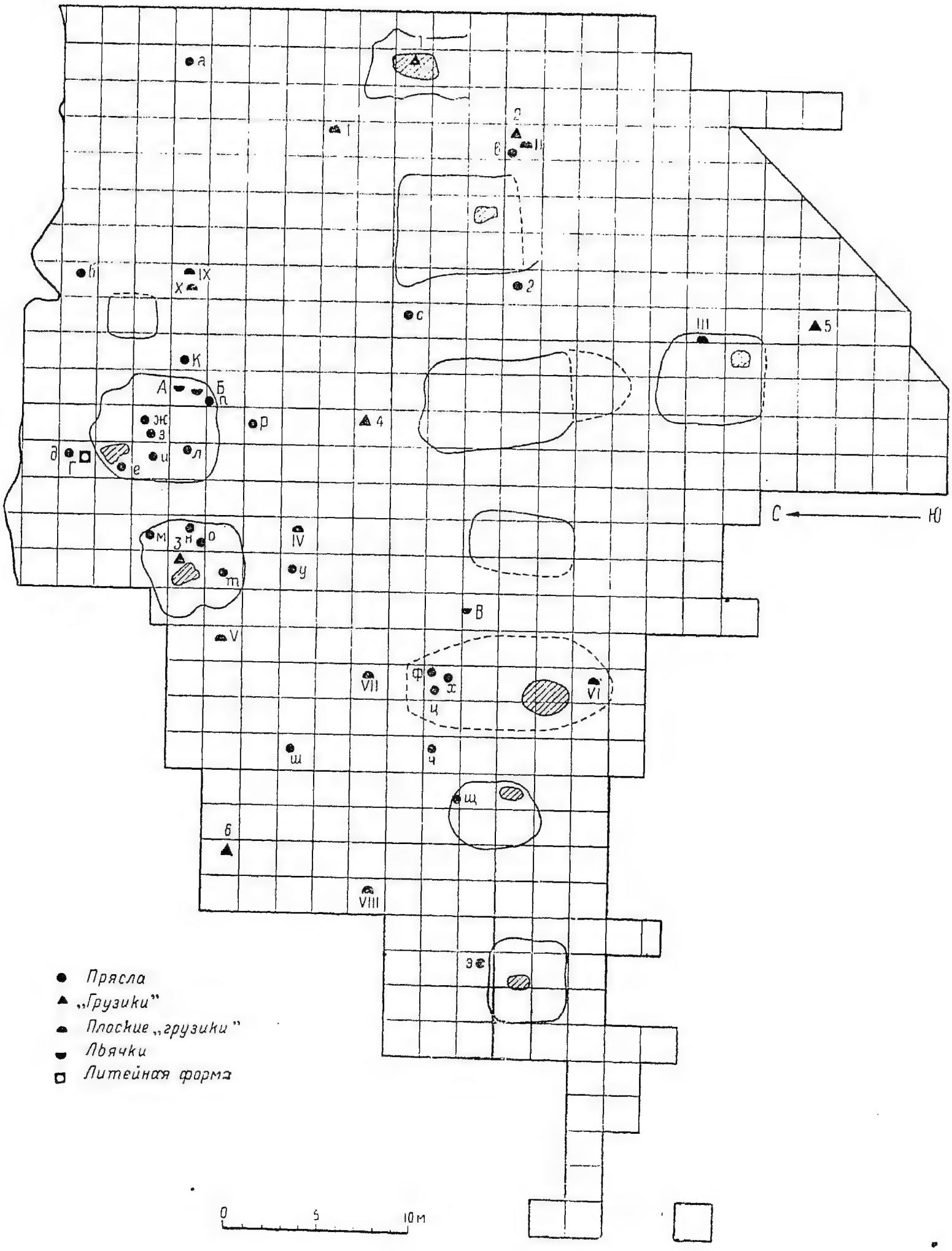


Рис. 67. Схема расположения глиняных изделий на городище в устье р. Сонохты.

округло-биконической (рис. 38). Их высота почти достигает размеров диаметра. Грани округлены.

Размеры прясел таковы: диаметр цилиндрических прясел колеблется в пределах от 3 до 4 см (и лишь 2 из них превышают эти цифры), высота от 1 до 2 см; диаметр биконических прясел колеблется между 4 и 5 см, их высота от 1.5 до 2.5 см; диаметр отверстий большинства прясел равняется 0.7—0.8 см (отверстие диаметром меньше этих цифр имеют лишь 3 прясла, больше этих цифр на 0.1 см — 5 прясел).

На табл. 8 даны размеры всех прясел с указанием их формы, номеров (буквенных) на плане (рис. 67) и номеров воспроизведений (рисунков).

Одно из прясел имеет орнаментацию, состоящую из ряда насечек, расположенных лучеобразно вокруг отверстия с обеих сторон прясла.

На плане (рис. 67) видно, что 70% всех найденных на городище прясел были сосредоточены в помещении для прядения, в сооружении № 7 и в кузнице. Особенно много было их в первом из указанных построек; там было найдено 9 прясел, преимущественно фрагментированных.

«Грузики дьякова типа», найденные на городище, отличаются почти полным однообразием. Они имеют либо форму усеченного конуса (2 экземпляра), либо представляют собою плоский кружок с возвышением в средней части (4 экземпляра). Их размеры более или менее соответствуют размерам прясел. Интересно лишь, что отверстие «грузиков» значительно уже, чем у прясел: оно составляет в поперечнике всего лишь 0.5 см. Нижняя сторона у «грузиков» или совершенно плоская или (реже) несколько вогнутая. Каких-либо следов, прямо или косвенно указывающих на способ употребления, ни на одном «грузике» об-

Таблица 8

№№ на плане (рис. 67)	Форма	Диаметр	Высота	Диаметр отверстия	Примечание	Воспроизведения
		в сантиметрах				
а	Цилиндрическая	2.7	0.6	0.7	Из черепка	Рис. 38,*7*
б	Биконическая	5.1	1.9	0.8	Сильно обожжено	
в	»	4.1	1.7	0.8	Фрагментировано	
г	»	4.0	1.7	0.7	Фрагментировано	
д	Цилиндрическая	3.2	1.4	0.9		
е	Биконическая	5.2	1.9	0.8		Рис. 38,*6*
ж	»	3.9	1.9	0.6	Обожжено	Рис. 38,*10*
з	Цилиндрическая	3.8	1.1	0.9		Рис. 38,*8*
и	»	3.8	1.0	0.8		
к	Биконическая	4.0	1.7	0.8	Фрагментировано	
л	»	4.2	2.5	0.8	Фрагментировано	
м	Цилиндрическая	4.0	0.8	0.8		
н	»	3.7	1.8	0.7	Сильно обожжено	
о	Округло-биконическая	2.7	2.1	0.5	Фрагментировано	Рис. 38,*9*
п	Биконическая	4.0	1.6	0.7	Фрагментировано	
р	»	4.2	2.5	0.8	Фрагментировано	
с	Цилиндрическая	3.6	1.7	0.7	Фрагментировано	
т	»	3.6	1.3	0.8	Фрагментировано	
у	»	4.2	2.0	0.8		
ф	»	4.9	1.5	0.9		
х	»	1.9	0.9	0.4		
ц	»	3.8	1.5	0.7	Фрагментировано, орнаментировано	
ч	Биконическая	4.5	1.4	0.9		
ш	Цилиндрическая	3.3	1.0	0.9		
щ	Биконическая	4.0	1.7	0.8	Фрагментировано	
э	Округло-биконическая	3.6	2.5	0.9		

наружить не удалось. Все «грузики» орнаментированы по краю грубой насечкой, иногда редкой, в большинстве же случаев частой, придающей краям «грузика» зубчатый характер. Орнаментацию сверху имеют лишь 2 «грузика»: коническое — украшенное ямочными вдавлениями, образующими треугольники (рис. 38, *3*), и другое — почти совсем плоское, украшенное нарезными линиями, образующими шестиконечную звезду (рис. 69). Орнамент на обоих «грузиках» нанесен крайне небрежно, что впрочем вполне соответствует их некоторой асимметричности и грубости изготовления.

Полные данные для характеристики «грузиков» даны в табл. 9.

Показанное на плане (рис. 67) местонахождение «грузиков» не дает никакой определенной картины. Ясно лишь, что эти предметы не имели никакого отношения ни к прядильному, ни к ткацкому делу, так как они не были сосредоточены у специального помещения как прясла для веретен, а были рассеяны по всей площади городища.

Третью категорию округлых глиняных предметов следует считать, повидимому, разновидностью «грузиков дьякова типа». Это глиняные кружки с отверстием в средней части, плоские или же несколько выпуклые с верхней стороны. Два кружка в средней части имеют значительную выпуклость, что сближает их с «грузиками». Нижняя их сторона иногда бывает несколько вогнутой. Все они, подобно «грузикам», имеют зубчатый край, образованный путем грубой и небрежной насечки острым орудием, повидимому, ножом. Два кружка орнаментированы не только по краю, но и по плоскостям. В одном случае на большом кружке орнамент состоит из ямочных вдавлений, расположенных по овалу сверху вокруг отверстия (рис. 38, *4*). Другой кружок орнаментирован с обеих сторон нарезными линиями, образующими весьма сложную геометрическую фигуру, являющуюся, возможно, идиограммой (рис. 69).

Диаметр кружков колеблется в пределах от 4 до 5.5 см, толщина от 1 до 2 см. Большие

Таблица 9

№№ на плане (рис. 67)	Форма	Диаметр	Высота	Диаметр отверстия	Примечание	Воспроизведения
		в сантиметрах				
1	Коническая	4.0	2.8	0.5	Низ вогнутый	Рис. 38,*2*
2	»	3.5	1.8	0.3	Орнаментировано по верху	Рис. 38,*3*
3	Плоская с возвышением . . .	5.0	2.8	0.3		Рис. 38,*4*
4	То же	4.7	2.4	0.4	Обожжено	
5	» »	5.1	2.3	0.5		
6	» »	4.4	1.9	0.5	Орнаментировано по верху	

Таблица 10

№№ на плане (рис. 67)	Диаметр	Высота	Диаметр отверстия	Примечание	Воспроизведения
	в сантиметрах				
I	4.3	1.2	0.5		Рис. 38,*5*
II	5.4	1.4	0.5	Орнаментировано ямками	Рис. 38,*4*
III	4.5	1.1	0.5	Фрагментировано	
IV	4.7	2.0	0.5	Низ вогнутый	
V	4.5	1.7	0.5	По форме близок «грузикам»	
VI	4.8	1.5	0.5		
VII	3.9	1.0	0.6		
VIII	4.2	0.8	0.4		
IX	3.8	1.4	0.4	Фрагментировано	
X	4.0	—	—	»	
N	4.0	0.9	0.6	Орнаментировано нарезкой	

Примечание. Под буквой *N* обозначена вещь, происходящая из случайных находок.

размеры имеет лишь один из них, орнаментированный овалом из ямок. Диаметр отверстия кружков совпадает по размеру с диаметром отверстий «грузиков», т. е. равняется 0.4—0.5 см.

Точные размеры кружков с указанием на номер воспроизведения (рисунков) и с указанием местонахождения даны на табл. 10.

Расположение кружков по площади городища, указанное на плане (рис. 67), является бесспорным доказательством в пользу того, что пряслами для веретен эти вещи не служили.

Льячки и литейная форма

На городище были найдены обломки трех глиняных льячков и одной примитивнейшей односторонней глиняной литейной формы. Обломки двух льячков и формы были найдены в сооружении № 6 (прядильное помещение), обломок третьего льячка был обнаружен в сооружении № 9 (кузнечное помещение). Все предметы — льячки и форма — были изготовлены из обычной глины, не отличающейся от той, из которой изготовлялась глиняная посуда.

У всех трех льячков (табл. 11) сохранились лишь рукоятки, продолговатые, овально прямоугольные в сечении (длиной 1.5, 3 и 3.5 см), с продольным отверстием (диаметром 0.6—0.7 см); ложки же, имевшие, повидимому, подпрямоугольные очертания, еще в древности были отбиты и их части при раскопках не были найдены. Один из льячков на верхней части рукоятки имеет орнаментацию из круглых ямочных вдавлений, расположенных в виде симметричной геометрической фигуры (рис. 38, *12*).

Таблица 11

№№ на плане (рис. 67)	Местонахождение	Воспроизведения	Примечание
А	Сооружение № 6 . .	Рис. 38,*12*	Орнаментирован
Б	То же	Рис. 38,*11*	
В	Сооружение № 9 . .		

Литейная форма представляла собою прямоугольную глиняную призму с выпуклыми сторонами, высотой 3,5 см, длиной 7.4 см и шириной 6—6.5 см (рис. 38, *13*). Один из углов ее был отбит еще в древности. Форма служила для изготовления плоских подпрямоугольных колец 3.7 см в поперечнике. Негативное изображение такого кольца, предназначенного, вероятно, для пряжки, нанесено в центральной части формы. Форма найдена около сооружения № 6. На плане место ее находки (рис. 67) обозначено буквой *Г*.

Ножи железные

Среди железных изделий, найденных на городище, на первом месте по численности стоят железные ножи, встреченные в количестве 38 штук. В большинстве своем, а именно — 26 штук, они являются совершенно целыми; другие же еще в древности были поломаны. Лезвие значительной части ножей сильно сточено; некоторые из них сточены настолько, что потеряли свою первоначальную форму и размеры. На нескольких ножах на черешке в слое ржавчины сохранились следы деревянных и костяных рукояток.

По своим формам ножи отличаются почти полным единообразием. Все они прикреплялись к рукоятке с помощью массивного черешка, у 33 ножей расположенного по отношению к лезвию таким образом, что обух ножа и черешок представляют собою прямую линию; со стороны лезвия черешок значительно сужнвается (рис. 35). Ножи имеют прямой обух (рис. 35, *3*, *4*) или, чаще, несколько выпуклый. Другими словами, большинство из них удерживает старые формы ножей с «горбатой спинкой». У 5 экземпляров с прямым обухом черешок сужен как со стороны лезвия, так и со стороны спинки (рис. 35, *5*). Это более новые формы. Один из «горбатых» ножей имеет на обухе уступ (рис. 35, *2*), что было встречено и у ножей селища Красной Холм в устье р. Попадьинки.[1] Три ножа (2 целых и 1 сломанный) сохранились вместе с железными обоймицами и наконечниками рукояток, имеющими форму широких, несколько приплюснутых колец. Интересно, что обоймицы эти, согнутые из железных пластин, не были сварены обычным образом, а были спаяны медью. Они прикреплялись к рукоятке с помощью небольших гвоздиков (рис. 35, *4*).

Размеры ножей вместе с черешками варируют в пределах от 8 до 21 см, причем длина лезвия, как правило, составляет $^2/_3$ общей длины ножа. Длину менее 10 см имеют 4 ножа; 10—12 см — 9 ножей; 13—15 см — 9 ножей; 16—18 см — 10 ножей и 20—21 см — 6 ножей. Ширина лезвия от 1 до 2 см. Характерной чертой всех ножей является их значительная массивность. Толщина ножей у обуха от 0.3 до 0.6 см.

Один из маленьких ножей имеет орнаментацию в виде прямой черты (шириной 0.5 мм и такой же глубины), нанесенной вдоль обуха с обеих сторон лезвия (рис. 70, *2*).

Ниже помещена табл. 12, на которой указаны размеры всех ножей, номера рисунков, на которых они изображены, также номера ножей, увязывающиеся с планом местоположения их на городище (рис. 68).

---

[1] Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг., т. I. Изв. Гос. Акад. истории матер. культуры, вып. 109, 1935, стр. 15.

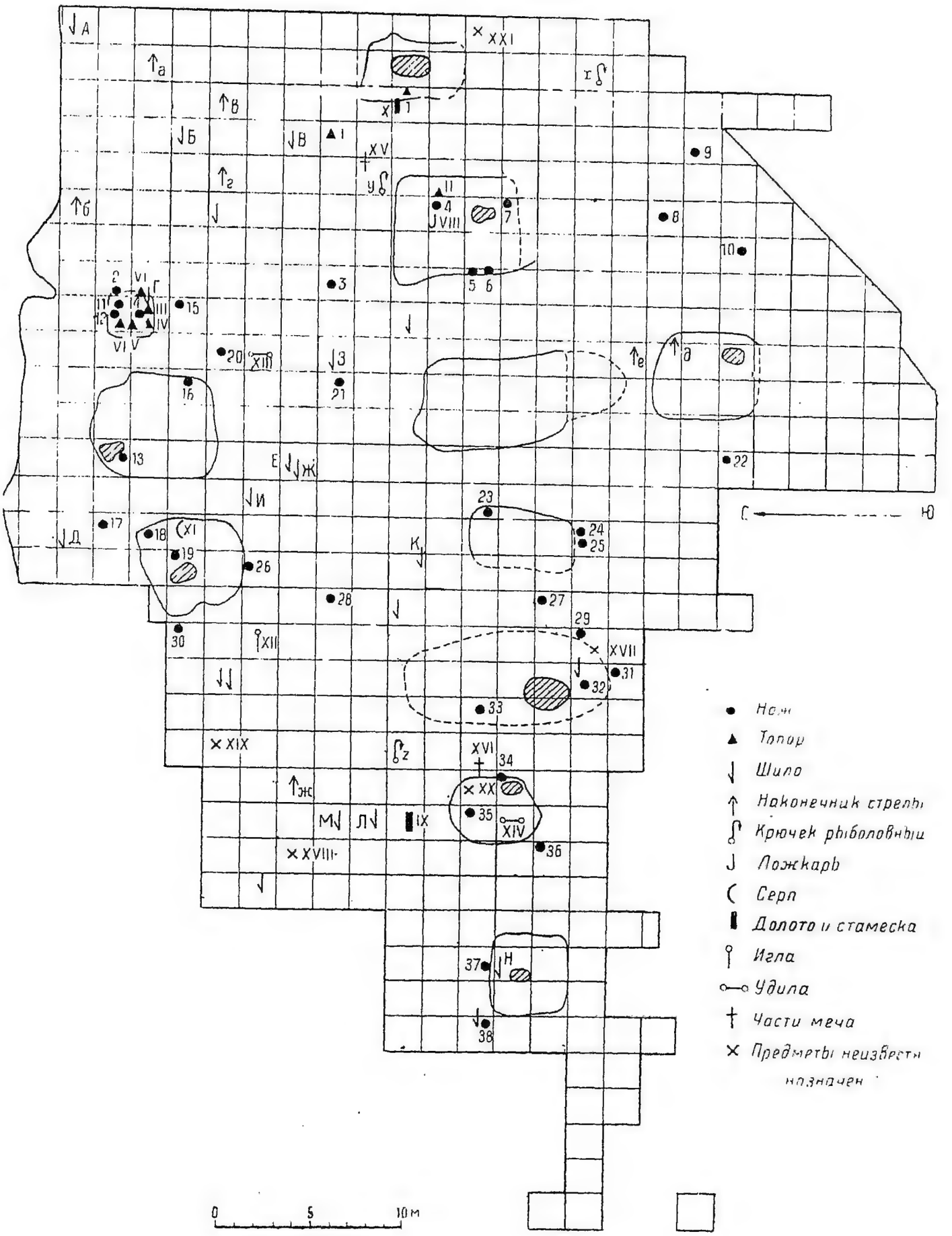


Рис. 68. Схема расположения железных изделий на городище, в устье р. Сонохты.

Таблица 12

№№ на плане (рис. 68)	№№ рисунков	Длина ножей	Длина лезвия	Ширина лезвия	Толщина обуха	№№ на плане (рис. 68)	№№ рисунков	Длина ножей	Длина лезвия	Ширина лезвия	Толщина обуха
в	с а н т и м е т р а х					в	с а н т и м е т р а х				
1		—	13	1.6	0.3	20		13.7	9.3	1.4	0.3
2		—	11	1.8	0.3	21		10.6	7	1	0.2
3		—	—	2	0.4	22		—	7.5	1.3	0.4
4		8.8	6	1	0.2	23		9	5.7	1.1	0.3
5		12.4	6.5	1.5	0.4	24		—	—	1.8	0.4
6		—	14	1.6	0.6	25		17.7	12	1.7	0.5
7		—	—	—	0.2	26		—	—	2.3	0.4
8		9.5	5.6	1	0.4	27		—	—	2.5	0.3
9		—	—	13	0.2	28		10.5	5.7	1.4	0.3
10	35,5	14.3	8.5	1.2	0.4	29		—	—	1.2	0.3
11	35,1	10.5	6.7	1.2	0.3	30		21	15	2	0.6
12	35,6	—	7.5	2	0.4	31		—	—	1.2	0.3
13		16	12	2	0.4	32		20	15	1.5	0.4
14	35,2	—	—	2.2	0.4	33		12.7	9.5	1.5	0.3
15		15.5	11	1.7	0.4	34		16	10	1.2	0.4
16	35,4	15	11	1.5	0.3	35		19	13.5	1.6	0.4
17		11.2	7.5	1.7	0.3	36		—	—	1.6	0.4
18	35,3	15.4	10	1.3	0.3	37		12.8	8.5	1.5	0.4
19		14.8	10	1.7	0.4	38		12	7.3	1.1	0.3

Примечание. Знак — (тире) означает, что нож обломан или сильно сточен и его точные размеры не могут быть установлены.

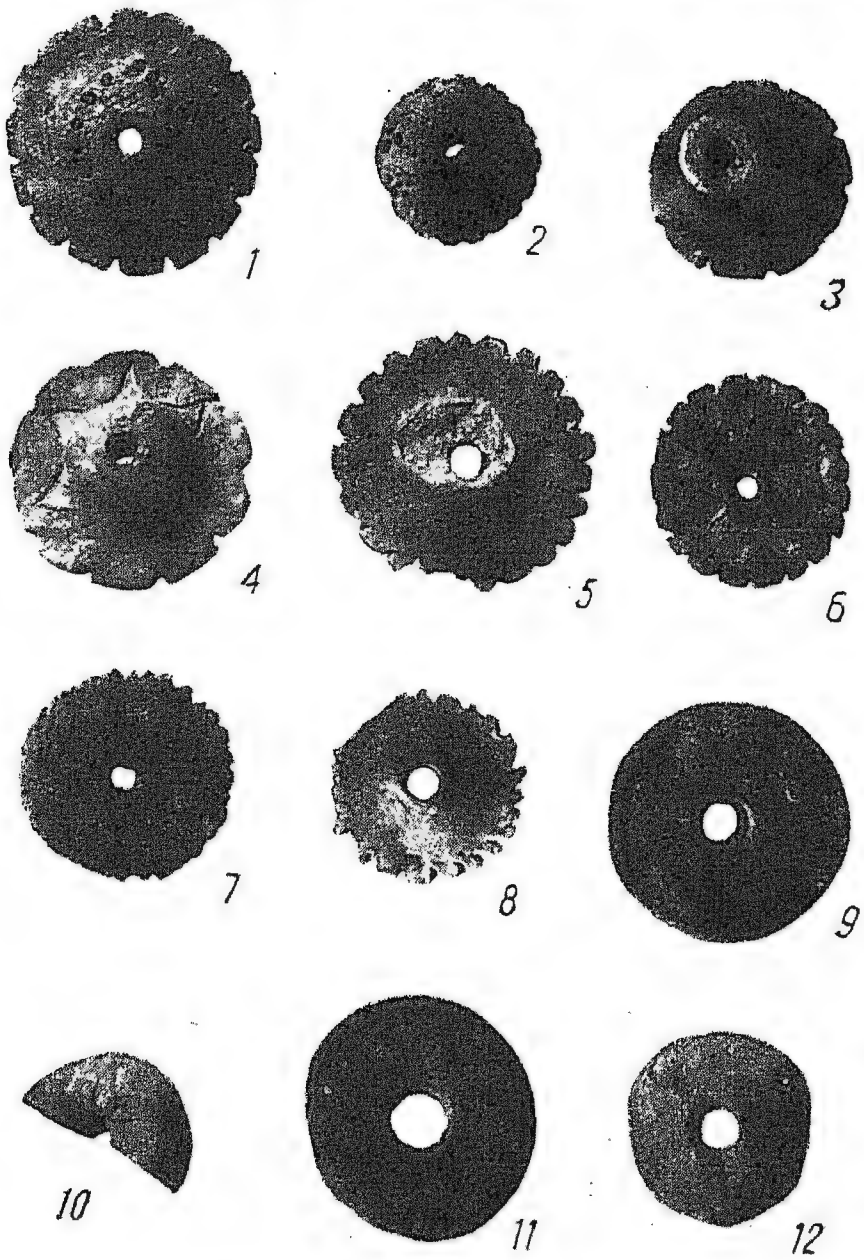


Рис. 69. Глиняные „грузики" и прясла для веретен с городища в устье р. Сонохты.

А. А. Спицыным в 1903 г. найдены на городище 2 небольших ножа с обломанными черешками.[1]

Топоры железные

На городище были найдены 7 железных топоров обычной для первого тысячелетия н. э. формы топоров-кельтов. Пять из них происходят из погребального сооружения и два из жилища № 2. Один такой топор был найден на городище в 1903 г. А. А. Спицыным, но точное местонахождение его не известно.[2] Все топоры совершенно целы, особенно благодаря тому, что при пожаре они подверглись окаливанию и поэтому в дальнейшем почти не были тронуты ржавчиной.

Топоры имеют удлиненное трапециевидное, несколько асимметричное лезвие, суженное к основанию, и цилиндрическую втулку. Все они, кроме одного, одинаковы по размерам, а именно — их длина составляет 14—16 см, ширина лезвия 5—5.5 см. Последний топор имеет меньшие размеры: его длина 10.5 см, ширина лезвия 4.5 см. Лезвие у топоров не прямое, а сильно выпуклое. Их точные размеры с указанием на воспроизведение даны на табл. 13.

---

[1] А. А. Спицын. Поездка 1903 г. на оз. Кафтино и Бологое и раскопки близ Рыбинска. Изв. Археол. комисс., вып. 6, 1904, стр. 76.

[2] Топор хранится вместе со всеми другими вещами из раскопок А. А. Спицына в Ярославском музее. В отчете А. А. Спицына (ук. соч., стр. 76—77) о топоре нигде не упоминается.

Таблица 13

№№ на плане (рис. 68)	Местонахождение	№№ рисунков	Длина		Ширина		Поперечник втулки	Толщина стенок втулки
			топоров	втулки	лезвия	лезвия у втулки		
			в сантиметрах					
I	Около жилища № 2	31,2	10.5	3.5	4.5	2.5	3.6	0.3
II	Жилище № 2	34,3	14.5	5	5.7	4.8	4.5	0.5
III	Погребальное сооружение	31	15	5.5	5.5	3	4.4	0.5
IV	То же		12	5	5	3.2	4	0.6
V	» »		15.5	5.5	5	3.3	4.5	0.5
VI	» »		15.1	5.5	5.5	3.3	4	0.5
VII	» »		14.7	5.5	5.5	2.7	4.2	0.4

Примечание. Топор III имеет внутри втулки остатки деревянной рукоятки. Топор IV сильно сточен.

Топор, найденный А. А. Спицыным, настолько разрушился, что его точные размеры восстановить невозможно. Повидимому, он имел обычные размеры.

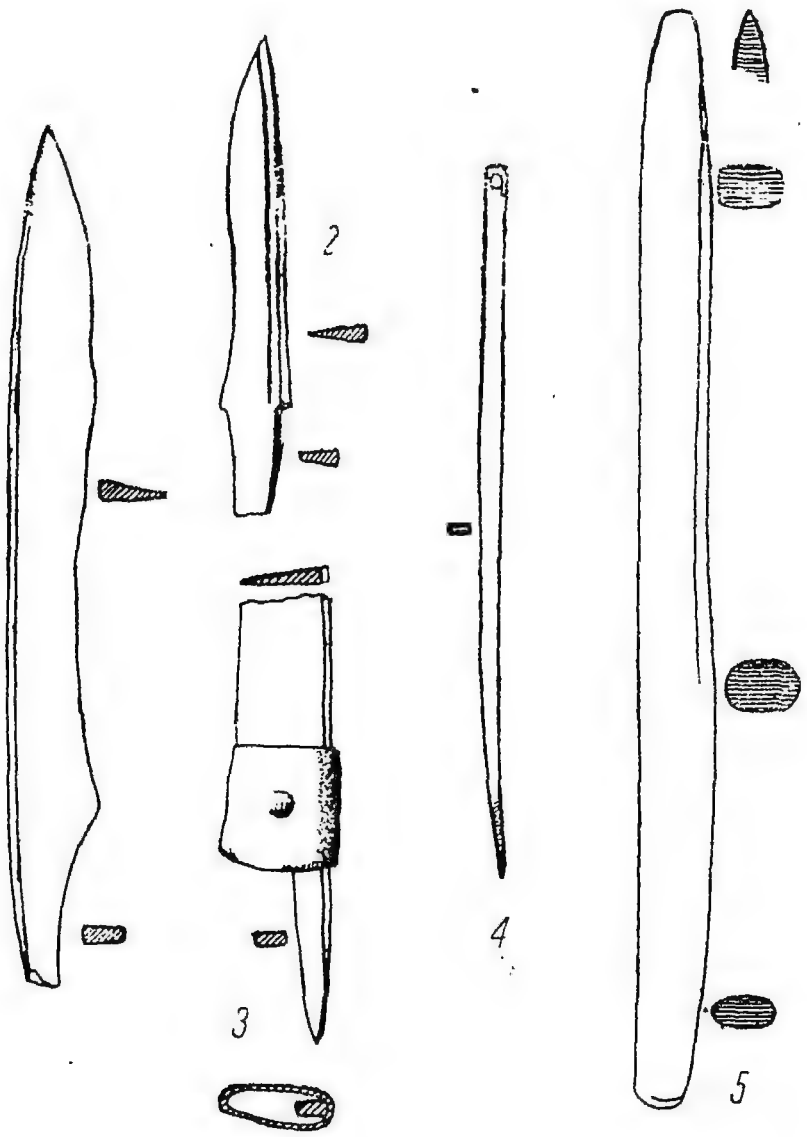


Рис. 70. Железные изделия с городища в устье р. Сонохты.

Внутри втулки одного из топоров (табл. 13, *III*) был найден обугленный кусок рукоятки из лиственного дерева, изображенный на рис. 31.

Наконечники стрел

На городище нашли 7 наконечников стрел, причем все они по форме отличались друг от друга. А. А. Спицыным в 1903 г. был найден 1 наконечник стрелы.[1] Все наконечники, за исключением одного (двух?) совершенно целы. Вследствие разнообразия их форм и размеров описание каждого наконечника дается отдельно. Нумерация наконечников указывает их местонахождение на площади городища (рис. 68).

А (рис. 33, *3*). Треугольный наконечник с черешком. Длина 7.5 см, длина пера 4.2 см, ширина пера 1.6 см. Перо в сечении ромбическое, черешок прямоугольный.

Б (рис. 33, *4*). Наконечник с плоским ромбическим пером, прямоугольным в сечении черешком и маленьким насадом. Длина 8 см, длина пера 3 см, ширина пера 1,5 см.

В (рис. 33, *1*). Ромбический наконечник с двумя парами жалец и с черешком. Кончик острия обломан. Длина 11.3 см, ширина 3.7 см. Сечение пера ромбическое, черешка — прямоугольное.

Г (рис. 33 *2*,). Ромбический наконечник без жалец с обломанным насадом. Длина пера 8 см, ширина 2.5 см. Сечение пера ромбическое, насада — прямоугольное.

Д (рис. 33, *6*). Треугольный плоский наконечник с двумя жальцами для насада (узкий насад обломан?). Длина 3.8 см, ширина 2 см.

Е (рис. 33, *8*). Наконечник «дьяковской» формы, плоский, треугольный с двумя жальцами и насадом, асимметричный. Длина 6 см, ширина 2 см.

Ж (рис. 33, *7*). Треугольный наконечник с насадом, близкий по форме наконечнику, обозначенному буквой *А*, но несколько иных очертаний в части соединения пера и черешка. Длина 7.3 см, длина пера 4 см, ширина пера 1.6 см. Сечение пера ромбическое, черешка — прямоугольное.

Наконечник, найденный А. А. Спицыным (рис. 33, *5*), принадлежит к «дьяковским», т. е. перо его треугольное, плоское с двумя жальцами и насадом. Длина 3.6 см, ширина 2.2 см.

---

[1] А. А. Спицын, ук. соч. Изв. Археол. комисс., вып. 6, 1904, стр. 76.

Шилья железные

Железных шильев найдено 22 экземпляра, причем 13 из них совершенно целы, остальные же поломаны. Все шилья имеют вид прямых стержней с круглым в сечении острием и прямоугольным в сечении черешком (рис. 35).

Размеры их колеблются в пределах от 6 до 10 см, поперечник сечения составляет 0.3—0.5 см. На табл. 14, увязанной с планом раскопа (рис. 68), помещены лишь целые орудия. На плане указано местонахождение всех шильев как целых, так и поломанных.

Одно шило, совершенно целое, было найдено в 1903 г. А. А. Спицыным.[1]

Ложкарь

(Рис. 33, *9*)

Инструмент для изготовления деревянной посуды — ложкарь был найден в жилище № 2 (рис. 68, *VIII*). По первому впечатлению он напоминает согнутый наконечник стрелы; однако это не так, потому что инструмент имеет ряд черт, наконечникам стрел не свойственных. Ложкарь имеет согнутое дугой ромбическое лезвие, в сечении не ромбическое, как у наконечников стрел, а прямоугольное, и массивный черешок, конец которого, выходивший, повидимому, из рукоятки наружу, согнут под прямым углом. Длина орудия 8 см.

Таблица 14

№№ (рис. 68)	Длина шила (в сантиметрах)	Длина лезвия (в сантиметрах)	Поперечник сечения	№№	Длина шила (в сантиметрах)	Длина лезвия (в сантиметрах)	Поперечник сечения
А	11	6	0.4	*Ж*	7.5	4.5	0.4
Б	9.5	5.5	0.5	*З*	7.5	4	0.3
В	8	3	0.4	*И*	7	4	0.5
Г	7	3.5	0.4	*К*	9.2	5	0.5
Д	6.5	3	0.3	*Л*	9.8	5	0.5
Е	9	5	0.4	*М*	8	4.5	0.3
				Н	9.7	5	0.3

Рыболовные крючки железные

Крючков для рыбной ловли было найдено 3 штуки: два крючка целых и один поломанный. Все три крючка, очень крупные и массивные, принадлежат к щучьим, на что указывает форма жалец, заточенных с внутренней стороны наподобие ножичков.

Первый крючок, найденный в юго-восточном углу городища и обозначенный на плане (рис. 68) буквой *X*, имеет стержень и дужку из прямоугольного в сечении прута, в поперечнике 0.5 см. На месте петли прут имеет круглое сечение, около жала — уплощенное. Длина крючка 10.7 см, ширина дужки 3.7 см (рис. 33, *11*).

Крючок *Y*, найденный в жилище № 2, изготовлен из круглого в сечении прута (в поперечнике 0.5 см), уплощенного у жала. Длина крючка 9 см, ширина дужки 4.3 см (рис. 33, *10*).

Последний крючок *Z* был изготовлен из квадратного в сечении прута с поперечником 0.5 см. Его длина составляла около 9 см. Он был найден около кузнечного помещения.

Долото и стамеска

Большое железное долото, или зубило, было найдено около жилища № 10 (рис. 68, *IX*). Оно представляет собою железный брус, длиной 21.8 см, прямоугольный в сечении в лезвийной части и овальный в тыльной. Сечение долота в средней части составляет 14 × 10 см. Ширина лезвия 0.8 см. Так как в тыльной части орудие совершенно не сбито, можно думать, что оно еще не было в употреблении или же употреблялось в течение небольшого времени (рис. 70, *5*).

Стамеска, найденная в жилище № 1 (рис. 68, *X*), по форме близка долоту, но в три раза меньше его. Она представляет собою прямоугольный в сечении стержень длиной 6.4 см, шириной 0.5 см и толщиной 0.3 см, заостренный с одной стороны и суженный — с другой.

Серп

(Рис. 34, *1*)

Серп на городище был найден в жилище № 7 (рис. 68, *XI*). Он имеет вид большого полулунного ножа с выпуклой спинкой и вогнутым лезвием. Вместо рукоятки серп имеет на конце небольшую петельку. Длина серпа

[1] А. А. Спицын, ук. соч. Изв. Археол. комисс., вып. 6, 1904, стр. 76.

26 см, ширина лезвия в средней части 3 см, ширина у концов 1.9 см. Толщина серпа в тыльных частях 0.3 см.

Игла

(Рис. 70)

Около жилища № 7 (рис. 68, *XI*) была найдена большая железная игла из прямоугольного стержня с ушком, образованным из расплющенного и согнутого конца стержня. Длина иглы 14.5 см, сечение стержня 0.3 × 0.4 см. Конец иглы несколько согнут, повидимому преднамеренно.

Обломки удил

(Рис. 28)

Около сооружения № 6 (рис. 68, *XIII*) и в жилище № 10 (рис. 68, *XIV*) были найдены обломки звеньев 2 удил. Одно из них (первое) представляет собою круглый в сечении железный стержень, один конец которого несколько расплющен и согнут в кольцо, другой конец утончен и также согнут в кольцо. Длина звена удил 8 см, поперечник сечения 0.5 см.

Звено других удил изготовлено из прямоугольного в сечении стержня с утонченными округлыми в сечении концами, согнутыми в петли. Длина звена 8.2 см, поперечник сечения 0.7 см.

Части меча или тесака

(Рис. 34, *4*, *5*)

Около жилища № 2 (рис. 68, *XV*) было найдено навершие рукоятки меча или кинжала с обломком черешка рукоятки. По своей форме навершие несколько напоминает навершия норманских мечей, верхняя часть которых состоит из трех выпуклостей. Ширина навершия 3.4 см.

Около кузнечного помещения вместе с различными обломками железных изделий и кусками железа был найден обломок лезвия массивного меча или тесака (рис. 68, *XVI*). Оружие было однолезвийным, ширина лезвия составляет 4—4.2 см, толщина 0.7 см.

Предметы неизвестного назначения

К железным предметам неизвестного назначения относятся 5 вещей, совершенно целых, найденных главным образом в западной части городища. Около кузнечного помещения (рис. 68, *XVII*) был найден четырехгранный железный стержень, заостренный с одного конца. Его другой конец превращен в треугольную заостренную лопаточку (рис. 71, *1*). Длина орудия 16.2 см, ширина лопаточки 2.5 см, сечение стержня 0.5 × 0.5 см.

В северо-западной части городища (рис. 68, *XVIII*) был найден уплощенный железный стержень, более широкий у одного конца и суживающийся к другому, согнутому в кольцо (рис. 71, *3*). Длина предмета 11.2 см, ширина стержня от 0.8 до 1.6 см, толщина 0.2 см.

В этой же части раскопа было найдено железное орудие в виде обычного шила, но превосходящее последнее по размерам в два раза. Острие орудия обломано. Его длина 22—23 см, поперечное сечение в средней части 0.7 см (рис. 71, *6*; рис. 68, *XIX*).

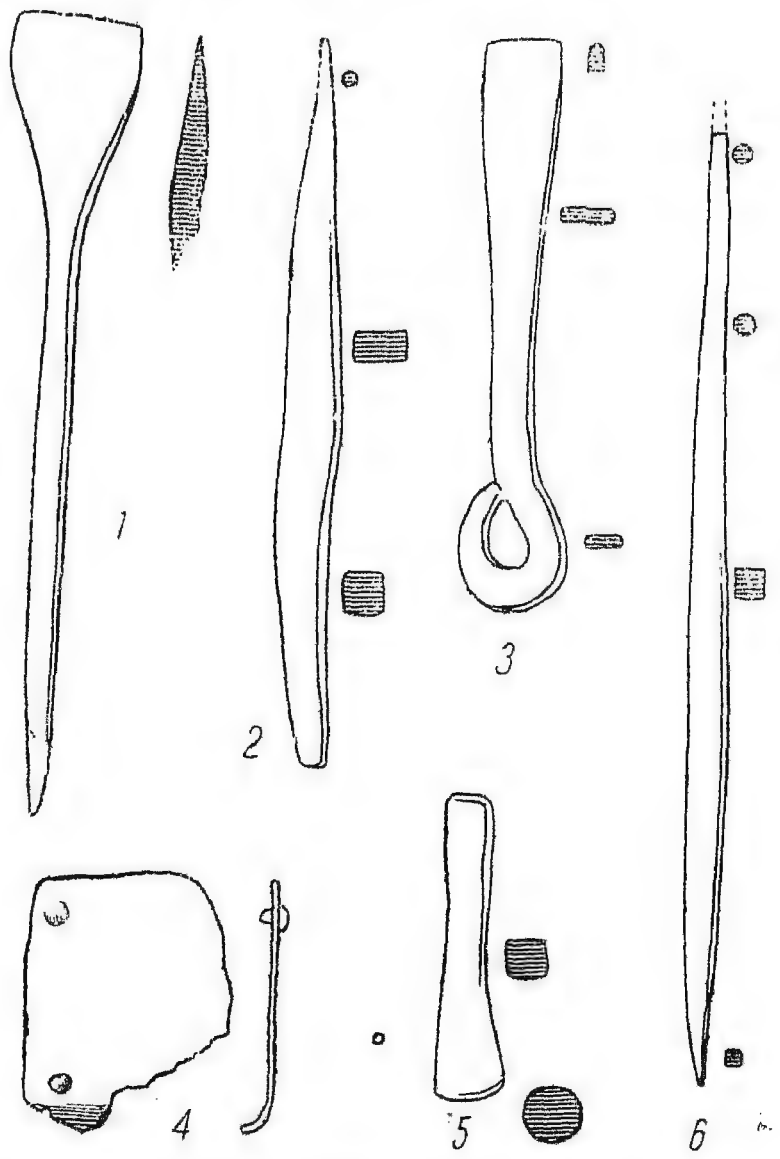


Рис. 71. Железные изделия с городища в устье р. Сонохты.

Орудие, близкое по форме предыдущему, но более массивное, было найдено в сооружении № 10 (рис. 68, *XX*). Это железный стержень длиной 14.5 см, в средней части прямоугольный, толщиной 0.5 × 0.9 см. Один конец стержня конусообразно заострен, другой сначала утолщен и имеет квадратное сечение в поперечнике 0.9 × 0.8 см, затем сужен до 0.5 × 0.5 см (рис. 71, *2*).

Последний предмет, отнесенный к группе орудий неизвестного назначения, напоминающий собою пестик, был найден около жилища № 1 (рис. 68, *XXI*). Это массивный железный стерженек, длиной 5 см, с одного конца в сечении квадратный (0.9 × 0.9 см), к другому концу несколько утолщающийся и приобретающий округлое сечение, имеющее в поперечнике 1.2 см (рис. 71, *5*).

Украшения и предметы убора из железа

На городище найдены 12 изделий из железа, относящихся к предметам убора и украшениям. Это пряжки, застежки и кольца, назначение которых является не вполне ясным.

Около жилища № 2 была найдена прямоугольная железная пряжка размером 4.5 × × 5 см, с подвижной железной иглой, изготовленной из прямоугольного в сечении прута, толщиной 0.3 × 0.6 см (рис. 37).

Около погребального сооружения найдена кольцевая застежка из круглого в сечении прута с расплющенными и скрученными в спирали концами, с железной же подвижной иглой. Диаметр застежки 3.8 см, поперечник сечения прута 0.4 см (рис. 37).

В жилище № 2 найдено сомкнутое концами, но не сваренное вглухую, кольцо с остатками подвижной иглы, представлявшее собою, повидимому, массивную пряжку. Диаметр кольца 3.2 см, поперечник сечения 0.5 см (рис. 37).

Два таких же кольца, но без остатков языков, были найдены в центральных частях городища.

Перед жилищем № 2 найден сильно перержавевший обломок железной булавки со спиральной головкой, изготовленной из круглого в сечении стержня, несколько сплющенного на месте спирали. Поперечник сечения стержня составляет 0.4 см (рис. 37, *9*).

Перед жилищем № 10 найдена часть железной обоймицы от пряжки (?) (рис. 37, *16*).

Пять железных предметов, относящихся к убору, были встречены среди другого инвентаря в погребальном сооружении. Это миниатюрная проволочная пряжка с овальным удлиненным кольцом и подвижной иглой, размером 3.5 × 1.3 см; обломки плоского железного кольца, диаметром 4 см и в сечении 0.2 × × 0.6 см; массивная трубочка-пронизка длиной 2.4 см, в поперечнике 1 см, с продольным отверстием (диаметр 0.5 см) и, наконец, две круглых пряжки, диаметром 3.4 см, с прямоугольными бронзовыми обоймицами, размером 1.7 × 3.5 см. Сохранность обеих пряжек очень плохая (рис. 31, *5*).

Украшения и предметы убора из бронзы

Украшения и предметы убора из бронзы найдены в числе 21, причем значительная их часть происходит из погребального сооружения, где были обнаружены ажурная бляха, подвеска в виде гусиной лапы, спиральная трубочка, обломанная висячая подвеска в виде спирали и небольшая выпуклая бляшка.

Наибольший интерес среди этих вещей несомненно представляет круглая ажурная бляха, диаметром 4 см, с ушком для прикрепления с обратной стороны (рис. 31). Ее центральную часть составляет круглая полушаровидная выпуклость, окаймленная ободком, имитирующим шнур, к которому снаружи припаяны четыре двойных спирали в виде заглавной латинской буквы S. Вокруг спиралей проходит ободок из трех выпуклых полос, имитирующих шнур; бляху окаймляют 33 округлых полусферических выпуклости; ушко для прикрепления припаяно к средней полусферической части бляхи.

Подвеска в виде гусиной лапы, изображенная на рис. 31, имеет длину 3.5 см и ширину 1.8 см. Она, повидимому, литая; ушко для подвешивания, расположенное в верхней части подвески с обратной стороны, припаяно.

Спиральная трубочка-пронизка, длиной около 1 см и 0.5 см в поперечнике, сохранилась очень плохо, однако видно, что она была изготовлена из уплощенной бронзовой проволоки, шириной около 0.2 см.

Не вполне ясным является применение следующего украшения, а именно — плоской бронзовой спирали, скрученной в пять оборотов из круглой в сечении проволоки (рис. 31). Диаметр спирали 2.3 см, сечение проволоки 0.25 см. Находящийся в центре спирали конец проволоки был заострен. Наружный конец проволоки отходит от спирали в сторону, но так как он обломан, остается неизвестным, представлял ли он собою дужку для подвешивания, подобно некоторым другим аналогичным спиралям, служившим, повидимому, височными украшениями.

Выпуклая полусферическая бляшка с маленьким ушком для привешивания с обратной стороны имеет диаметр 1.3 см (рис. 31).

Украшения из бронзы, найденные вне погребального сооружения, состоят из фибулы, обломка гривны, височного кольца, застежки, обломка фибулы, инкрустированной красной эмалью, и ряда мелких бронзовых изделий в виде колечек, обоймиц и др.

Бронзовая фибула, найденная между остатками построек №№ 4 и 8, принадлежит к типу арбалетовидных. Она имеет полукруглую дужку, к которой с одного конца прикреплен поперечный стержень, с другого — примыкает трапециевидная лопасть, составляющая с дужкой одно целое. Поперечный стержень имеет на концах шаровидные утолщения; он обмотан тонкой бронзовой проволокой, имеющей чисто орнаментальное значение. Игла фибулы не сохранилась, но от нее осталась проволока, обхватывающая место скрепления дужки с поперечным стержнем. Замок фибулы, помещавшийся с обратной стороны лопасти, представлял собою согнутую железную пластинку, прикрепленную к фибуле с помощью двух маленьких бронзовых закрепок. Повидимому, железный замок явился результатом ремонта фибулы.

На дужке фибулы, около прикрепления ее к поперечному стержню, имеются три попереч-

ных насечки, составляющие единственный ее орнамент (рис. 37).

Внутри остатков сооружения № 8 найдена половина бронзовой гривны, диаметром около 20 см, из круглого прута 0.5 см в поперечнике, с тонким концом, согнутым в петлю. На прут около петли надеты 2 бронзовых бусы и между ними спираль в 24 витка. На месте излома гривны прут несколько расплющен, и в нем было просверлено сквозное отверстие. В этом следует усматривать следы ремонта гривны, на месте которого она сломалась вторично (рис. 37).

Круглое проволочное височное кольцо было найдено около остатков постройки № 10. Его диаметр составляет 7 см, сечение проволоки 0.25 см. Замок кольца состоял из круглого щитка с отверстием с одного конца и крючка — с другого. Крючок был обломан еще в древности (рис. 37).

Бронзовая застежка была найдена внутри жилища 10. Она представляет собою плоское овальное кольцо (в поперечнике 4.5 × 5.5 см, ширина 0.6 см и толщина 0.15 см) с сомкнутыми концами без спиральных усиков. Кольцо украшено двумя нарезными линиями и рядом точек между ними, идущими вдоль всей его наружной поверхности. К кольцу прикреплена грубая игла (рис. 37).

Обломок фибулы с эмалью, изображенный на рис. 37, был найден в кузнечном помещении. Он представляет собою, повидимому, хвостовую часть массивной литой бронзовой фибулы, имеющей треугольную форму отверстий в средней части, которое сохранило неустраненный дефект отливки и не вполне открыто, и, наконец, три округлых выступа с гнездами, заполненными эмалью красного цвета. Ширина обломка 3 см, длина 2.2 см.

Среди мелких бронзовых украшений прежде всего следует отметить 5 бронзовых овальных колечек, найденных вместе между постройками №№ 1 и 2. Эти колечки согнуты из треугольно-полукруглой в сечении проволоки, шириной 0.25 см. Концы проволоки не спаяны. Размер колец 1 × 1.5 см (рис. 37, *11*).

Такое же кольцо было найдено в остатках постройки № 1 в 3—4 км от предыдущих.

Любопытная находка, говорящая о местной выделке бронзовых изделий, была сделана около кузнечного помещения. В виде компактной груды там были встречены обрезки листовой бронзы, среди которых оказались 4 предмета, еще не вполне законченных изготовлением, которые должны были стать, повидимому, подвесками для украшения пояса (рис. 37, *11*). Длина подвесок 3.6 см, ширина 1 см.

Между кузнечным помещением и соседней постройкой № 10 была найдена пластинчатая трапециевидная подвеска с отверстием для привешивания, длиной 2.3 см, шириной 1.1 см (рис. 37).

Невдалеке от кузнечного помещения встречена тонкая бронзовая игла от булавки с обломанной узорчатой головкой. Около места излома на игле сохранилась часть узора, показывающая, что рукоятка была ажурной.

Последним предметом убора, найденным около постройки № 7, является шумящая подвеска, от которой сохранилось лишь основание в виде выпуклого стержня с орнаментацией, имитирующей спираль, и тремя кольцами, в одном из которых сохранилась петля привески. Длина изделия 3.4 см. Оно прикреплялось к одежде при помощи двух ушков, припаянных с обратной стороны (рис. 37).

В заключение следует указать, что А. А. Спицыным в 1903 г. были найдены на городище часть круглой ажурной бляхи, инкрустированной красной и зеленой эмалью, височная шумящая подвеска и пластинчатая трапециевидная подвеска, аналогичная описанной выше.[1]

Остатки бронзовых украшений от узды

(Рис. 28)

Около восточной стены постройки № 1, под остатками сгоревших бревен были обнаружены остатки оплавившихся и сильно окислившихся бронзовых бляшек, сохранивших в своем расположении некоторую правильность, указывающую на то, что эти бляшки являются остатками узды, висевшей на медном стержне, вколоченном, вероятно, в стену постройки.

Здесь были встречены прежде всего следующие предметы: массивное бронзовое кольцо, диаметром 4 см, распавшееся на несколько частей; круглая плоская бляха, диаметром около 3.5 см, с остатками бронзовых гвоздиков, также сильно разрушившаяся; далее здесь оказались обломки одной или двух крестовидно-округлых орнаментированных бляшек с гвоздиком в средней части, диаметром 2.2 см, и обломки двух или трех прямоугольных обоймиц, размером 0.9 × 3 см, из которых одна сохранилась почти целиком. Они служили, повидимому, для прикрепления ремней к бронзовому кольцу; к ним ремни прикреплялись при помощи небольших бронзовых заклепок. Наконец, здесь были найдены остатки бронзовых полусферических бляшек, диаметром 1.4 см, с гвоздиками для прикрепления к ремню. Бляшек было свыше 25, причем из этого числа несколько штук (около 10) сохранилось относительно хорошо. Медный или бронзовый стержень, на котором висела узда, имеет длину 7 см, сечение 0.5 см. Один из концов его сужен и несколько заострен.

---

[1] А. А. Спицын, ук. соч. Изв. Археол. комисс., вып. 6, 1904, стр. 76.

Бусы

На городище найдено 6 бус из пасты, глины и стекла. Две из них, происходящие из погребального сооружения, оплавлены и спаяны вместе. Это были округлые бусы белого прозрачного стекла, размером 0.5 см в поперечнике. Глиняная буса в форме приплюснутого шара, размером 0.8 × 1.2 см, была найдена внутри кузнечного помещения (рис. 37, 7). Две других бусы, по форме шаровидные, изготовлены из красной стекловидной пасты, на фоне которой ярко выделяются белые овальные глазки с синей каймой (рис. 37, 12). Одна из бус, большая, диаметром 1.9 см, была найдена в северо-восточном углу городища, вторая, диаметром 1.4 см, обнаружена между постройками №№ 3 и 4. Последняя буса, найденная между остатками постройки № 2 и погребальным сооружением, имеет форму сильно приплюснутого шара и изготовлена из синего прозрачного стекла. Ее размеры 0.6 × 1.4 см (рис. 37, *13*).

Изделия из кости

Среди обширного вещественного материала с городища имеются лишь 2 костяных предмета, сохранившихся благодаря тому, что оба они были сильно обожжены. И тот и другой происходят из погребального сооружения.

Первый предмет представляет собою цилиндрический отрезок трубчатой кости, длиной 2.7 см и шириной 1.4 см. Второй предмет, назначение которого, как и первого, остается невыясненным, имеет более сложную форму, которую очень трудно выразить словами (рис. 31). Его длина 3 см, ширина 1.1 см. Он отличается тщательностью выделки.

Крицы и шлаки

В большом количестве найдены на городище крицы железа, выплавленного в примитивных печах сыродутным способом. Они были обнаружены: около жилища № 1, в северо-восточной части поселения в виде компактного скопления и, наконец, бо́льшая их часть внутри кузнечного помещения и около него. Всего найдено до 50 криц, представляющих собою неправильные полусферические болванки губчатого загрязненного железа, диаметром от 5 до 10 см и толщиной от 2 до 5 см. Их выпуклая сторона, сохраняющая форму дна плавильной печи, покрыта впекшимися в железо кусками глины и угля. Многие из криц разломаны пополам.

К шлакам отнесены мелкие, неправильные по форме желваки железистой массы. Они найдены в числе свыше 10 в тех же местах, где были найдены крицы, т. е. около остатков тех помещений, где производилась обработка железа (рис. 72).

Технологическое изучение криц и шлаков, а также кусков уже готового железа, о которых речь будет итти ниже, в настоящее время еще не закончено.

Куски железа

На ряду с крицами и шлаками в обоих кузнечных помещениях найдены куски уже выкованного железа, имеющие форму более или менее прямоугольных пластинок. В кузнечном помещении, помимо этого, найдены в числе около 20 неопределенные обломки различных железных изделий; значительно реже они встречались в других местах городища. Из обломков, найденных вне кузнечного помещения, следует отметить лишь один, найденный около погребального сооружения (рис. 72). Это прямоугольная пластинка, размером 4.5 см, с остатками гвоздиков по двум углам, обломанная на сгибе, служившая, повидимому, обоймицей ремня.

Бронзовые шлаки и куски бронзы

Помимо обрезков листовой бронзы, о которых уже говорилось выше, на городище нашли несколько кусков металла, в которых следует видеть не изделия, а материал. К ним относится в первую очередь небольшая медная или бронзовая пластинка, являющаяся, повидимому, остатком полосы металла, от которой металл отделялся путем отрубания. Она была найдена в сооружении № 3. Четырехгранный бронзовый прут, длиной 22 см и 0.3 × 0.3 см в сечении, был обнаружен около кузнечного помещения. Кусок проволоки, круглой в сечении, был найден около помещения № 2. Его длина 20 см, поперечник сечения 0.2 см.

Наконец, следует указать на 2 шлакообразных оплавленных куска бронзы, из которых один был найден в погребальном сооружении и, возможно, представляет собою оплавившуюся на огне вещь; другой был обнаружен около кузнечного помещения.

Кроме этого, в ряде мест были встречены мелкие кусочки бронзы или меди, являющиеся, возможно, обломками изделий.

Точильные камни

В большом количестве найдены на городище камни, служившие для точки железных орудий. Они представляют собою естественные плитки камня, плоские грани которых носят явные следы употребления. Подавляющее большинство точильных камней найдено в виде обломков. По размерам и материалу точильные камни следует разделить на две особых группы, из которых первую составляют маленькие точила из плиток мелкозернистых пород камня, главным образом сланца; вторую — большие точильные камни, изготовленные из более грубых пород камня, в том числе и из

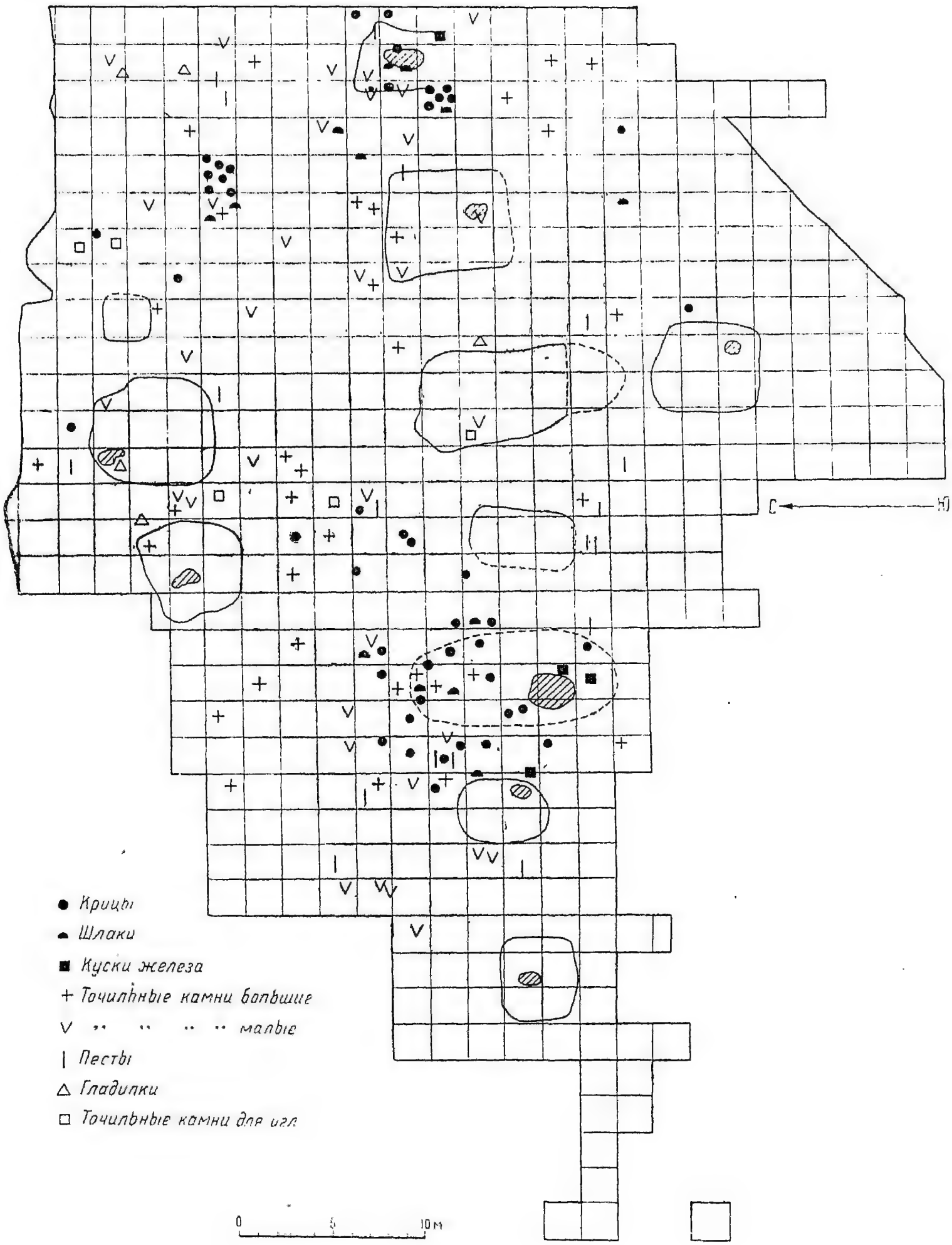


Рис. 72. Схема расположения железных криц, шлаков и точильных камней на городище в устье р. Сонохты.

песчаника. Размеры маленьких брусков таковы, что их можно было всегда носить с собою. Их длина 6—14 см, ширина 2—4 см. Как видно на плане, эти бруски были рассеяны по площади поселения без особого порядка. Большие точильные камни употреблялись при изготовлении железных изделий. Они были сосредоточены преимущественно около двух построек, где производились кузнечные работы, а также около прядильного помещения (рис. 72). Длина больших брусков 15—20 см и более, ширина 5—10 см.

Маленькие бруски вместе с их обломками найдены в числе 33; число больших составляет 33 экземпляра.

Особо надо отметить 5 камней, служивших для оттачивания железных игл. Это плитки древнего сланца, поверхность которых носит следы глубоких бороздок, получившихся в результате оттачивания острий игл. Четыре таких плитки были найдены в той части поселения, где расположены остатки прядильного помещения, а пятая — в общественном доме.

К точильным камням следует отнести еще обточенную плитку песчаника с глубокими желобчатыми выемками с обеих сторон, получившимися в результате точки орудий в виде стамесок. Она была найдена около остатков постройки № 1 и отмечена на плане знаком маленького точила с точкой в верхней части рис. 72.

«Гладилки»

Каменные орудия, служившие для разглаживания швов кожаных изделий, так называемые «гладилки», или «утюжки», найдены в числе 3 экземпляров. Они представляют собою удлиненные естественные по форме гальки, одна сторона которых, повидимому, искусственно сглаженная, залощена до блеска. Длина их 10—15 см. Как видно на плане, они были найдены около прядильного помещения в северо-восточном углу поселения и у общественного дома (рис. 72).

Песты каменные

Каменные орудия, служившие для раздробления каких-то твердых материалов, изготовленные из естественных желваков твердых пород камня, найдены в числе 19 экземпляров. Они представляют собою в большинстве случаев удлиненные камни, удобные для держания рукой, один из концов которых носит явные следы работы. Длина пестов составляет 10—12 см. На плане 72 видно, что песты были рассеяны по всей площади поселка, однако их значительная часть сосредоточивалась у мельничного помещения и у постройки № 10.

Зернотерки

Два больших удлиненных куранта от зернотерок были обнаружены в остатках сооружения № 8. И тот и другой представляют собою вытянутые овальные камни крупнозернистой структуры, по форме напоминающие французскую булку. Они сильно пострадали от огня, вследствие чего их поверхность в настоящее время крошится. Размеры первого куранта 13 × 22 см; размеры второго — 13 × 24 см.

Помимо курантов, на городище вне связи с мельничным помещением были найдены обломки 2 зернотерок, разбитых еще в древности.

Грузила каменные

В центральной части городища были собраны в большом числе обломки камня со следами искусственной выемки, которые удалось собрать и склеить, получив из них округлокубический валун, 13—15 см в поперечнике, с широкой желобчатой выемкой, опоясывающей его вокруг. Несомненно, что выемка эта предназначалась для привязывания веревки к камню, который служил либо грузилом для большой сети, либо якорем лодки. Помимо большого, найдены 2 маленьких грузила также с выемками для привязывания.

Приложение VII

СЕЛИЩЕ У С. УСТЬЕ

В 1912—1918 гг. И. А. Троицким, жителем с. Устья, расположенного на левом берегу Волги в 12 км выше г. Ярославля, была собрана около села большая коллекция каменных орудий, поступившая в Ярославский краеведческий музей.

Коллекция состоит из 400 правильных ножевидных пластин, 5 призматических нуклеусов, 22 скребков, изготовленных на конце тонких ножевидных пластин, 17 крупных скребковидных орудий, 11 наконечников стрел, характерных неолитических по форме, 2 топоров, 2 острий, напоминающих свидерские «острия с ножкой» и, наконец, 1 маленького нуклевидного острия. Керамики в этом собрании не имеется. Отсутствуют также шлифованные орудия.

При исследовании этого места в 1933—1934 гг. были обнаружены остатки культурного слоя, почти целиком уничтоженного Волгой, энергично подмывающей здесь свой левый берег. Поселение было расположено, повидимому, на небольшом продолговатом песчаном всхолмлении, от которого осталась

лишь незначительная часть.[1] Культурный слой с находками каменных орудий располагается непосредственно под мощным полуметровым слоем эпохи V—VII столетий н. э. В настоящее время место селища, как правило, заливается водой в половодье; раньше же, повидимому, оно не заливалось, так как при исследовании обнаружены остатки деревянного жилища с очагом в средней части, по своему облику не временного, а постоянного, в котором жили круглый год. Изучение свиты напластований на месте древнего селища и на соседних участках берега также указывает, что оно стало заливаться в половодье позднее. Доказательством этому служит то, что слоистый горизонт песчаного наноса, перекрывающий культурные остатки, резко отличается по своему характеру от ниже лежащих слоев.

Поселение было расположено в 300 м ниже устья р. Ить на самом берегу Волги, на продолговатом всхолмлении, первоначальные размеры которого установить не представляется возможным. В настоящее время от этого всхолмления осталась лишь незначительная часть, представляющая собою его обратный по отношению к Волге склон. Длина всхолмления не превышает 100 м; ширина 20—25 м. Остальная часть разрушена Волгой.

Культурный слой темносерой окраски прослеживается в обрыве на протяжении 70 м, причем в средней части он имеет мощность 0.80 м; по краям же его толщина значительно падает, и он постепенно выклинивается как в ту, так и в другую стороны.

В 1933 г. в средней части всхолмления была произведена зачистка стенки обрыва на протяжении 10 м, что составило по площади около 25 кв. м.

Раскоп 1934 г., площадью 70 кв. м, был заложен здесь же, рядом с местом раскопа 1933 г.

Значительный по мощности культурный слой селища отличался исключительной бедностью содержания. Органические остатки вовсе не сохранились до наших дней, так как для их сохранности почвенные условия были неблагоприятными. В культурном слое редко встречался даже такой материал, как обломки глиняной посуды, причем дальше от берега этот слой становился все беднее и беднее находками. Это обстоятельство показывает, что сохранился лишь самый край места поселения, почти целиком разрушенного Волгой.

Наиболее интересным открытием на селище являются остатки жилища. Оно сохранилось не более чем наполовину, причем часть этих остатков вместе с очагом была вскрыта в 1933 г., другая часть — в 1934 г. Жилище было наземным, аналогичным тем, которые были встречены на городище у дер. Березняки. Различие имеется лишь в устройстве очага, который здесь имел вид продолговатой ямы, размером 0.70 × 1.70 м при глубине 0.20 м; дно ямы было выложено валунами. В очаге были найдены крупные обломки глиняной посуды.[1] Раскопки 1934 г. выявили, что место, на котором был расположен очаг, несколько углублено в материк (0.10—0.15 м) и что по краю этого углубления располагаются остатки сгоревшего дерева. Судя по этим остатки сгоревшего дерева. Судя по этим постройки имела в длину 5.30 м.

Сделанные на селище находки очень невелики. Они состоят из обломков глиняной посуды, 1 железного наконечника стрелы, 1 шила, 2 целых глиняных прясел и 2 обломков, 1 обломка льячка (?) и 8 точильных камней. Костные остатки вследствие неблагоприятных почвенных условий на селище не сохранились. Был обнаружен лишь 1 зуб лошади.

Керамический материал состоит из 1500 обломков, неорнаментированных сосудов с плоским дном, слегка выпуклыми стенками и отогнутым наружу венчиком. В меньшем числе имеются обломки сосудов в виде мис или горшков с прямым горлом. Сосуды вылеплены от руки из грубой, плохо промешанной глины с примесью песка, зерен кварца и шамота. Поверхность многих сосудов имеет штриховку или следы от грубого оглаживания. При выделке сосудов под их дно подсыпался песок. Размеры сосудов на основании имеющихся обломков не могут быть точно установлены. Их диаметр составлял от 15 до 30 см. Толщина стенок варьирует в пределах от 0.6 до 10 см, толщина днищ 1 см.

Орнаментация на керамике отсутствует, за исключением обломков 2—3 сосудов, венчик которых был украшен обычной косой насечкой. Один из сосудов имел в верхней части стенок орнамент из отпечатков гребенчатого штампа, образующих зигзагообразную линию.

Наконечник стрелы треугольной формы с насадом и шило изображены на рис. 43. Прясла от веретен, целые и разбитые, имеют одинаковую биконическую форму. Одно из прясел, самое крупное, найденное в очаге, имеет несложный орнамент, состоящий из насечек по краю и по верхней и нижней плоскостям (рис. 43). Точильные камни весьма обычны. В большинстве случаев — это удлиненные естественные плитки сланца с одной или двумя рабочими плоскостями.

---

[1] План местности помещен в отчете о работах 1933 г. (Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг., т. I. Изв. Гос. Акад. истории матер. культуры, вып. 109, 1935, стр. 112).

[1] П. Н. Третьяков. Работы на строительстве Ярославской гидроэлектростанции. Изв. Гос. Акад. истории матер. культуры, вып. 109, стр. 111—112.

Приложение VIII

СЕЛИЩЕ У ДЕР. КИЛИНО

1

На правом берегу Волги, в 2 км выше железнодорожного моста, по которому идет дорога Бологое—Рыбинск, около дер. Килино расположены остатки обширного поселения второй половины первого тысячелетия н. э. Поселение занимало участок невысокого коренного берега Волги, ниже устья безыменного ручья. По сравнению с окружающей местностью этот участок берега, сложенного здесь из моренных образований, представляет собою незначительное всхолмление, прослеживаемое и далее, в глубь берега, где вся местность несколько повышается. Высота берега над уровнем Волги составляет 12 м. Край берега представляет собою обнаженный обрыв, подмываемый в половодье.

Культурный слой, хорошо заметный в обнажениях берега, начинается не от самого устья ручья, а в расстоянии 150—200 м от него. Сначала мощность культурного слоя незначительна и не превышает 0.50—0.30 м, далее к центральной части селища она все возрастает, достигая 0.80—1.00 м, а в некоторых местах — 1.50 м. Культурный слой лежит здесь под слоем серого наноса, мощностью 0.30—0.45 м. Далее, ближе к противоположному концу селища, культурный слой делается более тонким и выклинивается. Общая протяженность селища вдоль берега составляет 280 м. Культурный слой, песчаный по материалу, имеет интенсивный черный цвет. Его подстилает белый песок, переполненный валунами.

Слой серого песчаного наноса, перекрывающий центральную часть селища и образовавшийся несомненно в течение последнего времени, говорит о том, что в этом участке берега происходит отложение материала, смываемого с плато. Отсюда можно было предполагать, что и культурный слой в своей значительной части является материалом, смытым сверху. Это предположение полностью подтвердилось. Уже в 15—20 м от края берега мощность культурного слоя не превышает 0.50 м; далее она падает до 0.25—0.35 м. В глубину берега слой распространяется на 50—60 м. Его границы хорошо были видны на пашне, занимающей всю площадь селища. На пашне и в обнажениях берега в слое можно было встретить обломки грубой неорнаментированной глиняной посуды, пережженные камни и обломки разрушившихся костей животных.

В виду того, что селище было занято посевом, раскопка большой его площади не могла быть осуществлена. Раскопки носили разведочный характер и заключались в зачистке центральной части обнажения. Зачистка была произведена по прямой линии на протяжение 50 м, и вследствие того, что естественная линия берега была очень неровной, а склон обрыва не вполне отвесным, была вскрыта площадь, равная всего 100 кв. м.

В одном конце траншеи, обращенном к устью ручья, мощность культурного слоя, лежащего под 25-сантиметровым слоем серого наноса, составляла 0.25 м; к противоположному концу мощность культурного слоя все более и более возрастала, дойдя до 1.50 м, причем поверх слоя лежал слой серого наноса, мощностью до 0.45 м. На средних участках мощность слоя равнялась 0.70—0.80 м.

Первое, что необходимо отметить при описании результатов раскопок, это исключительно бедное содержание культурного слоя. Несмотря на интенсивный черный цвет и насыщенность слоя углистыми и зольными вкраплениями, культурные остатки встречались во всех горизонтах слоя чрезвычайно редко. Исключение составляли лишь обломки пережженного камня, количество которого в некоторых участках составляло до 5—8 кг на 1 куб. м культурного слоя.

В нижних горизонтах слоя, особенно на средних участках, встречались остатки костей животных, отличающиеся очень низкой сохранностью.

Никаких остатков жилищ и других сооружений при раскопках обнаружено не было. Пережженные камни были рассеяны в слое более или менее равномерно, не образуя заметных скоплений, которые могли бы оказаться остатками разрушенных очагов.

2

Обнаруженный на селище у дер. Килино вещественный материал невелик и однообразен. Он состоит из обломков керамики, ряда каменных изделий, как то: жерновков, точильных камней и пестов, нескольких глиняных изделий — прясел для веретен и льячков, 6 железных предметов, целых и поломанных, железной крицы и, наконец, нескольких десятков сильно разрушенных костей животных.

Керамический материал селища исключительно однообразен. Он состоит из обломков грубых лепных сосудов в виде цилиндрических горшков с плоским дном, несколько расширяющимися кверху стенками и чуть суженной прямой горловиной. Посуда лишена какой-либо орнаментации; даже на обрезе венчика отсутствует обычная насечка, что говорит о позднем времени памятника, относящегося, повидимому, к VI—VIII столетиям н. э. Об этом же говорит и состав глины, отличаю-

щийся большей грубостью, чем состав глины посуды середины первого тысячелетия н. э. Поэтому поверхность стенок сосудов здесь неровна, бугриста. Примесью к глине служили зерна кварца и, повидимому, шамот.

Что касается размеров сосудов, то на основании сравнительно небольшого числа обломков трудно дать точные цифры. Судя по обломкам шеек, найденных в числе 53 и принадлежавших 30—35 сосудам, можно предполагать, что диаметр горловин горшков колебался в пределах от 15 до 30 см, а диаметр днищ не превышал 12—15 см. Что еще характерно для этой керамики, так это отсутствие у дна карнизика, обычного для посуды более ранней эпохи. Толщина стенок сосудов составляла 0.5—0.8 см, толщина дна 0.6—2.0 см.

Обращают на себя внимание обломки 5 плоских глиняных «тарелок» с приподнятыми краями. В более ранних поселениях Верхнего Поволжья посуда такого типа вовсе не известна, но она характерна для памятников конца первого тысячелетия н. э. Обнаруженные на селище у дер. Килино фрагменты принадлежат «тарелкам», диаметром от 18 до 20 см, толщиной 0.6—0.7 см, с краешками, приподнятыми на 1 см. Они также лишены какой-либо орнаментации. Отметим еще почти целую маленькую полусферическую чашечку, диаметром 3 см и высотой 2 см.

Всего, считая с обломками стенок, на селище было найдено около 300 обломков глиняной посуды.

Среди изделий из камня прежде всего обращают на себя внимание 2 больших куранта от ручных зернотерок. Один из них, совершенно целый, представляет собою округлый плоский валун, крупнозернистого камня, диаметром 18 см и толщиной 4.5 см, одна из плоских сторон которого, являющаяся рабочей частью куранта, была предварительно особым образом обработана. Второй курант, примерно таких же размеров, расколот. Большие размеры курантов указывают, что и нижние камни зернотерок были значительно крупнее тех, какие встречаются в памятниках более раннего времени.

Интересен набор пестов, служивших для раздробления каких-то относительно мягких материалов. Пестами служили продолговатые валуны прочного камня, преимущественно кремнистого известняка, один из концов которых служил рукояткой, другой — рабочей частью песта. Иногда, впрочем, оба конца пестов носят на себе следы употребления т. е. покрыты мелкими выбоинками. Размер пестов более или менее одинаков. Их длина 10—15 см. Пестов найдено 10 экземпляров.

Камни со сточенными поверхностями следует разделить на большие и малые, которые вернее будет именовать точильными камнями. Камни первого типа представляют собою плоские валуны твердых мелкозернистых пород, что отличает их от зернотерок, имеющих одну или две абсолютно плоских отшлифованных поверхности. Некоторые из камней достигали, повидимому, значительных размеров. Имеются обломки камней, площадь которых достигала не менее 20 × 30 см. Другая часть камней — это небольшие валунчики со сглаженной поверхностью, размером не более 10 × 10 см. По некоторым данным можно судить о том, что эти камни являлись курантами, т. е. ими растирали что-то на больших камнях. В качестве предположения можно считать, что ими растирали краску или какие-либо подобные материалы. Найдены обломки 2 больших камней и 3 куранта.

Точильные камни, служившие для точки железных орудий, найдены в числе 12 экземпляров, главным образом фрагментированных. Они представляют собою естественные плитки древних сланцев, одна или несколько сторон которых сильно сточены. Среди точильных камней имеется следующее: 1 совершенно целый призматический брусок из темносерого сланца, длиной 10 см, шириной 2.3 см и толщиной 1.2 см; обломки 9 брусков более крупных размеров, шириной от 3 до 5 см при толщине 3—4 см; 1 обломок еще более крупного бруска, шириной 7 см и толщиной 4 см; 1 брусок из удлиненного валунчика неправильной формы, длиной 19 см, шириной 8 см и толщиной 4 см, с двумя сточенными гранями и, наконец, мелкие обломки точильных камней разных размеров.

Особо следует отметить 2 бруска, служивших для точки острий железных игл или шильев. Это небольшие сланцевые плитки с глубоко проточенными бороздками.

Остались совершенно непонятными 4 куска очень мягкого песчаника с многими сточенными гранями, которые получились как будто бы в результате стачивания одного куска песчаника о другой. В качестве предположения их можно рассматривать как материал, из которого изготовлялась дресва для примеси к глине при изготовлении глиняной посуды.

Переходим к другим группам находок. Глиняные прясла от веретен найдены на селище в числе 9 экземпляров (шести целых, двух фрагментированных и одного незаконченного изготовлением). По форме 3 прясла являются усеченно-биконическими со сглаженными гранями, остальные — низкими цилиндрическими, также со сглаженными, закругленными гранями. Все они изготовлены из такой же глины, как и глиняная посуда; сделаны небрежно, отличаются некоторой асимметричностью.

Особого внимания заслуживает прясло, не законченное изготовлением. Оно имеет биконическую форму, не вполне отделанную поверхность и лишено отверстия, которое лишь начали проделывать с одной стороны чем-то острым. Оно, повидимому, случайно попало в огонь и подверглось некоторому обжигу.

Размеры прясел с указанием их формы указаны на табл. 15.

Глиняные льячки найдены в числе 1 целого и 2 фрагментированных. Целый льячек представляет собою овальную плоскодонную чашечку, размером 3 × 4 см и высотой 2.2 см, со стенками, толщиной 0.3 см, к одной из широких сторон которой прикреплена массивная глиняная ручка длиной 3 см, круглая в сечении, с поперечником 1.7 см и с глубоким округлым продольным отверстием, диаметром 0.5 см. Одна из узких сторон чашечки в верхней части имеет небольшой носик, облегчавший выливание расплавленного металла в литейные формы. Оба фрагментированных льячка имели, повидимому, такую же форму и такие же размеры.

Последнюю группу находок составляют изделия из железа. Они состоят из обломков: 2 небольших ножей, 1 миниатюрного наконечника стрелы, 1 большого шила, обломка маленького шила или черешка ножа и, наконец, обломка какого-то изогнутого орудия, — возможно, серпа. Все эти изделия изображены на рис. 45.

Найденная на селище железная «крица» представляет собою полусферический слиток шлакообразной массы, диаметром 10 см и толщиной в средней части 4 см.

Таблица 15

№№ по порядку	Форма	Диаметр	Толщина	Диаметр отверстия	Примечание
		в сантиметрах			
1	Округло-цилиндрическая . .	4.5	1.8	0.9	
2	То же	3.1	1	0.6	
3	» »	2.6	0.6	0.5	
4	» »	3.6	1	0.7	Фрагментировано
5	» »	3.1	1	0.6	
6	» »	2.2	0.6	0.6	
7	Биконическая	3.3	1.5	0.7	
8	»	3.2	1.2	0.7	
9	»	3.2	2	—	Незаконченное, частью фрагментированное

В заключение необходимо отметить, что при раскопках были найдены еще следующие предметы: несколько отщепов кремня, небольшой сильно патинизированный призматический нуклеус, две ножевидных пластины, скребок, изготовленный на конце массивной ножевидной пластины, эбош какого-то крупного орудия и, наконец, округлый кремень со сбитым краем, который, возможно, относится к слою селища, являясь кресалом. Что касается других кремневых изделий, то они несомненно относятся к более раннему времени и попали в культурный слой случайно.

P. TRETJAKOV

CONTRIBUTION A L'HISTOIRE DES TRIBUS DE LA HAUTE VOLGA AU 1-er MILLÉNAIRE DE NOTRE ÈRE

(Résumé)

INTRODUCTION

Le 1-er millénaire de notre ère représente une époque extrêmement importante dans l'histoire de l'Europe orientale. C'est au cours de cette période que l'ordre social primitif se désagrège, que les conditions nécessaires à l'apparition de la société de classes s'élaborent et, enfin, que les peuples modernes commencent à se former. Il est absolument indispensable d'éclairer cette époque pour comprendre les stades suivants du processus historique: périodes préféodale et féodale.

L'archéologie russe d'avant la révolution n'accordait pourtant qu'une attention minime aux monuments du 1-er millénaire. On connaissait seulement quelques cimetières de cette époque. Quant aux anciens lieux habités, ils restaient complètement inexplorés.

En même temps, les monuments du 1-er millénaire recevaient une interprétation tout à fait inexacte, vu que les archéologues russes partageaient la théorie des migrations élaborée par la linguistique indo-européenne.

De 1933 à 1937, de grands travaux archéologiques furent accomplis dans la région de la Haute Volga, à la suite desquels il devint possible de tracer le tableau du processus historique dans ce pays au cours du 1-er millénaire. Ils ont embrassé les deux rives de la Volga sur plus de 350 km, depuis l'embouchure de la Dubna (Ivaňkovo) jusqu'à celle de la Kotoroslĭ (Jaroslavl) et les rives de ses affluents, entre autres de la Mologa et de la Šeksna, dont les vallées ont été explorées sur une distance de 100—120 km à partir de l'embouchure. Ces recherches amenèrent la découverte de plus de 200 monuments de caractère et d'âge variés. On y a rencontré des restes de stations épipaléolithiques et néolithiques, des gorodistchés et sélistchés du 1-er millénaire avant notre ère et du 1-er millénaire de notre ère, enfin des lieux habités et des cimetières du 2-e millénaire. Des fouilles ont été exécutées dans plus de 25 de ces monuments sur une très large échelle. Certains d'entre eux ont été entièrement mis au jour.

Chapitre I

QUELQUES DONNÉES SUR L'HISTOIRE DU PAYS DE LA HAUTE VOLGA AVANT LE 1-ER MILLÉNAIRE DE NOTRE ÈRE

L'auteur expose brièvement l'histoire quaternaire de la vallée de la Haute Volga, notant son âge récent, postglaciaire. Il mentionne les monuments épipaléolithiques d'aspect sviderskien supérieur découverts près des villages de Sobolevo et de Skňatino et donne une carte des monuments néolithiques de la Haute Volga (fig. 1). Au Néolithique, la population était concentrée dans trois basses plaines: 1) près de la ville de Kalinin, 2) sur le cours inférieur de la Mologa et de la Šeksna, 3) sur le cours inférieur de la Kostroma. Dans toutes ces trois régions, on connaît de nombreuses localités néolithiques ainsi que des stations de l'époque du bronze. En dehors des basses terres, ces monuments sont connus aussi sur les rives des grands lacs, tels que les lacs Nero, Plesčeevo, de Galič et de Čuchloma.

A la fin du 2-e et au début du 1-er millénaire avant notre ère, les habitants de la Haute Volga émigrèrent des basses plaines dans les régions à relief élevé. Cette migration était en rapport avec des transformations survenues dans le domaine économique, à savoir avec le passage de l'économie des chasseurs-pêcheurs à celle des agriculteurs-éleveurs de bétail.

L'aspect des lieux habités se modifia bientôt aussi. A la place des localités ouvertes, la population commença à bâtir des localités entourées de murs de defense — petites forteresses connues en archéologie sous le nom de „gorodistchés". Toutes ces transformations dans le domaine de la culture des anciens habitants de la Haute Volga étaient étroitement liées aux changements dans l'ordre social, qui se traduisirent par le passage du matriarcat au patriarcat.

Les premières localités fortifiées apparurent dans la région de la Haute Volga vers le milieu du 1-er millénaire avant notre ère. Les matériaux fournis par les plus anciens gorodistchés se laissent parfaitement raccorder avec les plus anciens monuments de l'époque du bronze, prouvant ainsi l'existence d'un lien génétique entre les premiers et les seconds. Les plus anciens gorodistchés connus sont au nombre de trois: 1) près du village de Gorodišče, aux environs de la ville de Kalĭazin; 2) près du village de Gorodok, en aval de la ville de Myškin et 3) à l'embouchure de la Nerlia, en amont de Kalĭazin. Les gorodistchés de la fin du 1-er millénaire avant notre ère sont connus en toute une série d'endroits. A ce groupe appartiennent le gorodistché Toporok, celui des environs du village de Borok, etc. Leur âge se laisse déterminer avec précision grâce aux trouvailles répétées d'objets en bronze analogues à ceux des cimetières du type Pjanobor supérieur et inférieur du pays de la Kama.

Les gorodistchés du 1-er millénaire de notre ère étaient de dimensions restreintes. Les habitations y étaient bâties sur le sol. Parmi les restes archéologiques prédominent, à côté des fragments de céramique, des objets en os variés; on y rencontre aussi des instruments en pierre et en métal (fig. 5—10), ainsi que des objets de parure métalliques (fig. 11). Même les matériaux des gorodistchés les plus anciens établissent la prépondérance absolue de l'élevage sur la chasse. Le cheval et le porc étaient les principaux animaux domestiques. Les nombreuses trouvailles de meules à main témoignent de l'existence de l'agriculture.

Les gorodistchés de la Haute Volga se distinguent dans une certaine mesure de ceux du cours kostromien de la Volga par la forme des habitations et la céramique, ce qui permet apparemment de parler de l'existence de deux groupes de tribus différents. Mieux encore — les recherches accomplies ici ont montré que l'important tronçon du cours de la Volga qui va de l'embouchure de la Mologa à celle de la Kotoroslĭ et se trouve compris entre ces deux groupes de tribus est resté inhabité à cette époque.

Chapitre II

LA RÉGION DE LA HAUTE VOLGA AU DÉBUT DU 1-er MILLÉNAIRE DE NOTRE ÈRE

L'auteur donne une carte des lieux habités des premiers siècles de notre ère (fig. 7), dont quelques-uns ont été étudiés à l'aide de fouilles. L'examen de tous ces monuments et leur classification chronologique permettent de tirer les conclusions suivantes: 1) Les monuments des premiers siècles de notre ère représentent dans la majorité des cas des restes de localités fortifiées. Beaucoup d'entre eux remontent à des temps plus reculés (1-er millénaire avant notre ère). 2) Toutefois à partir du II—III siècle commencent à apparaître aussi des localités ouvertes, dont les restes sont connus dans la littérature archéologique sous le nom de „sélistchés". 3) Les uns comme les autres étaient disposés sur les rives de la Volga et de ses affluents en groupes compacts de 2 à 4 localités, ce qui est certainement un reste de leur groupement par clans et par conséquent dénote l'existence dans le passé de territoires de clan. L'auteur donne des exemples ethnographiques à l'appui. 4) Chaque localité appartenait à une communauté patriarcale déterminée, dont l'économie primitive, mais en même temps multiforme, avait un caractère collectif. Les principales branches de la production étaient l'élevage du bétail et l'agriculture sur terres défrichées. La chasse et la pêche existaient aussi. On a rencontré presque dans chaque gorodistché et sélistché des vestiges de travail du fer et de fonte du cuivre, ce qui dénote l'absence d'une division sociale du travail. Les relations commerciales étaient extrêmement peu développées à cette époque, aussi bien entre localités qu'entre régions éloignées.

Pour terminer, l'auteur signale encore une fois certaines différences existant entre la population de la Haute Volga et celle du cours kostromien de la Volga.

Chapitre III

UN GORODISTCHÉ DU IV—V SIÈCLE SUR LA RIVIÈRE SONOCHTA

En 1903 A. Spicin a découvert un gorodistché du IV—V siècle à l'embouchure de la rivière Sonochta, qui se jette dans la Volga à 20 km en aval de Rybinsk. Cette localité a été détruite par un incendie, grâce à quoi sa couche archéologique a conservé un riche matériel ainsi que des restes de constructions brûlées. Le monument a été étudié à fond à l'aide de fouilles qui ont exploré une surface de plus de 2000 m².

Le gorodistché était bâti sur une petite éminence de la terrasse alluviale de la Sonochta (fig. 19 et 20). Sa surface en forme de triangle irrégulier était entourée d'une muraille en bois et d'ouvrages de défense en terre. Au centre s'élevait une maison de bois (5 × 8 m), qui était apparemment un local public (fig. 24). Autour d'elle étaient disposées 6 habitations représentant de petites maisons en poutres (3 × 5.4 × 6 m) avec foyers près des murs postérieurs. Le côté gauche de chaque maison était réservé aux hommes; là étaient réunis les haches, les flèches, les engins de pêche, le harnachement, etc. Le côté droit appartenait aux femmes; on y a trouvé lors des fouilles de la poterie de terre cuite, des couteaux, etc.

Près de la maison centrale se trouvait une petite construction sans foyer qui servait de magasin à grains et de moulin. On a découvert ici des meules à main. A côté était une forge sous forme d'un solide hangar avec un énorme foyer au milieu (fig. 29). Là on a recueilli, outre une quantité de morceaux et fragments de fer, plusieurs dizaines de lingots de fer fondus par soufflage.

En face de la maison centrale s'élevait un autre hangar avec un petit foyer à un de ses angles. Comme le précédent, il était probablement entouré de légers murs de clayonnage. Cette construction était un lieu de travaux féminins, comme l'atteste la trouvaille ici de nombreuses quenouilles en argile, de poinçons en fer, d'une aiguille et de pierres servant de fers à repasser.

La dernière des constructions était une maisonnette funéraire, qui donne une image très nette du rituel mortuaire pratiqué par la population. Lorsqu'un habitant de la localité mourait, on le brûlait quelque part ailleurs, puis on recueillait les os calcinés pour les déposer ensuite dans cette maisonnette de bois (2.25 × 2.25), qui était située vis-à-vis de la maison commune. Les fouilles de ces restes ont mis au jour quantité d'os humains calcinés appartenant à des adultes et à des enfants, à des hommes et à des femmes, ainsi que 5 haches-celta en fer, des couteaux, des pointes de flèche, des boucles et objets de parure en fer et en bronze (fig. 31).

L'admirable état de conservation et la richesse de ces restes (les objets en os seuls ne se sont pas conservés) permettent de se représenter de visu l'aspect de la localité sur la Sonochta (fig. 32), qui répétait certainement toutes les autres localités de la Haute Volga à la première moitié du 1-er millénaire. Le matériel fourni par les fouilles et reproduit sur les fig. 33—38, 66 et 70—72 donne une idée complète de la vie et de l'activité de la population. Le gorodistché sur la Sonochta se laisse dater tout à fait exactement du IV—V siècle grâce à la trouvaille d'objets émaillés, d'objets du type de ceux des cimetières de Riazan et d'une fibule caractéristique en forme d'arbalète probablement originaire du sud de la région Baltique (fig. 37).

Chapitre IV

LA RÉGION DE LA HAUTE VOLGA AU MILIEU ET DANS LA SECONDE MOITIÉ DU 1-er MILLÉNAIRE DE NOTRE ÈRE

L'auteur examine ici plusieurs monuments synchroniques de celui qui vient d'être décrit sur la Sonochta et d'autres plus récents. Vers le milieu du 1-er millénaire, la localité ouverte dépourvue de fortifications devient la forme d'habitat dominante. Simultanément avec la forme se modifie aussi la disposition des localités — elles cessent d'être groupées, comme on le voit sur la carte (fig. 7). Tout cela accuse des changements dans la vie intérieure des localités de la Haute Volga à partir du milieu du 1-er millénaire, en connexion avec le processus de destruction de l'ancien ordre social basé sur le clan patriarcal. C'est à cette époque, semble-t-il, que les territoires de clan commencèrent à disparaître. L'accroissement considérable en dimensions des localités (de 3—4 fois) atteste qu'aux VII—VIII siècles, elles ne sont plus le séjour d'une communauté patriarcale unique comme autrefois.

D'importantes fouilles ont été exécutées dans une localité du IV—V siècle près de la maison de repos de Krasnij Cholm (fig. 39—42), une du V—VI siècle à l'embouchure de la rivière Iti, près du village d'Ustje (fig. 43—44) et une du VII—VIII siècle aux environs du village de Kilino (fig. 45). Elles ont permis de tracer un tableau plus concret du processus historique du milieu et de la seconde moitié du 1-er millénaire, dont certains traits ont été indiqués plus haut.

L'apparition de la division sociale du travail a joué un grand rôle dans ce processus. Si dans le passé les habitants de toutes les localités travaillaient, par exemple, le fer et le cuivre pour s'en faire des instruments et des objets de parure, à partir du milieu du 1-er millénaire il existe dans certaines localités une production en masse ayant en vue non seulement la satisfaction des besoins intérieurs, mais aussi l'échange. Les habitants du gorodistché sur la Sonochta travaillaient le fer en grand. Dans le sélistché des environs de Krasnij Cholm, on a rencontré de nombreux vestiges du travail du cuivre. La population

de quelques autres localités, par contre, intervenait en qualité de consommateurs.

Un second trait essentiel de l'époque fut l'apparition du labourage sur vieilles terres, qui remplaça l'ancienne agriculture sur terres défrichées, comme en témoignent non seulement l'accroissement des localités et les changements survenus dans l'élevage du bétail, qui dénotent l'utilisation de la force chevaline en agriculture, mais aussi la variation de la forme et des dimensions des instruments ayant trait à l'agriculture, en particulier l'apparition de très grosses meules à main. Le passage au labourage donna naissance au type d'économie parcellaire. Le développement du commerce avec les régions voisines et plus éloignées joua aussi un certain rôle dans le processus historique; on s'en rend compte par les nombreux objets importés, tels qu'objets émaillés provenant du cours moyen du Dniepr, objets originaires de la région du cours moyen de l'Oka, etc. (fig. 46).

L'évolution du rite funéraire reflète tout aussi bien la désintégration de la société de clan. Au lieu des places d'enterrement de tout un clan, connues d'après la „maisonnette des morts" de Berezniaki, nous voyons depuis le VI siècle de notre ère dans la région de la Haute Volga des monuments funéraires en forme de kourganes allongés; ils sont connus dans la région du Haut Dniepr et de la Haute Dvina et appartiennent, d'après les investigations récentes, à la tribu slave des Criviči. C'est ce qui nous démontre que les habitants préhistoriques de la région de la Haute Volga, aussi bien que ceux de la région du Dniepr, étaient les ancêtres des Slaves orientaux.

Au IX—X siècles nous avons, au lieu de kourganes allongés contenant plusieurs sépultures à crémation des monuments funéraires individuels; ce sont des kourganes ronds où sont enterrés les restes d'une personne (même rite de crémation).

Chapitre V

QUELQUES DONNÉES SUR LA POPULATION DE LA RÉGION DES LACS NERO ET PLEŠČEEVO AU MILIEU ET DANS LA SECONDE MOITIÉ DU 1-ER MILLÉNAIRE

Les différences signalées plus haut dans le caractère de la culture entre le pays de la Haute Volga et les régions voisines des lacs Nero et Pleščeevo et du cours kostromien de la Volga apparaissent aussi d'une manière parfaitement nette dans les monuments du milieu et de la seconde moitié du 1-er millénaire. L'existence ici de deux groupes de tribus différents est attestée par les faits suivants: 1) dans la première région, les maisons sont construites sur le sol, dans la seconde les habitations sont à demi souterraines; 2) dans la première région, on pratiquait l'incinération des morts; dans la seconde ils étaient inhumés, tout comme sur l'Oka, la moyenne Volga et la Kama. On connaît aujourd'hui sur le lac Nero, le cours kostromien de la Volga et le cours supérieur de la Kliazma plusieurs cimetières à tombes plates, dont le plus remarquable est celui près du gorodistché de Sarskoe aux environs du village de Diabol, qui se rapporte aux VIII—X siècles (fig. 51—53); 3) on constate certaines différences dans le type de la céramique, les objets de parure, etc.

Les habitants de la première région appartenaient, comme nous le savons déjà, à la branche orientale des Criviči; la seconde était habitée par des tribus mériennes, apparentées au tribus finnoises orientales de la région de la Volga.

Toutefois, les traits fondamentaux du processus historique sont les mêmes dans l'une et l'autre régions. L'auteur analyse en détail le matériel fourni par le gorodistché de Sarskoe (fig. 49—50), qui fut la première ville d'artisans, dont l'apparition est due au développement progressif de la division sociale du travail et à la séparation croissante entre les métiers et l'agriculture. Il communique aussi quelques données sur certains autres monuments de cette région, bien plus mal étudiée que la précédente, vu l'absence ici de travaux archéologiques importants durant les dernières années.

MATÉRIAUX

Dans la seconde partie de son livre, l'auteur publie les matériaux fournis par les fouilles des monuments de la Haute Volga effectuées par lui en 1933—1936.

I. Résultats de l'exploration du gorodistché situé près du village de Gorodišče aux environs de la ville de Kaliazin

Le gorodistché, qui se trouve sur un cap de la haute rive gauche de la Volga entre deux profonds ravins, est défendu par deux vallum. Il occupe une surface de 1500 m² environ. Ce monument est intéressant du fait que la couche archéologique, dont la puissance atteint près de 3 m en certains endroits, renferme des restes de culture de différentes époques allant du milieu du 1-er millénaire avant notre ère aux III—IV siècles de notre ère. Les couches supérieures du gorodistché

ont été malheureusement détériorées par un cimetière, qui existait ici aux XVII—XVIII siècles. De petites fouilles y ont été accomplies en 1935. Elles ont fourni un matériel extrêmement abondant reproduit sur les fig. 5, 6 et 16. Le plan du gorodistché et la coupe de sa couche archéologique sont donnés sur les fig. 4 et 55.

II. Résultats de l'exploration du gorodistché situé près du village de Gorodok

Le gorodistché occupe un cap allongé formé par la haute rive droite de la Volga à l'embouchure du ruisseau Gorodecky. Sa plateforme est bornée du côté du plateau par deux fossés. Ses bords sont fortement affouillés par les eaux du fleuve, de sorte qu'il ne s'est conservé qu'en partie. Sa couche archéologique, qui a de 0.30 à 0.50 m d'épaisseur, a été entièrement explorée en 1936. Dans les niveaux inférieurs, on a rencontré des restes datant du milieu du 1-er millénaire avant notre ère et dans les niveaux supérieurs des objets se rapportant à la fin de ce millénaire. Une partie des objets trouvés est représentée sur les fig. 9 et 10. La fig. 8 donne le plan du gorodistché.

III. Fouilles du sélistché situé près de Vladimirskie Chutora sur la Mologa

La localité ancienne découverte sur la rive droite de la Mologa, à 45—50 km de son embouchure, était située sur le bord de la première terrasse, aujourd'hui fortement sapée par les eaux printanières. La couche archéologique, dont la puissance est de 0.20—0.30 m, a été fouillée en 1936. Elle n'a livré qu'une quantité minime d'objets, principalement de la céramique des premiers siècles de notre ère (fig. 56).

IV. Exploration du gorodistché Kruglecy près du village d'Ochotin

En 1933, on a découvert sur la rive droite de la Volga près du village d'Ochotin, à 2—2.5 km en aval de la ville de Myškin, quelques vestiges d'un gorodistché tout à fait détruit par la Volga (fig. 57). Ces restes, dont la surface ne dépasse pas 10 m², ont été dégagés en 1936. On a reconnu ici l'emplacement d'un gorodistché des premiers siècles de notre ère. On y a trouvé de la céramique caractéristique et quelques objets en fer (fig. 12).

V. Résultats de l'exploration du gorodistché situé à l'embouchure du ruisseau Grechov

Le gorodistché est situé sur un cap de la haute rive droite de la Volga, au débouché du ruisseau Grechov, à 7 km en amont de la ville d'Uglič. Sa plateforme est presque entièrement détruite par les eaux du fleuve. Du côté du plateau, on aperçoit des restes de deux vallum et d'un fossé. Toute la partie subsistante de la plateforme a été fouillée en 1935. On y a découvert des vestiges d'un mur en bois incendié bordant le gorodistché et de creux laissés par des piliers de constructions bâties sur le sol. La couche archéologique, qui avait de 0.50 à 0.80 m de puissance, a fourni des objets datant des II—IV siècles. Dans le niveau supérieur, on a découvert une grande boucle en bronze incrustée d'émail rouge (fig. 13 et 14). La fig. 58 donne le plan du gorodistché. Le plan et la coupe de la fouille sont représentés sur les fig. 59 et 60.

VI. Exploration du gorodistché situé à l'embouchure de la Sonochta

L'auteur décrit en détail les fouilles et le matériel récolté dans ce gorodistché, dont les données essentielles ont été exposées au chapitre III. Les fouilles accomplies en 1934 et 1935 ont embrassé toute la surface du monument. Sa couche archéologique ne dépassait pas 0.35 m d'épaisseur. Il subsistait des restes d'habitation sous forme de poutres brûlées, de creux laissés par les piliers, de foyers en pierre détruits et de vestiges du mur de bois entourant le gorodistché sous forme de poutres carbonisées. On a pu reconstituer le caractère des ouvrages de défense en terre grâce à l'état de conservation satisfaisant des restes du clayonnage qui les soutenait. Les fig. 19—22 donnent une vue du gorodistché et son plan. Les fig. 23—27, 29—31 et 61—65 représentent les restes des différentes constructions. Les objets trouvés sont reproduits sur les fig. 28, 33—38, 66 et 70—72; leur position sur la surface du gorodistché est indiquée sur les fig. 67—69.

VII. Exploration du sélistché situé près du village d'Ustje

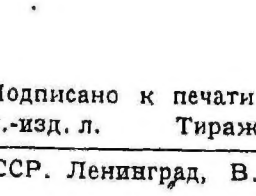
En 1934, des fouilles ont été effectuées dans un ancien sélistché situé sur la rive gauche de la Volga à l'embouchure de l'Iť, près du village d'Ustje

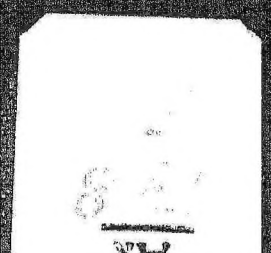
(à 12 km en amont de Jaroslavl). Il était bâti sur une petite éminence s'élevant sur la terrasse d'inondation de la Volga. Il a été fortement sapé par les eaux du fleuve, de sorte qu'il n'en subsiste presque rien aujourd'hui. Les fouilles ont mis au jour une couche archéologique ayant jusqu'à 0.80 m de puissance, qui recouvrait des restes d'une maison en bois détruite par le feu avec foyer creusé dans le sol.

D'après les objets trouvés, le sélistché se rapporte aux V—VI siècles de notre ère (fig. 43—44).

VIII. Exploration du sélistché situé près du village de Kilino

En 1936, on a étudié les restes d'une localité située sur la rive droite de la Volga, près du village de Kilino, à 20—25 km en aval de la ville de Myškin. Elle était bâtie sur le bord de la rive peu élevée du fleuve, intensivement affouillée aux hautes eaux, et s'étendait sur 0.5 km environ en longueur. Sa couche archéologique, d'une puissance de 0.50—0.80 m, a fourni un matériel assez pauvre pouvant être daté du VII—VIII siècles (fig. 45).



Редактор издательства К. Кузнецов. Подписано к печати 19/IV 1941 г. Рисо № 1134—501. М 55259. Объем 19¼ печ. л. 17,38 уч.-изд. л. Тираж 1000 экз. Цена книги 13 руб.

Типо-литография Изд-ва Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, 12. Заказ № 1134